

Д. В. ОЗНОБИШИН

ОТ БРЕСТА ДО ЮРЬЕВА

1 XIII А-8093

Д. В. ОЗНОБИШИН

ОТ БРЕСТА ДО ЮРЬЕВА

Из истории внешней политики Советской власти 1917–1920 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1966

Ответственный редактор

Д. А. ЧУГАЕВ

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
36626

1—11—2
46—66

«Мы завоевываем мир в международном масштабе и завоевываем не пушками, а симпатиями...».

(В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 126).

ВВЕДЕНИЕ

После Октябрьской революции вопрос о мире был одним из главных. Свое первое выступление на II Всероссийском съезде Советов, провозгласившем Советскую власть в России, В. И. Ленин посвятил именно миру, декрету о мире.

Мирная политика Советской власти, которую она проводила и проводит ныне,— ленинская политика. Именно В. И. Ленин был автором многих внешнеполитических актов Советского государства. Не случайно, что внимание исследователей привлекли воспоминания народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина. Эти воспоминания, написанные в апреле 1924 г., начинались словами: «Еще не настало время изложить в виде стройной системы внешнюю политику Владимира Ильича». Поясняя эту мысль, Чичерин писал о ленинской внешней политике: «Ее стройность и цельность были в его голове. Свои взгляды в этой области он излагал в бесчисленных конкретных случаях. Лишь несколько общих принципов, лишь некоторые основные концепции внешней политики излагались им в общей форме. Только впоследствии, когда все материалы по нашей внешней политике за период, когда В. И. Ленин руководил делами, будут собраны и систематизированы и когда целый ряд вопросов наших дней отойдет в историю, можно будет восстановить в стройную систему внешнюю политику Советской республики, как ее понимал Владимир Ильич» [1].

---

[1] Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика.— «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 20—25.

Серьезная систематизация материалов по вопросам внешней политики Советского государства была развернута после того, как была создана Комиссия по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР. В 1957 г. комиссия предприняла издание первого тома серии «Документы внешней политики СССР»[2]. Систематизация материалов ленинского периода в этом издании была завершена в 1961 г., когда вышли в свет первые пять томов серии[3]. Публикация документов и материалов сопровождалась отбором фактов, характеризующих деятельность В. И. Ленина в области внешней политики. Серьезную работу по периоду 1917—1920 гг. выполнил М. И. Труш, составив хронику внешнеполитической деятельности В. И. Ленина[4]. Достоинство этой работы состоит в том, что автор не ограничился только перечнем фактов, а дал теоретическое обобщение основ внешней политики Советского государства в указанный период. Важные теоретические обобщения об основах советской мирной политики содержатся в статьях, опубликованных в журналах «Коммунист» и «Международная жизнь»[5].

На протяжении многих лет В. И. Ленин, его соратники и последователи в упорной борьбе с «левыми» коммунистами и явными врагами мира отстаивали принципы сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. Как справедливо заметил в 1963 г. В. Г. Трухановский, этот аспект «еще не привлек к себе

---

[2] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957. Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР: А. А. Громыко (председатель), В. М. Хвостов (заместитель председателя), И. Н. Земсков (ученый секретарь), Г. А. Белов, Е. М. Жуков, С. М. Майоров, А. А. Новосельский, Б. Ф. Подцероб, М. А. Сиволобов, П. Н. Третьяков, М. А. Харламов. В работе по подготовке к изданию второго тома серии участие принимал и автор настоящей книги.— *Ред.*

[3] Указанные тома охватывают период с 7 ноября 1917 г. по 19 ноября 1922 г. Обзор этих томов см.: В. Зорин, В. Исраэлян, Ш. Санакоев. Ленинский курс внешней политики.— «Коммунист», 1963, № 4, стр. 27—37.

[4] М. И. Труш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963.

[5] «Советская внешняя политика и общественный прогресс».— «Коммунист», 1965, № 12, стр. 3—12; А. Советов. Советский Союз и современные международные отношения.— «Международная жизнь», 1966, № 1, стр. 3—12; В. Исраэлян, А. Степанов. Антиимпериалистический фронт и советская дипломатия.— Там же, стр. 13—22.

должного внимания историков-исследователей»[6]. Но уже в последнее время появились две работы, положившие начало серьезному изучению истории борьбы партии за мир[7]. История внешней политики Советской власти после аннулирования Брестского мирного договора и усиления интервенции Антанты в связи с окончанием первой мировой войны не получила в литературе достаточного освещения, если не считать отдельных исследований о политике империалистов. К таким исследованиям относятся книги А. В. Березкина, А. В. Гулыги, А. И. Геронимус, А. Е. Куниной, Б. Е. Штейна[8]. Вопрос о мирной политике Советской власти в 1917—1920 гг. не получил достаточного развития и в лекциях Г. А. Деборина, Ф. Г. Зуева и И. Ф. Ивашина[9]. В новом издании «Истории дипломатии» в этом отношении сделан значительный шаг вперед.

Но при этом нельзя забывать, что деятельность ЦК партии большевиков и Советского правительства опиралась на волю масс, которая выражалась в решениях их организаций, в первую очередь таких, как Советы. ЦК РКП(б), ЦИК и Совнарком изучали политическую борьбу за мир в Советах, среди избирателей, учитывали ее в своей деятельности. Однако в литературе, особенно в многочисленных брошюрах и статьях, эта борьба не раскрыта[10]. Лишь

---

[6] В. Г. Трухановский. Принцип мирного сосуществования и его буржуазные критики.— «Вопросы истории», 1963, № 7, стр. 64.

[7] К. Варламов, Н. Сломихин. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики «левых» коммунистов (ноябрь 1917 г.— 1918 г.). М., 1964; П. И. Соболева. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира (ноябрь 1917—1918 гг.). М., 1965.

[8] Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949; А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М., 1952; А. Гулыга, А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США (1918—1920 гг.). М., 1952; А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954; Г. К. Селезнев. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917—1918 г.). М., 1965.

[9] Г. А. Деборин. Советская внешняя политика в первые годы существования Советского государства. 1917—1920 гг. М., 1951; И. Ф. Ивашин, Ф. Г. Зуев. Международные отношения в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Внешняя политика Советского государства в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1955.

[10] Г. М. Конопелько. Борьба Коммунистической партии и Советского государства за мир в первый период Советской вла-

весьма предварительно этого вопроса коснулся Б. Ф. Багаев [11].

Серьезный анализ отдельных аспектов советской мирной политики в связи с политикой других государств был дан в работах А. О. Чубарьяна, исследовавшего позицию стран Антанты в период Брестского мира [12], а также А. А. Ахтамзяна [13] о политике германских империалистов в тот же период. Освещение внутриполитической борьбы за мир в России, особенно в Советах, не было основной задачей этих исследований. Не ставил такой задачи перед собой и И. К. Кобляков [14]. В работах В. А. Валькова [15] и В. К. Фураева [16] показана политика Советского правительства только в отношении США. Позиция Советов в них не прослеживается. Более всесторонне эта политика освещена в книге «Советская Россия и капиталистический мир» [17]. Однако многие источники авторам указанной книги были неизвестны.

сти (ноябрь 1917—март 1918 г.). М., 1958; М. М. Неелов. Борьба большевиков за мир (октябрь 1917 — март 1918 г.). Омск, 1958; А. Фомичев. Борьба Коммунистической партии за демократический мир и выход из империалистической войны в первые месяцы пролетарской диктатуры.— «Ученые записки Псковского педагогического института им. С. М. Кирова», вып. 6, Псков. 1958, стр. 31—76; Р. И. Маркова. Борьба В. И. Ленина с троцкистами и «левыми» коммунистами в период Бреста.— «Вопросы истории КПСС», 1959, № 5, стр. 51—69; А. Богомолов. В. И. Ленин и внешняя политика Советского государства.— «История СССР», 1960, № 2, стр. 46—60; А. С. Дремов. В. И. Ленин во главе борьбы Коммунистической партии и Советского правительства за мир (октябрь 1917 — март 1918 г.).— «Труды 1-го Московского медицинского института», т. 12. М., 1961, стр. 73—122; И. Д. Красильников. Из истории борьбы большевистской партии во главе с В. И. Лениным за мир.— «Ученые записки кафедр истории КПСС», вып. 4. М., 1964, стр. 116—144.

[11] Б. Ф. Багаев. Борьба большевиков за ратификацию Брестского мира в местных Советах (февраль — март 1918 г.).— «Научные записки Ленинградского финансово-экономического института», вып. 18. Л., 1957, стр. 29—57.

[12] А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964.

[13] А. А. Ахтамзян. От Бреста до Киля. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963.

[14] И. К. Кобляков. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М., 1954.

[15] В. А. Вальков. СССР и США (Их политические и экономические отношения). М., 1965.

[16] В. К. Фураев. Советско-американские отношения 1917—1939. М., 1964.

[17] «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.» М., 1957.

В предлагаемой вниманию читателя книге автор поставил задачу показать политическую борьбу в Советах за мир и мирное сосуществование государств с различным социально-политическим строем. Книга не претендует на исчерпывающую полноту освещения истории внешней политики Советов. Вместе с тем она не является историей советской дипломатии в узком смысле слова. В ней освещаются основные моменты внешней политики Советов в период Бреста и основные, вытекающие из этой политики внешнеполитические шаги Советского правительства в период от аннулирования Брестского договора до мира с Эстонией в Юрьеве.

Для исследования темы автор использовал архивные источники, в частности телеграммы местных Советов и других организаций, полученные Центральным Исполнительным Комитетом Советов (ЦИК) и Советом Народных Комиссаров (СНК) на их запрос об отношении Советов к миру. В периодическую печать 1918 г. попала лишь часть этих телеграмм, а в юбилейные публикации 1957 г. включались лишь те из них, которые содержали положительные ответы [18]. В данной работе сделана попытка проанализировать все ответы Советов, установить определенные закономерности хода всенародного опроса.

Для воссоздания живой картины политической борьбы в местных Советах впервые были привлечены также материалы многочисленных губернских и уездных советских газет, комплекты которых сохранились в библиотеках Москвы и Ленинграда, а также центральная и местная партийная пресса. На основе выявленных источников удалось восстановить ход всенародного опроса и обосновать «своды» итогов этого опроса, составленные В. И. Лениным накануне VII съезда РКП(б) и опубликованные в 1929 и 1959 гг. [19]

Чтобы показать борьбу за мир в центральных органах Советской власти и большевистской партии, на съездах партии и Советов, автор подверг комплексному изучению такие источники, как статьи, речи, документы В. И. Ленина, протоколы ЦК РКП(б), ЦИК и Совнаркома, стенографические отчеты съездов. Для изучения внешнеполитиче-

---

[18] «Великая Октябрьская социалистическая революция. Библиографический указатель документальных публикаций». М., 1961.

[19] «Ленинский сборник», XI, стр. 59—60; XXXVI, стр. 30.

ской деятельности В. И. Ленина громадный интерес представляет его переписка, вошедшая в 50-й том Полного собрания сочинений, изданного в 1965 г. Здесь имеются письма, относящиеся к 1917 и 1918 гг., не публиковавшиеся прежде на русском языке: Международной ассоциации по информированию рабочей печати Америки, Франции и Англии, Артуру Гендерсону. Письмо В. И. Ленина А. А. Иоффе в Берлин от 18 октября 1918 г., не публиковавшееся прежде, содержит важные указания о характере дипломатической деятельности Советского правительства после усиления интервенции Антанты. Интереснейший документ — письмо В. И. Ленина Г. В. Чичерину и М. М. Литвинову с указаниями относительно методов разоблачения «политической игры» империалистов вокруг вопросов мира. Этот документ был опубликован впервые в 1965 г. Протоколы Совнаркома (а с января по март 1918 г. и ЦИК), как известно, до сих пор не опубликованы. Особый интерес представляет протокол заседания СНК от 19 февраля 1918 г., отразивший ход обсуждения и результаты голосования по вопросу о принятии первого немецкого ультиматума. Представляют интерес и воспоминания бывшего члена ЦИК от левых эсеров Б. Ф. Малкина [20] и депутата Петроградского Совета Л. Ступоченко [21]. Они дополняют документальные сведения о борьбе в ЦИК и Петроградском Совете перед принятием общих условий Брестского договора. Важный материал для характеристики мирных переговоров в Бресте содержится в воспоминаниях военного консультанта советской делегации первого состава Д. Г. Фокке [22]. Особую ценность представляют свидетельства Л. М. Карахана [23], а также отчет руководителя группы военных консультантов адмирала В. М. Альтфатера, обнаруженный в фонде Народного комиссариата по морским делам. Представление о положении на фронте дают недавно опубликованные воспоминания Н. В. Крыленко [24].

---

[20] Б. Малкин. Владимир Ильич и Брестский мир.— «Комсомольская правда», 6 марта 1928 г.

[21] Л. Ступоченко. В брестские дни. Воспоминания. М., 1926.

[22] Д. Г. Фокке. Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров.— «Архив русской революции», XX. Берлин, 1930.

[23] «Красная газета», 15 февраля 1918 г.

[24] Н. Крыленко. Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, 12.

Для восстановления картины напряженной политической борьбы вокруг мира были привлечены материалы о деятельности ЦК меньшевиков и ЦК эсеров. В этих документах, равно как и в статьях из бюллетеней и газет, в обращениях к местным организациям этих партий содержится фактический материал об активной борьбе меньшевиков и эсеров против Брестского мира, за захват власти в стране. Наглядной иллюстрацией к деятельности мелкобуржуазных партий против мирной политики Советской власти была также дискуссия на IV Всероссийском съезде Советов. Все представители этих партий и примыкавших к ним партийных групп выступили против ратификации Брестского договора, получив при этом сокрушительный отпор от большинства делегатов съезда, которые пошли за большевиками [25].

Исследование советской мирной политики после Бреста проведено по документам Архива внешней политики СССР, бóльшая часть которых была отобрана, прокомментирована и опубликована при участии автора во втором томе серии «Документы внешней политики СССР». Другая часть документов, связанных с подготовкой дипломатических акций Советского правительства, была опубликована впервые автором в 1960 г. [26] Среди них — группа документов, приложенных к отчету руководителя советской дипломатической миссии в Стокгольме В. В. Воровского (из фонда Совнаркома); материалы Копенгагенской миссии М. М. Литвинова (из фонда Референтуры по Дании); документы Г. В. Чичерина (из фонда Народного комиссариата по иностранным делам). Документы М. М. Литвинова существенно дополняют его воспоминания, записанные И. М. Майским [27]. В этих же фондах найдены ценные источники, относящиеся к миссиям Буллита, Буклера, О'Грэди, Пухерта, которые выполняли в разное время неофициальные, полуофициальные и официальные поручения в переговорах Антанты с Советской Россией о мире, о снятии блокады, об обмене военнопленными.

---

[25] «Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов». М., 1918.

[26] «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.» М., 1960, стр. 619—661.

[27] И. М. Майский. Англо-советское торговое соглашение 1921 года.— «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 60, прим. 8.

Особую ценность для нашей работы представляют незаслуженно забытые воспоминания выдающегося советского дипломата Г. В. Чичерина [28]. Содержащиеся в них фактические сведения и обобщения о принципах ленинской мирной политики помогают воссоздать историю деятельности В. И. Ленина — руководителя и вдохновителя мирной политики Советов. Они помогают понять, что ленинская внешняя политика была подчинена интересам революционной борьбы за укрепление Советской власти в России — оплота трудящихся всего мира. В этой связи особое значение имеет выяснение принципов этой политики, в частности принципа мирного сосуществования стран с противоположными социально-политическими и экономическими системами.

В книге использованы другие исторические документы, найденные в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), в Архиве внешней политики СССР (АВП СССР), в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде (ЦГИА СССР), в Центральном государственном архиве военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ), в Ленинградском областном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ГАОРСС ЛО).

---

[28] Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика.— «Вопросы истории», 1957, № 3; он же. О В. И. Ленине.— «О Владимире Ильиче». Л., 1924.

В. И. ЛЕНИН

Глава первая

БОРЬБА ЗА ВСЕОБЩИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР

Мир — воля Советов

Декрет о мире, принятый на II Всероссийском съезде Советов, был отражением воли подавляющего большинства трудящихся масс, представленных на съезде делегатами. Об этом прежде всего свидетельствуют материалы о подготовке к съезду и выборах делегатов.

Большевики свой курс на вооруженное восстание связывали с необходимостью разъяснения широким массам опасности затягивания империалистической войны для самой жизни трудящихся, с необходимостью практического выхода из этой войны. В резолюции VI съезда партии большевиков «Текущий момент и война» указывалось, что империалисты больше всего опасались развития революции в России потому, что это грозило революционными выступлениями трудящихся против войны и империализма в других странах[1]. Большевики обращали внимание на то, что такая связь революционных событий в России с ходом мировой войны обусловливала открытую поддержку империалистами Антанты российских контрреволюционеров, финансирование их, вмешательство во внутренние дела России. Резолюция съезда разоблачала предательскую роль меньшевиков и эсеров, которые помогали буржуазии продолжать войну «до победного конца», строить новые военные планы. VI съезд партии поставил борьбу за всеобщий демократический мир в тесную связь с задачей завоевания

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 372.

и укрепления пролетариатом государственной власти, с оказанием «всяческой (вплоть до вооруженной) поддержки» революционным борцам всего мира со стороны той власти, «которая первая осуществит диктатуру пролетариев и полупролетариев». Съезд указал, что «такая задача станет на очередь перед Россией», если «новый неизбежный подъем русской революции поставит у власти рабочих и беднейших крестьян раньше переворота в капиталистических странах Запада» [2].

После провала летнего наступления 1917 г. на русско-германском фронте меньшевики и эсеры энергично содействовали подготовке новой наступательной операции на весну 1918 г. О подготовке этой «кампании» в кругах Временного правительства осенью 1917 г. заявляли «доверительно», но ясно. Министр иностранных дел М. И. Терещенко в секретной телеграмме дипломатическим представителям в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токио и Стокгольме 7 сентября писал, что «линия, принятая в отношении военных мер», после провала указанного летнего наступления «нисколько не изменилась». Терещенко цинично признавал, что правительство пошло тогда на военную авантюру, не веря в успех дела, только для того, чтобы нарушить «состояние фактического, установившегося на фронте после революции (Февральской.— *Д. О.*) перемирия, опасного для военных расчетов союзников». Больше того, это состояние Терещенко называл «губительным». Он не мог не признать, что «услуга» союзникам была оказана правительством ценой «великих жертв». Спасение «дела союзников» Терещенко видел в подготовке новых военных авантюр. «В настоящее время,— писал он,— несмотря на все внутренние трудности, мы в состоянии продолжать удерживать на нашем фронте силы противника до того времени, когда будет реорганизована армия». Эту реорганизацию Временное правительство рассчитывало провести «в течение зимы», чтобы создать к весне «боеспособную армию» [3].

Не позднее 1 октября 1917 г. в Ставке была подготовлена детальная «Программа мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г.» Эту программу подписал генерал Н. Н. Духонин. Как видно из доклада Ду-

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 373—374.

[3] «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 94.

хонина, написанного несколько дней спустя, Временному правительству не удавалось осуществить этот план. Духонин писал, что любые меры по реорганизации армии или, иными словами, «попытки резко вывести массу из ее современного психологического состояния» приводят «к еще более обостряемым положениям, к еще более диким эксцессам между солдатами и командным составом» [4]. И тем не менее Духонин не видел возможности принять программу мира потому, что это не соответствовало «интересам союзников». «В современном общеполитическом положении, создавшемся ныне для России,— писал он,— я не могу допустить мысли о мире». И Духонин предлагал распустить старую армию, а в процессе роспуска сформировать новую «народную» на базе ударных и прочих контрреволюционных отборных батальонов. Керенский, приехавший в Ставку для обсуждения плана продолжения войны, написал на докладе Духонина: «Утверждаю» [5].

Российская буржуазия при поддержке соглашателей — меньшевиков и эсеров — судорожно цеплялась за войну как за средство отвлечения масс от революции, видя в этом способ удержаться у власти. За пять дней до потери власти Временное правительство рассмотрело и утвердило еще один план — план интенсивной идеологической обработки русских солдат с помощью американцев. Этот план был составлен руководителем русского центра Американского союза молодых христиан Дж. Дэвисом 17 октября и принят правительством 20 октября 1917 г. в том самом Малахитовом зале Зимнего дворца, в котором его через пять дней арестовали. 300 американских инструкторов должны были по этому плану в короткий срок открыть по всей стране, особенно в прифронтовых районах, солдатские и офицерские клубы. В этих клубах предполагалось устраивать чаепития, кинематографические сеансы, лечить зубы и даже дарить новые сапоги солдатам, отвлекать их от невзгод окопной жизни и обещать лучшую жизнь после войны [6].

Но все эти дешевые приманки не могли вытеснить из сознания солдат большевистского призыва к революционному выходу из войны. Делегаты VI съезда большевист-

---

[4] Там же, стр. 97—101, 105.
[5] Там же, стр. 107.
[6] Там же, стр. 108.

ской партии говорили, что без немедленной ликвидации войны властью народа не может быть ни земли для крестьян, ни нормального заработка для рабочих, ни политических свобод, гарантирующих лучшие условия жизни трудящихся в будущем, что ликвидировать войну могут только сами трудящиеся, если их наиболее сознательные представители возьмут власть в свои руки. «Единственным способом действительно демократической ликвидации войны для международного пролетариата,— говорилось в резолюции съезда,— является... завоевание им власти» [7].

Необходимость революционной борьбы против империалистической войны подчеркивал манифест ЦК РКП(б), выпущенный 12 августа 1917 г. по поручению VI съезда. В нем отмечалось, что война «точно огромный вампир» высасывала все соки из людей труда, отнимала у них все силы [8].

Большевики организовывали массы на борьбу против империалистической войны, против бесцельной растраты огромных материальных ценностей и революционной энергии масс в этой войне. Для пролетариев и беднейших крестьян единственным выходом из империалистической войны, средством отстоять мир была революционная борьба за свою власть. Манифест заканчивался словами: «Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи!» [9]

31 августа 1917 г. большевистская фракция ЦИК огласила резолюцию ЦК партии о власти, в которой впервые вопрос о мире был поставлен на практическую почву. В этой резолюции ЦК РСДРП(б) призывал к созданию власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства. В основу деятельности новой власти должно быть положено «объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира» [10].

Указанной резолюцией руководствовались большевистские фракции Петроградского, Московского и других Советов. Под лозунгом развертывания революционной борьбы пролетариев и беднейших крестьян за власть, за землю, за

---

[7] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 374.

[8] Там же, стр. 391.

[9] Там же, стр. 394.

[10] Там же, стр. 396.

рабочий контроль над производством, за демократический мир проходила массовая большевизация Советов.

24 сентября 1917 г. ЦК большевиков решил, что во всех Советах нужно требовать созыва всероссийского съезда Советов, а перед ним — областных, окружных и губернских съездов Советов. При выработке наказов делегатам на всех съездах обсуждались условия выхода из войны.

В. И. Ленин уже в начале октября 1917 г. связывал выход из войны с переходом власти в руки Советов и созывом Всероссийского съезда Советов, намечал срок основного мирного акта нового правительства. «Если власть будет у Советов — писал он, — то не позже 25-го октября (если 20 октября будет съезд Советов) *будет предложен справедливый мир* всем воюющим народам». Несколько позже В. И. Ленин счел необходимым совместить сроки созыва съезда Советов и провозглашения основ демократического мира. Он заявлял, что мир надо провозгласить, не теряя «*ни одного дня*» [11]. Завоевание доверия народа к Советской власти В. И. Ленин видел прежде всего в ее решимости отстаивать мир. 7 октября в письме Петроградской городской конференции РСДРП(б) он писал, что только замена Временного правительства правительством рабочих и крестьян может «тотчас» же иметь результатом предложение справедливого мира [12].

Местные организации партии большевиков, руководствуясь директивой ЦК от 31 августа 1917 г. и указаниями В. И. Ленина, вели борьбу за революционный выход из войны. Кавказский краевой съезд партии в начале октября поручил местным организациям и Краевому комитету апеллировать в борьбе за мир прежде всего, «где это возможно, к солдатским массам в тылу и на фронте» [13]. И Северо-Западная областная конференция РСДРП(б) в Минске предлагала делегатам съезда Советов добиваться мира «путем согласованной между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» линии на передачу всей власти Советам «как в центре, так и на местах» [14].

---

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 284—286.
[12] См. там же, стр. 350.
[13] «Бакинский рабочий», 20 октября 1917 г.
[14] «Рабочий путь», 21 октября 1917 г.

Когда меньшевистско-эсеровский ЦИК Советов попытался отсрочить съезд, большевики организовали кампанию протеста; созыв съезда они связывали с переходом всей власти к Советам, способным заключить справедливый мир. Фракция большевиков солдатского комитета Западного фронта 9 октября 1917 г. протестовала против отсрочки и заявляла, что Временное правительство неспособно покончить с войной [15]. Пермская окружная конференция РСДРП(б), состоявшаяся 9—12 октября, указывала, что буржуазия ведет дело к истощению сил революционных масс при помощи войны, что приостановить этот процесс может только взятие власти Советами [16]. III Петроградская общегородская конференция большевиков 10 октября в ответ на резолюцию ЦК о подготовке восстания, принятую в тот же день по предложению В. И. Ленина, заявила, что только замена правительства Керенского рабочим и крестьянским революционным правительством способна «тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии» [17].

За три дня до открытия съезда Советов, 22 октября, собрание организации большевиков Петинского района Харькова, заслушав доклад В. И. Межлаука, потребовало перехода всей власти в руки Советов и немедленного «предложения демократического мира всем воюющим странам» [18].

Рабочие, солдаты, матросы, крестьяне — избиратели Советов, прислушиваясь к голосу большевиков и большевистских организаций, на своих митингах, собраниях, сходах в канун Октября высказывали неверие в то, что Временное правительство может обеспечить всеобщий демократический мир. Они верили тем, кого они избрали в Советы, а правительство требовали устранить. Они считали, что первой задачей власти Советов должно быть предложение мира всем народам.

Волю избирателей выражали депутаты Советов. Борьба Советов за выход из войны усилилась после разгрома корниловщины и начала массовой большевизации Советов. Так, Успенский Совет Херсонской губернии, требуя 4 сен-

---

[15] «Буревестник» (Минск), 11 октября 1917 г.
[16] «Уральский рабочий» (Пермь), 18 октября 1917 г.
[17] «Рабочий путь» (Петроград), 13 октября 1917 г.
[18] «Известия Юга» (Харьков), 24 октября 1917 г.

тября «немедленного созыва Всероссийского съезда Советов», указывал, что его первоочередной задачей будет решение вопросов войны и мира [19]. В программу деятельности нового, Советского, правительства Советы включали пункт резолюции от 31 августа о всеобщем демократическом мире. Именно так поступил Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов 5 сентября 1917 г. [20] «Затягивание войны всей своей тяжестью ложится на неимущие классы — рабочих и беднейших крестьян,— заявлял 6 сентября Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда. Единственным путем спасения от войны Совет считает «немедленное свержение буржуазии» и взятие власти «в руки народа» [21].

Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Средней Сибири, представлявший до 200 тыс. избирателей, 7 сентября констатировал, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом приняла «беспощадный характер» в обстановке мировой войны, и постановил, что сначала вся власть должна перейти к Советам, а потом Советы произведут «коренное изменение внешней политики» и немедленно заключат мир [22]. Киевский Совет, следуя примеру Петроградского и Московского Советов, 8 сентября потребовал осуществить «все те меры, какие необходимы» с точки зрения указанных Советов [23]. 14 сентября Ставропольский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов в составленную им программу будущего Советского правительства включил пункт об объявлении тайных договоров недействительными и о немедленном предложении «всем народам воюющих государств демократического мира» [24]. «Всеобщего перемирия на всех фронтах» после решения вопроса о власти требовало 22 сентября общее собрание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, войсковых и заводских комитетов, представителей профессиональных организаций и социалистических партий Казани [25] Кыштымский Совет рабочих депутатов Пермской губернии требовал от новой

---

[19] ЦГАОР СССР, ф. 1244, оп. 1, д. 13, л. 462.
[20] «Известия Московского Совета», 6 сентября 1917 г.
[21] ЦГАОР СССР, ф. 1244, оп. 1, д. 18, л. 155.
[22] Там же, ф. 6978, оп. 1, д. 437, лл. 3—4.
[23] «Рабочий путь», 3 сентября 1917 г.
[24] ЦГАОР СССР, ф. 1244, оп. 1, д. 15, л. 167.
[25] «Казанская рабочая газета», 25 сентября 1917 г.

власти немедленно «начать мирные переговоры на основе отказа от аннексий, контрибуций и права на самоопределение народов» [26]. 27 сентября большевистская газета «Рабочий путь» сообщала, что военная секция Ржевского Совета первым пунктом программы нового правительства выдвинула: «Немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам» [27]. Петроградский губернский Совет крестьянских депутатов считал необходимым указать на два важнейших мероприятия, которые, с его точки зрения, Советам надлежало незамедлительно провести в жизнь: реорганизация дипломатического корпуса на демократических началах и предложение немедленного перемирия на всех фронтах [28].

Позицию Советов всей страны наиболее точно выразил столичный Совет и на этапе подготовки штурма буржуазной власти. 9 октября, в связи с планом Временного правительства сдать Петроград немцам, он указывал: «Спасение Петрограда и страны — в переходе власти в руки Советов. Советская власть должна предложить всем народам немедленное перемирие и впредь до заключения мира взять на себя обеспечение боеспособности армии, обороны Петрограда и страны» [29]. Херсонский губернский съезд Советов крестьянских депутатов очень долго, судя по газетному сообщению от 10 октября, обсуждал вопрос о власти и решил требовать «принятия решительных мер к прекращению мировой бойни» и «вступления на путь гласных и явных перед лицом всех народов переговоров о мире с воюющими и союзными странами» после созыва Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [30].

Развернутое решение о мире принял 11 октября Совет солдатских депутатов Самарской губернии. Он отметил, что трудящиеся России свою волю к миру, заключенную в формуле «мир без аннексий и контрибуций», выразили Временному правительству в момент его образования, однако за все время, пока существовало это правительство, «мира не только нет, но и шагов для его заключения сде-

---

[26] ГАОРСС ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 163, л. 63.
[27] «Рабочий путь», 27 сентября 1917 г.
[28] Там же, 4 октября 1917 г.
[29] Там же, 10 октября 1917.
[30] «Вестник Одесского земства», 10 октября 1917 г.

лано совершенно не было». Совет заявлял, что он не верит в Парижскую конференцию союзников, созываемую якобы для выяснения целей войны, а посылку представителя ЦИК Советов на эту конференцию считает «вредным», ибо она «оттягивает внимание трудящихся масс от непосредственной мировой борьбы за мир всего мира». Совет заявлял также, что заключения мира он ждет «от международной борьбы угнетенных масс, а не от сговора грабительской империалистической буржуазии». Совет связывал «окончательное решение» этого вопроса только с Всероссийским съездом Советов, от которого требовал признать, что Временное правительство «совершенно не способно вести активную борьбу за мир», «взять всю полноту власти в свои руки» и «предложить народам перемирие на всех фронтах», а затем добиваться заключения «справедливого демократического мира» и «опубликовать тайные договоры» царского правительства с союзными империалистами [31].

Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Северной области называл план посылки меньшевика М. И. Скобелева в Париж от имени «революционной демократии» планом «совместной дипломатической работы со злобными врагами демократии». Съезд разоблачал намерение правительства выработать с союзниками план четвертой зимней кампании и подготовить наступление весной — летом 1918 г. Съезд указывал, что только Советское правительство «немедленно предложит от имени России перемирие на всех фронтах и честный демократический мир всем народам» [32].

Требуя перехода всей власти в руки Советов, Наро-Фоминский Совет рабочих депутатов Московской губернии на заседании 21 октября совместно с местным комитетом РСДРП(б) и правлением Союза текстильщиков высказался за взятие власти и демократический мир [33]. Скорейшего перемирия на фронтах требовал в тот же день Режицкий Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на заседании совместно с полковыми, батальонными и ротными комитетами Режицкого гарнизона [34]. 22 октября

---

[31] «Солдатская газета» (Самара), 20 октября 1917 г.
[32] «Рабочий путь», 13 октября 1917 г.
[33] «Социал-демократ», (Москва), 27 октября 1917 г.
[34] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 19, л. 5.

Ровенский районный Совет рабочих депутатов, приветствуя делегатов II Всероссийского съезда Советов, съезжавшихся в Петроград, и выражая сожаление, что он не мог послать своих делегатов, телеграфировал в столицу, что только Советы «могут закончить скоро бесчеловечную бойню» [35].

Съезд Советов Сибири, состоявшийся в канун Октябрьского вооруженного восстания, еще резче подчеркнул связь взятия власти рабочим классом с заключением перемирия и мира [36].

Воля Советов к установлению всеобщего демократического мира была выражена и в наказах, которые получали на руки делегаты Всероссийского съезда Советов. Правда, нередко такие наказы повторяли охарактеризованные резолюции Советов. Однако чаще наказы дополняли и развивали их. Екатеринбургский Совет рабочих, воинских и крестьянских депутатов 7 октября дал своему делегату наказ, которым поручал добиваться осуществления прежде всего образования правительства, ответственного «только перед Советами», а затем — «немедленного предложения демократического мира народам всех воюющих стран» [37].

В наказе Кузнецкого Совета рабочих и солдатских депутатов делегатам съезда в первом пункте (о власти) и во втором (о войне) говорилось о мире. Кузнецкий Совет считал, что «только власть, опирающаяся на истинное доверие большинства народа», может «вести страну к миру».

На этом основании он считал, что руководство всей политикой должны взять в свои руки Советы. «Так как война начата буржуазией и ее правительством и никогда не приносила демократии никаких благ, кроме страданий, а отнимала жизнь, кровь, труды и ценности, то необходимо ее закончить — чем скорее, тем лучше», — говорилось в наказе. И далее: «Правительство, опираясь на волю народа, должно немедленно предложить всем воюющим государствам официально перемирие для того, чтобы приступить к мирным переговорам» [38].

---

[35] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 20, л. 18.
[36] «Красноярский рабочий», 24 октября 1917 г.
[37] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 15, лл. 3—6.
[38] Там же, д. 16, лл. 11—12.

В том же духе был дан наказ делегатам съезда от Минского Совета рабочих и солдатских депутатов 18 октября. Второй пункт наказа (о войне) гласил: «Кончить нынешнюю грабительскую войну справедливым миром можно только против воли нынешних правительств, только скинув капиталистов и помещиков»[39]. Трудящиеся крестьяне, представленные в Гуковском Совете, в наказе делегату первым пунктом записали: «Немедленный мир»[40]. И как бы в унисон с этим солдаты инженерной роты 183-й пехотной дивизии 23 октября в своем наказе писали: «Требуем немедленно перехода власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[41].

* * *

Четыре основных революционных потока возглавляла партия большевиков на пути к вооруженному восстанию: рабочее движение, социалистическое по своему характеру, крестьянское антипомещичье движение, национально-освободительное движение, точнее — его революционно-демократическую струю и общедемократическое движение за мир. Эти потоки слились в один мощный революционный поток, который смел с пути Временное правительство, его империалистическую политику войны. Но сразу после революции война с Германией формально не была закончена, что мешало подавлению сопротивления эксплуататоров и проведению коренных преобразований внутри страны.

После победы вооруженного восстания вопрос о мире стал одним из главных вопросов политики Советской власти. Решая его, Советы имели дело и с внешними, и с внутренними силами контрреволюции, мешавшими выходу России из войны. По обе стороны фронтов имелись громадные вооруженные силы, которые могли быть использованы против революции, если бы Советское правительство не обратило внимания на вывод армии из состояния войны.

Отстаивая демократический мир, большевики учитывали обстановку, необходимость закрепить великие завоевания революции. Большевики отстаивали мир и потому,

---

[39] Там же, л. 19—20.
[40] «Красный архив», 1937, т. 3, стр. 11.
[41] Там же, стр. 15.

что рабочему классу были чужды насильственный захват чужих территорий и угнетение других народов. В первом акте победоносного восстания — в обращении «К гражданам России» — В. И. Ленин именем революции сообщал, что в программу новой, Советской, власти войдет немедленное заключение демократического мира. Эту же задачу он поставил 25 октября 1917 г. в докладе на заседании Петроградского Совета.

Наиболее полно воля Советов к миру была выражена в декрете II Всероссийского съезда Советов о мире. Занятый доведением вооруженного восстания до успешного конца, В. И. Ленин не присутствовал на первом заседании съезда 25 октября. Вечером 26 октября второе заседание съезда открылось его докладом о мире. В притихшем зале он зачитал проект исторического декрета. Этот декрет провозглашал такие принципы внешней политики Советской власти, как равенство народов, осуждение любой агрессии против других народов. В. И. Ленин говорил об этих принципах: «большевики создают совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета» [42].

Все должны уважать суверенитет и больших, и малых народов — таково основное требование, вытекающее из принципа их равноправия. Тем более незаконным был захват большим или сильным государством территории малых народов. Декрет устанавливал понятие аннексии как захват чужих территорий, совершаемый «без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания» населяющих эти территории народов, независимо от того, в Европе или в далеких заокеанских странах живет народ, подвергаемый аннексии [43].

Декрет о мире будил революционную энергию народов колониальных стран, звал их на борьбу за освобождение от колонизаторов.

Выдвигая принцип равноправия и суверенности всех народов и отвергая аннексию как нарушение этого принципа, декрет подводил к пониманию смысла той войны, которая еще велась. «Продолжать эту войну,— говорилось в декрете,— из-за того, как разделить между сильными и

---

[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 107.
[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 14.

богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества...» [44] Отсюда, естественно, вытекало, что эту войну следует немедленно прекратить. И Советское правительство заявляло, что оно готово «немедленно подписать условия мира», прекращающие войну на основах, «равно справедливых для всех без изъятия народностей» [45].

Декрет был обращен не только к правительствам, но и к народам. Это было новое за всю историю внешней политики.

Советское правительство показало образец честного проведения объявленных принципов в жизнь. Оно установило право народов России на «свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [46], признав независимость Финляндии, Украины, Эстонии, Латвии, Литвы. Советское правительство аннулировало все неравноправные договоры самодержавия, в частности договоры о разделе Польши, Турции, Персии [47], порвало тайные несправедливые договоры и опубликовало их, разоблачив тем самым смысл тайной буржуазной дипломатии. Принципиальное значение для ликвидации кабальных внешних экономических связей имело аннулирование иностранных займов [48].

Разумеется, положительное наследие прошлого не отвергалось. Все пункты прежних договоров, направленные на укрепление добрососедских отношений между народами, были оставлены в силе. Мысль о незыблемости достигнутых в прежних договорах добрососедских отношений, о готовности рассмотреть другие условия мира и все содержание декрета свидетельствовало о стремлении Советского государства после войны жить в мире и дружбе со всеми народами. Декрет заключал в себе идею мирного сосуществования двух систем, двух дипломатий — социалистической и капиталистической. Все это свидетельствовало о большом желании Советского правительства вступить в

---

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 40.

[47] Н. В. Захарова. Отказ Советского государства от договоров царской России, нарушавших права народов восточных стран.— «Советский ежегодник международного права». М., 1963, стр. 128—133.

[48] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 386.

переговоры о мире. Чтобы не дать врагам мира возможность сорвать переговоры ссылкой на неприемлемость советских предложений, В. И. Ленин считал, что условия мира не должны носить ультимативный характер. В качестве практической меры подготовки к миру между всеми народами съезд Советов предложил трехмесячное перемирие.

Декрет о мире был горячо одобрен громадным большинством делегатов съезда Советов. Он встретил также полную поддержку непосредственно у избирателей этих делегатов. 27 октября, на другой день после принятия декрета, Вышневолоцкий Совет рабочих и солдатских депутатов Тверской губернии выразил надежду, что «новое рабочее, солдатское и крестьянское правительство предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам» [49]. Порховский Совет рабочих и солдатских депутатов Псковской губернии уже 28 октября приветствовал Советское правительство «за решительную борьбу за скорейшее окончание мировой бойни» [50]. Рославльский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в тот же день потребовал «немедленного объявления перемирия на всех фронтах» и «начатия переговоров о мире» [51].

Отчеты делегатов о съезде и о его решениях заслушивались на пленарных заседаниях Советов. Декрет о мире в решениях местных Советов получил всестороннюю оценку. Пленум Мотовилихинского Совета рабочих и солдатских депутатов Пермской губернии в своем решении дал такую оценку: «Декретом о мире, исходящим не от правительства российских империалистов, а от истинно рабочего и крестьянского правительства, будет разбита стена недоверия, которая отделяла западноевропейский и в первую голову немецкий рабочий класс от русской революции» [52].

Когда меньшевики, эсеры и некоторые капитулянты из рядов большевистской партии поставили вопрос о законности избрания по преимуществу большевистского правительства и потребовали создания правительства «всех демократических сил», местные Советы заявили, что Россией мо-

[49] «Известия ЦИК», 2 ноября 1917 г.
[50] «Рабочий и солдат» (Петроград), 30 октября 1917 г.
[51] «Правда», 5 ноября 1917 г.
[52] «Пролетарское знамя» (Пермь), 7 ноября 1917 г.

жет управлять только правительство, которое способно воплотить в жизнь декреты II Всероссийского съезда Советов, прежде всего декрет о мире. Такое решение принял Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов 10 ноября [53]. Псковский Совет заявил, что он признает лишь те партии, которые принимают декреты съезда Советов [54].

Такова была воля новых органов власти в стране — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — и тех, кто их избрал,— трудящихся.

Солдаты осуществляют перемирие

Солдаты на фронте восторженно приветствовали Декрет о мире. Неодолимая жажда мира среди фронтовиков выявилась уже после корниловщины, в сентябре—октябре 1917 г. Эту «жажду мира во что бы то ни стало» отмечало 12 сентября донесение из 7-й армии Юго-Западного фронта [55]. Основное желание — мир. «Желание мира заполнило ум и сердце солдата»,— указывалось в сводке 10-й армии Западного фронта 13 сентября [56]. С Северного фронта 11 октября доносили: «Настроение в войсках угнетенное, всюду раздаются жалобы на усталость и требование скорейшего мира» [57].

В октябре 1917 г. на фронтах, в армиях, корпусах проводились солдатские съезды. В решениях этих съездов также высказывались мысли о необходимости мира. Так, в резолюции 35-го армейского корпуса Западного фронта, принятой 17 октября, содержалось требование к Всероссийскому съезду Советов взять власть, «опубликовать тайные договоры, заключенные союзными правительствами, немедленно объявить демократические условия мира», а также требование немедленного заключения перемирия на всех фронтах [58].

Наказы делегатам II Всероссийского съезда Советов в полках утверждались чаще непосредственно солдатской массой. В них, а также в телеграммах из полков в адрес съезда содержались требования именно от солдат. Так,

---

[53] «Социал-демократ», 11 ноября 1917 г.
[54] «Рабочий и солдат», 28 ноября 1917 г.
[55] ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 197, л. 74.
[56] Там же, л. 152.
[57] Там же, л. 74.
[58] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 77, д. 2, л. 60.

21 октября в наказе солдат 57-го стрелкового полка делегату съезда было предписано: «Требовать немедленно приступить к ликвидации братоубийственной войны» [59], а в телеграмме комитета 8-го Сибирского полка съезду предлагалось «принять меры окончить войну» [60].

О перевороте в Петрограде командованию фронтовых частей и соединений стало известно сразу через Ставку от главы правительства Керенского, помощников (товарищей) министров и членов ЦИК Советов 1-го созыва, перешедших в связи с арестом правительства к подпольной антисоветской деятельности. Конечно, контрреволюционное в своем большинстве командование попыталось использовать армию против революции. Но между офицерством, скомпрометировавшим себя в глазах солдат участием в корниловском мятеже или сочувствующим ему, и солдатами был разлад. Солдаты всех фронтов оказали сопротивление попыткам использовать их против революции. Степень активности этого сопротивления, по выражению Н. В. Крыленко, могла быть измерена «чуть ли не с математической точностью» удалением того или иного фронта от Петрограда [61]. Северный фронт в дни работы II Всероссийского съезда Советов прислал телеграмму о том, что он выделил из своей среды Военно-революционный комитет, целиком присоединяется к революции и принял все меры к тому, чтобы не допустить к Петрограду контрреволюционных войск. Западный фронт занял благожелательную позицию. Юго-Западный и Румынский фронты выделили войска на подавление революции. Кавказский и Персидский фронты настолько были удалены от Петрограда, что там события развивались со значительным запозданием. Однако и те части, которые были выделены фронтами на соединение с казачьим конным корпусом генерала Краснова, оказавшимся в момент восстания в окрестностях Петрограда, не соединились с ним. Уже по пути к Петрограду солдаты, распропагандированные большевистскими агитаторами, отказались двигаться вперед и остались «на отдых» в прифронтовом тылу.

Первый после революции шаг к организации революционных сил на фронте был сделан II Всероссийским съездом

---

[59] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 15, л. 22.
[60] Там же, д. 20, л. 31.
[61] Н. В. Крыленко. Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 56.

Советов, который предписал 26 октября в своем обращении «К фронту» всем армиям «создать временные революционные комитеты». Одновременно комиссары Временного правительства на фронтах смещались со своих постов. В том же обращении говорилось, что «комиссары Всероссийского съезда выезжают» в армии [62]. Новые комиссары назначались из числа делегатов частей, в большом числе нахлынувших в Петроград по инициативе этих частей для выяснения обстановки. Они разнесли повсюду весть о перевороте, разъясняли его смысл. По свидетельству Н. В. Крыленко, в мандатах, выданных на руки этим делегатам, говорилось не только об организации ревкомов. В них предписывалось «начинать непосредственные переговоры с неприятелем» [63]. Так Советское правительство использовало инициативу солдатских масс, поскольку опубликование декрета о мире и предложение установить перемирие на три месяца не вызвало никакой реакции со стороны германских империалистов.

У «союзников» предложение о всеобщем демократическом мире также не нашло поддержки. Больше того, оно было встречено здесь крайне враждебно. Как видно из воспоминаний премьер-министра Англии Д. Ллойд-Джорджа, мирные предложения Советского правительства Антанта связывала с судьбами капиталистического строя во всем мире, с опасностью мировой революции. Ллойд-Джордж считал, что только в том случае удастся остановить мировую революцию, начатую Россией, если ее энергия «будет отклонена от основной цели войной». Выход России из войны он называл «одним из величайших факторов, определяющих судьбы народных масс во всех странах» [64].

Империалисты рассчитывали путем обмана масс, созданием для них видимости мира не допустить выхода России из войны. Они ставили своей целью лишить борьбу за мир в России революционного содержания, воспользовавшись услугами лжереволюционеров — меньшевиков и эсеров, которые стали распространять версию о том, что большевики не могут выполнить своего обещания о всеобщем демокра-

---

[62] «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957, стр. 434.

[63] «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, стр. 58.

[64] Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары, т. V. М., 1938, стр. 63.

тическом мире, так как «союзники» не желают признавать их и вести с ними переговоры по этому вопросу. Соглашатели подсказывали «выход» из положения — создать новое правительство, «социалистическое» по названию, без большевиков. Главой правительства намечался эсер В. М. Чернов, а его базой была намечена Ставка в Могилеве, где были сконцентрированы «надежные» с точки зрения контрреволюционеров силы войск во главе с Духониным. Здесь поблизости в условном заключении находились бывший верховный главнокомандующий генерал Корнилов, генералы Деникин, Лукомский и другие мятежники. 4 ноября на совещании в Могилеве с участием эсеровских лидеров В. М. Чернова, А. Р. Гоца, бывшего военного министра А. И. Верховского и руководителей иностранных военных миссий при Ставке определялся состав нового правительства.

7 ноября утром этот же вопрос обсуждало английское посольство в Петрограде вместе с меньшевиком М. И. Скобелевым и «народным социалистом» Н. В. Чайковским, которые заверили посла Бьюкенена, что правительство будет поддержано кадетами и «призвано» к власти с помощью войск. На вопрос о возможности заявления союзников о согласии обсудить условия мира с правительством, в которое «не войдут большевики», Бьюкенен заявил, что союзные правительства «могут согласиться на обсуждение условий мира с таким правительством, когда оно, наконец, образуется» [65]. Таким образом, заговорщики отечественные и иностранные договорились действовать. Вечером 7 ноября Скобелев выехал из Петрограда в Могилев.

Пропагандистская машина Ставки в лице Общеармейского эсеро-меньшевистского комитета заработала на полный ход. Было выпущено несколько воззваний к солдатам. В одном из них говорилось, что единственным препятствием к достижению мира является правительство во главе с Лениным. Играя на мирных устремлениях солдат, соглашатели пытались вырвать у большевиков инициативу мира, принадлежавшую им, и с помощью генералов пробраться к власти. Они уверяли солдат, что их правительство будет признано «страной и иностранными державами» и «немедленно приступит к мирным переговорам» [66].

---

[65] Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., 1925, стр. 276.
[66] «Красный архив», 1927, т. 4, стр. 196.

Но трудно было лакеям империализма скрыть свои истинные намерения — удержать страну в состоянии войны. В одном из обращений они заявляли, что выход России из войны путем заключения перемирия и опубликования тайных договоров практически невозможен. «Ввиду того, что масса армии и населения не имеет никакого представления о договорах и поэтому не может оценить значительности последствий несоблюдения Россией договора, которым союзные государства Согласия обязались не заключать ни сепаратного мира, ни перемирия, было бы желательно распространить в войсках с возможной ясностью и точностью краткое предупреждение о тех роковых последствиях для России, которые повлекло бы за собой нарушение договора, торжественно ею подписанного» [67].

Но делегаты частей с мандатами Советского правительства на ведение мирных переговоров уже действовали вполне сознательно вопреки этим планам, а «масса армии», о которой так пренебрежительно отзывались «социалистические» руководители, прекрасно понимала смысл советской мирной политики. Она требовала пресечь провокационную возню в Ставке, организованную империалистами.

На рассвете 8 ноября 1917 г. генералу Духонину было передано правительственное предписание, подписанное В. И. Лениным, в котором ему «во исполнение решения Всероссийского съезда Советов» поручалось «обратиться к военным властям неприятельских армий с предложением немедленного приостановления военных действий» и «подписать акт перемирия» с предварительного согласия Совнаркома [68]. Духонин не ответил в тот день на полученное им предписание, развернув активную деятельность для создания нового «правительства». Тогда Советское правительство 8 ноября специальной нотой «обратило внимание» послов в Петрограде на Декрет о мире и просило их «смотреть» на него как на «формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и открытия мирных переговоров» [69]. В ночь на 9 ноября В. И. Ленин, Н. В. Крыленко и И. В. Сталин по поручению Совнаркома по прямому

---

[67] М. Н. Покровский. Большевики и фронт в октябре — ноябре 1917 года.— «Красная новь», 1927, кн. 11, стр. 165.

[68] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 5.

[69] Там же, стр. 16—17.

проводу из штаба Петроградского военного округа вызвали Духонина и потребовали объяснения. Духонин сначала не решался заявить о неподчинении предписанию Советского правительства. Он сказал, что стоит за всеобщий мир, согласованный с союзниками, но затем добавил, что не считает Совнарком «центральным правительством». В. И. Ленин тут же от имени Советского правительства отстранил его от должности верховного главнокомандующего и сообщил о назначении на его место прапорщика Крыленко [70].

Тем не менее военные и дипломатические представители Антанты в Ставке продолжали поддерживать непосредственный контакт с отстраненным главнокомандующим. Они заявили Духонину «протест» против всяких переговоров о перемирии, угрожали ему, игнорируя Советское правительство. 9 ноября послы Антанты в Петрограде собрались в резиденции Бьюкенена для обсуждения советской ноты. Послы решили никакого ответа на нее не давать, в контакт с Советским правительством не вступать, а связь со Ставкой и формирующимся при ней «правительством» усилить, чтобы предупредить переговоры солдат воюющих сторон о перемирии и не допустить массового распространения случаев братания.

Советскому правительству ничего не оставалось, как обратиться к солдатам с предложением взять дело мира в свои руки, расстроить заговор «союзников» и генералов с меньшевиками и эсерами, взять Ставку и с помощью солдат добиться перемирия. Мысль об обращении непосредственно к солдатам возникла у В. И. Ленина сразу после отстранения Духонина. Из штаба Петроградского военного округа он направился на военно-морской радиотелеграф («Новая Голландия») и оттуда передал обращение ко всем революционным комитетам, всем солдатам и матросам армии и флота: «Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать важное дело мира». В обращении указывались практические меры: окружить генералов, «чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов», выбрать от полков, стоявших на позициях, уполномоченных «для вступления в переговоры о перемирии», о каждом шаге таких переговоров извещать правительство «всеми способами», имея в виду, что «окончательный» или общий договор о перемирии от имени всей

[70] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 19.

армии подпишет правительство [71]. Этим и развязывалась инициатива солдатских масс в борьбе за мир, но инициатива эта облекалась в организованные формы. Солдатам предлагалось действовать не самочинно, а через свои комитеты. 10 ноября поздно вечером этим комитетам, а также «всем солдатам на фронте» специальной радиограммой подчеркивалась вновь необходимость активной борьбы за мир с буржуазией и ее агентами, препятствовавшими заключению мира [72].

Одновременно Советское правительство начало публикацию секретных дипломатических документов царского и Временного правительств, изобличавших антинародные цели противников перемирия. В официальном заявлении Советского правительства по поводу этой публикации от 9 ноября 1917 г. содержалась основная линия советской внешней политики — мирное сосуществование Советской России с капиталистическими государствами мира. «Мы хотим,— говорилось в заявлении,— скорейшего мира на основах честного сожительства и сотрудничества народов» [73].

Эта мирная инициатива была подкреплена обращением на следующий день к нейтральным державам. Советское правительство просило посланников Норвегии, Нидерландов, Испании, Швейцарии, Дании и Швеции довести через свои правительства до сведения народов смысл всех внешнеполитических актов Советской власти. С наибольшей готовностью реагировал посол Испании Гаридо Циснерос, который сообщил, что передаст немедленно по телеграфу советскую ноту в Мадрид, и обещал «приложить со своей стороны все необходимые усилия, чтобы способствовать заключению мира, которого жаждет все человечество» [74].

В. И. Ленин придавал огромное значение точной и объективной информации мирового общественного мнения о мирных шагах Советского правительства. Представитель Международной ассоциации по информированию рабочей печати Америки, Франции и Англии румынский журналист Н. Д. Коча, находившийся в Петрограде, обратился к В. И. Ленину от имени ассоциации с просьбой ответить

---

[71] Там же, стр. 20; «Правда», 21 ноября 1965 г.
[72] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 69—70.
[73] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 22.
[74] Там же, стр. 708.

на вопросы о международной и внутренней политике Советского правительства. В первом же вопросе содержалось: будет ли правительство «с той же энергией» продолжать «свои международные выступления в целях мира?». Ленин отвечал, что «готов ответить» на вопросы, если ассоциация даст ему «вполне формальную и точную гарантию, что она будет информировать всю рабочую печать, т. е. также и органы печати интернационалистского направления», и если его ответ «будет воспроизведен без всяких изменений». Ленин пояснял: «вы имеете право не публиковать мой ответ, но если вы его опубликуете, то не имеете права ничего менять в моем тексте». Получив заверение, что выдвинутые условия будут полностью выполнены, Ленин дал ответ 10 ноября 1917 г. К сожалению, текст его не сохранился [75].

В связи с первыми шагами Советского правительства в верховном органе Советской власти — ЦИК — обнаружились мнения против перемирия. Носителями их являлись бывшие левые меньшевики из так называемой группы межрайонцев, принятые в большевистскую партию на ее VI съезде вместе с их идейным руководителем Л. Д. Троцким, занимавшим в первом Советском правительстве пост комиссара по иностранным делам. Еще до того, как правительство начало через солдат осуществлять программу перемирия, Троцкий предсказывал неизбежность провала попыток установить перемирие и мир. 8 ноября член французской военной миссии в России Жак Садуль после беседы с Троцким записал: «Троцкий убежден, что германское правительство не примет предложения перемирия» и что тогда он декретирует «революционную войну» [76].

Один из членов этой группы, Г. И. Чудновский, 10 ноября выступил на заседании ЦИК против обращения к солдатам, против предложения заключить перемирие, против поощрения братания русских солдат с немецкими. В его выступлении наиболее выпукло и впервые открыто прозвучала позиция сторонников «революционной войны». Он говорил: «нам придется продолжать войну, неся германскому пролетариату освобождение на концах своих шты-

---

[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 5—6, 403.

[76] И. Д. Красильников. Из истории борьбы большевистской партии во главе с В. И. Лениным за мир.— «Ученые записки кафедр истории КПСС», вып. 4, М., 1964, стр. 124.

ков»[77]. Этот взгляд впоследствии был принят на вооружение «левыми» коммунистами. Троцкий официально не разделял позицию «левых» коммунистов, но в прикрытой форме всегда на ней стоял, являясь ее родоначальником.

Решение Советского правительства о смещении Духонина и назначении главнокомандующим Крыленко, предложение солдатам русской армии установить прямой контакт с солдатами противника на передовой линии солдаты фронта встретили с полным одобрением. Заседание полковых и ротных комитетов 74-й дивизии специально обсудило текст разговора Советского правительства со Ставкой, который был опубликован 10 ноября в газетах. Члены комитетов приветствовали «шаги к столь желанному для всех миру»[78]. Массовые братания и переговоры о перемирии солдат начались сразу после того, как обращение было получено в войсках. 10 ноября, например, солдатский ревком Гренадерского корпуса 2-й армии Западного фронта послал в штаб армии генерала Войрша телеграмму с предложением приступить к переговорам о перемирии на участке корпуса. В тот же день солдаты братались по всему фронту 27-го армейского корпуса[79].

Солдатский ревком 2-й армии направил в Совнарком протест против контрреволюционной деятельности Ставки и Общеармейского комитета, требуя их ликвидации. В телеграмме, подписанной председателем ревкома Н. С. Тихменевым 10 ноября, говорилось: «Предложение Общеармейского комитета фронтовым и армейским комитетам наметить кандидата на пост министра-председателя и выдвижение с его стороны на этот пост эсера Виктора Чернова является не прекращением братоубийственной войны, а именно ее продолжением в самом широком масштабе». Ревком заявлял, что армия, которую он представляет, «не будет признавать никакую власть, кроме Советской, и никаких министров, кроме народных комиссаров», что контрреволюционеры не смогут «задушить истинную народную власть Советов»[80].

---

[77] «Известия ЦИК», 12 ноября 1917 г.
[78] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 78, д. 36, л. 183.
[79] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 543, л. 63.
[80] «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы», ч. 1. М., 1963, стр. 17—18.

Ревком фронта 12 ноября отстранил от должности главнокомандующего генерала Балуева за отказ «вступить с немцами в переговоры о заключении перемирия на фронте», призвал всех солдат поддерживать его (ревком) «во всех начинаниях, направленных к заключению перемирия». В тот же день новый главнокомандующий В. В. Каменщиков ввел в действие инструкцию о подготовке перемирия на фронте, согласно которой в каждом войсковом комитете «немедленно» образовывались комиссии по перемирию. В инструкции указывалось, что переговоры должны впредь вестись на участках не ниже корпуса, при условии участия в комиссиях представителей дивизий, полков и рот [81]. В докладе Комиссариата по военным делам В. И. Ленину от 17 ноября 1917 г. указывалось, что переговоры о перемирии велись во всех армиях Западного фронта [82].

Совнарком поддержал инициативу солдат. 11 ноября он вновь обратился ко всем солдатам с предложением продолжать «борьбу за немедленное перемирие», выбирать делегатов для переговоров. На Северный фронт, ближайший к столице, в расположение 5-й армии были направлены главнокомандующий Н. В. Крыленко, член ЦК РСДРП (б) А. М. Коллонтай и секретарь Военной организации при ЦК Е. Ф. Розмирович, «чтобы взять в свои руки дело борьбы за перемирие» [83]. Перед отъездом этой делегации В. И. Ленин дал ей инструкции о ведении переговоров с командованием немецких войск [84]. 11 ноября делегация прибыла в штаб фронта в Пскове, отстранила от должности за саботаж генерала Черемисова. Затем делегация выехала в Двинск, в штаб армии. Командующий армией генерал Болдырев за отказ участвовать в переговорах о перемирии был арестован. 13 ноября утром по распоряжению Крыленко в расположение германских войск направились парламентеры (М. Сагалович, Г. Мерен) с указанием «обратиться к высшему начальнику германской армии» на участке, на котором они будут приняты, с просьбой «запросить высшее командование германской армии, согласно ли

[81] «Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы, ч. 1, стр. 19—21.

[82] «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 157.

[83] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 24.

[84] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, 378, л. 170; М. И. Т р у ш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963, стр. 69—70.

оно прислать своих уполномоченных для открытия переговоров об установлении перемирия на всех фронтах»[85].

Днем 13 ноября советские парламентеры прибыли на передовую линию и перешли немецкие окопы. В 5 часов вечера с повязками на глазах их доставили в батальонный штаб германских войск, и еще через 40 минут они передали свои письменные полномочия. В 7 часов 50 минут вечера парламентеры уже получили ответ от верховного германского командования с согласием на открытие переговоров 19 ноября в Брест-Литовске. 14 ноября делегация по перемирию выехала в Петроград, 17 ноября Совнарком заслушал ее отчет[86].

По мере нарастания революционной инициативы солдат усиливалась и контрреволюционная деятельность Ставки. 12 ноября Духонин разослал обращение к солдатам, в котором грозил расправой за переговоры с противником[87]. Солдаты упомянутого выше 27-го корпуса, уже начавшие переговоры о перемирии, дали достойный ответ Духонину, «демократии» и «союзникам», на обещания которых заключить мир ссылался Духонин: «1) Внешняя политика Российской республики (Декрет о мире) выражает волю организованной революционной демократии, которая выявилась на II съезде Советов. 2) Воплощением[87а] этой воли, проводником и единственным представителем перед иностранными державами, и союзными в частности, является революционное правительство в лице Совета Народных Комиссаров, т. е. верховная власть Российской республики, к которой только должны обращаться представители иностранных держав по вопросам международного характера»[88].

Тем не менее Духонин и комиссар Временного правительства В. Б. Станкевич упорствовали. 15 ноября Духонин заверил союзников, что до решения вопроса о перемирии и мире «полномочной центральной властью», созданной вместо Совнаркома «в согласии с союзными державами», он примет все меры, чтобы война продолжалась[89]. Станкевич убедил Духонина, что к «боевой работе» армии, т. е.

---

[85] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 25.
[86] «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 157.
[87] «Красный архив», 1927, т. 4, стр. 219—220.
[87а] *В документе:* Осуществлением.
[88] «Солдатская правда» (Петроград), 18 ноября 1917 г.
[89] «Красный архив», 1927, т. 4, стр. 234.

к продолжению войны, путь лежит «исключительно через мирные переговоры», но не от лица Советского правительства. Чтобы обмануть солдат, отвергавших план создания так называемого социалистического правительства вместо Совнаркома, они сочинили проект создания при Ставке общественной организации под названием «Совет» из представителей «социалистических» партий, чтобы он «в тесном контакте с правительствами Антанты» разработал мирные условия [90].

Сложившееся в рядах большевиков политическое течение, представленное «левыми» коммунистами, открыло в это время кампанию против заключения договора о перемирии, за развязывание «революционной войны» с Германией. «Левые» коммунисты использовали несогласие «союзников» участвовать в перемирии как повод для обвинения ленинцев в том, что они якобы подменили программу всеобщего демократического мира и предварительного общего перемирия на всех фронтах соглашением о перемирии только на русско-германском фронте. 12 ноября они поместили в «Известиях ЦИК» статью «Сепаратное или общее перемирие, сепаратный или общий мир», призывавшую рабочих всего мира «на борьбу, которая коротким или длинным путем... приведет не к сепаратным сделкам со своими или иностранными капиталистами» [91].

Г. К. Орджоникидзе, Д. З. Мануильский дали серьезный бой «левым» коммунистам 16 и 23 ноября 1917 г. на заседаниях Петербургского комитета РСДРП(б). В. Н. Нарчук требовал не вступать в переговоры о перемирии с Германией [92]. К. Б. Радек призывал «всеми мерами подготавливать революцию в других странах». Г. Е. Евдокимов говорил о необходимости «делать революционную войну» [93]. Мануильский заявил: «Радек говорит о возможности для нас вести революционную войну ради защиты революции. Я склонен думать, что последствия мира ликвидируют невыгодные условия мира — вспыхнет международная революция. В России нет возможности дальше воевать. Если мы в ближайшее время не дадим армии мира, то могут возникнуть необычайные трудности, чтобы

---

[90] «Красный архив», 1927, т. 4, стр. 221—222.

[91] «Известия ЦИК», 12 ноября 1917 г.

[92] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.» М.— Л., 1927, стр. 356.

[93] Там же, стр. 362.

удержать армию на фронте, и в этом вопросе я разойдусь с Радеком»[94]. «Наши шаги,— говорил Орджоникидзе о действиях Советского правительства,— хоронят войну, это несомненно. Мы предприняли все, чтобы мир был всеобщим, а если этого не добьемся, то сепаратный мир, как заявил тов. Ленин, ляжет всецело на наших союзников... Борясь за землю, борясь за мир, мы ничего не уступили, но сделались общенародной партией»[95].

Возвращение Крыленко в Петроград 14 ноября было связано с тем, что Советское правительство перенесло начало переговоров о перемирии на 19 ноября с целью еще раз «предложить союзным правительствам определить свое отношение к делу мирных переговоров». Об этом говорилось в обращении Совнаркома к этим правительствам от 15 ноября[96]. На этот раз Советское правительство предупредило, что если союзные страны не пришлют своих представителей на переговоры в Брест-Литовск, оно будет вести переговоры с немцами без них[97]. 17 ноября было сделано повторное предложение в порядке извещения через советскую печать[98].

Чтобы дезориентировать солдат и всех трудящихся России в подлинных намерениях империалистов Антанты, английский посол Бьюкенен инспирировал через итальянского посла в Петрограде и руководителя итальянской военной миссии в Могилеве лживое сообщение о том, будто союзники готовы освободить Россию от союзных обязательств и предоставить ей возможность заключить перемирие, а затем мир сепаратно[99]. Однако Духонин не понял хитрости Бьюкенена. Он назвал эти сведения «частными»[100].

Непрекращающиеся связи Духонина с посольствами и военными миссиями вынудили Советское правительство сделать 18 ноября специальное заявление об ответственности иностранных дипломатов за возможный самосуд со стороны возмущенных солдат или матросов, назвав их

---

[94] Там же.
[95] Там же, стр. 357.
[96] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 28—29.
[97] Там же, стр. 30.
[98] Там же, стр. 31—32.
[99] «Красный архив», 1927, т. 4, стр. 236.
[100] С. М. Майоров. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959, стр. 106.

действия вмешательством во внутреннюю жизнь России без ведома ее законного правительства, попыткой разжечь гражданскую войну в чужой стране [101]. Кровопролитие действительно назревало, особенно после того, как Духонин распорядился освободить из тюрьмы в Быхове (под Могилевом) генерала Корнилова и его сподвижников по мятежу против революции, после того, как он распорядился эвакуировать Ставку в Киев под защиту контрреволюционной Центральной рады.

Еще 14 ноября солдаты Могилевского гарнизона заявляли: «Если Духонин не передаст командование, то мы выступим против него с оружием в руках» [102]. Учитывая настроения солдатских масс, Советское правительство решило помочь им быстрее ликвидировать опасный очаг контрреволюции. 19 ноября из Петрограда на Могилев под командованием Крыленко были направлены: большой сводный отряд моряков-балтийцев во главе с большевиком Павловым, два эшелона добровольцев гвардейского Литовского полка, отряд Сахарова и отряд эсера-максималиста Кудинского. Еще раньше в Минск и Полоцк был послан большевик Тер-Арутюнянц с приказами командующему Западным фронтом В. В. Каменщикову и командующему армией этого фронта С. А. Анучину двинуть части фронта в обход Могилева с юга (на Гомель и Бобруйск) и с запада (на Оршу). Могилев, таким образом, брался в клещи. Узнав о приближении революционных войск, Духонин решил, наконец, что сопротивление бессмысленно. Правильно оценить обстановку помог ему начальник штаба Ставки генерал М. Д. Бонч-Бруевич, брат управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича. Но эсеры и меньшевики из Общеармейского комитета организовали сопротивление еще вечером 21 ноября.

Большая роль в проведении быстрой, сравнительно бескровной операции против Ставки принадлежала Могилевскому Совету рабочих и солдатских депутатов и связанным с ним солдатским комитетам частей Могилевского гарнизона. В Могилеве еще до выступления революционных войск в ночь на 22 ноября была объявлена Советская власть, Духонин был арестован, а руководителям Общеармейского комитета во главе с С. Н. Перекрестовым прип-

---

[101] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 33.
[102] С. М. Майоров. Указ. соч., стр. 107.

лось поспешно бежать на юг, чтобы присоединиться к быховским «узникам», освобожденным по приказу Духонина. Когда последнее стало известно революционным солдатам и матросам, они потребовали выдачи Духонина из-под ареста. Расправа свершилась стихийно. Духонин был убит.

В Могилеве были образованы советская Ставка, а при ней вместо Общеармейского комитета — Военно-революционный комитет из представителей ревкомов фронтов и армий. Штаб верховного главнокомандующего подлежал ликвидации. Вместо него был создан Военно-полевой штаб, который занялся подготовкой демобилизации армии и формированием отрядов добровольцев из солдат для борьбы с внутренней контрреволюцией.

Установление общего перемирия

Декрет о мире, адресованный прежде всего трудящимся всех воюющих сторон, встретил среди последних широкий отклик. Он положил начало борьбе за всеобщий мир, несмотря на то, что официальная пресса воюющих стран не напечатала его. Сочувственные сообщения о победе революции и о декрете проникли в массы сначала через партийную социал-демократическую печать.

Германские левые социал-демократы (Ф. Меринг, К. Цеткин) обстоятельно комментировали декрет. Вот что писала, например, газета «Лейпцигер фольксцейтунг»: «В этом воззвании ярко горит над оживающим миром огонь, зажженный правительством рабочих и крестьян в Петрограде. В сумерках войны появляется призывающий к жизни свет мира... В России большевики ведут тяжелую борьбу против объединенной силы буржуазии и ее союзников — мелкой буржуазии и богатого крестьянства, а в воюющих странах обоих лагерей началась упорная борьба военных партий против петроградского воззвания о мире»[103]. К. Цеткин в статье «Борьба за власть и мир в России» писала, что русская революция имеет «величайшее историческое значение не только для России, но и для всего мира»[104].

---

[103] «Правда», 21 ноября 1917 г.

[104] В. Брюнин. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии в 1917—1918 гг.— «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1958, стр. 15.

Горячо откликнулась на мирные шаги Советского правительства и левая часть австрийской социал-демократии. Венская «Арбайтер цейтунг», передавая смысл ленинского толкования аннексии, писала, что незаконно в принципе включать какой-либо народ в состав того или иного государственного союза вопреки воле этого народа [105]. Пресса Антанты, не передавая даже содержания Декрета о мире, объявила мирные предложения большевиков «происками немцев». Шведская газета «Социал-демократ», сообщая о мирных предложениях Советского правительства, писала: «Было бы очень поверхностно видеть в этом победу немецких агентов. Агитатором была сама война» [106].

По мере возрастания интереса в широких массах за рубежом к событиям в России как к способу выхода из войны к обсуждению этих событий вынуждена была присоединиться пресса всех направлений. Газета немецких социал-шовинистов «Форвертс» упрекала соглашательские партии России в том, что они «недостаточно серьезно отнеслись к вопросам мира» и потому облегчили победу большевикам [107]. В статье «Россия — за перемирие и мир» эта газета подробно излагала предложения Советского правительства. Декрет о мире назывался выражением «искренней воли народов» [108].

Социал-шовинистам Германии трудно было обманывать массы — труднее, чем социал-шовинистам стран Антанты (последние могли утверждать, что они борются против германского монархизма в защиту парламентских свобод). Социал-шовинистам Германии трудно было говорить об оборонительном характере войны, когда немецкие войска всю войну воевали на чужой территории. Наконец, германские войска соприкасались с русскими, начали брататься с ними. Идеям русской революции проникнуть в Германию было легче, чем в какую-либо другую страну.

Уже в начале ноября (ст. ст.) в Германии произошли первые демонстрации солидарности с революционной Россией. 5 ноября в Берлине состоялась демонстрация про-

---

[105] И. И. Минц. Начало борьбы Советской власти за всеобщий мир. (1917—1918).— «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. 59, вып. 4. М., 1958, стр. 7.

[106] Там же.

[107] С. Ю. Выгодский. Ленинский декрет о мире. Л., 1958, стр. 227.

[108] Там же, стр. 228.

теста против запрещения властями собраний для обсуждения мирных предложений Советского правительства. В демонстрации приняло участие 1500 человек [109]. Через неделю, 12 ноября, между демонстрантами и полицией в Берлине произошло столкновение. Демострации или попытки их организовать имели место в тот день в Дрездене, Лейпциге, Магдебурге, Галле, Гамбурге, Мангейме. Наряду с демонстрациями по всей Германии прошли многолюдные собрания.

Военные власти с удивлением констатировали отсутствие среди немецких трудящихся какой-либо ненависти к русскому народу. «Напротив, — говорилось в отчете 18-го армейского корпуса о состоянии тыла, — они (немцы.— *Д. О.*) относятся по-дружески к прежнему врагу и готовы видеть в нем почти союзника» [110]. Военным властям было о чем тревожиться. Ведь на собраниях немецких граждан, на которых обсуждались призывы Советского правительства к миру, присутствовали и солдаты. Левые социал-демократы распространяли среди солдат воззвания о мире и текст советского Декрета о мире.

Германское правительство в лице Г. Гертлинга вынуждено было заявить в рейхстаге, что оно готово вести переговоры о перемирии на основе советского предложения. Австро-Венгрия — основной союзник Германии — просто не в состоянии была дальше вести войну. Ее экономика пришла в упадок. Министр иностранных дел Чернин писал: «для нашего спасения необходимо возможно скорее достигнуть мира» [111]. Германские империалисты и их союзники, конечно, предпочли бы идти на Петроград и раздавить Советскую власть, но сил у них не было.

В другом положении оказались империалисты Антанты, получившие решающую поддержку со стороны империалистов США, недавно вступивших в войну. Не имея прямого контакта с революционной Россией на фронте, страны Антанты, готовясь нанести последний удар своему противнику — Германии, не хотели, чтобы в России укрепилась Советская власть и тем более, чтобы между Советской Россией и империалистической Германией установилось перемирие. Последнее было чревато военными ос-

---

[109] Там же, стр. 18.
[110] В. Брюнин. Указ. соч., стр. 15.
[111] О. Чернин. В дни мировой войны. М.— Пг., 1923, стр. 236.

ложнениями на Западном фронте. Страны Антанты имели неспокойный тыл. Их правительства надеялись парламентской демагогией успокоить свой тыл на некоторое время, а потом добиться ликвидации Советской власти путем разжигания гражданской войны и оказания помощи российским контрреволюционерам.

11 ноября заместитель военного министра Англии Сесиль впервые официально заявил, что «правительство его величества не признает нынешнего русского правительства» [112]. Заявление выражало существо политики всех стран Антанты. Однако такая незамаскированная формула слишком грубо попирала волю другого народа и нарушала тактические принципы, свойственные лживой буржуазной дипломатии. С ней не были солидарны американские дипломаты, которые при проведении той же антисоветской стратегии предпочитали маскироваться.

Еще 7 ноября посол США в России Френсис направил в Государственный департамент предложение «социалиста» Чайковского созвать союзную конференцию, чтобы договориться о тактике в отношении России. 14 ноября Бьюкенен внял совету Френсиса. Он предложил вынести на конференцию решение о том, что Россия «свободна действовать так, как ей нравится», и в этом же решении записать о необходимости «принудить Россию возобновить военные действия» против Германии [113]. Мирную маскировку империалистической политики поддержал помощник президента США полковник Хауз. Прибыв 15 ноября в Париж на конференцию, созванную по предложению Френсиса и Чайковского, он в тот же день писал президенту Вильсону: «Здесь опубликованы заявления американских газет, что с Россией следует обращаться, как с врагом. Чрезвычайно важно, чтобы такая линия была пресечена. Она толкнет Россию в лапы Германии» [114].

Однако боязнь приблизить мир даже словесной поддержкой его пересилила волю собравшихся в Париже. Перевес получила надежда на недолговечность советского строя. Конференция приняла уклончивое решение: обсуж-

---

[112] А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964, стр. 81.

[113] Д. Бьюкенен. Моя миссия в России, т. II. Берлин, 1924, стр. 225.

[114] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States» (далее — «Foreign Relations»). 1918. Russia, vol. I. Washington. 1931, p. 271.

дать вопрос о мире с Россией, «как только она будет иметь устойчивое правительство» [115]. Это был скрытый расчет на призыв к развертыванию гражданской войны и интервенции.

Лондонская «Таймс» в день принятия этого решения писала, что «союзники учитывают, что юг России уже не находится под властью большевиков», и потому союзники намерены установить с контрреволюционными силами юга, возглавлявшимися Калединым, связь через Персию или по Транссибирской железной дороге для оказания им «всяческой поддержки». Газета предсказывала: «Рано или поздно большевистское движение должно пасть» и добавляла: «в наших интересах, чтобы оно пало скорее» [116]. Когда в Лондоне стало известно о ликвидации контрреволюционной Ставки и бегстве Корнилова на юг, та же газета писала: «Бегство Корнилова из тюрьмы (к Каледину.— *Д. О.*) может иметь большое значение, и во всяком случае генерал Каледин с казаками является гигантской силой» [117].

Кого только ни пыталась использовать Антанта против Советской власти в тот момент! Хауз на конференции в Париже настойчиво рекомендовал использовать боярскую Румынию [118]. Бывший министр иностранных дел Англии Г. Ленсдаун, по согласованию с Хаузом, выступил в день открытия конференции в печати с предложением заключить сепаратное соглашение с Германией [119]. Чтобы сорвать советско-германское перемирие, на конференции обсуждался план отрыва Австрии от участия в этих переговорах [120]. И все это делалось тогда, когда Советское правительство ждало от «союзников» ответа на предложение присоединиться к переговорам о перемирии.

Не получив ответа, Советское правительство приступило к переговорам в назначенный срок. Оно надеялось, что «союзники» России в ходе переговоров пересмотрят свое отношение к ним. Еще 15 ноября 1917 г. В. И. Ленин просил генерала С. И. Одинцова созвать утром 16 ноября комиссию штабных офицеров и генералов для разработки

---

[115] «Архив полковника Хауза», т. III. М., 1939, стр. 201.
[116] «The Times», 29.XI 1917.
[117] Там же, 5.XII 1917.
[118] «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 169.
[119] Там же, стр. 167.
[120] Там же, стр. 195.

военно-технических вопросов перемирия с Германией, а к вечеру прислать ему хотя бы краткий конспект основных вопросов, пунктов и соображений договора о перемирии и указать лиц, которые могли бы с полным знанием дела участвовать непосредственно в переговорах о перемирии [121].

Состав советской делегации подчеркивал демократический характер и политические цели переговоров с советской стороны. В делегацию были включены в качестве уполномоченных-руководителей пять членов ЦИК Советов (А. А. Иоффе, А. А. Биценко, С. Д. Мстиславский, Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников), четыре члена делегации, представлявших революционные массы (рабочий П. А. Обухов, крестьянин Р. И. Сташков, солдат Н. К. Беляков и матрос Ф. В. Олич). К этой делегации были прикомандированы девять военных консультантов, руководителем которых был старший по чину контр-адмирал В. М. Альтфатер. При делегации состояли: секретарь (Л. М. Карахан), три переводчика, три юзиста, переписчик и два ординарца.

Делегации Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии состояли исключительно из военных. Формально возглавлял их главнокомандующий Восточным фронтом принц Леопольд Баварский. Но он только открыл заседание, передав фактическое руководство начальнику штаба генералу Гофману. Советская сторона предложила «объявить, что предполагаемое перемирие имеет своей задачей мир на демократических началах», как это было сформулировано в декрете II Всероссийского съезда Советов [122]. Гофман и другие уполномоченные «центральных держав» заявили, что они призваны «регулировать» лишь военную сторону перемирия и тем более не уполномочены говорить о всеобщем перемирии, поскольку делегаты других воюющих стран, за исключением России, не присутствуют.

Приступая к переговорам об общем перемирии, Совнарком обратился к немецким солдатам с подписанным В. И. Лениным обращением поддержать борьбу трудящихся Советской России за немедленный демократический мир [123].

Советская делегация потребовала вести точные протоколы заседаний, без изъятий, с тем, чтобы Советскому пра-

[121] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 6—7.
[122] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 42.
[123] «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3, стр. 157.

вительству было предоставлено право их опубликовать, и просила записать в протокол прежде всего свое заявление о задачах перемирия и ответы на него. Затем она настойчиво добивалась, чтобы Германия и ее союзники «немедленно» обратились к не представленным на переговорах государствам, воюющим с ними, с предложением принять участие в составлении условий перемирия на всех фронтах. Гофман обещал передать это «пожелание» своему правительству через главное командование, но потом заявил, что «центральные державы едва ли готовы» к такому обращению [124]. Уже из этого было видно, что германские империалисты хотели не всеобщего демократического мира, а только перемирия на Восточном фронте, чтобы развязать себе руки на Западном фронте.

Тогда советская делегация потребовала обусловить перемирие обязательством не перебрасывать войск с одного фронта на другой, ссылаясь при этом на принципиальную установку Советского правительства — добиваться перемирия на всех фронтах, в том числе и на фронтах «союзников» России. Снова последовал уклончивый ответ, зафиксированный советской делегацией. После выработки проектов военно-технических условий перемирия на русско-германском фронте советская делегация не стала подписывать какой-либо проект, чтобы не нарушать установку о всеобщем характере перемирия. Позицию советской делегации 22 ноября В. И. Ленин объяснял так: «Когда немцы на наши требования не перебрасывать войска на западный и итальянский фронты ответили уклончиво, мы прервали после этого переговоры...» [125]

Перерыв в переговорах, однако, не сопровождался возобновлением военных действий. Уже на этом первом этапе переговоров была достигнута договоренность о приостановлении военных действий на всех фронтах между Черным и Балтийским морями на 10 дней. Переговоры было решено возобновить 29 ноября. В связи с достигнутым соглашением советский главнокомандующий Н. В. Крыленко приказал свято соблюдать его — так, чтобы «ни одна пуля не пролетела из окопов в сторону противника» [126].

---

[124] Д. Г. Фокке. Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров.— «Архив русской революции», XX. Берлин, 1930, стр. 33, 47.

[125] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 117.

[126] С. М. Майоров. Указ. соч., стр. 119.

В правительственном сообщении о ходе переговоров, опубликованном в Петрограде 22 ноября, указывалось, что перерыв в переговорах в Брест-Литовске объяснялся желанием еще раз выяснить возможность распространения перемирия на «союзников» России. Советское правительство обращалось снова к народам: «Союзные народы должны знать, что переговоры начались и что они будут продолжаться, независимо от поведения нынешней союзной дипломатии. В этих переговорах, где русская делегация отстаивает условия всеобщего демократического мира, дело идет о судьбе всех народов, в том числе и о тех воюющих народах, дипломатия которых сейчас остается в стороне» [127]. Советское правительство обращалось и к парламентам «союзных» стран, и к социалистическим партиям, представленным в них, с предложением «немедленно решить, совместимо ли такое поведение союзной дипломатии с интересами союзных народов». Требование не допустить переброску германских войск с Восточного фронта на Западный подчеркивало интернациональный характер внешней политики Советской власти. В этой связи Советское правительство заявило, что оно и впредь будет придерживаться этого принципа, надеясь на поддержку трудящихся масс Европы, которым угрожали новые тяготы войны, разорение и кровь. «Перемирие не может и не будет содействием одному милитаризму против другого» [128],— говорилось в заявлении.

23 ноября, в пятый раз на протяжении месяца, Советское правительство обратилось к правительствам Антанты с предложением присоединиться к его программе мира. Оно заявляло, что истекшего времени было более чем достаточно, чтобы объяснить, «во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны» [129].

Преемственность всех внешнеполитических актов Советского правительства с основными принципами внешней политики, изложенными в Декрете о мире, прослеживается и в истории подготовки к продолжению переговоров о перемирии. 25 ноября в связи с этой подготовкой Ленин предложил Крыленко обеспечить прибытие к утру следу-

---

[127] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 46.
[128] Там же, стр. 40—41.
[129] Там же, стр. 42.

ющего дня в Смольный военных консультантов (экспертов) для составления проекта договора о перемирии [130]. 27 ноября состоялось заседание Совнаркома, на котором утверждались полномочия мирной делегации, рассматривался вопрос об инструкции ей. Заседание решило: «Инструкция о переговорах — на основе Декрета о мире» [131].

В инструкции, написанной на основе этого постановления Лениным, развивалось важнейшее положение о понятии аннексии, изложенное в Декрете о мире. Это положение противопоставлялось понятию, которое собирались навязать империалисты, понесшие территориальный ущерб в последней войне. Они предлагали именовать аннексией только то присоединение, которое имело место в последней войне. В инструкции указывалось: «аннексией объявляется всякая территория, население которой в течение последних десятилетий (со второй половины XIX в.) выражало недовольство присоединением ее территории к другому государству...» [132] Такое определение давало направление политическим переговорам и открывало большие возможности для начала борьбы с колониализмом, поскольку империалистический передел территорий колоний был начат именно во второй половине XIX в.

Вторичный отъезд делегации в Брест-Литовск из Петрограда состоялся в тот же день вечером. Первое заседание после недельного перерыва возобновилось 30 ноября. Советская делегация по указанию Ленина [133] снова настаивала на недопущении переброски войск с Восточного фронта на Западный, чтобы не дать империалистам Германии использовать перемирие для затягивания мировой войны. Советское правительство и на этом, втором, этапе переговоров стояло на позициях всеобщего демократического мира. 2 декабря был подписан договор о перемирии на 28 дней с правом сторон прервать состояние перемирия предупреждением за неделю до возобновления военных действий. Правительствам стран Антанты давался еще месячный срок для того, чтобы присоединиться к договору о перемирии и сделать его всеобщим. По дополнительному договору от 5 декабря стороны, заключившие договор,

---

[130] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 547.
[131] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 12, л. 4.
[132] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 121.
[133] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 74.

обязались принять «меры к восстановлению культурных и хозяйственных сношений» между собой [134].

Крыленко на следующий день после подписания перемирия в обращении к войскам сообщал, что перемирие означает мир «на первый короткий срок», что после перемирия солдаты не будут воевать, а должны обеспечить прочный мир в борьбе с врагами его. «Нет и не может быть пощады тому, кто встанет на дороге борьбы за мир» [135],— говорилось в обращении. Врагами мира объявлялись все, кто так или иначе, особенно во время революционного братания, разрешенного договором по настоянию советской стороны, пытался бы сорвать выполнение условий перемирия [136].

Солдаты с радостью встретили известие о перемирии. С надеждой на полное прекращение войны в ближайшем будущем и со словами благодарности за прекращение огня на фронте они обращались в ЦК большевиков, ЦИК и Совнарком. Агитаторы-большевики Иванов, Павлов и Захаров из 15-го корпуса 3-й армии писали в начале декабря 1917 г. в ЦИК, что «все солдаты — большевистского настроения», что «все солдаты признают единственную власть Советов во главе с народными комиссарами» [137]. Солдат пулеметной команды 24-го сборного стрелкового полка Г. Сотрихин, обращаясь в ЦК большевиков, писал: «Дорогие товарищи, с радостью извещаю, что сегодня мы в окопах получили известие, что заключено перемирие, т. е. [сделаны] первые шаги к прекращению ужасной бойни. Вот что значит победа пролетариата!» В заключении письма говорилось: «Мы ожидаем мира!» [138]

Начало переговоров о мире

Заключение договора о перемирии или о приостановке военных действий на срок, достаточный для выработки и подписания условий мира, было важной предпосылкой заключения мира и демократизации армии. По договору о перемирии перерыва между подписанием этого договора

[134] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 52.
[135] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 537, л. 3.
[136] Там же, ф. 94, оп. 1, д. 30, лл. 41—43.
[137] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 77, д. 2, лл. 61—62.
[138] Р. И. Маркова. Борьба В. И. Ленина с троцкистами и «левыми» коммунистами в период Бреста».— «Вопросы истории КПСС», 1959, № 5, стр. 52.

и переговорами о мире не предполагалось. Немцы в марте 1918 г. собирались начать наступление на Западном фронте и потому торопились подписать мирный договор с Россией. Из Германии в Брест-Литовск прибыло большое число советников. Руководил делегацией Германии статс-секретарь по иностранным делам Р. Кюльман. Австро-венгерскую делегацию возглавлял министр О. Чернин. Советскую делегацию пополнили М. Н. Покровский (историк), М. П. Павлович (экономист) и А. А. Самойло (военный консультант).

Советская сторона по-прежнему исходила из принципа всеобщего демократического мира. 4 декабря 1917 г. Ленин беседовал с Покровским и передал ему соответствующую инструкцию для делегации. В ночь на 6 декабря он принял члена французской военной миссии в России капитана Садуля и в беседе с ним решительно высказался за ближайшее участие «союзников» России в общих переговорах о мире. Видимо об этом Ленин вел также разговор с руководителем американской миссии Красного Креста в Петрограде полковником Робинсом. Разговор состоялся 8 декабря 1917 г.[139] На объединенном заседании ЦИК Советов, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и других петроградских и всероссийских организаций 8 декабря 1917 г. подчеркивалось, что, подписывая перемирие, советская сторона будет добиваться «не сепаратного перемирия и мира, а мира всеобщего»[140]. Обращаясь к трудящимся всех стран, ЦИК сообщал, что советская сторона добилась принятия противником требования о недопущении переброски войск с Восточного фронта на Западный и призывала «принудить правительства Франции и Англии согласиться на заключение мира», чтобы он стал всеобщим[141].

При открытии переговоров 9 декабря 1917 г. советская делегация напомнила текст Декрета о мире, подчеркнула в духе ленинской инструкции равные права слабых и сильных наций как основную предпосылку заключения мира. Она заявила о недопустимости насильственных присоединений захваченных территорий, о необходимости вывода с оккупированных территорий войск и восстановления

---

[139] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 75—76.
[140] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 58.
[141] Там же.

полной политической самостоятельности народов, которые во время войны этой самостоятельности были лишены. Советская сторона снова заявила, что мир должен быть всеобщим и демократическим [142]. Советская делегация обнародовала содержание инструкции, уточняющей Декрет о мире, развивающей его идею о правах колониальных народов.

Ответ на советскую декларацию многочисленные дипломатические советники и эксперты австро-германского блока составляли три дня. 12 декабря Кюльман изложил общую позицию держав «Четверного союза», заявив, что «основные положения русской декларации будут положены в основу переговоров о мире». Однако, когда дело дошло до уточнения конкретных форм реализации общих принципов и заявлений, германские представители стали возражать против советских предложений, в частности против всенародных опросов (референдумов) о принадлежности к тому или иному государству. Разъясняя отношение к щекотливому вопросу о германских колониях, делегат Австро-Венгрии заявил, что «туземцы» в германских колониях, отторгнутых Антантой, якобы «остались верны до смерти» своим германским друзьям-колонизаторам и потому эти колонии подлежат возврату Германии [143].

14 декабря началось обсуждение двух первых пунктов германского проекта мирного договора. В одном из них заявлялось, что из оккупированных во время войны областей должны быть выведены войска, а в другом пункте для Германии делалось исключение на том основании, что мир будет полным только для одной стороны — для России. Когда же советская сторона попросила назвать срок вывода немецких войск после заключения всеобщего мира, германская сторона отказалась это сделать [144].

При таком положении договориться немедленно было нельзя. Однако и прекращать переговоры советская сторона не желала. Поэтому советская делегация потребовала перерыва в переговорах на 10 дней. В день отъезда советских представителей из Брест-Литовска в Петроград

---

[142] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I. М., 1920, стр. 7—8.

[143] «Архив русской революции», XX, стр. 106.

[144] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 28; «III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Пг., 1918, стр. 53.

Гофман в неофициальной беседе дал понять, что Германия и не помышляет об освобождении территорий западных губерний России на том основании, что среди поляков, украинцев, латышей, литовцев и эстонцев есть «влиятельные» лица, которые также верны своим «германским друзьям».

Такое начало мирных переговоров показывало, что со стороны германских империалистов мир может быть только аннексионистским; им придало силу нежелание правительств стран Антанты присоединиться к переговорам. С отказом Антанты от всеобщего демократического мира германские империалисты связывали свои надежды на возможность в любой момент предъявить советской стороне более жесткие условия мира.

Антисоветские побуждения Антанты еще более усилились, когда в результате настойчивых миролюбивых обращений к народам стран Антанты в этих странах распространилось движение солидарности с Советской Россией в борьбе за мир. Социал-демократические газеты стран Антанты стали широко печатать сочувственные и восторженные отклики на мирную политику Советского правительства. В Британской социалистической партии, например, «исторический поворот» в пользу советской политики мира Гарри Поллит относил к середине ноября 1917 г. (ст. ст.), когда еженедельник этой партии выступил с заявлением, в котором говорилось: «Мира и хлеба, разгрома сил наживающихся на войне капиталистов и жадных помещиков — вот чего хотят Ленин и его друзья для своих соотечественников и для всего страждущего мира. Поможем ли мы им?» [145] В Англии и Франции, а также в США в конце ноября и в декабре 1917 г. прошла волна забастовок, демонстраций и митингов.

Политика правительств Антанты в отношении страны Советов после разгрома контрреволюционной Ставки также приняла более ясные очертания. В центре страны не было серьезных сил, на которые можно было бы опереться в борьбе с Советами. Но о признании укрепившейся в центре власти ноябрьская конференция союзников отказалась говорить. Уже тогда, в середине ноября, она обратила свое

---

[145] Г. Поллит. 40 лет величайших в истории.— «Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое освободительное движение», т. 2. М., 1958, стр. 11.

внимание на окраины России, где силы контрреволюции, наоборот, окрепли. И империалисты усилили помощь им, чтобы изолировать большевистский центр России от всего мира.

На Дон, в Закавказье, на Украину спешно были отправлены миссии «союзников». 9 декабря в Париже состоялся совет высших военных руководителей Антанты, где было подписано известное соглашение о разделении сфер влияния союзников в России. По свидетельству Ллойд-Джорджа, это соглашение было достигнуто «в связи с предложением большевиков о мире» [146]. Соглашение тогда не публиковалось, но к сведению белогвардейцев объявлялось о том, что они получат от союзников военную помощь [147]. При этом, конечно, делались ссылки на необходимость противодействия Германии. Антисоветская направленность белогвардейщины получала «патриотическое» прикрытие.

В. И. Ленин несколько позже, в августе 1918 г., в «Письме к американским рабочим» дал исчерпывающую и очень меткую характеристику этой политики. Он писал, что империалисты Антанты, «лицемерно оправдывая свой грабительский поход» против России, распространяли ложь, что они стремятся защитить ее от немцев [148]. «Поход» начался не только посылкой миссий. Империалисты широко снабжали белогвардейцев деньгами, оружием, а на Дальнем Востоке устраивали демонстрации военных кораблей, подстрекали Японию к высадке своих войск». На вторжение своих сил они пошли только весной 1918 г. В конце 1917 г. они, по выражению Ллойд-Джоржда, стремились, «чтобы большевизм был сокрушен», но «самим браться за это дело» им не хотелось [149].

Когда переговоры о мире уже начались, Антанта свой ответ на предложение присоединиться к ним снова обусловила нежеланием иметь дело с Советами. 14 декабря министр иностранных дел Франции С. Пишон заявил в палате депутатов: «Когда Россия будет иметь правительство, признанное всеми народами (читай: капиталиста-

---

[146] Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары, т. V, стр. 93.
[147] Там же, стр. 85.
[148] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 50.
[149] Д. Ллойд-Джордж. Правда о мирных переговорах, т. I. М., 1957, стр. 227.

ми.— *Д. О.*), Франция будет готова рассматривать с ним цели войны и условия справедливого и длительного мира» [150]. Советскую формулу мира (всеобщего и демократического) Пишон не употребил сознательно. Это означало, что Антанта считала те условия, которые в тот момент мешали ей продолжать войну, «несправедливыми».

16 декабря ЦК большевистской партии, направлявший всю политику Советов, призвал народ страны продемонстрировать свою настойчивую волю добиться всеобщего, а не сепаратного мира. Подводя итог почти месячным переговорам в Брест-Литовске, ЦК заявлял: «В Бресте борьба русской революции... ясно доказала, что ее целью является всеобщее перемирие на всех фронтах и всеобщий мир всех воюющих народов» [151]. Руководствуясь этим, Советское правительство снова обратилось к народам и правительствам «союзных» стран. В обращении говорилось, что перерыв в переговорах есть попытка «дать последнюю возможность союзным странам принять участие в дальнейших переговорах» [152].

Но правительства «союзных» стран — Англии и Франции — продолжали занимать прежнюю позицию. Они не желали переговоров о мире, проводили скрытно антисоветскую политику.

Особенно коварно действовало при этом правительство США. Оно скрытно подталкивало Каледина к захвату Москвы и установлению личной диктатуры, рекомендовало ему сломить Питер и всю революционную Россию.

Еще в конце ноября 1917 г. (ст. ст.), до подписания упомянутой конвенции о разделении сфер влияния между империалистами Англии и Франции, государственный секретарь США Р. Лансинг в меморандуме на имя В. Вильсона сделал первый шаг к развязыванию интервенции и гражданской войны в России в широком масштабе при строгом плане действий. В этом документе было написано: «Надежда на создание устойчивого русского

---

[150] В. С. Васюков, А. О. Чубарьян. Борьба большевистской партии и Советского правительства за революционный выход из войны (октябрь 1917 — март 1918 г.).— «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М., 1957, стр. 635.

[151] «Правда», 16 декабря 1917 г.

[152] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 67.

правительства заключается сегодня в военной дикатуре». И далее в меморандуме указывалось, что «единственным заметным ядром» для осуществления этой цели является группа «высших офицеров во главе с атаманом донских казаков генералом Калединым» [153]. Идея Лансинга получила полное одобрение Вильсона.

Таким образом, в середине декабря существовал план не только разделения сфер влияния, но и действий внутренних сил контрреволюции, подсказанный извне. Недоставало взаимодействия враждующих групп иностранных империалистов и их единства с внутренними контрреволюционными силами.

Источники показывают, что возможность сговора Антанты с Германией была в то время реальной. «Союзники» России не могли не обратить внимания на заявление Кюльмана 13 декабря о том, что «положенные в основу переговоров о мире» с Германией советские условия, оглашенные при открытии мирной конференции, «могли бы быть осуществлены» лишь в том случае, если бы «союзники» России одобрили их [154]. Солидарность всех империалистов в ненависти к Советам здесь чувствуется достаточно ясно.

Несколькими днями позже Ллойд-Джордж сказал «исторические», по выражению В. И. Ленина, слова о том, что переговоры об общем мире будут после того, как Россия определит свою будущую границу с Германией и Австро-Венгрией [155]. В этом содержался намек на возможность для Германии и Австро-Венгрии договориться с Антантой за счет территории России. 24 декабря «Правда» по поводу заявления Ллойд-Джорджа опубликовала статью «Их план».

Антанта подготовила зловещий план, учитывая реальные возможности организации защиты социалистической революции. Эти возможности прежде всего были связаны с состоянием вооруженных сил. Перед многими солдатами, еще находившимися в окопах, стоял вопрос: какой характер примет дальше борьба за мир. В середине декабря на переговорах в Брест-Литовске определилось не-

---

[153] «Foreign Relations. The Lansing Papers 1914—1920», vol. II. Washington, 1940, p. 343—344.

[154] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 9.

[155] «Ленинский сборник», XI, стр. 9.

желание немецких империалистов на деле принять советскую программу всеобщего мира без аннексий. Они неофициально уже заявили о своем желании присоединить к Германии оккупированные земли на западе России — те, где стояла их армия. Солдаты русской армии держали фронт, пока шли обнадеживающие переговоры в Брест-Литовске. Они ждали организованной демобилизации, которая к тому же интенсивно подготавливалась Советским правительством, начиная с 10 ноября, когда был опубликован за подписью Ленина декрет о демобилизации солдат призыва 1899 г. Этой работой руководили Военно-полевой штаб при Ставке главнокомандующего и Отдел по демобилизации Народного комиссариата по военным делам во главе с М. С. Кедровым.

В советской Ставке план демобилизации обсуждался уже 23 ноября. В конце ноября — первой половине декабря проходили фронтовые и армейские съезды по демобилизации, которые в основном рассмотрели техническую сторону демобилизации. Организованная демобилизация 8 млн. солдат с фронтов и из прифронтовых тылов требовала, по подсчетам Военно-полевого штаба, более двух месяцев [156]. Равновесие между непреодолимым желанием подавляющего числа солдат оставить позиции и долгом их держать эти позиции, пока не подписан мир, сохранялось до тех пор, пока солдаты верили в успешный исход переговоров. Но равновесие было нарушено, как только стало известно, что немцы не помышляют отказаться от аннексий и что снова может возобновиться война.

Настроение солдат было выражено в ответах делегатов Общеармейского съезда по демобилизации на вопросы главы Советского правительства. Порядок и характер вопросов, предложенных Лениным 15 и 18 декабря 1917 г. [137], свидетельствовали о том, что нежелание сол-

---

[156] Е. Н. Городецкий. Демобилизация армии в 1917—1918 гг.— «История СССР», 1958, № 1, стр. 10. Данные переписи действующей армии на 25 октября 1917 г. показывают, что эта цифра завышена. Даже тогда общая численность рядового состава была несколько больше 6 млн. человек (Л. М. Гаврилов, В. В. Кутузов. Новый источник о численности русской действующей армии накануне Октябрьской революции.— «Источниковедение истории Советского общества». М., 1964, стр. 142). Через полтора месяца после этого армия сократилась за счет стихийной демобилизации.

[157] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 79.

дат-окопников не только продолжать войну, но и ждать официального мира он считал важным условием возможности затягивать переговоры или идти ввиду разложения армии на немедленный мир. Вопрос о прекращении переговоров вообще не стоял. Тем более не стоял вопрос о немедленной «революционной» войне. Советское правительство не сомневалось, что одно сообщение о прекращении таких переговоров, о возобновлении состояния войны приведет не к подъему боевого духа армии, а к ее развалу.

Настроение солдат-фронтовиков выражали многочисленные делегации, направлявшиеся в Петроград. Они, как правило, направлялись в Военный отдел ЦИК, которым руководил А. С. Енукидзе. Поток делегаций все нарастал. С 1 ноября 1917 г. по 1 марта 1918 г. Военный отдел принял 1637 делегаций. Бóльшая часть делегаций ставила вопрос о мире. Некоторые из них привозили наказы. По данным с 10 ноября 1917 г. по 10 января 1918 г., требования мира (104 наказа) и демобилизации армии (81 наказ) подавляли своим числом всякие другие требования. Солдаты лишь в общей форме требовали уничтожить контрреволюцию (37 наказов) и редко конкретизировали это требование, называя Красную гвардию (4 наказа) или социалистическую армию (1 наказ) как те силы, которые должны уничтожить контрреволюцию [158].

Но политическая обстановка складывалась не только из настроений солдат. Буржуазные правые оборонцы открыто уже не высказывались в пользу войны с немцами. Потеряв господство, они вынашивали тайные планы свержения Советской власти с помощью немецких штыков. Им трудно было скрыть свое желание втянуть Россию снова в войну с Германией, нарушить перемирие. Это видно из документов, которые только теперь становятся достоянием историков. Мы имеем в виду, в частности, постановление Всероссийского совета съездов представителей промышленности и торговли от 10 января 1918 г. об экономических условиях мира, предъявляемых немцами в Брест-Литовске. Документ, носящий заголовок «Какую

---

[158] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 33, д. 7, лл. 10—16; «Известия ЦИК», 26 апреля 1918 г.

кабалу готовят немцы для России», провозглашал, что этот совет капиталистов «в самой решительной форме» высказывался против указанных условий [159].

К борьбе с немецким империализмом открыто призывали левые мелкобуржуазные оборонцы. Объективно позиции правых и левых совпадали. Даже отдельные члены советской мирной делегации, зараженные мелкобуржуазными иллюзиями, были настроены не вполне мирно (особенно левые эсеры Мстиславский, Биценко). Поэтому в вопросах Ленина, обращенных к делегатам съезда по демобилизации, предусматривался случай разрыва переговоров [160].

Ответы на вопросы Ленина не сохранились, но итоги опроса на следующий день обсуждались на заседании Совнаркома. В резолюции по докладу Крыленко, которую было решено не публиковать, «результаты анкеты» были названы «исчерпывающими». По воспоминаниям Крыленко, «общий ответ большинства был, что армия, пожалуй, если не драться по всем правилам то во всяком случае сопротивляться» будет [161]. На этом основании было решено продолжить переговоры, затягивая их, противодействуя форсированию их со стороны немцев. В резолюции, написанной Лениным, говорилось об агитации против аннексионизма немцев, за «необходимость революционной войны» в будущем, на случай нападения империалистов вопреки мирным целям и действиям Советов [162].

О том, что именно этот смысл вкладывался в резолюцию, принятую в Совнаркоме по докладу Крыленко, свидетельствует обращение Крыленко к солдатам, распространенное 23 декабря. В нем говорилось о «священной войне» рабочих и крестьян России «против российской, немецкой и англо-французской буржуазии» как о реальной опасности в будущем и о необходимости подготовки этой войны. Этим, естественно, мотивировалось создание новой, социалистической армии, названной в обращении «народно-социалистической гвардией» [163].

Необходимость выхода из империалистической войны как можно скорее, даже ценой сепаратного, аннексиони-

---

[159] ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 640, л. 149.
[160] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 179.
[161] «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, стр. 52.
[162] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 181.
[163] «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 1, стр. 138.

стского со стороны империалистов мира и нежизненность лозунга «революционная война» при любом содержании его в данной обстановке для Ленина были очевидны. Солдаты не могли понять революционного смысла гражданской войны до тех пор, пока страна не вышла из состояния войны империалистической.

Советское правительство вносило организационное начало в стихийную демобилизацию, разъясняло солдатам политическое положение, взывало к их наиболее сознательным элементам, затягивало заключение невыгодного мира. Но было ясно, что только созданная в тылу принципиально новая, подлинно революционная, классовая армия, приближающаяся по своему характеру к Красной гвардии, могла спасти положение. Базой формирования соединений новой армии (10 корпусов численностью до 300 тыс. человек) было решено избрать губернии Московского и Петроградского военных округов. Первые отряды новой армии были сформированы в Петрограде в конце декабря 1917 г.[164] В. И. Ленин принял участие в проводах одного из первых отрядов на фронт.

В связи с докладом советской мирной делегации о ходе переговоров в Брест-Литовске ЦИК Советов решил внести предложение о перенесении переговоров на территорию одного из нейтральных государств. 15 декабря 1918 г. В. И. Ленин принял В. Мирбаха, главу немецкой делегации в смешанной комиссии, созданной в Петрограде для решения вопроса об обмене гражданских пленных и инвалидов и для принятия мер к восстановлению культурных и хозяйственных отношений между заключившими перемирие странами. В беседе с Мирбахом Ленин поставил вопрос о перенесении переговоров из Брест-Литовска в Стокгольм или другой город нейтральной страны[165]. Этот пункт назывался в телеграммах руководителям делегаций «центральных держав». Однако это предложение было отклонено. Более того, Германия и ее союзники сообщили, что предъявленные ими условия действительны только в том случае, если к переговорам присоединятся «союзники» России. Но отказ последних присоединиться был налицо. Поэтому такое сообщение означало угрозу ухудшить условия за несогласие пойти на сепаратный мир. Агрессивность германских империа-

[164] Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 19.
[165] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 78—79.

листов нарастала в связи с триумфальным шествием Советской власти и успехами в формировании Красной Армии. Разложение старой армии сопровождалось резким увеличением революционных сил в тылу. Солдаты, оставившие фронт, все чаще вливались добровольно в ряды Красной Армии. Этот приток свежих сил ускорил приближение полной победы на внутреннем фронте. Сражения с белогвардейскими отрядами выигрывались с большой легкостью.

В этой обстановке в широких слоях мелкой буржуазии возникло представление о возможности немедленного расширения территориальных рамок революции. Такие «революционеры» не верили в возможность защитить от интервенции силами трудящихся России то, что было завоевано в революционной борьбе. Они воображали, что можно разжечь мировую революцию и этим путем закрепить завоеванное. Влиянию этих мелкобуржуазных иллюзий поддались и некоторые вполне преданные Советской власти люди. В партии коммунистов образовалось «левое» течение в пользу немедленной мировой революции. Наиболее активные элементы из «левых» коммунистов (Н. И. Бухарин, К. Б. Радек) тяготели к левым эсерам, имевшим своих представителей в правительстве (В. А. Карелин, И. З. Штейнберг, А. Л. Колегаев, П. П. Прошьян, В. Е. Трутовский, А. А. Шрейдер). Они требовали пересмотра внешней политики Советской власти, провозглашенной на II Всероссийском съезде Советов, — политики мира, стремились войти в состав мирной делегации в Брест-Литовске. Советское правительство считало необходимым ввести в состав делегации представителей советских и коммунистических организаций западных национальных районов. В новую мирную делегацию вошли от Польши С. Бобинский, от Литвы — В. С. Мицкевич-Капсукас, от Латвии — П. И. Стучка. В качестве консультанта по национальным вопросам в делегацию вошел Радек, от левых эсеров — Карелин. Возглавил делегацию Троцкий.

27 декабря 1917 г. переговоры возобновились. В тот же день Кюльман сказал, что прежнее заявление германской стороны об условиях мира «можно считать недействительным» на том основании, что «союзники» России не прислали своих представителей [166]. Это означало, что германская

[166] «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, стр. 46.

сторона официально становилась на позиции сепаратного аннексионистского мира и переходила к изложению своих условий только для России. Территориальные притязания к России, на которые Гофман намекал на предыдущем этапе переговоров, были выражены им же так: «Верховное командование считает нужным отклонить очищение Курляндии, Литвы, Риги и островов в Рижском заливе (Моонзундских островов.— *Д. О.*)» [167] Гофман отрицал право на самоуправление за народами, населяющими эти территории, заявив, что имеющиеся там органы управления и все средства управления были созданы Германией, а местное население не сможет и впредь создать все это.

Советское правительство противопоставило политике аннексий прежде всего заявление о том, что принадлежность той или иной территории к составу бывшей Российской империи и наличие на этой территории органов и средств управления, созданных Россией, вовсе не является основанием для аннексии [168]. Этим заявлением отвергались попытки германских империалистов придать аннексии законную форму. Советское правительство из принципиальных соображений официально отказалось от территорий Персии и Турции, полученных силой оружия во время войны, и подтвердило свою готовность вывести оттуда войска [169].

Пытаясь смягчить впечатление, которое произвела на народы агрессивность Германии, ее делегация в Брест-Литовске одновременно повела за спиной советской делегации переговоры с делегацией украинской Центральной рады, чтобы предстать в роли защитницы прав Украины на самоопределение. Заключенный впоследствии договор с Центральной радой был «основанием» для немецкой оккупации и разграбления Украины. Троцкий немало способствовал этому. Игнорируя факт наличия подлинного украинского правительства в Харькове (Украинского ЦИК), Троцкий поспешно признал за делегацией Центральной рады «право» выступать от имени Украины. Такого признания не ожидали даже немцы.

5 января 1918 г. Гофман представил в Брест-Литовске карту, на которой была нанесена граница между РСФСР

---

[167] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 101.
[168] Там же, стр. 76—77.
[169] Там же, стр. 72, 74; М. И. Трут. Указ. соч., стр. 81, 82.

и Германией. Более 150 тыс. квадратных верст территории России он требовал безоговорочно присоединить к Германии. Затягивать переговоры становилось трудным, а принимать аннексионистские условия некоторым недальновидным политикам казалось несоответствующим задачам борьбы за мир без аннексий, провозглашенным Советской властью. Троцкий предложил мира не подписывать, войну не продолжать, а армию демобилизовать. Ленин вызвал по прямому проводу «кого-либо» из членов советской мирной делегации в Брест-Литовске [170]. Он рекомендовал делегации прервать переговоры, а руководителям приехать в Петроград, чтобы обсудить вопрос об изменении политики в новой обстановке. 5 января 1918 г. Ленин послал в Брест-Литовск на имя Троцкого телеграмму с указанием прислать официальную телеграмму в Совнарком с просьбой о назначении Г. В. Чичерина заместителем наркома по иностранным делам [171].

Дальнейшая борьба за всеобщий демократический мир могла вестись только через сепаратный и аннексионистский мир Советской России с Германией.

---

[170] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 5038; М. И. Труш. Указ. соч., стр. 81, 88.

[171] «Ленинский сборник», XI, стр 19.

Глава вторая

МИР С ГЕРМАНИЕЙ

Ленинская программа

Борьба за всеобщий демократический мир была одной из основных стратегических задач большевиков. До Октябрьской революции эта задача осуществлялась в борьбе с буржуазией и помещиками, развязавшими империалистическую войну под флагом «защиты отечества». Тогда партия большевиков боролась за превращение войны империалистической в войну гражданскую, за поражение своего правительства капиталистов и помещиков. После Октябрьской революции в России пролетариат впервые приобрел социалистическое отечество. На пролетариев России и партию большевиков выпала трудная роль — представлять интересы международного пролетариата и всех трудящихся в активной борьбе против значительно более сильного тогда врага — международного капитала, за прекращение затеянной им международной бойни. Россия после Октябрьской революции стала базой мировой социалистической революции, на плечи российского пролетариата ложилась обязанность защищать эту базу от международного капитала.

«Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 года, мы — за защиту отечества с этого дня» [1],— говорил В. И. Ленин, объясняя новое значение понятия «защита отечества», осквернённое империалистами и их прислужниками, подлинные интересы которых, интересы собст-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 395.

венников, были далеки от патриотизма трудящихся, завоевавших власть. Но призыв к обороне после Октябрьской революции был призывом к борьбе за право каждого народа иметь подлинно народную власть. Сама борьба за мир подготовляла оборону социалистического отечества не только политическими, но и военными средствами. Борьба за мир, развернутая большевиками в полной мере после революции, позволила сразу привести в действие скрытые силы международного пролетариата, направить их на защиту первого в мире очага социализма. Важнейшее значение имело всемерное укрепление нового общественного и политического строя, против которого выступали внутренние силы контрреволюции.

В начале 1918 г. изменилась международная и внутренняя политическая и экономическая обстановка в России. Внутреннее положение Советской власти в России было прочным, но ее победы не были закреплены: для этого необходим был мир, а гарантией его могла стать новая организация военной силы. Красной гвардии было достаточно для того, чтобы сломить внутреннюю контрреволюцию, но недостаточно, чтобы сломить внешние силы контрреволюции. Старая армия могла существовать лишь в силу того, что было перемирие. Однако в начале 1918 г. она уже не могла приниматься в расчет как боевая сила. Ее солдаты, измученные окопной жизнью, стремились домой. Создание же Красной Армии только началось.

С международной точки зрения политические позиции Советской власти в России были непрочными, ибо международный капитал за два месяца учел уроки борьбы с силами революции в своих странах, погасил первые революционные вспышки, вызванные непосредственным влиянием Октябрьской революции, и упорно готовился к тому, чтобы объединить свои усилия с внутренней контрреволюцией в России.

Американские империалисты, прикрываясь ширмой миротворчества, в конце 1917 г. развили наибольшую активность. Вскоре после ноябрьского меморандума Лансинга о расширении интервенции в России под флагом установления мира Вильсон, принявший предложения Лансинга, выступил с посланием к народам и правительствам всего мира с программой «мира». Это было накануне второго этапа мирных переговоров, когда германские

империалисты выдвинули открыто аннексионистскую программу — 26 декабря 1917 г. (ст. ст.).

Послание Вильсона, состоявшее из 14 пунктов, только называлось «мирным». По содержанию оно было империалистическим дополнением к аннексионистскому плану Германии и вместе с тем противовесом ему, поскольку причины, вызвавшие войну между империалистами двух враждебных лагерей, не были устранены. Однако своим острием оба плана были направлены против Советской России. На подлинный смысл туманных формулировок американского послания, касавшихся России, указывал секретный комментарий к посланию, составленный впоследствии помощниками Вильсона. В комментариях указывалось, что мирное предложение Вильсона в отношении России заключалось в признании только контрреволюционных правительств [2]. Однако В. И. Ленин не считал лишним использовать эти «мирные» предложения во внешней политике Советского правительства «должным образом», т. е. учитывать наличие постоянных противоречий между империалистическими хищниками, даже состоящими в военных союзах [3].

Экономическое положение Советской республики к началу 1918 г. было крайне тяжелым. Продукция фабрично-заводской промышленности сократилась по сравнению с концом 1916 г. на 36,4% [4]. Погрузка железнодорожных вагонов за девять последних месяцев 1917 г. была меньше того же периода 1916 г. на 22% [5]. Уже в январе 1918 г. в крупных городах России из-за нехватки топлива происходило массовое закрытие фабрик и заводов.

Но триумфальное шествие Советской власти по всей стране заслоняло трудности. Романтика победоносной, сравнительно легкой борьбы на внутреннем революционном фронте делала людей далекими от «мелочей», порождала «левые» увлечения грандиозными революционными планами, не опиравшимися на конкретные условия. «Левые» закрывали глаза на сложность положения, они не

---

[2] «Архив полковника Хауза», т. IV, М., 1944, стр. 151—153.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 22.

[4] «Развитие советской экономики», М., 1940, стр. 58.

[5] И. А. Гладков. Очерки истории строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг. М., 1950, стр. 47.

хотели понять, что те или иные сдвиги в международном положении связаны с законами экономического развития общества в целом.

Активизация «левых» в рядах большевистской партии была отражением классовой и политической борьбы, происходившей в стране. 28 декабря 1917 г. против мира в Петербургском комитете большевиков выступили Я. Фенигштейн, С. Равич, В. Володарский. Им возражал М. Горелик. Он говорил: «Мы не можем вести такой политики, мы погибнем. Погибнет наш пролетариат и его долгая борьба. Есть другой выход — не ставить все ва-банк» [6]. Однако Петербургский комитет пошел за «левыми». Он принял тезисы против заключения сепаратного аннексионистского мира с Германией [7]. В тот же день на пленуме Московского областного бюро ЦК РСДРП(б) была принята резолюция против мирных переговоров. Москвичи (Т. Сапронов, И. Стуков, В. Яковлева, Н. Бухарин, В. Максимовский, Л. Ломов) претендовали на роль центра оппозиции Центральному Комитету. Они требовали разрыва всяких сношений с капиталистическими странами, войны «в мировом масштабе» [8]. Резолюцию с требованием прекращения мирных переговоров принял Уральский областной комитет партии. Не было единства и в Центральном Комитете. Троцкий явно склонялся к противникам мира, хотя провозгласил формулу «ни мира, ни войны».

Учитывая эти факты, а также состояние переговоров в Брест-Литовске, В. И. Ленин уже 29 декабря 1917 г. вечером в беседе с Садулем заявил о необходимости для Советской России передышки и заключения сепаратного мира с Германией [9]. На следующий день он принял Р. Робинса, который вручил Ленину послание Вильсона конгрессу о мире от 26 декабря. Ленин обсуждал с американским представителем вопрос о русско-американских отношениях в связи с переговорами о перемирии и мире с Германией [10].

---

[6] «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 426—432.

[7] «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.» М.— Л., 1927, стр. 386.

[8] «Социал-демократ», 30 декабря 1917 г.

[9] М. И. Т р у ш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963, стр. 83.

[10] Там же, стр. 84.

7 января 1918 г. было созвано заседание Совнаркома, на котором обсуждался доклад брестской делегации о ходе мирных переговоров. После этого обсуждения Ленин написал «Тезисы о немедленном заключении сепаратного аннексионистского мира» [11]. В тезисах он доказал необходимость мирной передышки в течение «нескольких месяцев» [12] для того, чтобы укрепить внутренний фронт. Нельзя было одной рукой вести борьбу со «своей» буржуазией, а другой — с германской. Эту мысль Ленин очень четко выразил четыре дня спустя на заседании ЦК РСДРП(б): «Нам необходимо,— говорил он,— додушить буржуазию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки» [13].

Ленин предлагал немедленно заключить мир. В этот момент (7 января) он считал, что искусственно затягивать переговоры в Бресте больше нельзя, не рискуя оказаться перед фактом войны с Германией. Отсутствие формального ультиматума немцев он не считал оправданием для дальнейшего затягивания переговоров, ибо, «по сути дела», ультиматум был предъявлен заявлениями немцев о невозвращении захваченных ими территорий и о необходимости оплачивать расходы на содержание пленных. Требование контрибуции было выражено столь же ясно, как требование аннексии. Немедленное заключение аннексионистского мира Ленин рассматривал как вынужденный этап в борьбе за всеобщий демократический мир, против сторонников развязывания немедленной «революционной войны».

Ленин отверг все «доводы» сторонников «революционной войны» и доказал, что в существовавшей обстановке такая война может погубить революцию. Неверию в возможность победы социализма в одной стране Ленин противопоставил требование «укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране» [14]. С момента победы социализма в одной стране, по мысли Ленина, вопросы внешней политики правительства этой страны следует решать не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма и тех или иных союзных отношений с ним,

---

[11] М. И. Труш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963, стр. 89.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 243—244.

[13] Там же, стр. 256.

[14] Там же, стр. 247.

а с точки зрения развития и укрепления уже родившегося социалистического государства.

Но Ленин считал неприемлемыми соглашения с той или иной группой империалистов, когда эти соглашения представляют собой обмен «выгоды для части рабочих» на выгоды всех капиталистов как представителей определенной враждебной системы [15]. Пока существует империализм, связи с ним Ленин считал неизбежными.

Так развивалась идея мирного сосуществования двух противоположных систем, исходя из конкретной обстановки. «Сводя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну,— заключал Ленин,— надо прийти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребности человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции» [16].

8 января 1918 г. Ленин подписал распоряжение Совнаркома о назначении Г. В. Чичерина товарищем народного комиссара по иностранным делам [17]. В тот же день он выступил со своими тезисами на совещании членов ЦК большевиков с большевистской фракцией III Всероссийского съезда Советов. На совещании в большинстве оказались «левые» коммунисты. При голосовании различных точек зрения они собрали более половины голосов за «революционную войну». Другая половина разделилась также пополам между сторонниками Ленина (сепаратный аннексионистский мир) и Троцкого (ни войны, ни мира).

Таким образом, совещание не решило вопроса о мире. В сводке прений Ленин подверг наиболее тщательному разбору позицию Троцкого. Он, в частности, обратил внимание на необоснованный оптимизм Троцкого относительно возможности немецкого наступления («25 проц. за то, что германцы смогут наступать») [18]. Ленин учитывал возможность блокирования «левых» коммунистов с Троцким.

---

[15] Там же, стр. 246.
[16] Там же, стр. 248.
[17] «Исторический архив», 1957, № 5, стр. 19.
[18] «Ленинский сборник», XI, стр. 43.

Это предчувствие Ленина полностью подтвердилось на заседании ЦК 11 января 1918 г., когда «левые» коммунисты ухватились за формулу Троцкого. Н. Бухарин и М. Урицкий в своих выступлениях поддержали Троцкого. Голосование дало формальное большинство сторонникам Троцкого и «левым» коммунистам. Тезисы Ленина поддержали семь участников совещания. Против них голосовало девять человек. Только после четырех выступлений Ленина удалось поставить на голосование и провести решение всячески затягивать подписание мира [19]. После отклонения его предложения о немедленном аннексионистском мире ничего другого не оставалось. За это решение голосовало 12 человек, против — 1 [20]. На следующий день противники Ленина взяли реванш на совместном совещании ЦК большевиков и ЦК левых эсеров. Здесь подавляющим большинством голосов была подтверждена формула: «Войны не вести, мира не подписывать» [21].

Ленин повел решительную борьбу против блока Троцкого, Каменева и Радека по вопросу о мире. В беседе с первыми двумя, имевшей место, видимо, 14 января 1918 г., он изложил свою точку зрения и поручил им передать Радеку записку о том, что он «принципиально в корне не согласен», когда к вопросу о мире с империалистами подходят с позиции предпочтительности одной группы грабителей-империалистов другой. «Вы попадаете в ловушку, которую империалисты обеих групп ставят Республике Советов» [22],— писал Ленин Радеку.

С каждым днем борьба разгоралась. 13 января 1918 г. постановление ЦК большевиков о затягивании переговоров было сообщено по предложению Ленина большевистской фракции ЦИК, которая вынесла его на совместное обсуждение с фракцией левых эсеров. Фракция левых эсеров ЦИК не осмелилась оспаривать правильность этого постановления, боясь потерять влияние в Советах. Положительное решение совещания фракций было одобрено ЦИК, который вынес его на утверждение III Всерос-

---

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 258.

[20] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.». М., 1958, стр. 173.

[21] «Социал-демократ», 14 января 1918 г.

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 30.

сийского съезда Советов[23]. На съезде была поставлена на голосование от имени обеих партий большевистская резолюция. Делегаты съезда поручили Совнаркому и его мирной делегации «отстаивать принципы мира на основе программы русской революции»[24].

Советское правительство предложило своей делегации возобновить мирные переговоры в Брест-Литовске. Ленин в беседе с Троцким — руководителем делегации — пытался убедить его не срывать переговоры: затягивать подписание мира, но только до предъявления немцами ультиматума, а после ультиматума — немедленно подписать[25].

Фракция правых эсеров не согласилась с этим решением. Она заявила, что надо заключить всеобщий мир с помощью «немедленно» созванной международной конференции «социалистов» и «скорейшего» возобновления работ Учредительного собрания[26]. В. М. Чернов, лидер эсеров центра, призывал делать «последнюю отчаянную ставку», чтобы «примером игры ва-банк» дать толчок «медлящей революции Европы»[27].

«Левые» коммунисты пошли по стопам эсеров. 15 января 1918 г. А. Ломов, Н. Осинский, В. Яковлева, Н. Крестинский, В. Смирнов, М. Васильев, М. Савельев, Г. Пятаков, Н. Бухарин, Е. Преображенский и С. Шевердин письменно заявили в ЦК, что между решением III съезда Советов, давшим правительству право подписать мир, и решением ЦК якобы имеется противоречие. В этой связи они требовали в течение недели созвать партийную конференцию «для окончательного и ясного разрешения данного вопроса»[28]. Аналогичное заявление в тот же день подали члены исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б) С. Косиор, Г. Бокий, Я. Фенигштейн, А. Плужников, С. Равич[29]. 18 января Петербургский комитет принял тезисы Бухарина «О моменте в связи с войной». Эти тезисы были направлены

---

[23] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 175.
[24] «III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Пг., 1918, стр. 93.
[25] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 30.
[26] «Дело народов» (Петроград), 21 января 1918 г.
[27] Там же.
[28] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 181.
[29] Там же, стр. 182—183.

против ленинских тезисов. Для рассмотрения указанных документов, а также предшествовавших им резолюций Московских городского и областного комитетов РСДРП(б), направленных против мирных переговоров, 19 января 1918 г. было созвано заседание ЦК.

Линия ЦК на затягивание мирных переговоров, одобренная ЦИК и Всероссийским съездом Советов, к тому времени была подтверждена международными событиями и событиями на фронтах: усилилось братание войск сторон, началось революционное движение в Германии и Австро-Венгрии. В этой обстановке Ленин видел только две возможности: затягивание переговоров и мир. «Затягивая мирные переговоры,— говорил он на пленуме ЦК,— мы даем возможность продолжать братание, а, заключая мир, мы можем сразу обменяться военнопленными и этим самым мы в Германию перебросим громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, они легче смогут работать над пробуждением ее в Германии» [30]. Через два дня Ленин приписал к своим тезисам еще один: «Массовые стачки в Австрии и в Германии, затем образование Совета рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец начало 18—20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать, как факт, что революция в Германии началась». И тут же: «Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры» [31].

Эти обстоятельства делали требования «революционной войны» еще более неубедительными. Ленин отстаивал решения III съезда Советов о мире. Он предлагал сторонникам войны съездить на фронт и воочию убедиться в полной невозможности ведения войны. Ленин, Свердлов, Бубнов, Сокольников, Стасова, Артем (Сергеев) и другие члены ЦК высказывались против созыва конференции (предложения «левых» коммунистов), так как ее решения для ЦК необязательны. Мнений мест такая конференция не могла выявить ввиду поспешности ее созыва. Ленинцы предлагали созвать съезд. Вместе с тем они не возражали созвать пленум ЦК с участием

---

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 318—319.
[31] Там же, стр. 251—252.

представителей разных течений во взглядах на мир. Ленин решил, что прежде всего следует «созвать совещание, на котором будут представлены все мнения, все точки зрения» группами по три человека, чтобы это совещание при ЦК выработало соглашение [32]. Такое же согласительное совещание он рекомендовал провести для отъезжающих делегатов III Всероссийского съезда Советов [33].

Совещание «разных течений» состоялось 21 января 1918 г. Именно в этот день, очевидно после совещания, Ленин сделал упомянутую приписку к своим тезисам о необходимости и дальше затягивать переговоры. В этом главном вопросе на совещании были достигнуты серьезные результаты: из 14 присутствовавших только двое (Стуков и Осинский) голосовали против допустимости мира между социалистическими и империалистическими государствами, против допустимости подписания германского аннексионистского мира в случае разрыва немцами переговоров и ультиматума с их стороны. Стуков голосовал за немедленный разрыв переговоров. В числе голосовавших за допустимость подписания аннексионистского мира после ультиматума были А. С. Бубнов, С. В. Косиор, Г. И. Оппоков (Ломов), Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, А. П. Спундэ и Я. Г. Фенигштейн [34].

Результаты голосования показывали, что в ЦК партии побеждала ленинская стратегия мира. Принятие установки подписать мирный договор, как только немцы предъявят ультиматум, не давало Троцкому никакого права через неделю после этого срывать переговоры.

Срыв переговоров

Ленин давал указания Троцкому тянуть с подписанием мирного договора только до предъявления немецкого ультиматума, а голосование совещания при ЦК партии 21 января 1918 г. подтвердило это указание.

Троцкий прибыл в Брест-Литовск 17 января и в тот же день возобновились пленарные заседания делегаций.

---

[32] Там же, стр. 319.
[33] Там же.
[34] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 190.

В начале на первый план выдвинулся вопрос об Украине. Немцы с их союзниками предпочитали скорее использовать тяжелое положение украинского буржуазно-националистического правительства для того, чтобы навязать кабальный договор в отношении территорий Украины. Они секретно совместно с украинскими буржуазными националистами за спиной украинского народа без его согласия подготавливали такой договор.

Признание Троцким за киевскими представителями (Севрюком, Любинским и Левицким) прав выражать интересы Украины придавало этому договору видимость законности. Однако зная, что фактическая власть на Украине принадлежала Советам, а не Центральной раде, немцы предпочитали поставить всех перед фактом подписания договора с представителями правительства, которое даже Гофман считал «фикцией» [35].

Запоздалая неуклюжая попытка Троцкого провести решение об отказе делегатам Рады в праве представлять Украину ни к чему не привела. Севрюк сослался на неоднократные заявления противоположного смысла, сделанные самим Троцким. И руководители делегаций «Четверного союза» официально заявили, что «нет основания» отказаться от признания прав киевской делегации, а сообщение Троцкого о том, что в составе российской делегации находятся представители Украины, они просто приняли к сведению. Придавая отдельному договору с Украиной большое значение как прелюдии к предъявлению жестких требований и к «петроградской делегации», Кюльман, Гофман и Чернин 22 января 1918 г. потребовали перерыва. Первые двое выехали в Берлин, последний — в Вену для совещаний со своими правительствами по поводу договора, обсуждения требований к России и политического положения в Берлине и Вене.

Положение Австро-Венгрии, находившейся на грани экономического и финансового краха, заставляло форсировать заключение договора с Украиной. Ограблением Украины немецкие и австрийские империалисты надеялись поправить свои дела. Уже через два дня упомянутые руководители делегаций вернулись в Брест-Литовск и еще

---

[35] М. Гофман. Война упущенных возможностей. М.—Л., 1935, стр. 185.

через два дня, в ночь на 27 января 1918 г., поспешно подписали договор с украинской Радой. Началась оккупация Украины германскими и австро-венгерскими войсками.

Троцкий еще в своем выступлении на III Всероссийском съезде Советов туманно выражал неверие в возможность заключения мира с Германией. Он «с картой в руке», ссылаясь на военных специалистов, доказывал, что намеченная германскими империалистами граница с Россией «гибельна» [36]. Немецкие газеты по этому поводу писали, что глава русской мирной делегации против сепаратного мира [37]. 22 января Троцкий по телеграфу жаловался Ленину на неправильную информацию, посылаемую за границу петроградскими корреспондентами левосоциалистических газет. Он называл сообщения немецких газет, основанные на этой информации, о том, что лично Троцкий собирается «демонстративно не подписать мирного договора», нелепыми сообщениями. Между тем эти сообщения, очевидно, имели основания. Троцкий пытался создать впечатление, что не имеет таких намерений. Он цинично заявлял Ленину, что подписание мира необходимо «под углом зрения развития европейской революции» [38]. Троцкий пытался создать видимость, что все свои действия он согласовывает с правительством и не помышляет о разрыве переговоров, тем более до предъявления немецкого ультиматума.

Большую активность в направлении срыва ленинской программы мира развили в то время правые «социалисты» всех стран. Они готовились к проведению 7 февраля (ст. ст.) в Лондоне своей конференции для выработки общего соглашения по вопросам войны. А. Гендерсон обратился к В. И. Ленину от имени английской лейбористской партии с предложением прислать представителей от большевистской партии. Ленин 24 января отвечал Гендерсону: «Русское социалистическое правительство сожалеет о том, что оно не может принять участие в союзнической социалистической конференции, так как она противоречит принципам интернационализма. Мы

---

[36] «III Всероссийский съезд Советов...», стр. 53.

[37] «Архив русской революции», XX. Берлин, 1930, стр. 182; А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964, стр. 140.

[38] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 500, л. 44; «The Trotsky Papers». 1917—1922. 1. 1917—1919. London — Paris. 1964, p. 10—12.

возражаем против разделения рабочего класса соответственно империалистическим группировкам. Если английские лейбористы согласны с русскими мирными намерениями, которые уже одобрены социалистическими партиями центральных держав, такое разделение тем более недопустимо» [39].

С немецкой стороны наибольшую воинственность проявлял сам император Вильгельм II. Он бурно реагировал на обращение Советского правительства ко всем народам, в том числе и к немецкому, с призывом заставить свои правительства пойти на заключение мира. Вильгельм еще до подписания договора с Украиной телеграфно потребовал от Кюльмана предъявить России ультиматум на признание права оккупации всей занятой немецкими войсками ее территории. Кюльман, однако, лучше Вильгельма учитывал опасные для Германии политические последствия упрямого настаивания на аннексии территорий других народов. Он пытался сговориться на уступке Риги и Моонзундских островов (в Рижском заливе). Кюльман даже угрожал отставкой. И Вильгельм вынужден был отказаться от немедленного ультиматума, он не принял отставку Кюльмана. Уполномоченный Кюльмана Розенберг и Чернин 25 и 26 января 1918 г. имели неофициальные «тайные свидания» с Троцким [40]. Они в тот момент, как говорил Ленин, не претендовали на «живое тело» Советской власти. Подписание договора после ультиматума было единственно правильным решением вопроса. Непринятие ультиматума развязывало агрессивные намерения империалистов, могло создать смертельную опасность для Советской России.

Кюльман потребовал устранить из договора о мире оговорку о самоопределении оккупированных Германией областей и заявил: «Будущая судьба этих областей будет решаться... на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия» [41]. Это была окончательная формулировка ультиматума. Следовало после этого подписать договор, но Троцкий вместо этого засыпал Совнарком длинными телеграфными изло-

---

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 37.

[40] «Архив русской революции», XX, стр. 189, 190; М. Гофман. Указ. соч., стр. 186.

[41] М. Гофман. Указ. соч., стр. 202.

жениями хода переговоров, нигде не высказывая своего отношения к ультиматуму.

Чтобы предупредить роковой шаг, Ленин 28 января 1918 г. в 6 часов 30 минут вечера передал Троцкому ясное указание: «Наша точка зрения (т. е. точка зрения Советского правительства и ЦК партии.— *Д. О.*) Вам известна; она только укрепилась за последнее время и особенно после письма Иоффе»[42]. Ленин имел в виду письмо заместителя Троцкого из Брест-Литовска, в котором говорилось, что в Германии «нет и начала революции»[43]. Впоследствии, выступая на VII съезде партии, Ленин, по-видимому, об этом указании говорил: «Я предложил совершенно определенно мир подписать»[44].

В январской стачке рабочих в Германии участвовало более 1 млн. человек[45]. Это была борьба за «русские условия» мира. Рабочие Баварии шли в первых рядах движения солидарности с Советской Россией. Однако реакция перешла в наступление, и к началу февраля стачка была ликвидирована. 50 тыс. рабочих Берлина, участников стачки, были призваны в армию[46]. Кайзеровское правительство поручило Гофману говорить в Брест-Литовске языком ультиматумов. Кризис мирных переговоров усилился с разгромом всеобщей стачки в Германии.

Но Троцкий не ответил на указание Ленина. Он выступил на политической комиссии мирной конференции и заявил: «Мы выходим из войны, но вынуждены от подписания мирного договора отказаться»[47]. Заявление Троцкого и чтение им же декларации, в которой говорилось, что правительство РСФСР «именем Совета Народных Комиссаров» (?) приняло это заявление, произвели сильное впечатление на немцев, что еще больше взвинтило честолюбие Троцкого. В декларации указывалось, что на основании решения правительства (на самом деле такого решения не было) «отдается (не указывалось

---

[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 332.

[43] Там же, стр. 336.

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 30.

[45] И. С. Кремер. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). М., 1963, стр. 98.

[46] Там же, стр. 140.

[47] С. М. Майоров. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959, стр. 211.

кем.— *Д. О.*) приказ о полной демобилизации по всем линиям фронта». Это еще больше удивило присутствовавших.

Секретарь советской делегации Л. М. Карахан свидетельствовал, что Троцкий, обращаясь к Кюльману, заявил, повысив при этом голос, что он не подпишет грабительского мира, но что война будет считаться прекращенной. Кюльман спросил: «Но, позвольте, как же это?.. Как же торговые и дипломатические договоры?» Он добавил: «Все это надо обсудить». В словах главы немецкой делегации было определенное желание продолжать переговоры и договориться, но Троцкий заявил театрально: «Мы все сказали, и больше к этому нечего прибавить». Кюльман продолжал: «Так давайте хоть еще одно заседание устроим завтра». Троцкий повторил: «Мы уезжаем в Петроград и больше разговаривать здесь нам не о чем». Кюльман спросил о способах связи с Советским правительством. После этого Троцкий, «не подав немцам руки», направился к выходу [48]. «Смущение было всеобщее» [49],— свидетельствовал генерал Гофман. Этот типичный немецкий милитарист, однако, тут же истолковал позицию Троцкого как сознательный срыв перемирия. «По-моему, декларация Троцкого была не чем иным, как прекращением перемирия» [50],— писал Гофман.

В тот момент, когда Троцкий говорил о приказе демобилизовать всю русскую армию, такого приказа не было. Только через три часа после своего заявления (около 10 час. вечера) 28 января 1918 г. Троцкий послал на имя главкома Н. В. Крыленко телеграмму, в которой было написано: «Издайте немедленно этой ночью приказ о прекращении войны» [51]. Точно такая же телеграмма была отправлена в Народный комиссариат по военным делам. Третья телеграмма была послана в Народный комиссариат иностранных дел с обращением «Председателю Совнаркома Ленину» и со словами: «издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны» [52]. В документах Совнаркома нет телеграммы, полученной непосредственно от Троцкого. Он все делал в обход Ленина, что-

---

[48] «Красная газета» (Петроград), 15 февраля 1918 г.
[49] М. Гофман. Указ. соч., стр. 186.
[50] Там же, стр. 187.
[51] С. М. Майоров. Указ. соч., стр. 214.
[52] Там же, стр. 215.

бы поставить его перед совершившимся фактом. Но среди документов Совнаркома есть копия указанной телеграммы в Комиссариат по военным делам. Копия была заверена секретарем Н. И. Подвойского. Из копии видно, что она была получена только в 4 часа утра. Очевидно, содержание ее тут же было доложено Подвойскому его секретарем, и по приказу Подвойского она была послана Ленину. Ленин узнал о срыве переговоров из телеграммы Троцкого главкому только утром 29 января 1918 г.

В телеграмме, которую Троцкий послал главкому в Ставку, не говорилось о том, что переговоры прерваны. Поэтому там сначала сложилось впечатление, что переговоры завершились подписанием условий мира[53]. Телеграмма быстро получила «распространение»[54]. На основании телеграммы Крыленко поспешил (без согласования с правительством) рано утром 29 января 1918 г. издать и послать на все фронты приказ о прекращении военных действий и о демобилизации армии.

Когда текст телеграммы Троцкого был доложен Ленину, он поручил своему секретарю связаться по прямому проводу со Ставкой и задержать распространение этой телеграммы. Ленин обращал внимание Ставки на то, что «мир еще фактически не заключен»[55]. Однако задержать телеграмму было уже поздно. Содержание ее стало известно солдатам.

Ленин от имени ЦК РСДРП(б) и Совнаркома 29 января 1918 г., учтя ошибочную линию Троцкого, дал указание Чичерину принять фактические полномочия народного комиссара иностранных дел[56].

Выход из войны

Заявление Троцкого и сам факт разрыва переговоров в Брест-Литовске произвели впечатление не только на немцев. Некоторым большевикам позиция брестской делегации казалась «красивой». Г. Зиновьев огласил 29 января

---

[53] А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале-марте 1918 г. М.— Л., 1964, стр. 59.

[54] С. М. Майоров. Указ. соч., стр. 216.

[55] А. П. Фрайман. Указ. соч., стр. 59.

[56] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 5280; М. И. Труш. Указ. соч., стр. 94.

1918 г. на заседании Петроградского Совета заявление Троцкого и сразу же предложил проект резолюции: «Петроградский Совет вполне одобряет заявление»[57]. Его поддержал руководитель фракции правых эсеров М. Л. Коган-Бернштейн. Он «с удовольствием» констатировал, что мирная делегация «нашла в себе мужество не подписать сепаратного мира». Меньшевик А. Ерманский назвал этот шаг «неизбежным» и потребовал созыва «социалистической» международной конференции и прекращения гражданской войны[58].

Три дня спустя на заседании ЦИК с одобрением указанного доклада Троцкого выступили левый эсер И. З. Штейнберг, анархист А. Ю. Ге и эсер-максималист Селиванов[59]. Однако в Петроградском Совете и в ЦИК многие воздержались от голосования в пользу позиции Троцкого в Брест-Литовске[60].

Сомневались в позиции Троцкого даже сторонники «революционной войны». В значительной мере под влиянием этих сомнений перешел окончательно на ленинские позиции в вопросе о мире и войне виднейший агитатор партии, редактор большевистской «Красной газеты», издававшейся в Петрограде, В. Володарский. Он не дал подробной информации ни о приезде Троцкого из Брест-Литовска, ни о его выступлении в Петроградском Совете. О последнем вспоминала депутат Петроградского Совета Л. Ступоченко. Троцкий похвалялся впечатлением, которое он произвел на немцев, и делал необоснованные прогнозы относительно возможности немецкого наступления. Он заявлял, что 90 шансов из 100 будто бы говорят за то, что наступление «не удастся», его «не будет»[61]. Поверить или не поверить этим разглагольствованиям было нелегко, особенно молодым большевикам, таким, как Ступоченко. Ведь партийная печать о разногласиях в партии о мире по существу молчала. В большевистских фракциях Советов и в Советах в целом до перехода в наступление немцев преобладало мнение о необходимости выхода из войны, но переход к тактике принятия условий сепаратного и

---

[57] «Красная газета», 11 февраля 1918 г.
[58] «Дело народа», 31 января 1918 г.
[59] «Известия ЦИК», 15 февраля 1918 г.
[60] «Красная газета», 11 февраля 1918 г.
[61] Л. Ступоченко. В брестские дни. Воспоминания. М., 1926, стр. 9.

аннексионистского мира совершался в Советах, а тем более в массах, с трудом.

Вопрос стоял не столько об отношении Советов к Брестскому миру, сколько о существовании Советов и о судьбе мира. Срыв мирной политики Советского правительства по существу означал гибель Советов. Чтобы Советы могли решать, как они относятся к миру с Германией, надо было не допустить такого положения, когда возвращение к обсуждению мирных условий стало бы невозможным. Слишком резким, невиданным в истории дипломатии было поведение делегации, возглавлявшейся Троцким. Нельзя было не использовать последнюю возможность — не ответить на немецкий ультиматум в принципе положительно по телеграфу.

Володарский ставил судьбу мира в прямую связь с судьбой Советов. Объясняя правильность решения о заключении отдельного мирного договора с Германией, «Красная газета» утром 20 февраля 1918 г. в передовой «Вынужденный шаг» писала о попытках буржуазии всех мастей вовлечь Россию в неравную схватку с германским империализмом на стороне империалистов «союзных»: «Нет, господа хорошие. Мы сами знаем когда воевать. Вы не заманивайте нас в ловушку. Мы не хотим служить ни германскому, ни англо-французскому капиталу... У нас будет плохой мир, но хорошие Советы» [62].

Оценка действий Троцкого Советским правительством была выражена сразу же после его возвращения из Брест-Литовска. 31 января (13 февраля) 1918 г. Совнарком заслушал его доклад о конференции в Брест-Литовске [63], а на следующий день (14 февраля н. ст.) поставил его «во главе продовольственного дела в стране» [64]. Фактически это означало снятие его с поста народного комиссара иностранных дел, хотя юридически это было оформлено позже. Он отстранялся от участия в процедуре оформления мирного договора с немцами. Никакого отношения продовольственная функция такого масштаба к иностранным делам не имела.

Фактически наркомом иностранных дел с этого момента стал замечательный дипломат ленинской школы

---

[62] «Красная газета», 20 февраля 1918 г.
[63] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 95.
[64] «Красная газета», 15 февраля 1918 г.

Г. В. Чичерин. В тот же день, 14 февраля 1918 г., Ленин вызвал по прямому проводу из Лондона М. М. Литвинова, назначенного членом коллегии Народного комиссариата иностранных дел [65].

После срыва мирных переговоров Троцким формальный выход России из войны был затруднен. Немецкая сторона объявила, что заявление Троцкого о прекращении войны и демобилизации армии со стороны России не накладывает никаких обязательств на Германию, не мешает ей наступать, поскольку переговоры прерваны не по ее инициативе. Угроза немецкого наступления усиливала позиции Антанты. Немцы отвлекали свои силы на Восток, и для Антанты возникали новые возможности усиления вмешательства во внутренние дела Советской России на стороне контрреволюции под флагом «законной» помощи союзнику. Оценивая сложившуюся обстановку, Френсис 31 января 1918 г. [66] телеграфировал Лансингу, что свержение Советского правительства теперь становится неизбежным [67].

Предсказания Френсиса были связаны с решением императора, правительства и верховного командования Германии начать наступление на Россию. Решение было принято именно в тот день, в который делались эти предсказания. Оно было принято в Гамбурге в резиденции Вильгельма по докладу Э. Людендорфа. Через три дня, 16 февраля 1918 г. М. Гофман объявил военному консультанту советской мирной делегации А. А. Самойло, что 18 февраля заканчивается перемирие и «начинается снова состояние войны» [68].

Советское правительство запросило мнение своей Ставки о возможности отражения немецкого наступления. Крыленко препроводил Ленину мнение военных специалистов. Оценка ими положения армии была выражена в докладе так: «Сведения о состоянии армии... рисуют картину катастрофы. Голод и неуверенность в мире сделали свое дело... Армия оказывается неспособной даже стоять на позиции. Фронта фактически нет». Военные специалисты

---

[65] «Ленинский сборник», XXI, стр. 240.

[66] Везде до 31 января 1918 г. дается старый стиль, а после — новый, т. е. следующим днем было 14 февраля 1918 г.

[67] «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. I, p. 381.

[68] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 105.

называли троцкистское решение «войны не вести и мира не подписывать» неприемлемым и считали необходимым подписать аннексионистский мир, заявляя далее: «И мы обязаны подписать мир». В докладе содержалась правильная оценка троцкистского плана как «деморализующего» положение на фронте и в тылу. В докладе содержался верный прогноз состояния советского тыла на случай подписания сепаратного грабительского мира: «население уже свыклось и не будет протестовать против сепаратного мира на каких угодно условиях» [69].

В связи с заявлением германского командования и четко выраженной точкой зрения советских военных специалистов о боеспособности армии 17 февраля 1918 г. вечером состоялось заседание ЦК РСДРП(б). Ленин предложил высказаться за «немедленное предложение Германии вступить в новые переговоры для подписания мира». За это предложение высказались или голосовали Ленин, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга (пять человек). Против голосовали Бухарин, Ломов, Троцкий, Урицкий, Иоффе, Крестинский (шесть человек). При постановке вопроса «За революционную войну?» никто «за» не высказался. За то, чтобы «оказывать всяческое сопротивление в случае начала наступления со стороны Германии», голосовали все, кроме Сокольникова. Предложение «выждать с возобновлением переговоров о мире до тех пор, пока в достаточной мере не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение» в Германии и Австро-Венгрии, внесенное, видимо, Троцким, дало то же соотношение голосов, что и предложение о немедленном возобновлении переговоров, но в противоположном значении этих голосов: те пять человек, которые голосовали за ленинское предложение, проголосовали против предложения Троцкого, а голосовавшие против Ленина (шесть человек) проголосовали за Троцкого теперь. При голосовании вопроса: «Если мы будем иметь факт немецкого наступления, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мир?» подавляющее большинство сторонников Троцкого воздержалось. Против проголосовал лишь Иоффе. Почувствовав нелогичность и шаткость своей позиции,

---

[69] «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, стр. 55.

Троцкий голосовал «за». По этому пункту большинство (шесть голосов) оказалось на стороне Ленина[70].

На следующий день, 18 февраля, утром до начала срока немецкого наступления (в 12 часов) снова было проведено заседание ЦК. Ленин предложил не терять времени на рассуждения о том, что делать в будущем, а решить: посылать немедленно телеграмму германскому правительству с предложением мира или не посылать? Ленин считал необходимым «вести переговоры о продлении перемирия»[71] до начала наступления. Однако это предложение было отклонено большинством в один голос.

В 12 часов дня 18 февраля немецкие империалисты осуществили свою угрозу: нарушили перемирие и начали наступать. В связи с этим заседание ЦК, назначенное вначале на 19 февраля, было созвано экстренно вечером 18 февраля. Факт наступления и отсутствие всяких признаков революционного подъема в тылу немецких войск, казалось бы, снимали возражения против немедленного заключения мира. Однако Троцкий предлагал «запросить Вену и Берлин». Ленин резко возразил против всяких запросов. «Если запросить немцев,— заявил он,— то это будет только бумажка. Это не политика. Единственное — это предложить немцам (т. е. немецким империалистам.— *Д. О.*) возобновить переговоры». Ленин обрушился на двурушническую позицию Троцкого. Бухарин безосновательно заявлял о возможности «натравить на немцев» мужиков. Ленин отвечал ему, учитывая настроение крестьян-солдат: «На революционную войну мужик не пойдет — и сбросит всякого, кто открыто это скажет». И далее в ответ тем, которые предлагали прекратить демобилизацию, чтобы начать «революционную войну»: «Сказать, что демобилизация прекращена — это значит слететь»[72].

После начала немецкого наступления Ленин не ставил уже вопрос о переговорах. Он не согласился со Сталиным, который предлагал «возобновление мирных переговоров». Ленин считал необходимым сообщить немцам по радиотелеграфу немедленно о готовности Советского правительства подписать мир без обсуждения, без переговоров.

---

[70] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 194—195.

[71] Там же, стр. 198.

[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 336—338.

В вопросе, который был поставлен на голосование 18 февраля вечером, предложение было сформулировано совсем иначе, чем в вопросе, поставленном на голосование 17 февраля. Здесь говорилось не только о немедленном обращении к немцам, но и о предложении немедленно заключить мир (а не вступать в переговоры). Формулировка постановления была более решительная. Она была принята большинством в семь голосов против пяти при одном воздержавшемся. Тут же были согласованы принципиальные формулировки радиотелеграммы.

Проект радиотелеграммы германскому правительству, составленный Лениным, содержал основную мысль, высказанную им на предыдущем заседании ЦК: не вести переговоров, а подписать имевшиеся или даже ухудшенные условия мира, подписать как можно скорее. Соответствующее решение указанного заседания, принятое большинством в семь голосов против четырех при двух воздержавшихся, гласило: «За готовность подписать старые условия с указанием, что нет отказа от принятия худших условий». Эта мысль в ленинском проекте радиотелеграммы была изложена так: «Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство. Вместе с тем Совет Народных Комиссаров выражает свою готовность, если германское правительство формулирует свои точные условия мира, ответить не позже как через 12 часов, приемлемы ли они, эти условия, для нас»[73].

Заседание ЦК большевиков закончилось в ночь на 19 февраля. Было решено послать Я. М. Свердлова на заседание ЦК левых эсеров для принятия решения о посылке радиотелеграммы, одобренной в принципе обоими ЦК, но от имени Совнаркома. В газетном сообщении указывается, что после заседания ЦК большевиков было заседание двух ЦК. В том же сообщении говорится, что на нем выяснилось два течения: «одно за то, что Россия воевать не может и что необходимо подписать мир», а другое — за войну[74]. Тем не менее объединенное заседание приняло

---

[73] Там же, стр. 339.
[74] «Социал-демократ», 20 февраля 1918 г.

решение послать радиотелеграмму о мире [75]. Однако члены ЦК левых эсеров, не присутствовавшие на этом заседании, поставили вопрос о его неправомочности, ввиду отсутствия кворума в составе членов ЦК их партии, принимавших это решение. Тогда решения раздельных и объединенного заседаний ЦК большевиков и левых эсеров тут же были поставлены на обсуждение объединенного заседания фракций большевиков и левых эсеров ЦИК. Здесь Ленин в течение ночи выступил с двумя большими докладами. В одном из них он доказывал, что «для России выхода нет, что необходимо немедленно заключить сепаратный мир» [76]. Затем Ленин сделал теоретический разбор принципов советской внешней политики. Он проводил мысль, что «вся задача революционной власти состоит в том, чтобы какой бы то ни было ценой освободить русскую революцию от империалистической войны» [77].

Эту же мысль Ленин излагал еще в плане тезисов по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира, написанном между 5 и 7 января 1918 г. В этом плане Ленин записал: «Не ставить карты ва-банк на быструю (в $^1/_4$—$^1/_2$ года) революцию в Европе, а систематически, без азарта, готовить революционную войну», используя «занятость войной 2-х обоих империалистических гигантов». И далее: «Силы обеих гигантов — групп приблизительно равны, без нас. Пусть они истощаются» [78]. И в самих тезисах, написанных 7 января, есть та же мысль: «Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, *возможной для данного момента,* степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну,— затрудняющую им сделку против нас...» [79]

Ленина больше всего смущало отсутствие подлинного революционного смысла в войне с Германией, проповедуе-

---

[75] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г. Сообщение газеты «Социал-демократ» от 20 февраля 1918 г. о том, что течение за мир «оказалось в меньшинстве», не соответствовало действительности. Это сообщение основывалось на утверждениях членов ЦК левых эсеров, оспаривавших законность одобрения мира членами их же ЦК.

[76] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 340.

[77] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г.

[78] «Ленинский сборник», XI, стр. 38.

[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 250.

мой поборниками революционной фразы. Участие в этой войне было выгодно одной из империалистических групп, а поэтому оно было нежелательно. Ленин не был противником настоящей революционной войны против всех империалистов. Он заявил, что «если бы нынешнее наступление германцев носило характер наступления всех европейских империалистов единым фронтом на русскую революцию, то тогда, конечно, никакие переговоры и соглашения были бы немыслимы». Однако Ленин считал, что этот момент — момент похода западноевропейского империализма на русскую революцию — еще не настал [80].

Если снова обратимся к более раннему документу — к упомянутому проекту тезисов, то и в нем содержится эта мысль. В документе говорится о невозможности «решать задачи социалистической революции при продолжении войны (империалистической, с участием России.— *Д. О.*)». В самих же тезисах Ленин, возражая обвинявшим его в том, что он, предлагая заключить мир с Германией, ставит партию в положение агента германского империализма, писал: «революционная война в данный момент сделала бы нас, объективно, агентами англо-французского империализма». И далее: «не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики». Главной проблемой Ленин считал проблему защиты социалистического отечества от любого врага.

По поводу решения объединенного заседания фракций большевиков и левых эсеров ЦИК, на котором дважды выступал Ленин, меньшевистская «Новая жизнь» констатировала, что «принципиальные возражения» не исходили «из среды какой-либо одной фракции», что оппозиция складывалась из части левых эсеров и части большевиков, которые действовали «совместно» [81]. Но это совещание «не пришло ни к каким выводам». После него в ту же тяжелую критическую ночь исторической битвы за мир пришлось «вновь созвать отдельные заседания фракций» [82]. Однако раздельных решений фракций было недостаточно. Тогда Ленин предложил созвать заседание Совнаркома, в котором были представлены обе правительственные партии. И на этом заседании, состоявшемся

---

[80] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г.
[81] Там же.
[82] Там же.

19 февраля 1918 г., были обсуждены «вопросы внешней политики в связи с наступлением, начатым Германией», и утвержден «большинством голосов против двух, при отсутствии воздержавшихся» ответ, посланный для передачи по радио «от имени Совета Народных Комиссаров центральными комитетами обеих правительственных партий на имя правительства Германии в Берлине» [83]. На этом заседании присутствовало 11 народных комиссаров (В. И. Ленин, А. В. Луначарский, И. З. Штейнберг, П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко, А. Г. Шляпников, Н. И. Подвойский, В. А. Карелин, Н. П. Глебов, И. В. Сталин, А. Л. Колегаев) и 10 заместителей наркомов или членов коллегий наркоматов (В. Р. Менжинский, Д. П. Боголепов, Г. В. Чичерин, М. И. Лацис, М. Н. Покровский, А. Д. Цюрупа, П. А. Козьмин, А. Г. Правдин, М. Ю. Козловский, А. А. Шрейдер) [84]. Из присутствовавших членов правительства четверо (Штейнберг, Карелин, Колегаев, Шрейдер) представляли партию левых эсеров. На заседании присутствовали также Сокольников, Бриллиантов, Виноградов, Ольминский, Урицкий, Красиков, Рогов, Егоров. По данным газеты «Новая жизнь», в голосовании принимало участие девять членов правительства. Меньшевики сетовали, что «решение было принято всего лишь большинством одного голоса» [85]. Но при любом подсчете за мир в Совнаркоме голосовало законное большинство. По данным газеты «Новый день», заседание Совнаркома закончилось «в седьмом часу утра» [86].

19 февраля в 8 часов утра радиотелеграмма, подписанная Лениным, была передана через Царскосельскую радиостанцию в эфир. Критические обстоятельства ночи заставили Совнарком на том же заседании решить важный организационный вопрос: специальной военной комиссии из представителей Военного и Морского ведомств

---

[83] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 65, л. 1.

[84] Согласно проекту постановления Совнаркома, написанного Лениным 23 января 1918 г., решающий голос на заседаниях Совнаркома имели только «заместители отсутствующих» наркомов и «при том только условии, если эти заместители назначены постановлением Совета Народных Комиссаров из состава членов коллегии соответствующих комиссариатов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 389).

[85] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г.

[86] «Новый день», 20 февраля 1918 г.

было поручено доложить не позже 9 часов вечера 20 февраля «о возможности организации обороны с нашей стороны и ведения революционной войны, если революция будет поставлена перед этой необходимостью» [87], т. е. если немцы не дадут согласия на заключение мира. На этот же случай работа аппарата Совнаркома 20 февраля была перестроена применительно к чрезвычайным обстоятельствам: в его составе был избран «для создания непрерывности работ» Временный исполнительный комитет из пяти человек под председательством В. И. Ленина. Комитету было поручено «вести всю государственную текущую работу в промежутки между заседаниями Совета Народных Комиссаров на началах ответственности перед ним» [88]. По докладу Н. В. Крыленко и В. М. Альтфатера «о положении на фронте» правительство решило начать эвакуацию «слабосильного населения из Петрограда» и обратиться к трудящимся с воззванием о грозящей опасности.

Однако опасения, что германское командование не обратит внимания на предложение Советского правительства, не оправдались. 20 февраля утром Ленин лично принял и записал радиотелеграмму Гофмана, переданную ему по телефону из Царского Села. В ней говорилось, что радиотелеграмма Советского правительства была получена 19 февраля и в 8 часов 12 минут была передана «королевскому правительству». Гофман требовал письменного подтверждения подлинности дипломатического документа через Двинск [89]. Вечером того же дня по распоряжению Ленина из Режицы в Двинск был послан курьер. Но до полуночи на 21 февраля ни от курьера, ни от Гофмана, ни из Берлина никакого ответа не было получено.

В 2 часа ночи 21 февраля 1918 г. Ленин созвал чрезвычайное заседание Совнаркома. На нем было принято обращение «К трудящемуся населению всей России» — первая директива Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о подготовке к обороне [90]. В рядах противников большевиков заговорили о «кризисе Советской власти». Правые эсеры обратились к «многомиллионной трудовой России» с призывом «покончить» с Советским правитель-

---

[87] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 65, л. 1.
[88] Там же, д. 66, лл. 1, 6, 9.
[89] «Ленинский сборник», XI, стр. 26.
[90] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 492—494.

ством, требовать созыва Учредительного собрания, создания «подлинной власти»[91]. Член ЦК партии эсеров Н. С. Русанов разделял надежды своих коллег, что с приходом немцев Советская власть исчезнет[92]. Правый эсер Е. М. Тимофеев упрекал ЦИК в молчании[93].

После отправки радиотелеграммы о мире в Берлин дебаты во фракциях ЦИК не ослабли. Таврический дворец бурлил. Днем 20 февраля на заседании большевистской фракции против ленинцев в открытое наступление перешли «левые» коммунисты. Радек выступил с длинной речью, в которой неистово нападал на политику Совнаркома. После Радека с подробным докладом выступил Крыленко, рассказавший о печальном состоянии фронта. Однако доклад Крыленко не подействовал на оппозицию. К 11 часам вечера выяснилось, что мнение о необходимости аннулировать согласие на заключение сепаратного мира собрало во фракции большинство. На этом заседание не закончилось.

Одновременно происходило заседание левоэсеровской фракции вперемежку с заседаниями ЦК левых эсеров. На заседании ЦК выступали С. Д. Мстиславский, П. П. Прошьян, А. Л. Колегаев и др. Большинство выступало также против мира. «Новая жизнь» замечала: «В общем настроение членов ЦК (левых эсеров.— *Д. О.*) таково, что они готовы не останавливаться перед расколом, как в Совете Народных Комиссаров, так и в ЦИК», и предсказывала: «Совет Народных Комиссаров распадется, как только левые эсеры отмежуются от большевиков»[94].

С истерическими воплями против Советского правительства выступили и другие партии и партийные группы в печати. ЦК партии правых эсеров специальных постановлением называл решение Совнаркома «предательством», намекал на необходимость свержения правительства. Он предлагал всем организациям партии «немедленно» провести по всей стране подготовку к этому[95]. Орган анархо-синдикалистов «Голос труда» воинственно призывал «бороться до последней капли крови, до последнего

---

[91] «Дела народов», 22 февраля 1918 г.
[92] Там же.
[93] Там же.
[94] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г.
[95] «Дела народные», 21 февраля 1918 г.

вздоха»[96]. Орган анархистов-«коммунистов» «Рабочее знамя» протестовал против обращения Совнаркома к немцам по поводу мира и требовал «немедленной организации боевых отрядов»[97]. Кадетская газета «Наш век» выступала против партийной политики в вопросах войны и мира и поругивала всех, надеясь на неизбежный раскол в правительстве[98]. Резко нападала на партийную политику большевиков и левых эсеров «Новая жизнь», называвшая себя органом меньшевиков-интернационалистов. Газета спрашивала ответственности не с партий, а с правительства. Левые меньшевики жаждали правительственных чинов не меньше, чем правые из «Нового луча», и подводили последних к мысли о совместных действиях против Советской власти[99]. Газеты всех буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп обвиняли Советское правительство в капитуляции перед немецким империализмом.

Весь день 21 февраля ни от немцев, ни от советского курьера ответа не поступало. Политическая борьба накалялась. Она развернулась в печати и в советских органах власти, на митингах и собраниях, в верхах и низах общественного движения, при взаимном влиянии этих верхов и низов. Главнокомандующего Крыленко из ЦИК потребовали в Петроградский Совет. Он снова подчеркнул, что наступление германских войск вызвало полный развал на фронте и паническое бегство солдат. Правый эсер Зейман требовал «ухода в отставку Совнаркома» и создания нового правительства на основе «блока социалистических партий». Его поддержал меньшевик Ерманский, вытащивший заодно лозунг Учредительного собрания. Левый эсер Левинсон не требовал отставки правительства, но говорил о пагубных последствиях решения. Большевик А. И. Слуцкий предложил прекратить прения и «голосовать резолюцию». Его проект гласил: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, принимая во внимание то, насколько трудное положение, в которое была поставлена революционная Советская Россия фактом наступления германских империалистов, вполне одобряет шаг СНК, выразившийся в телеграмме, соглашающейся на аннексио-

---

[96] Там же.
[97] Там же.
[98] Там же.
[99] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г.

нистский мир». Резолюция была принята большинством голосов [100].

На фабриках и заводах Петрограда под руководством большевиков проводилась политическая кампания и практическая работа по организации революционной защиты города. В районных Советах Петрограда было «сильное течение против заключения сепаратного мира» [101]. «Трудное положение», о котором говорилось в резолюции, предложенной Слуцким, в том и состояло, что отсутствие ясности в вопросе о мире, отсутствие ответа на радиотелеграмму со стороны немцев заставляло одновременно отстаивать идею сепаратного мира и готовиться к обороне против немцев. Выражением этой тенденции в деятельности Советского правительства был декрет «Социалистическое отечество в опасности», принятый днем 21 февраля 1918 г. [102]

Декрет «Социалистическое отечество в опасности» обязывал все Советы «защищать каждую позицию до последней капли крови». В Петрограде, которому угрожала непосредственная опасность, был создан Комитет революционной защиты. Мобилизационная кампания была развернута в Москве, на Урале и в ряде других промышленных центров. На заводах и фабриках шло формирование вооруженных отрядов. Тревожные сведения с фронта создавали напряженную обстановку.

В связи с мобилизацией сил на организацию революционной защиты страны против немецкого нашествия и неуклонным проведением в то же время линии на заключение мира встал вопрос об использовании материальной помощи «союзников» против немецких интервентов. Политическое содержание споров по этому вопросу в ЦК большевиков, правительстве и ЦИК далеко переросло их практическое значение.

Вопрос об использовании материальной помощи империалистических государств государством социалистическим, если эта помощь не сопровождается политическими условиями, теоретически и практически решался на основе ленинского принципа мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими система-

---

[100] «Известия ЦИК», 22 февраля 1918 г.
[101] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г.
[102] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 490—491.

ми. В основе этого принципа лежала ленинская теория неравномерности развития капитализма и возможности победы социализма в одной стране. Согласие на принятие помощи от империалистов ЦК большевиков высказал по существу еще 21 января 1918 г., когда бóльшая часть его членов (Ленин, Сталин, Муранов, Артем, Сокольников, Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор) проголосовала «за» допустимость мира «между социалистическим и империалистическим государствами» [103]. Не было основания отказываться от материальной помощи империалистов, не отвергая принципа мирного сосуществования государств противоположных систем.

Большевики учитывали, что заинтересованность империалистов в «помощи» не была чисто экономической. Оказывая помощь, они, конечно, стремились втянуть Советскую Россию в несвоевременную схватку с германским империализмом, чтобы, во-первых, отвлечь часть сил Германии с Запада и, во-вторых, руками немцев задушить Советскую власть в России.

До нападения немцев переговоры с неофициальными представителями Антанты о помощи были дипломатическим зондированием. Когда нападение стало фактом, вопрос об использовании помощи был перенесен на обсуждение в Совнарком. Впервые он обсуждался вечером 21 февраля 1918 г. Члены правительства от партии левых эсеров выступили против принятия помощи. Заседание пришлось прервать и отложить решение до предварительного обсуждения на заседаниях ЦК большевиков и ЦК левых эсеров. Постановление, принятое по докладу левого эсера Карелина, гласило: «Ввиду возникших разногласий в связи с переговорами с союзными державами постановили объявить перерыв для совещания по фракциям» [104].

Подробное рассмотрение вопроса о принятии помощи состоялось в ЦК большевиков 22 февраля 1918 г. Оно показало, что среди «левых» коммунистов далеко не все были противниками мирного сосуществования с империалистами по государственной линии, противниками использования помощи отдельных групп империалистов. Ф. Э. Дзержинский, возражавший против мира с немца-

[103] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 190.
[104] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 67, л. 1.

ми, заявил, что он «самый решительный противник» того, чтобы не принимать никакой помощи. А. А. Иоффе заявил, что «надо принять все, что содействует нашему противодействию», что «характера революционной войны это не может нарушить»[105]. В то же время коммунисты, стоявшие на ленинской позиции в вопросе мира, оказались не единодушны в вопросе о принятии помощи. Свердлов и Бубнов, как и Дзержинский, отвергали утверждение Бухарина о принципиальной недопустимости принятия помощи, но не считали возможным делать это по тактическим соображениям. Свердлов считал, что принимать помощь от англичан и французов «нецелесообразно», так как они «в глазах широких масс России» дискредитированы. Бубнов говорил, что будто бы от этого «интернационализм идет насмарку»[106].

Ломов и Урицкий выступили в поддержку Бухарина. Крестинский и Сокольников считали, что предложение о помощи «надо отклонить», но пользоваться помощью «в каждом отдельном случае», «от случая к случаю». Троцкий, предлагавший принять помощь французов и англичан, не вносил ясности в вопрос о характере помощи. В беседах, которые он вел с Робинсом, речь шла не столько о материальной помощи, сколько об «инструкторах», которых Троцкий считал возможным разместить в Архангельске, Мурманске, в районах, прилегавших к противогерманскому фронту, вдоль Сибирской железной дороги — в основном в районах, намеченных империалистами к оккупации[107].

В вопрос о характере принимаемой помощи внесла полную ясность записка Ленина, отсутствовавшего на заседании ЦК: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма». С этим уточнением и с голосом Ленина предложение было принято шестью голосами против пяти[108]. В тот же день Совнарком, обсудив вновь вопрос «о приобретении оружия, съестных припасов и других товаров» у Англии, Франции и других «союзников», при-

---

[105] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 206—207.

[106] Там же, стр. 207—208.

[107] А. О. Чубарьян. Указ. соч., стр. 157.

[108] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 208.

нял окончательное решение: «Приобретать». В протоколе слово «союзники» было взято в кавычки [109].

Члены ЦК «левые» коммунисты Бухарин, Ломов, Урицкий называли такое решение «сделкой с разбойниками». Ленин в связи с этим писал: «Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником есть вещь вполне законная» [110].

Однако разногласия Ленина и его сторонников с противниками принятия помощи от «разбойников» были лишь одним из поводов для жесточайшей борьбы между сторонниками и противниками мирной политики, сторонниками и противниками мира с Германией, сторонниками и противниками «революционной войны» — войны без подготовки, в невыгодный момент.

Политическая борьба вокруг вопросов мира и войны разгорелась в тот момент в полной мере и в другой столице — Москве. Здесь в городском Совете носители революционной фразы серьезно противостояли сторонникам ленинского курса. Толчком к ожесточенным спорам послужил телефонный звонок в Смольный члена исполкома Московского Совета С. Фельдмана 20 февраля 1918 г. в 2 часа 15 минут дня. От имени фракции большевиков он просил Ленина перечислить «факты» и «меры» в связи со слухами о германском нашествии. Ленин сообщил о падении Двинска и Режицы и о наступлении немцев на Луцк и Минск, добавив: «Кто интересуется делом, а не фразой, тот должен заключить мир и продолжать дело закрепления и углубления революции внутри» [111].

После этого разговора, очевидно вечером 20 и в ночь на 21 февраля, состоялось «экстренное» заседание исполкома Московского Совета. С горячей речью на нем выступил большевик Ф. Н. Ильин. Он сказал: «Мы знаем, что широкие массы, уставшие от бессмысленной войны — бойни, были более расположены к миру, чем к продолжению войны, и ввиду этого надеяться на революционную борьбу с Германией было нельзя. Благодаря такому настроению масс, фронт исчез. И мы, считаясь с этим, могли тогда еще

---

[109] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 68, л. 2.
[110] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 363.
[111] Там же, стр. 341.

предполагать, что нам придется, может быть, заключить не тот мир, на который мы раньше надеялись (всеобщий демократический.— *Д. О.*)». Совет Народных Комиссаров, заявил Ильин, «нашел, что теперь необходимо сделать жертву для искупления ее со временем», и заключил: «Мы должны считать этот шаг вполне правильным и, познакомившись с информациями, должны быть готовы к тому, что Германия отвергнет предложения со стороны Совета Народных Комиссаров, и нам будет необходимо выступить, сплотив все свои силы, не считаясь с невыгодными условиями, на борьбу с ней (Германией.— *Д. О.*)».

По поручению большевистской фракции депутат Ильин внес проект резолюции, показывающий, что во фракции правильно понимали смысл революционной войны. Проект гласил: «Совет горячо приветствует призыв Совета Народных Комиссаров к организации сил революционной обороны Социалистической республики и призывает всех трудящихся к сплочению вокруг Совета Народных Комиссаров и самой решительной поддержки шагов в деле революционной борьбы замир (разрядка наша.— *Д. О.*)» [112].

Тогда выступил меньшевик И. А. Исув. Он начал с того, что стоит за оборону, а кончил тем, что бросил ядовитые семена сомнения в возможность обороны без единого фронта «демократии», олицетворяемой буржуазным Учредительным собранием. Левый эсер Д. А. Черепанов справедливо заметил, что «социалистическая власть не может проводить буржуазной политики», что единый фронт с агентами буржуазии в Советах невозможен, что предложение Исува заставило бы на деле «перед лицом наступающего врага» разрушить тот аппарат, который был создан и который «ведет всю работу». Меньшевик-объединенец Л. Е. Гальперин возразил: «Факт сепаратного мира погубит пролетариат и страну». Он повторил мысль Исува о едином фронте с буржуазной «демократией».

Тогда с блестящей, глубоко марксистской речью о «едином фронте» выступил В. П. Ногин. Он заметил, что разбил страну на два лагеря вопрос о частной собст-

---

[112] «Известия Советов Москвы и Московской области», 22 февраля 1918 г.

венности на орудия производства и что поэтому гражданский мир в классовой войне, к которому призывали Исув и Гальперин, «невозможен... и не нужен». Ногин считал вредным говорить о гражданском мире в условиях подготовки к революционной войне в будущем «против капиталистов всех стран», а мир с немцами в данный момент он полагал необходимым в интересах той же подготовки и сохранения сил к моменту, «когда наступят благоприятные условия». Резолюция, внесенная Ильиным и вновь прочитанная Ногиным, была принята «огромным большинством» [113].

На пленуме Московского городского Совета 22 февраля 1918 г. эта резолюция была утверждена. Ту же точку зрения принял и Московский губернский Совет [114].

Ожесточенность споров по конкретным вопросам в ЦК и Совнаркоме с «левыми» коммунистами и левыми эсерами лишь подчеркивала глубину значимости вопроса. Ленин раскрыл эту глубину в статье «О революционной фразе», опубликованной 21 февраля 1918 г. Он писал, что «левые» коммунисты лезли в западню, поставленную англо-французской буржуазией, пытавшейся столкнуть Советскую республику с Германией [115].

Ведя борьбу за мир при таких разногласиях в верхах и обращаясь к рядовым коммунистам и беспартийным трудящимся за поддержкой, нельзя было не разъяснить смысла этих разногласий. Поэтому Ленин решил поставить на утверждение ЦК и опубликовать после утверждения тезисы, которые он написал еще 7 января, и тогда же вынес их на обсуждение только узкого круга руководящих деятелей партии (60 человек), но потом отложил их опубликование.

Теперь, когда немецкое наступление всколыхнуло всю страну, своевременность и актуальность ленинской постановки вопроса о необходимости немедленного заключения мира становились ясными для самых широких масс. Нападки противников Ленина и врагов Советской власти на Совнарком за отправку предложения германскому правительству подписать условия мира и, наконец, обвинения большевиков в «сделке с разбойниками» подводили Лени-

---

[113] Там же, 23 февраля 1918 г.
[114] Там же, 22 февраля 1918 г.
[115] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 352—353.

на к решению не только опубликовать прежние тезисы, но и дать пояснения к ним в связи с последними событиями.

Открытую борьбу за немедленный мир Ленин начал опубликованием 21 февраля в «Правде» статьи «О революционной фразе». Он писал, что лозунг революционной войны имел какой-то смысл в начале января 1918 г., когда была армия, но в конце февраля, когда «армии нет», а новая «только-только начинает зарождаться», «лозунг» революционной войны — пустейшая фраза. За этим лозунгом ничего реального не было. Его единственным содержанием были чувство, пожелание, негодование, возмущение, а лозунг, имеющий такое содержание,— революционная фраза[116]. Ленин раскритиковал все оговорки сторонников революционной войны против бесспорных фактов, делающих их лозунги нежизненными.

Формулируя в этой статье практическую задачу во внешней политике, Ленин писал: «Мы идем на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что *теперь* мы еще не готовы на революционную войну, что надо уметь выждать (как выждали мы, терпя кабалу Керенского, терпя кабалу нашей буржуазии, с июля по октябрь), выждать, пока мы будем крепче. Поэтому, *если можно* получить архиневыгодный сепаратный мир, его надо *обязательно принять* в интересах социалистической революции, которая *еще* слаба (ибо к нам, русским, *еще* не пришла на помощь зреющая революция в Германии). Только при *полной* невозможности сепаратного мира тотчас придется бороться — *не потому, что это будет правильной тактикой, а потому, что не будет выбора*»[117].

В связи с выступлением «левых» коммунистов против принятия предложения о материальной помощи от «разбойников англо-французского империализма» в статье «О чесотке», написанной 22 февраля, Ленин образно выражался о «левых» так: «Мучительная болезнь — чесотка. А когда людьми овладевает чесотка революционной фразы, то одно уже наблюдение этой болезни причиняет страдания невыносимые». И далее: «Простые, ясные, понятные, очевидные любому представителю трудящейся массы кажущиеся бесспорными истины извращаются теми,

---

[116] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 345.
[117] Там же, стр. 351.

кто заболел рассматриваемой разновидностью чесотки. Нередко это извращение происходит из самых лучших, благороднейших возвышенных побуждений, «просто» в силу непереваренности известных теоретических истин или детски-аляповатого, ученически-рабского повторения их не к месту (не понимают люди, как говорится, «что к чему»), но от этого чесотка не перестает быть скверной чесоткой» [118].

Обе указанные статьи были опубликованы Лениным за подписью «Карпов». Тезисы «по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» Ленин представил на утверждение ЦК. Имея в виду опубликовать их в печати после утверждения, он предварил их 23 февраля статьей «Мир или война?» Здесь впервые Ленин решил объявить о своем авторстве и статей, и тезисов. Это вносило новое качество в борьбу за мир. Борьба с противниками мира велась теперь от имени руководителя Советского правительства и ЦК большевиков, пользовавшегося исключительным авторитетом в широких массах. Объявляя всему народу свои взгляды, Ленин одновременно извещал, что политика фразы ни в ЦК, ни в правительстве не взяла верх [119]. Но она могла взять верх в местных Советах и местных большевистских организациях, поскольку они слабо были осведомлены о борьбе в центре. «Пусть знает всякий,— писал Ленин,— кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть» [120].

В тот момент, когда Ленин писал эти слова, перед ним лежал текст ответа германского правительства. Ответ был утвержден в 7 часов утра 22 февраля и в тот же день вечером был передан советскому курьеру в Уцянах, который доставил их в Петроград утром 23 февраля (более чем через сутки после их утверждения). Ответ снимал подозрения, что немцы предпочтут наступление миру. Условия мира были тяжелее тех, которые были предъявлены в Брест-Литовске. Секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов сущность этих условий с санкции Ленина выразил так: «1) аннексия Лифляндии, Эстляндии, Курляндии, 2) демобилизация армии, гвардии, Красной Армии, 3) вывод

---

[118] Там же, стр. 361.
[119] Там же, стр. 367.
[120] Там же.

войск из Финляндии, 4) прекращение войны с Радой, 5) отказ от права агитации против империалистического строя Германии, 6) беспошлинный вывоз руды из России и пр.» [121]

Германское правительство требовало принять эти условия в течение 48 часов, а затем подписать их в Брест-Литовске в течение трех дней и еще через две недели ратифицировать [122].

«Левые» коммунисты объявили, что они, будучи не согласны с большинством ЦК по вопросу о немедленном предложении мира, считают своей задачей «развитие широкой агитации в партийных кругах против обозначившейся в последнее время политики партийного центра» [123].

Немедленно после получения германских условий был созван ЦК большевиков. Я. М. Свердлов зачитал условия. Срок ультиматума истекал менее чем через сутки. Ленин первым чрезвычайно кратко и логично выразил свое мнение: «Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия» [124]. Троцкий высказал фантастическую, предательскую идею: «Мы не были бы в плохой роли, если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении». Это была фраза, против которой Ленин заявил: «Если наши цекисты говорят о международной гражданской войне, то это издевка. Гражданская война есть в России, но ее нет в Германии». Сталин предложил считать, что мир можно не подписывать, что нужно начать лишь переговоры о мире. Ленин ответил на это: «Сталин не прав... Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишите, то вы подпишите смертный приговор Советской власти через 3 недели» [125].

Ленин вновь подчеркнул, что немецкие условия «Советской власти не требуют» и потому их надо принять, а на случай, если потребуют этого любые империалисты, необходимо «готовить революционную войну» и при наличии заключенного мира. Он обратил внимание на то, что

---

[121] «Ленинский сборник», XI, стр. 60—61.
[122] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 113.
[123] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 210.
[124] Там же, стр. 211
[125] Там же, стр. 213.

демобилизации немцы требуют в чисто военном смысле — до уровня численности войск в мирное время. Ленин также напоминал, что «массы за мир», и для проверки этого предложил произвести «опрос среди советских избирателей Петрограда и Москвы». За принятие немецких условий голосовало семь членов ЦК, против — четыре, воздержалось — четыре. За то, чтобы «готовить немедленно революционную войну», голосовали все. Члены ЦК поддержали также идею немедленного опроса трудящегося населения, избиравшего Советы [126]. При этом имелось в виду опросить избирателей Советов только Петрограда и Москвы. Этот правильный замысел, технически выполнимый в течение суток, не был, однако, осуществлен в силу тяжелой военной обстановки в Петрограде, засилья «левых» в руководстве Петроградского городского комитета РСДРП(б), Московских областного и городского комитетов партии и в некоторых районных Советах столиц, которые должны были организовать опрос.

Настроения в пользу войны имели место не только в Советах Петрограда и Москвы. Они усилились с момента начала немецкого наступления, и тем более не могли ослабнуть в связи с декретом «Социалистическое отечество в опасности». После этого декрета, обнародованного в сложной обстановке, в Советах официально проводилась идея революционной защиты. Эта идея получила поддержку снизу. Массы доверяли Советской власти, ее обращениям, лозунгам.

В Курске, например, на чрезвычайном объединенном собрании городского Совета 22 февраля 1918 г. указанное обращение приветствовали горячо. Постановление Совета гласило: «на защиту Советской власти немедленно мобилизовать все революционные силы», «призвать к оружию всех граждан для беспощадной борьбы до последней капли крови» [127].

На пленарном заседании Петроградского Совета после оглашения декрета также было принято решение призвать рабочих и солдат встать на защиту социалистической России и ее столицы. Совет выделил 15 депутатов в состав Комитета революционной защиты Петрограда [128].

---

[126] Там же, стр. 215.
[127] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.
[128] «Правда», 23 февраля 1918 г.

Боевое настроение наблюдалось в Советах и в еще более глубоком тылу, особенно на Урале, в первые пять-шесть дней после начала немецкого наступления. Общее собрание Уфимского городского Совета, например, в своем постановлении от 23 февраля нацеливало всех на войну [129]. Такое же положение было и в Сибири, находившейся под угрозой японского вторжения. II съезд Советов Восточной Сибири 23 февраля также призвал Советы к войне [130].

Иное положение создалось с самого начала немецкого наступления в прифронтовой полосе вследствие развала армии и бегства солдат в тыл. Здесь в Советах решающий голос принадлежал солдатским депутатам. В Витебске, например, 22 февраля на расширенном «заседании Советов с профессиональными союзами и всеми трудовыми организациями с допущением публики» в «огромном» помещении окружного суда присутствовавшие были настроены решительно в пользу мира. Правые эсеры и меньшевики «не скупились на инсинуации и клевету» по адресу Советской власти за ее мирную политику, но речи их вызвали «бурю негодования со стороны всех» [131]. 23 февраля исполком Витебского губернского Совета принял такую резолюцию: «Считаясь с создавшейся мировой и внутренней обстановкой, с усталостью старой армии и отсутствием сильной социалистической армии, с разрушенным четырехлетней войной хозяйством в стране при объединении буржуазии русской и германской, исполнительный комитет, находя, что только мировая революция прекратит настоящую войну, для удержания всех завоеваний революции видит в настоящий момент выход в немедленном приступлении к переговорам о мире и заключении мира» [132].

Трудящиеся ответили на призыв Советского правительства решимостью защищать завоевания Октября. Они приняли активное участие в мобилизационных мероприятиях, отдавали все силы на оборону, не отказываясь в то же время от поддержки мирной политики как главной линии партии большевиков и Советской власти.

---

[129] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.
[130] Там же.
[131] Там же, 24 февраля 1918 г.
[132] «Орловские известия Советов», 26 февраля 1918 г.

Готовность трудящихся дать отпор германскому нашествию отражала их горячее стремление к миру. Они, прежде всего рабочие, верили в то, что империалистам не удастся втянуть немецких солдат в войну за уничтожение Советской власти в России. Доказательством обоснованности такой веры был факт, что инициатива революционных солдат русской армии по заключению перемирия была быстро подхвачена солдатами германской армии. И потому, как только германское командование, вынужденное считаться с настроением солдат, заявило о своем желании действительно подписать мирный договор и приостановить наступление, мобилизационный энтузиазм трудящихся России снова сменился страстным желанием мира.

Получение немецких условий мира в Петрограде утром 23 февраля 1918 г. в первую очередь сказалось на настроении трудящихся города. Эти условия повсеместно обсуждались, и отношение к ним было двойственное. С одной стороны, по призыву большевиков происходила мобилизация на фронт, а с другой — под впечатлением картины массового бегства солдат Северного фронта через столицу рабочие начинали сомневаться в правильности политики войны. Когда они узнали германские условия, эти сомнения усилились. В Петроградском совете профсоюзов по предложению Д. Б. Рязанова 22 февраля была принята резолюция, призывавшая к «революционной войне». Поправка Г. Д. Вайнберга — одобрить политику Совнаркома — была отклонена [133]. Союз металлистов, «объединявший в своих рядах почти половину членов профсоюзов Петрограда», принял в тот же день резолюцию, имеющую двойной смысл: не снималась политика мира и не отвергалась политика войны [134]. Другие профсоюзы, также одобряя ленинскую политику мира, «в то же время» призывали к войне, готовились к ней [135]. На массовых митингах в Петрограде 23 февраля рабочие «во всех районах» одобряли мирную политику правительства и призывали к войне на случай, «если немецкие

---

[133] ГАОРСС ЛО, ф. 6276, оп. 3, д. 6, л. 7; А. Л. Фрайман. Указ. соч., стр. 92—93. Стремление Фраймана всю вину за принятие этого решения свалить на Рязанова неубедительно.

[134] «Крах германской оккупации на Псковщине». Л., 1939, стр. 73.

[135] А. Л. Фрайман. Указ. соч., стр. 93.

империалисты будут продолжать наступление» [136]. На деле, однако, к 23 февраля во всем Петрограде в Красную Армию добровольно записалось всего 1900—2000 добровольцев [137].

Буржуазная же «публика», наоборот, перспективу войны восприняла с глубоким удовлетворением. При этом тон задавали меньшевики, которые ставили своей задачей склонить рабочих к войне. 23 февраля в Петрограде состоялось заседание ЦК меньшевиков-объединенцев. Обсуждался вопрос о политической кампании «в связи с подписываемым большевиками сепаратным миром». Меньшевик А. Югов предлагал созвать «беспартийную рабочую конференцию», для чего объединить действия ЦК, фракции меньшевиков при Союзе защиты Учредительного собрания, меньшевиков-продовольственников, профессионалистов (вроде Рязанова) и некоторых членов Комитета революционной обороны Петрограда [138].

Меньшевики делали ставку на захват власти. В резолюции, составленной членом ЦК меньшевиков А. Мартыновым, Советская власть обвинялась в стремлении «удержать в своих руках господство над страной». Меньшевики лживо утверждали, что правительство решало вопросы мира «за спиной народа», Советов («даже той советской организации, которая ее создала и перед которой она ответственна») [139]. Советская печать информировала народ о ходе переговоров в Брест-Литовске. Меньшевики «забывали» отметить, что в переговорах участвовали левые эсеры — противники мира. Левый меньшевик Н. Суханов, также упрекавший Советское правительство в капитуляции, заявлял, что с этим «примириться нельзя». Он, по сути, призывал к свержению Совнаркома, к тому, чтобы признать «незаконным и недействительным» его согласие подписать мир. Суханов высказывал претензию к ЦИК, одобрившему 21 февраля «мероприятия Совета На-

---

[136] А. Л. Фрайман. Указ. соч., стр. 95.

[137] Уточнения сделаны Фрайманом. Он же опроверг необоснованные утверждения А. Е. Антонова («Боевой восемнадцатый год». М., 1961, стр. 23) о 35 тыс. добровольцев на это же число. Причину такого явления, однако, Фрайман ошибочно видит только в трудностях организации (А. Л. Фрайман. Указ. соч., стр. 96). Это совершенно не верно.

[138] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 44, л. 98.

[139] Там же, д. 49, лл. 5—7.

родных Комиссаров, направленные к заключению мира»[140]. Обращаясь к «союзной демократии», Суханов писал: «Ликвидация существующего правительства... и [вопрос о] создании вместо него власти, способной к работе и к защите революции, должен быть безотлагательно поставлен на очередь»[141].

Буржуазия злорадствовала над Сухановым и другими «демократами» в связи с бесплодностью их попыток «водворить демократический порядок» в России. Она предвкушала свою победу с помощью немецких империалистов. Газета «Новый день» писала: «В самой России не нашлось других сил, которые были бы способны это совершить,— нашлась сила внешняя, и генералом на белом коне оказывается Гинденбург»[142]. Московские бывшие «тузы» в торговых конторах на Мясницкой и Ильинке кивали в адрес большевиков и говорили: «Пусть-ка теперь вывернутся» или: «С немцем, под немцем будет все-таки легче».

Кадеты заносили эти и подобные «мнения» представителей «народа» в свои записные книжки и публиковали в газетах[143]. Буржуазная газета «Утро России» извещала, что будто бы многие «готовы встретить немцев не штыками, а цветами»[144]. Буржуазный журналист представлял себе положение после свержения Советской власти так: «Оккупация Петрограда, отмена национализации банков, отмена декрета о земле, создание дисциплинированной армии под руководством немецких инструкторов»[145].

В напряженной борьбе партий и партийных течений было принято решение о посылке германскому правительству радиограммы о мире. Теперь, когда условия мира были присланы и на них в кратчайший срок надлежало дать ответ, борьба разгорелась вновь. Подобно тревожному дню 18 февраля и ночи на 19 февраля 1918 г., в непрерывных заседаниях ЦК большевиков и ЦК левых эсеров, Петроградского Совета и его фракций, ЦИК и его фракций прошли день 23 февраля и ночь на 24 февраля 1918 г.

---

[140] «Декреты Советской власти», т. I, стр. 490.
[141] «Новая жизнь», 21 февраля 1918 г.
[142] «Известия ЦИК», 23 февраля 1918 г.
[143] Там же, 26 февраля 1918 г.
[144] Там же, 27 февраля 1918 г.
[145] Там же.

Коридоры и залы Смольного, Таврического были переполнены. Здесь находились члены ЦК большевиков, Советского правительства, здесь был Ленин. От решения принять или не принять немецкие условия мира, крайне унизительные для страны,— в данный момент зависела судьба того, что было завоевано Октябрьской революцией.

Судьбу страны трудящиеся связывали с судьбой Советской власти, ее правительства. Разнузданная критика мирной политики Совнаркома, Ленина не вызывала сочувствия со стороны сознательных рабочих, солдат и некоторых интеллигентов. Секретарь наркома просвещения Р. А. Ивнев 23 февраля 1918 г. в статье «Распятая Россия» называл эту критику «воплями встревоженных обывателей», беснующихся буржуазных «патриотов», которым по существу были чужды интересы Родины. «Нам нужен мир,— писал Ивнев,— и всю его тяжесть мы возложим на свои плечи в надежде, что обстоятельства... переменятся». Здесь бесконечный оптимизм, здесь не было сомнений в выгодности мира, в прочности Советской власти! Война с немецкими хищниками была бы выгодна другим империалистическим хищникам, но Советской России, по мнению Ивнева, было «не по дороге с хищниками какой бы то ни было национальности» [146].

Сторонники срединной позиции («ни мира, ни войны») с момента перехода немцев в наступление растерялись. Они исходили из уверенности, что наступления не будет. В числе большевиков, занимавших такую позицию, оказался председатель большевистской фракции Петроградского Совета В. Володарский. На протяжении всего заседания пленума Совета днем 23 февраля он просидел, «не проронив ни слова». Сообщение председателя Совета Г. Зиновьева о согласии Совнаркома подписать мир было встречено членами фракции также «полным молчанием», очень редкими аплодисментами. Этот молчаливый протест передался и «остальным присутствующим» — депутатам. Так свидетельствует Ступоченко. Зато, по ее же свидетельству, лидеры крайне «левых» были активны. Радек, Рязанов выступили против «уступки империалистам» и предлагали не только не одобрить согласие Совнаркома на мир, а требовать от него и ЦИК «отказаться от всяких

---

[146] «Известия ЦИК», 23 февраля 1918 г.

переговоров». Умеренно «левые», сторонники «революционной войны», особенно те из них, которые знали положение в армии, как М. М. Лашевич, понимали, что отказ от переговоров — крайность, за которой может оказаться пропасть. Как член ЦК РСДРП(б) он не мог не вспомнить ультиматума Ленина о том, что он подаст в отставку, если победит политика революционной фразы. Ленин подтвердил свой ультиматум на утреннем заседании ЦК 23 февраля. Он говорил: «Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать» [147]. Лашевич с места крикнул: «Товарищи! Мы не должны выступать против Совнаркома» [148]. Левые эсеры не показывали, что они против большевиков. Большинство депутатов Совета вело себя сдержанно, понимало ответственность своего положения. Петроградский Совет на этот раз не принял решения, хотя депутаты спорили четыре часа.

С тяжелым чувством покидали депутаты Совета Смольный. Они спешили в Таврический дворец, где принималось окончательное решение. Володарский направился в редакцию «Красной газеты». Он выразил свои мучительные переживания в статье «Накануне решения». В этой статье Володарский писал: «Трудно принять решение. И здесь, и там (в случае мира и в случае войны.— *Д. О.*) — величайшие лишения и жертвы. На каком пути больше шансов спасти завоевания революции до поддержки с Запада, от европейского пролетариата,— вот основной вопрос. И сейчас, когда пишутся эти строки, Центральный Исполнительный Комитет, эта высшая в стране власть, должен сказать последнее решающее слово о мире. От этого слова сейчас зависит судьба России» [149].

Бюро фракции большевиков ЦИК возглавлял Я. М. Свердлов. Единство взглядов Ленина и Свердлова олицетворяло единство законодательной и исполнительной власти в советской системе управления. Это фактическое и полное единство имело исключительное значение в критические периоды истории Советского государства, особенно в борьбе за мир. Свердлов предложил бюро фракции левых эсеров в рабочем порядке создать сначала объединенное заседание фракций. Единство или отсутствие един-

---

[147] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 213.
[148] Л. Ступоченко. Указ. соч., стр. 10.
[149] «Красная газета», 24 февраля 1918 г.

ства в правительственных партиях необходимо было выяснить прежде всего. Затем имелось в виду выслушать мотивы взглядов и лишь после этого предложить членам ЦИК вполне сознательно проголосовать. У левых эсеров не было единства, и они согласились заседать вместе. Однако вопреки договоренности левые эсеры собрались отдельно и задержали открытие объединенного заседания на час.

Открывая в 11 часов вечера заседание фракций, Свердлов сообщил, что ЦК большевиков высказался за подписание мира, но фракция, независимо от этого, должна выявить свое мнение, так как в ЦК полного единства нет. Свердлов вел заседание спокойно, уверенно [150], но напомнил, что от решения вопроса о мире зависит судьба Советской власти. Для начала он предложил заслушать доклад главнокомандующего о положении на фронтах. Крыленко сообщил о стихийной демобилизации армии, о том, что стихию эту остановить нельзя. Он сделал вывод, что только немедленное подписание мира может спасти Советскую власть от гибели.

После этого в соответствии с соглашением бюро фракций было разрешено выступить из-за недостатка времени (решение обязательно должно было быть принято до истечения срока ультиматума) двум представителям от каждой фракции. От большевиков в качестве противника мира выступил Радек, от левых эсеров — Штейнберг. После этого Свердлов «чеканным языком» предоставил слово Ленину. «Голые факты, суровая действительность, самая подлинная жизнь, не созданная воображением, не вычитанная из книг, а такая, какой она существует во всей своей ужасающей правдивости, встала перед нами»,— писала о выступлении Ленина Л. Ступоченко, которая до того решительно поддерживала «левых» коммунистов и левых эсеров, настроенных против мира. Ленин сказал, что он дал два месяца своим противникам для подготовки «революционной войны», но они ничего не сделали и продолжали махать картонным мечом. «И стала ясна тайна силы и влияния т. Ленина. Он умеет пробуждать холодный рассудок. Он безжалостно уничтожает все грезы и мечты, и вместо прекрасной волшебно-сказочной

---

[150] «Комсомольская правда», 6 марта 1928 г.

иллюзии он вселяет трезвое понимание жизни»,— заканчивала изложение своего впечатления о выступлении Ленина Ступоченко. «Бесконечным теоретическим рассуждениям Владимир Ильич противополагал голые факты во всей их безжалостности»[151],— так характеризовал позицию Ленина Чичерин.

Левые эсеры не выставили докладчика. Когда слово попросил Рязанов, они с радостью поддержали такую замену, аплодировали ему. После выступления Рязанова Свердлов предложил перейти в другой зал на заседание фракции.

На заседании большевистской фракции ЦИК Свердлов сразу предложил голосовать, но Ю. М. Стеклов просил ответить на вопросы. Ленин отвечал коротко и метко. На вопрос о том, как будет выполняться пункт договора об отзыве русских войск с Украины, Ленин заметил, что, возможно, там «русских войск» уже нет, а есть одна «украинская армия» [152].

На вопрос о запрещении агитации Ленин ответил, что кайзер не лучше царя и, поскольку вопрос ставит не политический младенец, он должен знать, как ее вести. Ленин дополнил этот ответ замечанием, что мир подписывает ЦИК и Совнарком, а не ЦК партии.

Ответы Ленина сняли последние сомнения у большинства. Даже левый эсер Б. Ф. Малкин впоследствии признал, что выступления Ленина произвели «громадное впечатление» и что «многие дрогнули» [153]. При голосовании во фракции у большевиков против мира голосовали Луначарский и Стеклов. Володарский воздержался. На просьбу мотивировать это Володарский сказал: «Я против мира... Я был все время против, но теперь уже поздно».

---

[151] Г. В. Чичерин. О В. И. Ленине.— «О Владимире Ильиче». Л., 1924, стр. 25.

[152] Украинская Центральная рада, пытаясь сплотить вокруг себя вооруженные силы, «украинизировала» русские войска Румынского и Юго-Западного фронтов. Она объявила их входящими в единый «Украинский» фронт. Русские войска не подчинялись Раде. Они отходили главным образом на северо-восток — в Россию. В конце ноября 1917 г. на Румынском фронте, например, было около 1 млн. солдат, а уже 5 января 1918 г. их оставалось немногим более 50 тыс. (М. С. Френкин. Революционное движение на Румынском фронте (1917 — марта 1918 г.). Солдаты 8-й армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965, стр. 244).

[153] «Комсомольская правда», 6 марта 1928 г.

Он считал, что его голосование «против», отражающее его принципиальную точку зрения, «в сущности дела не изменит». Словом, эволюция Володарского была налицо. Он считал, что мир придется подписать, ибо борьба невозможна. Стеклов поставил снова вопрос о порядке голосования на пленуме ЦИК. Он требовал «свободы» голосования, отказа от партийной дисциплины. Вдруг раздался голос со стороны латышских большевиков: «Мы, латыши, не могли получить директив от нашей организации, так как отрезаны от нее фронтом... Мы подписываем смертный приговор... друзьям и товарищам». Свердлов сказал, что латышам следует сделать исключение — разрешить не присутствовать при голосовании, а остальным строго соблюдать дисциплину и на пленуме всем голосовать за мир [154].

Пленум ЦИК собрался в 2 часа ночи. После оглашения Свердловым немецких условий мира снова выступил Ленин. Он горячо защищал необходимость принятия условий. Особо подчеркнул Ленин мысль о том, что народ не поддержит войну, что «воевать можно только с народом» [155]. Меньшевик Мартов, наоборот, предостерегал против подписания сепаратного мира. Он объявил, что меньшевистская фракция снимает с себя ответственность за мир. От фракции правых эсеров выступали М. А. Лихач и З. Г. Гринберг — оба против мира. К ним присоединился анархист-«коммунист» А. Ю. Ге. Левый эсер Б. Д. Камков признавал, что оказать «вооруженного сильного сопротивления» невозможно, но в то же время высказывался против мира (за несерьезное сопротивление!) [156].

В 3 часа ночи состоялось голосование карточками. Оно дало 112 голосов за принятие условий, 84 — против и 24 воздержавшихся [157]. После этого было проведено по требованию левых эсеров поименное голосование, при котором каждый член ЦИК поднимался с места и говорил «за» или «против». Большевики Володарский, Луначарский и Стеклов на этот раз голосовали «за». Они подчинились партийной дисциплине. Поименное голосование дало «за» 116 голосов, «против» — 85. Воздержалось 26 чело-

---

[154] Л. Ступоченко. Указ. соч., стр. 28—29.
[155] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 379.
[156] «Известия ЦИК», 26 февраля 1918 г.
[157] Там же, 24 февраля 1918 г.

век. Двое отказались от голосования[158]. Итоги окончательного голосования были объявлены в 4 часа 30 минут утра. И тут же состоялось совместное заседание правительства и Президиума ЦИК, на котором Ленин огласил свой проект постановления о принятии, «согласно решению, принятому Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», условий мира, предложенных германским правительством, и об отправке делегации в Брест-Литовск[159].

Ленин заблаговременно принял меры к тому, чтобы постановление Совнаркома было отправлено по радио до истечения срока ультиматума. Еще в 2 часа дня 23 февраля по его указанию в Царское Село было передано написанное им же распоряжение для радиостанции, чтобы ночью до 7 часов утра на ней «был дежурный для отправки радиограммы» «безотлагательно и с полной гарантией»[160]. И ровно в 7 часов утра 24 февраля 1918 г. историческое решение Совнаркома было передано по радиотелеграфу.

---

[158] «Красная газета», 26 февраля 1918 г.
[159] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 381.
[160] «Ленинский сборник», XI, стр. 27.

РАТИФИКАЦИЯ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА

Всенародный опрос

24 февраля 1918 г. в 7 часов 30 минут утра запись радиотелеграммы Советского правительства о согласии подписать мир была доставлена германскому правительству[1], которое, однако, не спешило с ответом. Оно дало своему командованию указание продолжать наступление до подписания мира. Никакого извещения в Петроград по этому поводу из Берлина послано не было.

Создавалась новая обстановка: согласие на подписание мира было послано, а наступление продолжалось. У масс могла исчезнуть вера в мирный исход войны в ближайшее время, могло появиться настроение отчаяния, безразличия к действиям, исчезнуть представление о перспективе. В. И. Ленин в этот момент всеми силами стремился предупредить такой поворот в сознании масс. Он усиленно искал примеры подобной ситуации и ее развития в историческом прошлом народов. Он остановил свое внимание на Тильзитском мире, заключенном 8 июля 1807 г. между Наполеоном I — императором Франции — и Александром I — императором России — после войны, в которой Россия помогала Пруссии. Ленин замечал, что Пруссия потеряла более половины своих владений. Потом он углубился в предпосылки этого факта и установил, что по Люневильскому миру 9 февраля 1801 г. Наполеон сохранил прежнее положение только у 50 имперских городов Прус-

[1] «Вопросы истории КПСС», 1959, № 5, стр. 63.

сии. Затем — успехи Наполеона, Аустерлиц в 1805 г. и унизительный союз многих германских государств с Наполеоном, потом на помощь приходит Россия. И вот — Тильзитский мир. Ленин вторично делает запись относительно потери Пруссией половины своих владений и добавляет: «Пруссия платит громадную контрибуцию, содержит до ее выплаты французские гарнизоны, Наполеон I стал полновластным властителем Германии». Записав о свидании Наполеона с Александром в Эрфурте, Ленин констатирует: «еще большее унижение Германии». В 1810 г. Наполеон был в зените «побед». Попирая национальные интересы народов, он захватил бóльшую часть Европы. И... владычество Наполеона «революционизировало Европу». В 1812 г. после поражения в России это владычество склоняется к упадку. В 1813 г. Наполеон испытал унижение даже от Германии [2].

Ленин видел в этом историческом примере урок для Германии. Эта мысль получила отражение в его статье «Несчастный мир», опубликованной в «Правде» 24 февраля 1918 г. В ней делался такой вывод: «Наполеон I раздавил и унизил Пруссию неизмеримо сильнее, чем Вильгельм давит и унижает теперь Россию. Наполеон I был в течение ряда лет полнейшим победителем на континенте, его победа над Пруссией была много решительнее, чем победа Вильгельма над Россией. А через немного лет Пруссия оправилась и в освободительной войне, не без помощи разбойничьих государств, ведших с Наполеоном отнюдь не освободительную, а империалистическую войну, свергла иго Наполеона» [3].

Ленин считал, что «всего более недопустимо отчаяние» [4]. У него было основание беспокоиться за результаты поведения «левых» коммунистов и левых эсеров. Конечно, большинство ЦК большевиков и большинство в ЦИК и Совнаркоме было за мир. Но меньшинство везде было достаточно активным. Меньшинство в ЦК большевиков («левые» коммунисты и Троцкий) и большинство в ЦК левых эсеров (все, кроме М. А. Спиридоновой и Б. Ф. Малкина) могли символически или фактически объединиться и объединить оппозиционные силы в стране. Попытка

---

[2] «Ленинский сборник», XI, стр. 49—50.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 382.
[4] Там же, стр. 383.

такого объединения на «деловой» основе была предпринята по инициативе левых эсеров Камкова и Прошьяна, которые предложили Бухарину, Пятакову и Радеку «арестовать Совнарком во главе с Лениным» и образовать новое правительство из левых эсеров и «левых» коммунистов. Факт этот был раскрыт Бухариным в 1923 г.[5]

Разбирая заявление «левых» коммунистов в ЦК (в заявлении мотивировалось требование свободы агитации против политики большинства), Ленин в статье «В чем ошибка?» снова подверг критике беспочвенную фразеологию сторонников войны. Основную ошибку «левых» коммунистов Ленин видел в абстрактном отрицании возможности мира с врагом в тот момент, когда он наступает, в отсутствии анализа конкретных условий, в призыве к выбору «невозможной формы сопротивления» — к войне[6]. Отказ от боя при явно невыгодных условиях Ленин считал «обязанностью серьезного революционера», а отказ учитывать эти условия — скатыванием к пустому повторению фраз, к декламации пустыми фразами. Ленин, как видно из статьи, не считал борьбу за мир отказом от классовой, действительно революционной борьбы. Наоборот, он рассматривал борьбу за мир как форму сопротивления классовым врагам.

В «Заметке о необходимости подписать мир», написанной, очевидно, сразу после принятия немецких условий ЦИК, Ленин раскрыл смысл точки зрения меньшинства ЦИК, нежелания подписать мир, дал ему политическую оценку. «Не подписать мира в данный момент, это значит объявить вооруженное восстание или революционную войну против германского империализма. Это либо фраза, либо провокация русской буржуазии, которая жаждет прихода немцев. На деле мы сию минуту воевать не можем, ибо армия против войны, армия воевать не может»[7].

Однако невозможность воевать не смущала «левых» коммунистов. Проиграв бой в ЦК, не собрав здесь большинства, они решили противопоставить ему Московское областное бюро ЦК, апеллировать к оппозиции в стране. Московское областное бюро ЦК 24 февраля обсудило «деятельность ЦК», выразило ему «свое недоверие» и от-

---

[5] «Правда», 3 января 1924 г.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 374.
[7] Там же, стр. 384.

Г. В. ЧИЧЕРИН

казалось подчиняться «тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора» [8]. Оппозиционеры заявили, что раскол в партии «едва ли» устраним «в ближайшее время» [9]. Они не только создали свой организационный центр, но и попытались провозгласить стабильный характер раскола. В объяснительном тексте к указанной резолюции они заявили, что считают *«целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной»* [10].

В условиях, когда оппозиция выступала с программой деятельности против ЦК, необходимо было ясно изложить перед всеми членами партии позицию ЦК еще раз, призвать членов партии к единству, к строжайшему соблюдению партийной дисциплины, к поддержке принятого ЦК решения до созыва съезда партии. По поручению Оргбюро ЦК РСДРП(б) Ленин и Свердлов изложили эту позицию ЦК в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире. Обращаясь к членам партии от имени Оргбюро, они писали: «Сохраняя Советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неимоверно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. И большего удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти в России, нет и не может быть» [11].

Это был ответ раскольникам и разоблачение их перед партией. Ленин назвал «странными и чудовищными» слова резолюции «левых» коммунистов о допустимости утраты Советской власти [12]. Он убедительно доказал, что признание такой допустимости означало косвенное признание правильности основного тезиса сторонников мира, состоявшего в том, что непринятие условий мира приведет Россию к поражению и свержению Советской власти.

Одна из особенностей революционной фразеологии состояла в том, что она не мобилизовывала, а демобилизовывала массы. Фразеология была способна породить

---

[8] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)». Август 1917 — февраль 1918 г.». М., 1958, стр. 187.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 399.
[10] Там же, стр. 400.
[11] Там же, стр. 392.
[12] Там же, стр. 400.

отчаяние. Поэтому Ленин заканчивал статью «Странное и чудовищное» словами: «Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе» [13].

В основе ленинского оптимизма лежала вера в массы, опора на массы. Говоря, что «воевать можно только с народом», Ленин имел в виду трудящихся — избирателей Советов. В упомянутом письме к членам партии в тот же день он писал: «Нельзя Советской социалистической республике вести войну, имея заведомо огромное большинство выбирающих в Советы рабочих, крестьянских и солдатских масс против войны» [14].

Факты это подтверждали. Против войны были солдаты, прежде всего фронтовики. Враждебное отношение к войне они доказали своим бегством с позиции в тыл. Они даже не собирались для этого на митинги, не выносили каких-либо резолюций. Их мнение было единодушным, а для вынесения резолюций у них не было времени. Тыловики имели другие условия, но они, как показывают резолюции их митингов, голосовали также против войны. Полки Петроградского гарнизона полностью отказались участвовать в «революционной войне». На заседании Петроградского Совета делегаты Московского, Волынского, Семеновского, Измайловского полков и броневого дивизиона сообщили, что солдаты, которых они представляли в Совете, «отнеслись отрицательно» к выступлению на фронт против немцев. На митингах солдаты разрешали желающим идти добровольно [15]. Солдаты Петроградской социалистической авиашколы 25 февраля 1918 г. вынесли резолюцию: «Вполне одобряя политику Совета Народных Комиссаров в борьбе за честный справедливый мир, мы, солдаты..., понимаем согласие на подписание Брестского договора, исходящее от Совета Народных Комиссаров, как вынужденный шаг в связи с тяжелым положением страны и необходимостью закрепления завоеванной революции» [16].

Настроение крестьян было непосредственным отражением настроений солдат, в подавляющем большинстве тех же крестьян. Но до обращения правительства к крестьянским избирателям с просьбой высказать свое отношение к

---

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 407.
[14] Там же, стр. 390.
[15] «Новая жизнь», 5 марта 1918 г.
[16] «Известия ЦИК», 27 февраля 1918 г.

войне и миру письменное выражение дум и чаяний шло неорганизованно.

Зато воля рабочих нашла отражение в многочисленных резолюциях еще до объявления всенародного опроса. На митинге рабочих Обуховского завода в Петрограде еще 23 февраля была зачитана статья Ленина «Мир или война». Рабочие одобрили изложенные в ней взгляды и поддержали политику Советской власти [17]. Правление Союза деревообделочников Петрограда 25 февраля, обсудив «вопрос о походе немецких разбойников с обманутыми солдатами на российскую революцию» и «шаги Совета Народных Комиссаров о согласии подписать мир, предложенный германскими оккупантами», постановило, исходя из настроений большинства рабочих: «Принимая во внимание внутреннее положение Российской молодой республики..., а также, что международный пролетариат еще не успел приступить к битве со своими угнетателями-капиталистами, [считать] действия нашего Совета Народных Комиссаров единственно возможными и необходимыми» [18].

Вечером 24 февраля на заседании петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов левые эсеры пытались создать большинство против мира. Представитель фракции левых эсеров Я. М. Фишман обращал внимание на то, что против подписания мира голосовали некоторые большевики. Он предлагал не капитулировать, а отходить, а если «международная революция не придет на помощь» — погибнуть «с честью» [19]. Володарский резко критиковал Фишмана. Он сказал, что сам «несколько недель тому назад» был против принятия немецких условий, но в историческом заседании ЦИК голосовал за принятие условий, так как «убедился, что другого выхода нет». Володарский назвал доводы левых эсеров «голой фразой, лишенной конкретного содержания» [20].

За «немедленный вооруженный отпор» высказался меньшевик Ерманский, за «продолжение войны» — правый эсер Лившиц. На голосование были поставлены резолюции большевиков, меньшевиков и правых эсеров. Подавляющим большинством голосов была принята

---

[17] «Правда», 24 февраля 1918 г.
[18] «Известия ЦИК», 27 февраля 1918 г.
[19] Там же, 26 февраля 1918 г.
[20] Там же, 27 февраля 1918 г.

резолюция фракции большевиков, суть которой изложил Володарский.

Тогда левые эсеры отошли от позиции поддержки ленинского большинства в Советском правительстве. Их поддержали «левые» коммунисты. Это ярко проявилось на заседании исполкома Московского городского Совета. 24 февраля 1918 г. Е. Н. Игнатов и Д. А. Черепанов заявили нечто противоположное тому, что было решено на предыдущем заседании исполкома и на пленуме Совета (20—21 и 22 февраля), а именно: выразили недоверие Совнаркому. Игнатов, перефразируя указанное решение, сказал: «Совет Народных Комиссаров принес величайшую жертву делу революции (пойдя на сепаратный мир.— *Д. О.*), но жертва оказалась бесцельной, так как новые условия мира имеют целью задушить русскую революцию». Черепанов потребовал «отказаться от всяких разговоров о мире». Голосование показало, что исполком в целом под влиянием «левых» отошел от прежней позиции. 41 голос был подан против заключения сепаратного мира и только 10 — за [21].

Президиум исполкома Московского губернского Совета в тот же день сумел в своем решении обойти вопрос о мире [22].

Между руководящими органами Советов Петрограда и Москвы и депутатами этих Советов не было единства. Широкие массы избирателей тем более не разделяли авантюристических идей их «левых» лидеров: Бухарина, Радека, Игнатова, Черепанова и др. Именно в связи с широким всенародным движением против войны возникла идея всенародного опроса. Эта идея была дальнейшим развитием решения ЦК большевиков от 23 февраля 1918 г., сформулированного Лениным, о необходимости опроса советских избирателей Петрограда и Москвы. На следующий день, видимо по указанию Ленина, секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов составил телеграмму всем Советам страны с запросом об их отношении к немецким условиям мира, к голосованию в ЦИК, к различным точкам зрения на мир. В телеграмме излагалось существо двух основных точек зрения: «Це-ка большевиков с Лениным» и «Це-ка левых

---

[21] «Известия Советов Москвы и Московской области», 26 февраля 1918 г.

[22] Там же.

эсеров». Всем губернским и уездным Советам, а также всем губернским, уездным и волостным земельным комитетам предлагалось «спешно» телеграфировать о том, как они относятся к подписанию немецких условий. Подписание должно было состояться в течение трех суток. Мнения Советов предполагалось учесть при подписании мира.

Предложение о рассылке телеграммы обсуждалось утром 24 февраля на заседании Президиума ЦИК, и здесь было решено «обратиться ко всем Советам и земельным комитетам», чтобы выяснить, «какую позицию они занимают в вопросе о мире и санкционируют ли они постановление ЦИК» [23].

Ленин прочитал текст телеграммы перед рассылкой и внес в него исправление. Телеграмма была датирована 24 февраля [24]. В ночь на 25 февраля она была отправлена. Утром местные Советы и земельные комитеты, а также партийные организации имели возможность обсудить условия мира, получив исчерпывающую характеристику их, одобренную Лениным.

Первый же день опроса продемонстрировал всеобщее осуждение грабительского аннексионистского смысла мирного договора с Германией. Одновременно в некоторых Советах понимали необходимость подписания этого договора. «Понимаем,— телеграфировали из Нерехты Костромской губернии,— что мир позорный и похабный, но позор Родины как факт свершившийся принимаем». Это выразительное постановление вынесло пленарное заседание Нерехтского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [25]. Из Глазова Вятской губернии писали: «Обсудив телеграмму Совнаркома от 25 февраля [26] об условиях мира, предложенных ультимативно германским правительством, признавая тяжесть этих условий для социалистического отечества в его борьбе за социализм, считаем условия германского империализма безусловно не приемлемыми, но, принимая во внимание разрушение вконец, благодаря четырехлетней войне, народного хозяйства, утомление

---

[23] «Комсомольская правда», 6 марта 1928 г.

[24] «Ленинский сборник», XI, стр. 60—61. В сборнике документ датирован ошибочно: 25 февраля.

[25] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, л. 18.

[26] Видимо, дата получения.

народных масс, отсутствие армии, продовольственный и транспортный кризис, благодаря чему ведение организованной революционной войны невозможно,— исполком уездного Совета крестьянских, рабочих и солдатских [депутатов] признает, что вынужденное решение ЦИК было единственным выходом из создавшегося положения» [27].

Как видим, оценка грабительской аннексионистской сущности мира не помешала Советам сделать правильный вывод о необходимости подписания такого мира.

Но другие Советы такого безоговорочного вывода не сделали. Они высказались против не только сущности, но и подписания аннексионистского мира. Так, в частности, реагировали губернские исполком и Совнарком Вятки: «в ответ на телеграмму от 24-го сего февраля» они сообщали, что «на экстренном совместном заседании» 25 февраля большинством 54 против одного было постановлено: «не может быть и речи о мире на условиях, предложенных германским империализмом». Они называли такой мир «позорнее самоубийства социалистической революции» и призывали организовать партизанские отряды [28]. Рабочие Знаменского завода в Красноярске также назвали мир позорным и постановили «такого позорного договора не подписывать» [29].

Пленарное заседание Красноярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов показало на источник ошибочных выводов в Советах в отношении возможности заключения аннексионистского мира. «Левый» коммунист В. Н. Яковлев, огласивший телеграмму Совнаркома, пугал присутствовавших депутатов тем, что подписание мира будет означать: «отдать без сопротивления все завоевания революции». Г. С. Вейнбаум успокаивал, что Совнарком «еще не подписал мира», что он «желает знать мнение народа». Но после этого он зачитал телефонограмму о собрании рабочих Знаменского завода, упомянутую выше, и этим «подстегнул» присутствовавших на неправильное решение вопроса. Такая позиция

---

[27] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 24.

[28] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г. Этот документ подтверждает, что телеграмма Совнаркома Советам была датирована 24 февраля.

[29] «Рабоче-крестьянская газета» (Красноярск), 27 февраля 1918 г.

«левых» коммунистов вызывала удивление даже у меньшевиков. Меньшевик Матасов, обращаясь к ним, говорил: «Вы всегда называли нас оборонцами и слово «оборонец» стало даже ругательным. Но мы стояли за оборону тогда, когда это было возможно. Вы же призываете к обороне теперь, когда нет ни армии, ни продовольствия» [30].

Некоторые Советы придерживались срединной позиции. Сретенский Совет Забайкальской области рассудил так: «Ввиду дезорганизации армии, продовольственной разрухи и расстройства транспорта Россия не может продолжать войну. Также [она] не может подписать унизительного договора, предложенного империалистами». И далее: «Подписание договора влечет за собой гибель революции, и неизбежно России придется принять новую войну на востоке (имеется, очевидно, в виду высадка японцев на Дальнем Востоке.— *Д. О.*)». Исходя из этого, Сретенский Совет постановил: «договора не подписывать, организованной войны временно не вести, но всеми силами и средствами бороться с алчным немецким империализмом и всеми захватчиками, насильниками революции» [31].

Нейтральные решения принимали те Советы, в которых голоса между сторонниками и противниками подписания условий мира раскалывались приблизительно поровну. Так, Брянский районный съезд Советов 25 февраля 1918 г. решил требовать «немедленного созыва Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который один только может говорить властно на всю страну в этот страшный час, в эту грозную минуту для российской революции». Эта резолюция была принята большинством в 10 человек (92 голоса максималистов, части большевиков, меньшевиков и эсеров против 82 голосов беспартийных и большевиков) [32]. Такое соотношение показывало, что сторонники безотлагательного подписания мира (без откладывания до съезда) представляли ярко выраженный блок большевиков и беспартийных.

Разновидностью уклонения местных Советов от вопроса было решение Президиума Московского губернского

---

[30] Там же.
[31] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 48.
[32] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.

Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он признавал «невозможность вести войну в старом смысле слова» и в то же время объявил себя не связанным «бумажным мирным договором»[33]. Такая неопределенная позиция была довольно распространенной в начале опроса, но она быстро уступила место определенной мирной позиции. Это наглядно видно из таблицы, составленной на основании текстов постановлений Советов и других местных организаций, опубликованных 28 февраля — 2 марта 1918 г.[34]:

Дата опубликования текстов	Число текстов	За революционную войну	%	Неопределенная позиция	%	За мир	%
28 февраля . . .	35	14	40	16	46	5	14
1 марта	33	9	27	10	30	14	43
2 марта	23	5	22	2	9	16	69

В постановлениях Советов, выражавших неопределенную позицию, как правило, высказывалось полное доверие центральной власти. Так, П. А. Джапаридзе просил принять во внимание, что Бакинский Совет полностью солидарен «с последовательной политикой Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного [Комитета] Советов рабочих и солдатских депутатов» и выразил «свою готовность оказать [им] всемерную поддержку»[35]. Горячо одобрил внешнюю политику правительства Иваново-Вознесенский Совет рабочих и солдатских депутатов. Вопрос о мире здесь обсуждался 25 февраля в «долгих и горячих» прениях. Левые эсеры и «левые» коммунисты предлагали «революционную войну», меньшевики заявляли, что вопрос нельзя решать без Учредительного собрания. Совет занял ленинскую линию. Он считал, что «наступление германских войск грозит неминуемой гибелью всем завоеваниям революции», что «при наличии контрреволюции внутри Советской республики нет возможности отвлечь все силы Красной Армии на внешний фронт», что «экономическое состояние страны настолько

[33] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, л. 34.
[34] «Известия ЦИК», 28 февраля, 1 и 2 марта 1918 г.
[35] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 10.

катастрофично, что всякое замедление в его улучшении недопустимо», что «с продолжением войны экономическая разруха будет развиваться», что «революционное движение на Западе еще не достигло той силы, чтобы существенно поддержать русскую революцию в борьбе с германским империализмом». Исходя из этих соображений, Совет одобрил внешнюю политику ЦИК и Совнаркома [36].

Как ни призывали меньшевики в Советах вернуться к помощи «хозяина земли русской» — Учредительного собрания, Советы не шли на эту удочку. Съезд Советов Брянского заводского района Орловской губернии доверял окончательно решить вопрос о мире только Всероссийскому съезду Советов. В его постановлении ни слова не говорилось об Учредительном собрании [37].

Рабочие-депутаты Советов в первый день опроса горячо выступили в защиту революционных завоеваний против грабительской сущности аннексионистского мира. Многие из них были горды достижениями русской революции. Нашествие немцев затрагивало их революционную гордость, больно отзывалось в сознании. «Левые» коммунисты тем временем требовали «революционной войны» во что бы то ни стало. Этого требовал и Уральский областной Совет, Советы рабочих и солдатских депутатов Богословского и Мотовилихинского заводов [38]. Некоторые рабочие увлекались идеями «революционной войны», брали под сомнение мирную политику Советской власти. Однако, когда в таких же, преимущественно рабочих, Советах было сильным влияние большевиков-ленинцев, этот же призыв (к «революционной войне») обращался в будущее, если империалисты попытаются уничтожить Советскую власть, а в настоящем — рабочие требовали заключить мир.

Уже первый день опроса Советов показал, что крестьянские (сельские, волостные) Советы стояли за мир. Трудящиеся крестьяне интересы мира ставили выше всех своих интересов. Участники собрания «общественных организаций» Кадниковского уезда Вологодской губернии говорили и в резолюции записали, что у ЦИК

[36] «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск), 5 марта 1918 г.
[37] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.
[38] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 14, лл. 7, 8, 15.

«не было другого выхода, кроме подписания с германскими империалистами мира, хотя бы таковой и отдавал весь российский пролетариат в кабалу империалистических хищников и лишал трудовое крестьянство земли и воли» [39]. Члены Богучарского уездного Совета Воронежской губернии признали «материальную невозможность продолжения войны» [40]. Из Козельска Калужской губернии за подписью председателя исполкома уездного Совета Е. Е. Ларина Совнарком получил телеграмму, которая звучала предельно ясно: «Мир заключить, но предложенные германские условия мира слишком суровы по всем пунктам». Совет предлагал правительству «употребить все усилия, чтобы мир заключить на более демократических условиях», но не отвергал предъявленные условия [41].

Аналогичные ответы были получены от Советов Карачевского уезда Орловской губернии и Сердобского уезда Саратовской губернии. «Железная необходимость заставляет принять германский ультиматум — из двух зол меньшее» [42], — говорилось в первом. Во втором ответе сообщалось мнение уездного съезда Советов: «в настоящем положении полного боевого и экономического бессилия России возобновление и ведение войны невозможно». Его подписал председатель съезда Тамбовцев [43]. Касимовский Совет Рязанской губернии требовал «немедленного заключения мира» и объяснял, что всякое промедление с миром вызовет в стране «голод, разруху и анархию» [44]. Климовичский уездный съезд Советов телеграммой, подписанной Жбановым, выразил «полную поддержку политике Совета Народных Комиссаров» [45]. ЦИК опубликовал эту телеграмму под заголовком «Отношение рабочих и крестьян к вопросу о войне и мире» [46].

Крестьяне вполне сознавали грабительский характер немецких условий. И тем не менее они требовали их подписать. Совет крестьянских депутатов Утешевской волости Мещовского уезда Калужской губернии присое-

---

[39] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 17.
[40] Там же, л. 20.
[41] Там же, д. 13, л. 11.
[42] Там же, л. 51.
[43] Там же, д. 14, л. 35.
[44] Там же, л. 26.
[45] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.
[46] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 14, л. 26.

динился «к прекращению войны и позорному для демократии миру» [47]. Правда, отсталые элементы крестьянской демократии еще были в плену буржуазных парламентских иллюзий. Они иногда требовали одновременно немедленно созвать Учредительное собрание [48]. Даже особенно тесно связанные с обязанностями военной службы казаки-фронтовики были настроены кончать с войной. Казачий съезд Оренбургского округа послал 25 февраля 1918 г. своих представителей в Оренбургский военно-революционный комитет и там большинством (22 против 11) было решено «присоединиться к решению большинства ЦИК — заключить мир» [49]. Исполком волостного Совета в селе Русские Броды Малоархангельского уезда Орловской губернии телеграммой, подписанной председателем Логвиновым и секретарем Граневым, 25 февраля сообщил, что общее собрание Совета единогласно присоединилось к мнению большинства ЦИК и потребовало «подписать немедленно мирный договор для спасения Советской власти» [50].

Сельские крестьянские сходы, как правило, высказывались за мир еще более определенно, чаще — единогласно. Таково содержание телеграмм о сходах в селе Радутино и в деревне Рожок Трубчевского уезда Орловской губернии [51]. Крестьяне села Черниговки Никольск-Уссурийского уезда Приморской области, заслушав телеграмму Совнаркома, постановили: «Россия на краю гибели, условия постыдные и позорные, но мы принуждены заключить мир» [52]. В этом «мы» крестьян глухой российской деревни заключался глубочайший демократизм Советской власти, которая обратилась за помощью в решении вопроса о мире ко всему народу, и народ чувствовал, что между Советским правительством и каждым трудящимся — тесная связь, что у них общие интересы. Советская внешняя политика была подлинно народной политикой.

Ленина больше всего интересовали ответы крестьян — большинства населения. Б. Ф. Малкин, член Президиума

---

[47] Там же, д. 13, л. 15. Упомянутая телеграмма Совнаркома в ответе также датирована 24 февраля 1918 г.

[48] Там же.

[49] Там же, л. 43.

[50] Там же, л. 46.

[51] Там же, лл. 47, 48.

[52] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.

ЦИК, вспоминал: «Помню, как на другой день (после отправки запроса.— *Д. О.*) часть этих ответов, которые мы получили по прямым проводам, я представил Владимиру Ильичу, который быстро распределил ответы по промышленным и крестьянским центрам и тут же заявил: «Совершенно ясно, что деревня воевать не хочет,— нужно специально опросить все волости, и тогда картина станет совершенно ясной»» [53].

Ответы Советов и их избирателей на запрос Советского правительства о мире — документы громадного исторического значения. Никогда ни одно буржуазное правительство не обращалось по такому вопросу непосредственно к народу. Они всегда почти обделывали подобные дела втихомолку. Правительство Керенского в России на словах говорило о том, что оно за мир, а на деле продолжало политику царского правительства. И только рабоче-крестьянское правительство России сказало народу горькую правду: вот они тяжкие условия мира, предложенные германским императором! Принять или не принять?...

Конечно, не все Советы смогли ответить, особенно низовые: и связь была плохая, и собраться быстро было нелегко, и были силы, которые противились выражению массами своих мирных настроений. Отсутствие ответа часто означало, что на местах сильна была тяга к миру у трудящихся масс. Деятели Советов из эсеров или меньшевиков, ратовавшие за «войну», боялись потерять доверие народа и потому не принимали мер к тому, чтобы избиратели могли выразить свою волю правительству. Это, конечно, не значит, что они всегда действовали безуспешно. Врагам мира в ряде случаев удавалось склонить в пользу войны даже крестьян. В Дмитровском уезде Орловской губернии, например, на пяти волостных собраниях крестьяне под влиянием агитации эсеров высказались «за продолжение войны». В шести волостях все же, несмотря на эту агитацию, крестьяне высказались против войны и в трех волостях воздержались от определенного суждения [54].

Ленинская политика мира прокладывала себе дорогу в серьезной борьбе с противниками мира и на местах.

---

[53] «Комсомольская правда», 6 марта 1928 г.
[54] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, л. 50.

За мир единодушно голосовали в местных Советах солдатские и матросские депутаты. Развернутую и весьма характерную резолюцию принял 25 февраля 1918 г. Севастопольский Совет военных, рабочих и крестьянских депутатов, председателем которого был большевик Н. А. Пожаров. Резолюция гласила: «Осудив условия, предложенные германским правительством в ответ на согласие Совета Народных Комиссаров подписать мир, предложенный нам в Бресте, принимая во внимание, что условия вновь предложенного мира налагают на Россию более тяжкие цепи в военном, политическом и экономическом отношениях, что из условий вытекает желание лишить нас всех завоеваний свободы, лишить нас права называться революционерами, лишить нас права гласной борьбы за достижение социализма, что вследствие расстройства наших армий демобилизацией ожидать планомерного и серьезного сопротивления с нашей стороны не приходится, наконец, что Совет Народных Комиссаров не имеет возможности точно учесть в данное время настроения и желания масс в этом вопросе, но желая указать, что им делаются шаги к миру, дает согласие на подписание новых условий мира, Севастопольский Совет военных, рабочих и крестьянских депутатов постановил:

1) условия мира, предложенные Германией с точки зрения нашей социальной революции, неприемлемы;

2) шаг народных комиссаров, согласившихся подписать эти условия, признаем фактически правильным, вызванным обстоятельствами момента;

3) призвать всех истинных защитников социальной революции стать под знамена этой революции и повести борьбу за идеалы социализма, попираемые насильниками Германии, России и других стран;

4) не решать в принципе способов ведения войны (партизанской и регулярной), предоставив это решение высшим революционным органам российской демократии, в частности Совету Народных Комиссаров, в зависимости от желания всей революционной России;

5) призвать всех к сплочению вокруг этой власти и, сдерживая себя строгой революционной дисциплиной, явить перед лицом грозной опасности единый фронт» [55].

[55] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.

Из этого видно, что констатация Советами неприемлемости условий мира не означала несогласие их на подписание этих условий как договора. Советы считали, что, подписывая унизительный мир, Советское правительство уступало не только Германии, но и союзникам буржуазной России, которые использовали Германию как ударную силу против Советской власти. Советы не считали врагами Советской власти трудящихся Германии и других стран. Врагами они считали империалистов этих стран. Акт подписания мира Советы не рассматривали как отказ от классовой борьбы, в том числе и вооруженной, с врагами революции; выбор способов этой борьбы не решали немедленно. Они представляли выбор способов борьбы сделать «высшим руководящим органам» Советской власти, которым доверяли безгранично.

Серьезную борьбу за мир вели большевистские депутаты Орловского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов. На пленуме Совета, созванном вечером 25 февраля 1918 г., присутствовали и принимали участие в дискуссиях (с совещательным голосом) члены заводских, полковых и ротных комитетов и делегаты крестьянского съезда. Широкое представительство масс в Совете способствовало успеху большевиков при обсуждении телеграммы Совнаркома. Председатель Совета Квапинский, огласив телеграмму, фактически признал полную растерянность лидеров Совета. Он сказал, что «данный вопрос является настолько серьезным, что президиум при рассмотрении не мог взять на себя смелость... так или иначе разрешить» его. Никто из членов президиума даже не осмелился сделать доклад. Председатель так и объявил: «Доклада не будет». Он предложил разбиться на фракции и в них «разобраться в вопросе о войне и мире» [56].

После фракционных заседаний первым на пленуме взял слово член большевистской фракции М. А. Калинин. Он призвал «бороться против наступающего врага всеми мерами». В то же время он высказался за принятие немецких условий. Меньшевик Гнесин, напомнив о приближающейся годовщине Февральской революции,

---

[56] «Орловские известия Советов», 26 февраля 1918 г.

призвал вернуться к идеалам этой революции, а Совнаркому «устраниться от власти». Он заявил, что всякие споры по поводу мира бесполезны, что «никакого референдума нет» потому, что, дав согласие на подписание мира, Советская власть умерла. «Что бы ни решили Советы,— говорил Гнесин,— но голос [их] останется втуне». Он сочинил версию, что «мир или подписан, или будет подписан через несколько часов». «Советов не существует»,— вопил Гнесин, забыв, что он выступает в Совете. Меньшевик Переверзев просто отказался от слова. Однако попытка меньшевиков свернуть обсуждение вопроса о мире в Орловском Совете не удалась.

Против меньшевиков выступали левые эсеры. Представитель фракции левых эсеров Ковалев осудил призыв Гнесина вернуться к земствам и городским думам. «Они умерли и никогда не воскреснут»,— сказал Ковалев, но неожиданно указал на возможность восстановления монархии. Ковалев объявил себя решительным противником подписания мира, угрожающего якобы восстановлением монархии.

Член большевистской фракции Есенев поддержал Ковалева в критике меньшевиков, указав, что вопрос о мире окончательно решит Всероссийский съезд Советов, а все Советы поэтому должны иметь свое суждение о нем. Однако, как и Калинин, Есенев стоял на позиции «левых». Он поддержал Ковалева в критике мира, сказав, что «мир на предложенных условиях — гибель пролетариата» и с серьезным видом обещал организовать «шайку», чтобы бороться «до последней капли крови».

Бундовец Гуревич выступил против призывов к «революционной войне» в духе полной поддержки меньшевистской фракции, требовавшей заменить советскую систему буржуазно-демократической якобы для того, чтобы не допустить восстановления монархии. С резолюцией от бундовцев, правых эсеров и меньшевиков выступил Коган. Он потребовал немедленной передачи власти Учредительному собранию «для ослабления тяжелых последствий заключенного мира». Всю ответственность за «создавшееся положение» Коган возлагал на большевиков, обвиняя их в том, что они «бросили Россию к ногам германского империализма». Однако эта резолюция собрала всего 23 голоса. Большинство депутатов Совета против 6 при 17 воздержавшихся проголосовало

за резолюцию, которая приветствовала Совнарком и его политику. Принятие немецких условий называлось в этой резолюции «величайшей жертвой», принесенной «во имя интересов мировой революции» [57].

В некоторых Советах депутаты от рабочих сразу после обращения Совнаркома от 24 февраля 1918 г. решительно стали за мир. Они хотели подчеркнуть преимущественно пролетарский характер Советской власти, рабочий состав Всероссийского ЦИК Советов, одобрившего мир. Исполнительный комитет Оренбургского Совета рабочих депутатов большинством голосов 25 февраля постановил «присоединиться к решению Всероссийского рабочего ЦИК — заключить мир» [58]. Председатель собрания депутатов Совета и заводских комитетов Егорьевска Рязанской губернии Антипов прислал в ЦИК в тот же день телеграмму о том, что большинство этого собрания голосовало «за мир во что бы то ни стало» [59].

Отрицательные ответы, полученные Совнаркомом от местных Советов, не всегда отражали точку зрения избирателей, а иногда и депутатов. Нередко эти ответы принимались не на пленумах Советов, а на заседаниях исполкомов или даже президиумов их. Только спустя несколько дней пленарные заседания Советов могли исправить точку зрения исполкома или президиума. Наиболее резкие по тону телеграммы были получены от некоторых исполкомов. Такими были, например, телеграммы исполкомов Пермского губернского Совета (требовал «немедленного прекращения всяких переговоров»), Павлодарского уездного и городского Советов (называли мир «очередной международной провокацией черного интернационала»), президиума исполкома Кронштадтского Совета (подтвердил резолюцию Совета от 30 января 1918 г. против мира), исполкома Владивостокского Совета (назвал заключение мира «изменой делу революции») [60].

Волю Советов чаще выражали общие собрания депутатов. В Ярославском городском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов воля большинства депута-

---

[57] «Орловские известия Советов», 26 февраля 1918 г.
[58] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, л. 44.
[59] Там же, д. 14, л. 25.
[60] Там же, д. 12, л. 42; «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.; «Крестьянин и рабочий» (Владивосток), 26 февраля 1918 г.

тов не была подменена мнением некоторых членов исполкома. Председатель Совета большевик П. А. Будкин, оглашая телеграмму Совнаркома, сказал, что «теперь судьбу народа решает не один человек и даже не кучка людей». Обращение Совнаркома к Советам он назвал конкретным примером советской демократии на деле. Будкин изложил позиции большевиков и левых эсеров и заявил: «Нам дороже всего Советская республика, нам нужнее всего русская революция, и, чтобы она была светочем для всемирного пролетариата, чтобы наша революция была путеводной звездой для угнетенных, мы подписали эти позорные условия мира». Это были слова большевистского оптимизма, слова веры в возможность победы революции в России.

Контрастом было выступление меньшевика Шлейфера, который говорил: «Мы создадим армию, создадим единый революционный фронт и, оказывая сопротивление Германии, обратимся к рабочим Германии, Англии и др. за помощью. И при заключении общеевропейского мира, я уверен, нам поставят не эти позорные условия». И далее: «Мы, может быть, погубим тело, но не погубим духа — сохраним честь русской революции. Даже поражение не будет страшно. Мировой пролетариат знал бы, что правда за нами, и помог бы изнемогающим под давлением насильников» [61]. Это была «позиция» отчаяния гибнущих в политической борьбе эксплуататоров, выраженная слугой эксплуататоров.

Большевик А. П. Работнов говорил, что Россия «технически не в состоянии продолжать войну», что это — главный критерий оценки текущего момента. Большевичка О. И. Розанова говорила в ответ меньшевику Пастухову, призывавшему к единству «демократии», что необходима «передышка, чтобы собраться с силами». «Буржуазия,— продолжала она,— вызывает нас на бой. [И] мы дадим этот бой, когда подготовимся». И, наконец, о том, кому выгоден мир: «Теперь при всем своем энтузиазме мы не можем воевать, и в одном том, что наши враги призывают нас к войне, мы усматриваем для нас выгоду мира».

Уточняя позицию меньшевиков, Богачев заявил, что Россия не может заключать сепаратный мир потому, что

---

[61] «Власть труда» (Ярославль), 1 марта 1918 г.

«российская революция зависит от международной; она удержится только тогда, когда вспыхнет международная революция» [62].

Большевик Н. Ф. Доброхотов, разоблачая врагов мира, сказал: «Под видом священной войны с германским империализмом оборонцы, как и всегда, хотят провести свои национальные идеи». Отвергая обвинения в предательстве интересов революции во всем мире, Доброхотов бросил в лицо меньшевикам слова, полные революционного пафоса: «Когда нужно будет, мы не задумаемся отдать все свои силы революции, мы умрем за нее. Да здравствует революция!»

В заключительном слове Будкин употребил в высокой степени меткие выражения: «У нас нет сил. Дальнейшая война отнимает все наши завоевания, и мы можем оказаться при разбитом корыте с глубокой верой в социализм. Чтобы наши Советы яркой звездой освещали путь всему пролетариату, мы должны заключить мир». В результате такой активности большевистской фракции Ярославского Совета ее проект резолюции собрал подавляющее большинство голосов (65). Левые эсеры собрали (против мира) 16 голосов, а меньшевики и бундовцы вместе еще меньше — 8.

Принятая Советом резолюция гласила: «Общее собрание Ярославского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с губернским исполнительным комитетом вполне доверяет своей революционной крестьянской пролетарской власти в лице Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета, одобряет их решения о подписании навязанного условия мира» [63].

Следует заметить, что активность и единодушие большевиков на пленуме Ярославского Совета не были случайными. Они были подготовлены местной организацией большевиков, которая перед пленумом на «экстренном собрании членов партии», после «длинных дебатов» единогласно (при четырех воздержавшихся) выработала платформу фракции большевиков в Совете в духе приведенной резолюции [64].

---

[62] «Власть труда» (Ярославль), 1 марта 1918 г.
[63] Там же.
[64] Там же.

Менее организованно вначале действовала объединенная фракция большевиков городского и губернского Советов в Архангельске. Большевики согласились с предложением меньшевиков об обсуждении телеграммы Совнаркома только на объединенном заседании исполкомов. Когда всплыл вопрос о созыве пленума, правый эсер Н. М. Васич заявил, что ждать решения общего собрания Совета «нет основания», ибо это решение «безусловно» будет тождественно с решением большинства исполнительных комитетов. И большевистская фракция (председатель Я. А. Тимме) против этого не возразила. В результате было решено, что «предложенные германскими империалистами условия мира должны быть отвергнуты». Решение подписали правые эсеры, председатель исполкома А. П. Попов и его заместитель Н. Н. Георгиевский [65].

Отвечая на недовольство принятым решением, руководители фракции согласились на созыв экстренного пленума. Пленум был созван через час после отправки «срочной» телеграммы исполкомов, но ему был предложен от имени фракции проект резолюции, во вводной части которого отрицалась всякая возможность подписания мира на выдвинутых Германией условиях на том «основании», что такой мир «нанесет смертельный удар революционному движению на Западе», а затем отдаст Российскую Советскую республику «на полный произвол русской и международной буржуазии» [66]. Руководители фракции считали гибель Советской власти неизбежным результатом упомянутого «удара» на Западе. Первый пункт постановляющей части резолюции гласил, что условия мира, предложенные германскими генералами, «ни в коем случае не должны быть подписаны», а в третьем, последнем, пункте содержалось предложение обратиться к международному пролетариату с призывом «оказать нам помощь восстанием против своих угнетателей и свержением международного империализма, продолжающего безответственную кровавую вакханалию». Проект отражал полное неверие его авторов в самостоятельное значение социалистической революции в России.

---

[65] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 1; «Известия Архангельского Совета», 27 февраля 1918 г.

[66] «Калужская правда», 6 марта 1918 г.

Экстренный пленум внес в этот проект поправки (ввести всеобщую трудовую повинность и организовать армию «для борьбы с международным империализмом»), которые отнюдь не меняли его фразеологической и антипатриотической сущности. Слабость позиций большевистской фракции Советов в Архангельске, которому непосредственно немецкое нашествие ни с какой стороны не угрожало, предопределила исход и этого экстренного пленума. Он подтвердил решение исполкомов.

Советы зоны возможной немецкой оккупации не могли принять решения, одобряющие такую оккупацию. Здесь Советы чаще даже не обсуждали вопроса о возможности мира. Харьковский Совет, например, 25 февраля в ответ на запрос Совнаркома просто сообщил резолюцию, принятую 23 февраля, призывавшую к войне [67].

Итоги опроса за первый день не подводились. Однако в фонде ЦИК сохранились подлинные ответные телеграммы Советов. Документы показывают, что отрицательно в этот день отнеслись к предложению правительства Советы в Брянске Орловской губернии, в Шуе Владимирской губерниии, в Павлограде Екатеринославской губернии, в Казани, Спасском, Чебоксарах Казанской губернии, в Тарусе Калужской губернии, в Любинской волости Масальского уезда той же губернии, в Судже Курской губернии, в Пензе, Перми, на Богословском заводе, в Екатеринбурге Пермской губернии, во Владивостоке, в Рязани, Михайлове Рязанской губернии, Саратове [68].

В «Известиях ЦИК» 28 февраля 1918 г. было опубликовано 11 текстов резолюций Советов, содержащих призывы к «революционной войне» (из Брянска, Твери, Острогожска, Пензы, Вятки, Костромы [69], Кронштадта, Саратова, Сторобельска, Царицына). Бóльшая часть текстов (7) принадлежала исполнительным органам Советов, принявшим свои решения в спешном порядке. Они могли не отражать мнения Совета, а тем более избирателей Совета.

---

[67] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.

[68] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, лл. 5, 11, 14, 41; д. 13, лл. 1, 6, 8—9, 14, 32, 33; д. 14, лл. 2, 7, 8, 12, 16, 27, 28, 34.

[69] Из Костромы было получено две резолюции — от 23 и 25 февраля.

Даже резолюции, которые принимались на съездах Советов, оказавшихся созванными в момент получения телеграммы ЦИК, не всегда отражали настроения избирателей. Так, съезд Советов Балашовского уезда 25 февраля принял резолюцию, предложенную эсерами-максималистами, в которой подчеркивалось, что он отражает мнение 444 тыс. избирателей уезда, и в которой «категорическим образом» заявлялось, что избиратели против мирного договора. Но в этой же резолюции содержался весьма шаткий аргумент против договора, а именно: подписывая мирный договор, «русская революция не может сдать германскому империализму свои основные политические позиции» [70].

Телеграммы публиковались и в других номерах «Известий ЦИК», и в местных советских и большевистских газетах. Широкая публикация ответов Советов, начатая советским правительственным органом под рубрикой «Мнения Советов и других организаций о войне и мире», свидетельствовала о том, что Советская власть опиралась на волю широких масс трудящихся в вопросах политики мира.

Число резолюций Советов, отвергавших 25 февраля 1918 г. идею мира, предложенную в телеграмме Совнаркома, было еще велико. Оно преобладало над числом резолюций, одобрявших эту идею. Но при этом следует иметь в виду, что отсутствие ответа или наличие уклончивого и двусмысленного ответа чаще всего свидетельствовало о симпатиях к миру, перемирию, о доверии власти. Севский Совет рабочих и солдатских депутатов Орловской губернии считал необходимым, чтобы ЦИК «добился немедленного перемирия», однако он считал, что заключить мир может только Учредительное собрание. Это двойственное решение подписал председатель Совета Михеев. Председатель Яранского Совета Вятской губернии Токарев 26 февраля подписал такую телеграмму Совнаркому: «Ответ на условия мира дать не можем. Требуем перемирия, дабы иметь возможность обсудить вопрос на местах». Пленум Минусинского Совета Енисейской губернии решил, что следует «выйти из состояния империалистической войны, но не подписывать

---

[70] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.

позорного мира». Исполком Енисейского губернского Совета, обсудив телеграмму Совнаркома совместно с местным бюро профсоюзов, также «к единодушному мнению не пришел».

О том, что могли означать такие ответы, говорит телеграмма Петровского Совета Саратовской губернии. 26 февраля этот Совет сообщал, что, не выпося «никакой определенной резолюции по поводу полученной телеграммы СНК от 24 февраля ввиду смутных сведений о последних событиях», он «всецело доверяет Центрокому (ЦИК.— *Д. О.*), обещает ему поддержку» [71].

Но, поддерживая идею мира, Советы выражали готовность бороться за Советскую власть. Исполком Глазовского уездного Совета заявлял, что нельзя «отказаться от продолжения борьбы совместно с международным [пролетариатом] против германского и международного империализма за торжество социалистической революции», и обещал «приложить все усилия для подготовки и организации сил и средств для революционной борьбы на деле» [72]. Советы и в этом отношении выражали подлинные настроения и желания избирателей. Даже крестьяне ряда волостей, весьма привязанные к мирному труду на земле, которую они получили в пользование от Советской власти, были далеки от того, чтобы бросить оружие, привезенное с фронта, и обеими руками взяться за плуг. Крестьяне села Радутина Трубчевского уезда Орловской губернии, решив просить Советскую власть прекратить войну с Германией, в то же время считали необходимым «поддержать» Советскую власть в ее вооруженной борьбе с врагами. Проект резолюции, внесенный на сходе членами волостного исполкома Пустиным и Морозовым, они дополнили: «организуем Красную гвардию для подавления контрреволюционеров». Ту же резолюцию с той же поправкой приняли и жители деревни Рожок Трубчевского уезда [73].

По ходу всенародного опроса выяснилось истинное отношение к миру партий и межпартийных объединений. Если Советское правительство от своего имени и от имени ЦИК обратилось ко всем Советам, то подпольный

---

[71] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, лл. 4, 30, 34, 35; д. 14, л. 33.
[72] Там же, д. 12, л. 24.
[73] Там же, д. 13, лл. 17, 18.

меньшевистско-эсеровский ЦИК 1-го созыва тогда же обратился с аналогичным призывом только к областным Советам. Он попытался противопоставить областные советские центры, в которых руководящая роль часто принадлежала «левым» коммунистам, остальным Советам. «Положение каждый день ухудшается,— писал подпольный ЦИК.— Внешней политикой большевики, настаивая перед немцами на сепаратном мире, изолируя Россию, подготавливают тяжелый для страны мир» [74]. Подпольный ЦИК призывал областные Советы «исполнить историческую задачу Советов — довести страну до Учредительного собрания». Но Учредительное собрание как контрреволюционный орган было уже распущено. Поэтому такой призыв означал попытку подготовить свержение Советской власти. Для этой цели предлагалось «организовать повсеместные демонстрации и митинги». После получения ответов ЦИК намечал созвать в Петрограде совещание областных Советов [75].

Мифический орган власти — подпольный ЦИК — был прикрытием активной деятельности ЦК меньшевиков-объединенцев, возглавляемого Л. Мартовым. Как видно из протокола заседания этого ЦК от 24 февраля 1918 г., даже источник «материальных средств» у этих организаций был один. Меньшевики использовали общественные деньги, украденные руководителями подпольного ЦИК [76]. На присвоенные деньги меньшевики печатали и распространяли разные обращения к избирателям Советов, в частности воззвание ЦК меньшевиков «Что несет большевистский мир». Главный мотив воззвания: власть должна быть в руках меньшевиков. ЦК меньшевиков пытался представить большевиков врагами революции, большевистскую партию — изолированной группой, а ее вождя Ленина — не имеющим авторитета в народе. Но все их «доводы» выглядели жалкими, несостоятельными, смешными. Они лживо заявляли, что по договору «русская армия должна быть разоружена», что никто в России не сможет агитировать против империализма. На этом «основании» они спешили заявить, в расчете на эффект, что «правительство, давшее подпись русской

---

[74] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 58, л. 6.
[75] Там же.
[76] Там же, д. 44, л. 105.

революции под таким миром, похоронило себя бесславно и безвозвратно»[77]. Иными словами, рабочим и всем трудящимся ничего не оставалось больше, как призвать к власти меньшевиков!

25 февраля 1918 г. ЦК партии меньшевиков принял специальное постановление «О защите страны и революции». Стараясь затушевать свое стремление прорваться к управлению страной, меньшевики привели в нем лживые «аргументы» против большевиков. Они прежде всего обвиняли большевиков в «погоне за сохранением власти в своих руках». К этому меньшевики сводили значение постановления заключить мир. Нагромождая одну ложь на другую, они одновременно обвинили большевиков в том, что те подготавливали восстановление монархии. И, конечно, ни словом не обмолвились о Красной Армии. Спасение меньшевики видели в создании «всенародной армии» — той силы, которую пытались создать не только Керенский и Терещенко, представители «нового» режима, но и Дитерихс, Духонин — представители «старого» режима, силы реакционной[78]. В заключительной части постановления меньшевистский ЦК заменил, впрочем, «всенародную армию» «всеми силами демократии», предложив прекратить гражданскую войну внутри этой демократии, немедленно сформировать «общедемократическую» власть и созвать Учредительное собрание. Революционную инициативу масс в борьбе с контрреволюцией меньшевики называли в своем постановлении «бесполезной кровавой бойней»[79].

С «теоретическим» обоснованием позиции меньшевиков в вопросах войны и мира выступил член ЦК меньшевистской партии Н. Череванин. Суть обоснования сводилась к тому, что Советская власть не годится, что ее надо заменить. В отчаянии от бесперспективности надежд меньшевиков взять власть в свои руки они предлагали организацию «отчаянного сопротивления военному нажиму Германии» в надежде, что власть упадет к их ногам этим путем. Сами они не собирались, разумеется, воевать. Именно поэтому Череванин тут же рассуждал о другом пути к миру — в результате соглашения «социа-

---

[77] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 58, лл. 8—9.
[78] «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 88—112.
[79] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 49, л. 9.

листов» и капиталистов всех стран. Он также требовал «призвать к жизни» Учредительное собрание, поручить ему «организовать сопротивление страны» и затем «решить окончательно от лица страны вопрос о мире» [80]. Не вопрос о мире, а вопрос о том, кто «дарует мир» стране, был главным для меньшевиков. Широкие массы верили существующей власти. Их интересовал мир.

Другой видный деятель меньшевистской партии, Ф. И. Дан, 27 февраля в газете «Рабочее дело» опубликовал статью, в которой уговаривал большевиков «уйти и дать место власти объединенной демократии». Дан лживо обвинял большевиков в том, что они вступили в «сделку» с немцами, чтобы удержаться у власти, но ни словом не обмолвился о том, что его партия всей своей деятельностью льет воду на мельницу капиталистов. Меньшевики, спекулируя на шовинистических чувствах отсталых элементов, призывали их «властно и громко» помочь взять власть [81].

Дан и Череванин принадлежали к меньшевистскому центру в политике. Они, а также другие деятели этого направления (Мартов, Богданов) пытались объединить левую и правую фракции партии. Однако каждая из фракций претендовала на самостоятельную роль, и взаимная грызня членов фракций не ослабла. Стремление к объединению показывало, что расходились фракции только в тактике. Левые маскировались под «интернационалистов», объединенцы просто скрывали свои сделки с капиталистами, а правые были наиболее откровенными слугами капитала. Меньшевик А. Н. Потресов, принадлежавший к правому крылу, писал в те дни на страницах буржуазной газеты «Новый день», полемизируя со своими коллегами из «Нового луча» (орган меньшевиков-объединенцев, редактор Л. Мартов) и «Новой жизни» (орган меньшевиков-«интернационалистов», редактор В. Строев), что «спасение России может быть достигнуто созданием благоприятных условий для буржуазного прогресса». Потресов, как и вся буржуазия, был против мира с немцами [82].

---

[80] Там же, д. 80, лл. 72—75.

[81] Цит. по кн.: И. И. Минц. Меньшевики и интервенция. М.— Л., 1931, стр. 37.

[82] «Известия Гельсингфорсского Совета», 28 февраля 1918 г.

Правые эсеры, как отмечалось, решительно выступали против мира. 25 февраля фракция правых эсеров Петроградского Совета, обсудив вопрос о сепаратном мире, постановила защищать в Совете мнение, что «Россия такого мира принять не может и не принимает» и что задачей момента является «борьба за Учредительное собрание», т. е. против Советской власти [83]. Еще мирный договор не был подписан, а ЦК правых эсеров лживой версией о состоявшемся подписании его «обосновывал» необходимость скорее отстранить большевиков от власти. В листовке, размножавшейся в типографии ЦК эсеров на Лиговской улице в Петрограде, делались злобные обвинения Совнаркома в предательстве. Единственной целью этих обвинений был захват власти. Правые эсеры не стеснялись рекомендовать: «Пусть у власти станет Петроградская городская дума. Все вооруженные силы (страны! — *Д. О.*) должны быть отданы в ее распоряжение» [84].

ЦК левых эсеров отклонил мирные условия и призвал к «вооруженному восстанию» против империалистов. Он объявил, что постановление ЦИК для него не обязательно [85]. Петроградская конференция левых эсеров постановила присоединиться к этому решению [86]. В Саратове на конференции крупнейшей организации левоэсеровской партии, обсуждавшей телеграмму Совнаркома, была вынесена пространная резолюция, в которой говорилось, что подписание немецкого договора: 1) дает в руки мировому империализму возможность доказать своему [86а] пролетариату, что русская революция отказалась от мировой борьбы за социализм и перешла в стадию узконационального строительства; 2) не спасет русскую революцию, так как ставит ее под непосредственную угрозу быть задушенной германской буржуазией, которая не потерпит существования Советской власти, что явствует уже из требования о выводе русской армии из Украины; 3) не может дать русской революции возможности приступить к социалистическому переустройству

---

[83] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 13, л. 101.
[84] «Известия ЦИК», 1 марта 1918 г.
[85] «Борьба и труд» (Владимир), 3 марта 1918 г.
[86] Там же.
[86а] Так в оригинале. Видимо, следует читать «всему».

России, которое немыслимо без мирового переустройства». Принимая все это во внимание, конференция левых эсеров протестовала против подписания мирного договора, «еще раз» требовала «мира не подписывать, войны не продолжать» [87]. Это в сущности совпадало с точкой зрения Троцкого.

Дискуссия о мире в Советах в первый же день подтвердила, что мелкобуржуазные авантюристы, не испытавшие тягот войны на фронте, делали политическую карьеру на страданиях народа, на лжереволюционных призывах к войне с империализмом, не считаясь с тем, что война угрожала гибелью Советской власти самым непосредственным, реальным образом. Из соображений мелкого тщеславия эти карьеристы пытались втянуть народ в войну.

26—28 февраля 1918 г. всеобщий опрос «Мир или война?» продолжался. В этот период произошел дальнейший сдвиг в сознании трудящихся масс в пользу заключения мира с Германией. На общем собрании крестьян Петряевской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии 26 февраля по предложению председателя В. Богданова было решено «согласиться с резолюцией ЦИК от 24 февраля, принять условия мира, предложенные германским правительством». В тот же день с соблюдением демократических норм путем голосования большинством 20 депутатов против 4 при 4 воздержавшихся аналогичное решение принял исполком Орловского уездного Совета Вятской губернии, возглавлявшийся Жигаловым. И в тот же день Уржумский уездный Совет принял мотивированную резолюцию следующего содержания: «Поддерживая и развивая всемирную борьбу труда с капиталом, но учитывая переходное время классовой борьбы при создавшейся международной и экономической конъюнктуре страны, Уржумский уездный Совдеп поддерживает резолюцию ЦИК о подписании договора о мире. Председатель Совдепа Воронов». Согласие на подписание мира подтвердил 26 февраля и крестьянский сход села Аркадак Балашовского уезда Саратовской губернии [88].

---

[87] «Известия ЦИК», 28 февраля 1918 г.
[88] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, лл. 18, 28, 29; д. 14, л. 31

О единодушии крестьян лучше всего говорит группа постановлений крестьянских сходов, принятых в один день — 26 февраля 1918 г.— в разных местах на территории одного Краснослободского уезда Пензенской губернии. Крестьяне села Козловки Базарно-Дубровской волости, как это удостоверил председатель сельского комитета М. И. Самохин, присоединились «единогласно» к 116 членам ЦИК, голосовавшим за мир[89]. Крестьяне села Первесия, как заверил «сельский председатель» Н. Н. Акишев, «имели суждение» о немецких условиях. Они признали их «грабительскими», но также единогласно «заявили о прекращении войны»[90]. Представители 48 домовладений из 71 в деревне Булдыгина Поляна Оброченской волости на собрании под председательством крестьянина Н. А. Курашкина заслушали телеграмму Совнаркома и постановили «присоединиться» к решению ЦИК[91]. Солдат Г. К. Романов «свободно» собрал более 50 крестьян села Оброчного Оброченской волости, зачитал телеграмму, подписанную Н. П. Горбуновым, и они единогласно постановили: «мир заключить желаем»[92]. Такие же решения вынесли в тот же день на сходах в деревне Матвеевке и в селе Курташки той же волости[93].

Таким образом, избиратели крестьянских депутатов Советов (сельского и волостного звеньев советской государственной системы) твердо и повсеместно стояли на позиции мира.

27 февраля крестьяне имели возможность выразить свою волю уже в масштабе уездов. Вот что сообщала телеграмма в ЦИК из Бирюча Воронежской губернии о митинге жителей окрестных деревень и города: «После речей товарища Нербатова по содержанию телеграммы о заключении мира постановили единогласно присоединиться к решению, [принятому] ста пятьюдесятью голосами [членов] Центрального [Исполнительного] Комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов (фактически 116 голосами.— *Д. О.*), и просить о скором возвращении солдат [с] фронта, [из] плена германского, турецкого,

---

[89] «Красный архив», 1933, т. 5, стр. 156—157.
[90] Там же, стр. 157.
[91] Там же.
[92] Там же.
[93] Там же, стр. 157—158.

австрийского, а также солдат, находящихся во Франции». На этом митинге присутствовало 600 человек. Телеграмму подписал председатель митинга Митинчевский, а также Устименко и Нербатов [94].

Единогласно постановили «разрешить заключить мир» 3500 жителей Колпенской волости Малоархангельского уезда Орловской губернии после того, как они заслушали и обсудили телеграмму Совнаркома. Крестьяне подчеркивали при этом: «заключить мир так, как постановлено в телеграмме наших народных комиссаров» [95]. В этих словах — большое доверие народа своему правительству! Подписал телеграмму председатель Совета волости «народный комиссар» Погодин. Полное единогласие было достигнуто в масштабе уездного съезда Советов в Рыбинске. 49 делегатов этого первого съезда трудового крестьянства приняли резолюцию, в которой приветствовали «центральную власть Советов в лице Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров», и выразили «полное доверие и одобрение» ее действиям [96].

В гуще рабочего класса идея неотложного мира встречала поддержку. Кадровые рядовые рабочие Урала не были склонны к «революционной» войне, к которой их призывали меньшевики, эсеры, «левые» коммунисты. На Ирбитском заводе Пермской губернии по получении известий из Екатеринбурга о решении Советского правительства подписать мир 27 февраля было созвано собрание рабочих. Председатель собрания зачитал телеграмму Совнаркома и предложил «высказаться по существу ее содержания». Рабочий Вахрушев говорил, что «идти сейчас на войну против немцев не имеет смысла», так как у тех, кого призывают на войну, «нет ни оружия, ни боеприпасов, и [потому] удержать хорошо вооруженных немцев теперь невозможно» [97]. Рабочие поддерживали правительство, так как считали его действия в пользу мира глубоко правильными. Поддержка эта была полная, искренняя, от всего сердца, доходящая до самопожертвования. Рабочие рыбинского завода «Нобель» постановили

---

[94] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 19.
[95] Там же, д. 14, л. 4.
[96] «Известия Рыбинского Совета», 2 марта 1918 г.
[97] «Уральский рабочий» (Пермь), 26 марта 1918 г.

28 февраля: «Мы, все рабочие данного завода, приветствуем наших народных комиссаров и действия их признаем правильными. На случай, если мир не удастся заключить, рабочие обещали: «все, как один, выступаем на защиту завоеваний революции»» [98].

Солдаты фронта, как уже говорилось, решительно не желали воевать. Депутаты Советов, расположенных в зоне стихийной демобилизации армии, хорошо видели печальную действительность, и они решительно выступали в пользу мира. Никакие легенды об успешной обороне, о том, что отбит Псков, например, сочиняемые сторонниками «революционной войны» [99], не могли изменить положение. Так, пленарное заседание Ржевского уездного Совета, исходя из фактического положения, признало 26 февраля необходимым присоединиться к решению Совнаркома и ЦИК, которые показали этим решением германскому пролетариату, что русский революционный народ окончил «формально» то, что «фактически совершилось давно». Ржевский Совет обещал правительству «нравственную и моральную поддержку» в выполнении «пунктов условий мира» [100].

Большевики прифронтовой области, включавшей губернии Белоруссии, запада и северо-запада России, раньше других областных организаций выразили свое отношение к мирной политике правительства. 2 марта объединенное заседание Северо-Западного областного коми-

---

[98] «Известия Рыбинского Совета», 2 марта 1918 г.

[99] 26 февраля 1918 г. на заседании Петроградского Совета председатель Г. Зиновьев заявил: «Бои русских революционеров с немецкими черносотенцами могут быть для нас в результате победоносными, ибо, как выяснилось, у них больших сил пока налицо на нашем фронте не имеется... Под Бобруйском в результате сражения польские контрреволюционные полчища разбиты наголову; кроме того есть надежды отбить Минск, который занят, как все другие местности, чрезвычайно ограниченным количеством деморализованных немецких банд». В «подтверждение» этих ни на чем не основанных сведений на трибуну Совета был выпущен авантюрист Васильев, который заявил, что он прибыл из Пскова и что теперь «Псков в наших руках» («Известия ЦИК», 27 февраля 1918 г.).

На следующий же день «Известия ЦИК» вынуждены были объявить: «Сообщение, что Псков перешел в наши руки, не подтверждается». Такая же цена была «сенсациям» о событиях под Минском, о деморализации немецких войск. Подобные слухи усиленно распространялись и в Комитете революционной защиты Петрограда.

[100] «Ржевская коммуна», 27 февраля 1918 г.

тета, Смоленского и Минского губернских большевистских комитетов, проходившее в Смоленске, решило, что «во имя сохранения России как передового борца, авангарда мировой революции долгом революционной социалистической власти является достижение мира», что заключение мира «дает возможность углубить социалистическую революцию» [101].

Иное положение было вначале вдали от фронта, прежде всего на востоке Украины. Особенно велико было возмущение немецкой оккупацией Украины у трудящихся Донецкого бассейна, Харькова.

Заседание исполкома Харьковского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приняло 26 февраля резолюцию, предложенную левыми эсерами, в которой указывалось, что заключение мира на германских условиях означает гибель русской революции и является ударом международному пролетариату. Подписание мира объявлялось величайшей ошибкой. Спасение русской революции и революции на Западе исполком Харьковского Совета видел в «революционном восстании трудового народа против буржуазии». Естественно, Совет постановил «употребить все усилия для скорейшей организации Красной Армии и партизанских боевых отрядов» [102].

Совет рабочих депутатов Кадиевского завода в Донбассе еще более резко охарактеризовал грабительскую сущность германских условий мира, заявив, что они хоронят «русскую революцию и ее организации — Советы», но в резолюции этого Совета содержалась здравая мысль о необходимости считаться «с создавшимся положением». Донецким рабочим претили только разговоры о защите революции. Они считали возможным защищать революцию «делом, а не словом», и потому не спешили послать свой ответ Советскому правительству [103]. Луганский Совет принял условия мира и послал об этом телеграмму в ЦИК 26 февраля, но голоса в Совете разделились: 41 — принять, 33 — против [104].

---

[101] «Известия Советов Москвы и Московской области», 5 марта 1918 г.

[102] «Борьба и труд», 3 марта 1918 г.

[103] «Известия Лозово-Павловского Совета» (Лозовая) 20 марта 1918 г.

[104] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 41.

Вот что говорил об этих настроениях Артем (Сергеев) 13 марта 1918 г.: «Революцию мы приняли еще очень недавно. Казачество трудно раскачать, но когда оно поняло, что ему несет Советская власть, оно всецело решило поддержать ее. Земля и инвентарь берутся у нас организованно. Население решило защищать добытые права. Организация Красной Армии идет успешно. У нас уже имеется около 20 000 Красной Армии. Один Луганский район дал около 3000 ее. Ряды Красной Армии пополняются не только городом, но и деревней. Общий голос: вести войну. Мы решили вести самостоятельную гражданскую войну. Силы для борьбы с гайдамаками, пополненными немецкой белой гвардией, у нас есть. Вожделения немецкой буржуазии на каменный уголь напрасны. Мы его не отдадим. Будучи самостоятельной республикой (Донецко-Криворожской.— *Д. О.*), мы будем вести агитацию в немецких войсках» [105].

Нет нужды доказывать, что это были «левые» настроения. Они были широко распространены в Донецком бассейне.

Полтавский и Екатеринославский Советы в резких выражениях протестовали против подписания мира, но акцент делали в своих решениях на организацию борьбы. Екатеринославский Совет рабочих и солдатских депутатов принимал свое решение вполне демократично — на заседании совместно с полковыми, ротными, заводскими, железнодорожными комитетами, представителями профсоюзов. За резолюцию голосовало 644 человека, против — 15, воздержалось — 61, не принимал участие в голосовании 41 человек.

Резолюцию подписал председатель Совета Э. И. Квиринг [106].

Подобные настроения имели место и в других промышленных районах страны, прежде всего на Урале. Этому способствовала резкая позиция против мира Уральского областного Совета, изложенная в телеграмме правительству уже 26 февраля 1918 г. [107]. На следующий день свое отрицательное отношение к миру выразил ис-

---

[105] «Известия Советов Москвы и Московской области», 14 марта 1918 г.

[106] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 40.

[107] Там же, д. 14, л. 8.

полком Шадринского Совета[108]. Мелкобуржуазные элементы использовали эти настроения рабочих.

Наиболее активными были мелкобуржуазные элементы в Поволжье. Торгово-купеческая и мещанско-ремесленническая среда в крупных городах этого района способствовала распространению идей «революционной войны». В рядах большевиков здесь были сильны «левые» настроения. В Казани еще 25 февраля состоялось «пленарное объединенное» заседание комитетов — левых эсеров, эсеров-«интернационалистов», мусульманского социалистического и большевистского. Все они большинством «против одного голоса» срочной телеграммой, посланной «вне всякой очереди», предложили ЦИК «прекратить мирные переговоры с правительством германской империи», а его постановление о подписании мира «пересмотреть и немедленно отменить». На словах казанская «демократия» оказалась единой и обещала «бороться до последней капли крови»[109]. 27 февраля подобную позицию занял исполком Самарского губернского Совета[110]. С «величайшим негодованием» протестовал против мира с немцами и Пензенский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он также требовал от Совнаркома «немедленного отказа от подписания условий мира», требовал объявить «от имени революционной России священную войну мировому капиталу». Этот протест был принят голосами 71 депутата при 10 против и 10 воздержавшихся[111].

Резкое осуждение аннексионистского смысла мирного договора переросло в отрицание необходимости мира и в некоторых центральных районах России.

26 февраля сообщили свои отрицательные ответы на запрос Совнаркома Медынский Совет народных комиссаров Калужской губернии, Путивльский Совет Курской губернии. Исполком Богородского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Московской губернии и Масальский уездный Совет Калужской губернии прислали отрицательные ответы днем позже. 28 февраля выразил свое отрицательное отношение к миру Старооскольский

---

[108] Там же, л. 15.
[109] Там же, д. 13, л. 1.
[110] Там же, д. 14, л. 29.
[111] «Известия Пензенского Совета», 27 февраля 1918 г.

ский уездный чрезвычайный съезд Советов Курской губернии [112]. Противоречивой была реакция уездного и губернского съездов Советов в Курске. В постановлении уездного съезда, подписанном 26 февраля председателем Л. М. Брагинским, указывалось, что «мир на условиях, предложенных Германией, не может быть подписан». Вместе с тем говорилось, что «и война не должна быть принята». Предлагалось также составить «воззвание к пролетариату всего мира, особенно германскому, с призывом восстать» [113]. В эти фразы, пропитанные идеями неверия в русскую революцию, губернский съезд внес некоторые дополнения. В своей телеграмме в ЦИК, подписанной Брагинским, председателем Революционного совета Забицким и секретарем съезда Локтионовым, съезд приветствовал Советскую власть и обещал ей поддержку [114].

С усилением в массах мирных настроений противники мира объединялись. Это настораживало массы, они начинали сторониться фразеров от революции. Отношение масс к ним получало отражение в ответах Советов на запрос правительства. Томский Совет рабочих и солдатских депутатов осуждал фразеров. Он посылал «братский привет петроградским, московским добровольческим полкам рабочих и солдат», вставшим «на поддержку измученной трехлетней войной» армии. Об условиях мира в его ответе не говорилось ни слова [115].

Однако такая осторожность сменялась все чаще в решениях Советов поддержкой мирного курса Советского правительства. Жизнь подтверждала правоту этого курса. Активность большевиков в Советах приносила свои плоды. Новооскольский уездный Совет Курской губернии решил 26 февраля «присоединиться к точке зрения центра, большевиков, Ленина». Это постановление, подписанное председателем Совета Величко, было принято единогласно [116].

И не только депутаты Советов все ближе становились к большевистскому пониманию задач Советской власти.

---

[112] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, лл. 12, 13, 30, 31, 34.
[113] Там же, л. 22.
[114] Там же, л. 26; «Известия Курского объединенного Совета», 27 февраля 1918 г.
[115] «Знамя революции» (Томск), 7 марта 1918 г.
[116] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, л. 29.

Когда в Советах не оказывалось давление на волю депутатов со стороны какой-либо фракции, когда к обсуждению того или иного вопроса привлекались избиратели, мирные тенденции в Совете побеждали. Собрание Покровского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Саратовской губернии в этом смысле было хорошо подготовлено. Председатель Совета Солодовников своевременно предложил «всем желающим» приходить в просторное здание биржи и выступать. Депутат Дьячков, выступивший сразу после оглашения телеграммы Совнаркома, исходя из того, что условия мира «убийственные», заявил, что на этих условиях мир нельзя заключать «ни в коем случае». Но он тут же добавил: «С другой стороны, нельзя начинать и войну, когда нет армии и оружия». Другой депутат, Ченченко, говорил: «В силу необходимости нам приходится согласиться на предложенные условия мира потому, что это не вечно; иначе нас задушат изнутри и извне... Мое мнение, если умереть, то с честью, если жить, так придется заключить мир». Два первых выступления — два разных мнения. Началась здоровая свободная дискуссия.

Солдат Каневский сообщил, что военная секция Совета «за мир, хотя бы и позорный». Другой солдат, Тиличенко, подтвердил, что на фронте, откуда он прибыл, картина «безобразная» — армия голодает, нет орудий, снарядов, обуви, одежды. «Если мы будем воевать,— сказал он,— то совсем обессилим... Лучше заключить мир, хотя и позорный». На фоне выступлений фронтовиков неубедительно прозвучали слова оратора Гетте, заявившего, что германский кулак «не страшен», и призывавшего не заключать мира, организовать твердую власть. Естественно, что комиссар по формированию Красной Армии Половинкин напомнил после этого: «Надоело товарищам около 4 лет сидеть в окопах... Тот, кто был на войне, знает, при каких условиях приходилось там жить». Он напомнил также о положении в тылу: Петроград выдает по $^1/_8$ фунта хлеба на едока, на складах гарнизонов ничего нет, фронт снабжать нечем. «Все у нас дезорганизовано,— заканчивал Половинкин.— Приходится заключать позорный мир».

Собрание Совета постановило «присоединиться к решению петроградских народных комиссаров о подписании договора о мире с Германией».

Саратовские эсеро-меньшевистские лидеры сетовали на неорганизованность собрания, пытались доказать нелогичность решения и приписывали его «оплошности» руководителей Совета, допустивших «голосование публики совместно с членами Совета». В действительности этот факт отражал подлинное настроение низов. «Левый» коммунист И. В. Мгеладзе, редактировавший газету, в которой было помещено сообщение об этом собрании, вынужден был констатировать: «абсолютное большинство за мир, незначительная часть воздержалась, меньшинство за войну». Он назвал собрание «историческим» [117].

В исполкоме Галичского Совета Костромской губернии обсуждение обращения Совнаркома прошло в обстановке полного и единодушного одобрения политики правительства. По предложению председателя Совета И. Львова здесь 26 февраля было единогласно принято решение, которое гласило: «всецело присоединиться к народным комиссарам рабочего и крестьянского правительства и Центральному Исполнительному Комитету Совета рабочих и крестьянских депутатов о полной поддержке, доверии и заключении мира на тех основах, которые были положены в Бресте и предъявлены в настоящий момент германским правительством правительству Российской Федеративной Советской Республики» [118].

Столь же полную «поддержку ЦИК и его исполнительному органу в лице Совета Народных Комиссаров» в их «тактике и принятом решении по вопросу о войне и мире» выразил Олонецкий губернский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов на общем собрании, состоявшемся также 26 февраля. Этот Совет сделал очень важную оговорку, свидетельствовавшую о глубоком понимании на местах смысла подлинной революционной войны, навязанной империалистами: «если обнаглевшая германская буржуазия в союзе со всероссийской, увеличив свои аппетиты, предъявит новые захватные требования и посягнет на Советскую власть, то мы, как один, встанем на защиту социалистической революции». Председатель Совета Парфенов на следующий день отправил в Петроград телеграмму, в которой излагалось это реше-

---

[117] «Известия Саратовского Совета», 1 и 2 марта 1918 г.
[118] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, л. 17.

ние[119]. Интересно, что другая телеграмма, отосланная в тот же день из Петрозаводска в Петроград от имени второго делегатского съезда служащих, мастеровых и рабочих Петрозаводска, созванная меньшевиками, содержала противоположное мнение, хотя оба события произошли в одном городе[120].

Высокую политическую зрелость показал Белгородский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем его был И. Озембловский, секретарем — А. Фрумкин. Вместе с председателем комитета большевиков Костюковым они подписали и отправили 28 февраля 1918 г. в ЦИК такую телеграмму: «Воевать нельзя. Надо заключить мир и все оставшиеся силы направить на социальное строительство внутри страны. Старая армия распущена. Заводы, работающие на оборону, стоят. Транспорт расстроен. Денежное хозяйство разрушено. Продовольственная разруха крепнет. Надвигается голод. Местами он уже настал. Ведение войны при таких условиях, пусть это будет священная война, защита революции — акт, несомненно, политической и социальной незрелости. Единственным результатом возобновления войны явятся через несколько недель новые, еще более тяжелые условия мира, чем предложенные, т. е. такие, которые поведут к полному порабощению России, потере ее права на самое элементарное самоопределение. В этой борьбе, куда героически ринутся самые сознательные элементы демократии, погибнет без практической цели для дела социализма весь передовой отряд, оставив тыл на произвол судьбы и контрреволюции. Заключение мира при непременном условии невмешательства Четверного союза в наши внутренние дела — единственный выход в данном положении, дающий возможность закрепить за революцией занятые позиции. Такое заключение мира не даст желанных результатов для дела всемирного социализма, но с нашей стороны измены нет. Мы боролись, изнемогая, на двух фронтах — внутренней и внешней борьбы. Мы звали на помощь наших западных товарищей во имя великих лозунгов мировой революции. Нам этой помощи не дали, и мы с уверенностью можем сказать, что не мы делу социализма

[119] Там же, л. 42.
[120] Там же, л. 41.

изменили. Теперь же воевать нельзя. Надо заключить мир и все оставшиеся силы свои направить на социальное строительство внутри страны» [121].

В этом документе предельная логика, никакого фразерства.

Постепенно настроения за мир нарастали и среди рабочих Урала. Уже первые дни опроса показали, что они не склонны поддерживать провокаторов войны, противников Советской власти, называвших себя «социалистами». Нижнетагильский Совет рабочих и солдатских депутатов, который 25 февраля шел за ними, уже 1 марта вынес на общем собрании «порицание тем социалистам, которые, пользуясь создавшимся положением в России, вносят раздор в семью рабочих, агитируя за Учредительное собрание и против Советской власти» [122].

Какова же общая картина опроса за первые дни? Какова эволюция взглядов Советов на вопросы войны и мира?

Итоги ответов по вопросу «Мир или война?», полученных Совнаркомом, были подведены В. И. Лениным. Они дают возможность представить эволюцию по дням [123]:

	Получено ответов	За мир	За войну
25—26 февраля	121	60	61
26—27 »	199	114	85
25—28 »	248	140	108
25 февраля—1 марта .	264	149	115
25 февраля—2 марта .	274	155	119

Как видим, число Советов, высказавшихся за мир, увеличивалось быстрее, чем число Советов, высказавшихся за войну, и в итоге пятого дня опроса число сторонников мира значительно обогнало число его противников.

Другой источник — «Свод ответов на вопрос „Мир или война“», полученных ЦИК, составленный Лениным и опубликованный в 1929 г. [124], дает возможность представить картину взглядов Советов разных уровней (губерн-

---

[121] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 13, л. 19.

[122] «Известия Нижнетагильского Совета», 9 марта 1918 г.

[123] «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 30. Документ был опубликован лишь в 1959 г. Он датирован «не ранее 5 марта 1918 г.» по содержанию.

[124] «Ленинский сборник», XI, стр. 59—60.

ских городов, уездных городов и сел). Из 200 полученных ответов за мир высказалось 7 губернских городов и 88 уездных городов и сел, а за войну — 20 губернских городов и 85 уездных городов и сел [125].

Таким образом, в уездных городах и селах преобладали резолюции за мир, а в губернских Советах — против. Секретарь ЦК РСДРП(б) Е. Д. Стасова в письме областному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов 3 марта 1918 г. относительно взглядов Советов на мир и войну писала: «На запрос ЦИК (и СНК.— *Д. О.*) получаются ответы, которые можно сгруппировать так: крупные рабочие центры и крестьянство стоят за мир, города — за войну» [126].

Опрос Советов в течение шести дней показал, что бóльшая часть их за мир, поддерживает политику Советского правительства, решение ЦИК о мире. Правительство получило право, не только формальное, послать делегатов в Брест-Литовск и подписать мир.

Но опрос продолжался. Он имел особенно большое значение в подготовке съезда большевистской партии, где предстояло рассмотреть политику ЦК в этом вопросе. Он имел еще большее значение в подготовке Всероссийского съезда Советов, где договор подлежал ратификации (окончательному утверждению) представителями Советов.

В однородных по классовому составу Советах, их исполкомах и съездах Советов подчас выносились противоположные решения. 2 марта 1918 г. «Известия

---

[125] Приведенные итоговые данные были основаны на ответах из губерний. Соотношение «за» и «против» мира в губерниях (областях): Архангельская (4 : 3), Вологодская (4 : 6), Воронежская (6 : 5), Вятская (2 : 2), Владимирская (1 : 2), Донская (1 : 1), Енисейская (2 : 2), Виленская (1 : 0), Екатеринославская (2 : 3), Забайкальская (0 : 1), Иркутская (0 : 1), Калужская (11 : 5), Костромская (3 : 4), Казанская (2 : 5), Курская (3 : 2), Мурманская (0 : 1), Московская (1 : 4), Новгородская (0 : 2), Оренбургская (2 : 1), Орловская (9 : 3), Олонецкая (1 : 0), Пензенская (1 : 3), Пермская (0 : 8), Петроградская (2 : 2), Полтавская (1 : 0), Приморская (0 : 1), Рязанская (10 : 2), Симбирская (1 : 1), Ставропольская (0 : 1), Саратовская (1 : 5), Самарская (1 : 0), Тамбовская (3 : 5), Тверская (2 : 7), Таврическая (2 : 0), Тульская (6 : 4), Тобольская (0 : 0), Уральская (0 : 1), Уфимская (1 : 2), Харьковская (3 : 6), Херсонская (0 : 1), Ярославская (6 : 2).

[126] «Вопросы истории КПСС», 1958, № 6, стр. 71.

Воронежского Совета» сообщали, что Павловский уездный крестьянский съезд, «всесторонне» обсудив телеграмму Совнаркома, постановил: «во имя спасения социалистической революции условия, предложенные Германией, принять и мирный договор подписать» [127]. В тот же день председатель исполкома Совета крестьянских депутатов Арзамасской волости Сарапулского уезда Вятской губернии Варламов отправил в ЦИК такую телеграмму: «Мирные предложения Германии... отвергаем с негодованием» [128]. Съезд крестьянских депутатов в Томске 2 марта ясно не высказал своего отношения к миру, но вместе с тем выразил доверие правительству, призвал «сплотиться вокруг» него и «объединенным восстанием дать отпор всем» [129]. Аналогичную позицию заняло собрание крестьян в селе Старинском Больше-Андосовской волости Сергачевского уезда Нижегородской губернии: «приветствовать во всем политику Совета Народных Комиссаров» и «выступить по первому же зову с оружием в руках на защиту Советской власти» [130].

Царевский уездный Совет рабочих и солдатских депутатов Астраханской губернии единогласно постановил: «требовать от высшего органа Советской власти отклонить мирные условия» [131]. Балаковский уездный Совет Самарской губернии, наоборот, прислушался к голосу широких масс и решил: «Российский пролетариат исчерпал все свои силы в борьбе за всеобщий мир народов. Свергнуть империалистический капитал, освободить пролетариат Европы без его революционного выступления мы не в силах, а потому заключение мира, хотя и тягостного, для нас необходимо» [132]. Бугурусланский уездный Совет рабочих и солдатских депутатов той же губернии решил: «Условия мира германских империалистов не подписывать» [133], а пленум Бузулукского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов требовал «для отражения германского наступления прекратить классовую борьбу, соединить все живые силы страны и пе-

---

[127] «Известия Воронежского Совета», 2 марта 1918 г.
[128] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 27.
[129] «Знамя революции» (Томск), 5 марта 1918 г.
[130] «Красное знамя» (Нижний Новгород), 10 марта 1918 г.
[131] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, л. 3.
[132] «Приволжская правда» (Самара), 2 марта 1918 г.
[133] Там же.

редать власть Учредительному собранию». В резолюции Совета было выражено «доверие действиям Совета Народных Комиссаров, прямо и честно вместе с народом стремившегося к прекращению бессмысленной войны и приложившего все усилия к заключению мира, вынужденного вследствие наступления германских империалистов, угрожавшего всем завоеваниям революции». Одновременно Совет призывал «принять все меры к... ведению войны с буржуазией всего мира» в будущем [134].

Борьба мнений в Советах не затухала. В этом отношении характерна дискуссия о мире на заседании исполкома Новгородского губернского Совета, состоявшаяся 2 марта 1918 г. под председательством большевика Г. Б. Валентинова. Председатель объявил телеграмму из Петрограда о согласии на заключение мирного договора. Член исполкома Пронин назвал такое согласие большой ошибкой. Он считал, что надо «дать отпор врагу». Половинкин разделял это мнение, заявив, что необходимо «продолжать борьбу», чтобы поднять в Европе интернациональное движение. Член исполкома депутат Совета Тельзнер сказал: «Из двух зол приходится выбирать меньшее. Для нас очень важно, чтобы дать отдохнуть нашей социалистической республике». Антонов назвал мир политическим самоубийством России. Солдат-большевик Асс согласился с ним. Активный молодой деятель Совета большевик А. Харчевников заявил: «Совершенно верно, что положение очень плохое, но прав тов. Тельзнер, что из двух зол приходится выбирать меньшее; ведь, если мы будем продолжать войну, то противопоставить немцам мы ничего не можем, и из этого видно, что мы погибнем; правда, это красивый жест, но дело не в жестах, а заключением мира хоть немного, но сохраним маленький очень очаг революции». Член исполкома Совета Чернов считал, что подписанием мира надевается петля на шею народа. Заключая прения, Валентинов заметил, что, продолжая войну, можно потерять Петроград и что тогда «реакция будет сильнее, нежели с подписанием мира». За войну голосовало 15 членов исполкома, за мир — 11 [135].

---

[134] Там же, 15 марта 1918 г.

[135] «Известия Новгородского Совета», 7 марта 1918 г. Некоторые подробности этого заседания удалось уточнить с помощью М. Г. Рошаля — секретаря исполкома и редактора «Известий».

В ряде Советов, когда большинство депутатов склонялось к миру, меньшевики, эсеры и «левые» коммунисты пытались увести их в сторону от обсуждения этого важного и острого вопроса. На губернском съезде Советов в Красноярске 2 марта председатель губернского исполкома Г. С. Вейнбаум пытался убедить делегатов съезда, что они созваны не для выработки политической платформы Советов по вопросу войны и мира, а для того, чтобы выделить работников для работы в исполкоме. В заключительном слове в присутствии восьми человек (от губернии!) Вейнбаум снова повторил, что он против «бесконечных разговоров о текущем моменте», особенно о мирных переговорах, «из которых ничего не вышло» [136].

Однако все это не означало, что противники мира складывали оружие в борьбе со сторонниками мира. В удобной для них обстановке они переходили в наступление. Так, Д. Рязанов в докладе «Германские условия мира и профессиональное движение» на заседании Петроградского совета профсоюзов 28 февраля 1918 г. заявил, что «попытки... обеспечить существование Советской республики принятием германских условий мира в сущности не помогут сохранению Советской власти» [137]. А. Лозовский в лекции перед рабочими фабрики Ивана Горелина в Иваново-Вознесенске говорил, что для рабочих «мир, конечно, неприемлем, они должны его отвергнуть» [138]. На собрании организации большевиков этого города 1 марта взяли верх «левые» коммунисты. Н. А. Жиделев вопрос о мире облек в рассуждения об обороне, и призвал нанести «один решительный удар». Наумов говорил о неприемлемости условий мира Вильгельма, которые он рассматривал как цену «отречения от защиты своих принципов». Выход он видел не в мире, а в защите революции, даже ценой провала ее [139]. Фракция меньшевиков-оборонцев в Сумском уездном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов провела резолюцию, требовавшую отклонить немецкий ультиматум и «немедленно созвать Учредительное собрание», которое, по мнению меньшевиков, могло «стать организующим цент-

---

[136] «Рабоче-крестьянская газета» (Красноярск), 5 марта 1918 г.
[137] «Красная газета», 2 марта 1918 г.
[138] «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск), 10 марта 1918 г.
[139] Там же, 5 марта 1918 г.

ром» против немецкого наступления [140]. В Саратове меньшевики вместе с троцкистами 2 марта организовали «объединенное собрание всех рабочих организаций», на котором протащили резолюцию: «Ни мира, ни перемирия с наступающей извне и изнутри контрреволюцией быть не может» [141].

Один из самых яростных противников ленинской политики мира, «левый» коммунист К. Радек, опубликовал 2 марта 1918 г. в «Известиях ЦИК» статью под названием «Можем ли мы вести войну?» Он признавал, что армия «бежит в полной панике и только кое-где пробует сопротивляться», допускал, что немцы «несколькими решительными ударами» захватят Киев, Петроград и Москву, но, нисколько не смущаясь таким провокационным прогнозом, заявил, что это «не грозит нам гибелью», что задавить нас могут немцы «только на Урале». Радек считал, что нужна партизанская война против вклинившегося на Урал врага одного империалистического лагеря, что можно использовать помощь врага «менее грозного» — бывших союзников буржуазной и царской России. Радек упорно, несмотря на ленинское разъяснение, сделанное в записке от 14 января 1918 г., твердил, что Советская Россия стала бы «орудием Германии», если бы она подписала мир с ней. Опасность стать орудием «союзников» он отрицал [142].

Подобные выступления в Советах весьма часто встречали отпор со стороны большевиков-ленинцев. Враги мира считали, что ленинцы, согласившись на мир, а затем призвав в сложнейшей обстановке немецких военных провокаций к защите социалистического отечества, политически похоронили себя. Так говорили они на заседании Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов 1 марта 1918 г. Так пытались они возвыситься в глазах масс. Отвечая им на этом заседании, большевик П. А. Джапаридзе заявил: «Здесь говорили, что большевизм умер, но я скажу, что это похоже на то, как мыши хоронили кота — хоронили, хоронили, а все-таки кот остался живым». Защищая ленинскую политику мира, Джапаридзе говорил об ее искренности: «Это

---

[140] «Наш голос» (Сумы), 1 марта 1918 г.
[141] «Известия Саратовского Совета», 5 марта 1918 г.
[142] «Известия ЦИК», 2 марта 1918 г.

факт, что мы не хотим воевать, ...не хотим кровопролития..., мы действовали открыто». Он отрицал противоречие между борьбой за немедленный мир и призывом к защите отечества в ближайшем будущем, на случай нарушения договора о мире. Он призывал подходить к этому сложному вопросу не «с точки зрения старого архивариуса», а с точки зрения «трезвого социалиста», ибо защита мира — «логическое следствие» мирной политики [143].

Борьба за мир или стремление уйти от этой борьбы — все это только подчеркивало остроту вопроса, требовало его окончательного решения.

Подписание договора

После отправки радиотелеграммы о решении ЦИК подписать мирные условия Германии весь день 24 февраля 1918 г. ответ от германского главного командования не поступал. А наступление германских войск на всем протяжении фронта продолжалось. Советский главнокомандующий Н. В. Крыленко послал в германскую ставку радиотелеграмму с запросом о причинах такого явления. На это последовал ответ, подписанный «за германское верховное командование» генерал-майором Гофманом. В нем сообщалось о получении обеих радиотелеграмм с советской стороны. Гофман ссылался на 10-й пункт немецких мирных условий от 21 февраля, в котором предусматривалось, что мир «должен быть подписан в продолжение трех дней после прибытия русских уполномоченных в Брест-Литовск» [144].

Вопрос о составе новой советской делегации для поездки в Брест-Литовск с целью подписания немецких условий обсуждался на заседании ЦК РСДРП(б) сразу после отправки радиотелеграммы Совнаркома о согласии подписать эти условия — утром 24 февраля 1918 г. На этом заседании заместитель Троцкого в прежней делегации А. А. Иоффе сначала отказался ехать, заявив, что «это немыслимо, так как подписание мира — это смерть всей брестской политики» [145]. Тогда Ленин предложил

---

[143] «Известия Бакинского Исполнительного Комитета», 5 марта 1918 г.

[144] «Известия ЦИК», 27 февраля 1918 г.

[145] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б)», стр. 226–227.

ввести в состав советской делегации Г. В. Чичерина, Л. М. Карахана и Г. И. Петровского (наркома внутренних дел РСФСР). Я. М. Свердлов предложил члена ЦК РСДРП(б) Г. Я. Сокольникова, Рекомендации Ленина и Свердлова были приняты. Троцкий заявил, что он «не согласен» с позицией ЦК, «вынужден устраниться от появления в официальных учреждениях» и просил дать членам ЦК, не согласным с линией ЦК, «право свободной агитации против принятого ЦК решения». Эта просьба была удовлетворена, и потому обсуждение политики до окончательных решений всероссийских съездов большевистской партии и Советов имело глубокий смысл. Ленинское большинство ЦК обращалось за поддержкой к массам. Ленин по этому поводу сказал, что «запрос о политике разослан по провинции» и что «полемизировать немного отнюдь не вредно» [146].

Советское правительство не ограничилось отправкой радиотелеграммы о согласии подписать немецкие условия. Оно одновременно направило в немецкую ставку дипломатического курьера С. А. Баландина. Ленин следил за передвижением поезда, в котором ехал курьер. Комендант станции Серебрянка, расположенной вблизи фронта, телеграфировал Ленину, что поезд проследовал через эту станцию с курьером в 18 часов 52 минуты [147]. Вечером 24 февраля по этому же пути была отправлена делегация в составе Г. Я. Сокольникова (председатель), Г. В. Чичерина, Г. И. Петровского, А. А. Иоффе, Л. М. Карахана и левого эсера Н. Н. Алексеева.

По пути следования делегации возникли задержки, главным образом по вине председателя, проявившего колебания. На рассвете 25 февраля поезд с делегацией остановился на станции Новоселье, не доезжая Пскова. Здесь сообщили, что железнодорожный мост впереди взорван. Не решаясь выгрузиться из поезда и послать в расположение немцев парламентеров или самим пробираться иными средствами, члены делегации телеграфировали в Совнарком просьбу известить германское командование о прибытии делегации в Новоселье. Иоффе, согласившийся войти в состав делегации в качестве консультанта с большим нежеланием, дал соответствую-

---

[146] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 386—387.
[147] «Ленинский сборник», XI, стр. 28.

щую консультацию руководителю делегации Сокольникову, также отправившемуся в Брест-Литовск после больших колебаний.

Ленин был удивлен и разгневан, получив телеграмму, и сообщил, что не вполне понимает ее. «Если вы колеблетесь,— писал он,— это недопустимо»[148]. У Ленина было достаточно оснований думать, что в составе делегации господствует дух колебаний, и он тут же дал указание: «Пошлите парламентеров и старайтесь выехать скорее к немцам»[149]. В 5 часов 30 минут поезд с делегацией проследовал через станцию Серебрянку. В то же время Ленин пристально следил за реакцией зарубежной печати на все эти мирные шаги Советского правительства. 26 февраля он послал телеграмму В. В. Воровскому в Стокгольм с запросом, известны ли ему немецкие условия мира с Россией и каковы отклики по этому вопросу в заграничной печати[150].

Колебания в составе мирной делегации отражали колебания в ЦК РСДРП(б) и ЦИК. Они имели место и в редакции «Известий» ЦИК, возглавляемой Ю. Стекловым. Официальная позиция ЦИК получила подтверждение в «Известиях» с опозданием — не в день исторического голосования о принятии немецких условий мира, а только 26 февраля. Здесь была опубликована декларация о позиции ЦИК: «Новые условия мира германского правительства и Центральный Исполнительный Комитет». В этой декларации, написанной, видимо, Свердловым, указывалось: «Только в том случае сепаратный мир с австро-германским империализмом был бы предательством, империалистической сделкой, если бы, заключая аннексионистский мир, рабоче-крестьянское правительство России объявило его справедливым, демократическим миром. Но этого нет... Объявляя свое вынужденное согласие на предложения германского империализма, Советская власть отнюдь не думает приукрашивать того тяжелого положения, в котором очутилась революция; она признает, что в данный момент революция потерпела тяжелое поражение». И далее: «Но выбора нет, нет третьего исхода. Было бы безнадежной наивностью ду-

---

[148] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 46.
[149] «Ленинский сборник», XI, стр. 28.
[150] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 47.

мать, что революция будет развиваться все время по восходящей линии, идти от победы к победе; в действительности победы в ней чередуются с поражениями, периоды высокого подъема сменяются моментами упадка». Декларация указывала, что взгляды врагов на мирную политику Советской власти являются доказательством ее правильности. «Достаточно заглянуть в буржуазные газеты,— говорилось в декларации,— чтобы понять, зачем буржуа и соглашатели настаивают на продолжении войны. Они заранее приветствуют победу немцев как свое торжество... Советская власть еще раз доказала свое миролюбие, согласившись на условия, выраженные в последнем ультиматуме генерала Гофмана»,— заявлял ЦИК в декларации и предупреждал, что «если германские империалисты и слышать больше не хотят о каком бы то ни было мире с Советской республикой, если они поставили себе целью раздавить социалистическую революцию в России, в таком случае нам придется принять последний бой с захватчиками, иного выхода нет» [151].

Позиция исполнительного органа верховной власти была ленинской позицией.

Роль Ленина в борьбе за мир была исключительно велика. В некоторые критические моменты истории его вторжение в среду колеблющихся ломало настроение в пользу мира.

Ленин олицетворял лучшие качества рабочего класса: беспредельный патриотизм, глубочайший интернационализм, стойкость, целеустремленность, непримиримость к врагам революции, выдержку перед лицом трудностей: политических и военных потрясений, житейских невзгод. За Лениным шли вся партия, за исключением отдельных колеблющихся личностей, бо́льшая часть рабочего класса, трудового крестьянства и лучшая, хотя и немногочисленная часть трудовой интеллигенции, в том числе и беспартийные ее представители, понимавшие национальные задачи, стоявшие перед Родиной.

Ответственный работник Наркомпроса Р. А. Ивнев в статье «Победители и побежденные», опубликованной непосредственно за текстом декларации ЦИК, как бы в развитие официальной позиции ЦИК писал: «Советская власть, вынужденная обстоятельствами, согласилась под-

[151] «Известия ЦИК», 26 февраля 1918 г.

писать мир. Тяжелый, унизительный, жестокий, но все же мир! И вот на головы тех, кто готов заключить этот мир, уже льются ушаты грязи. Надо быть младенцем, чтобы не понимать, что все, кому не улыбается послеоктябрьская Россия, воспользуются этим тяжелым миром как тяжелым орудием против Советской власти. Этого следовало ожидать потому, что тяжелый мир есть в то же время самый легкий предлог для обвинения большевиков... Но они (враги большевиков, Советской власти.— *Д. О.*),— писал Ивнев,— ошибутся, думая этим внести смуту в революционные ряды. Все рабочие, крестьяне, все трудящиеся знают, что большевики ни в чем не виноваты. Тяжелый мир явился последствием политики соглашателей, бесконечно затягивавших войну и тем самым затягивавших на шее трудового народа все туже и туже злосчастную петлю». И далее: «Тяжелый мир принят Россией, ибо другого выхода у нее не было; но это далеко не означает, что она отказалась от своих принципов — справедливого и демократического мира для всех народов. Когда России приставили к горлу нож, она должна была выбрать что-нибудь из двух: или красиво умереть, или остаться живой, но униженной и замученной. Она выбрала второй путь. Она сохранила свою жизнь, чтобы сохранить жизнь социализму». Ивнев полностью разделял взгляды Ленина, изложенные им в статье «О революционной фразе», и писал о тяжелых последствиях от тяжелого мира для психологии трудящихся России, о их чувствах «почти физического страдания». Он призывал обратить свой гнев по этому поводу на империализм — «на ту систему, которая делает возможным существование этих грабительских войн» [152].

Мирная советская делегация прибыла в Брест-Литовск в 3 часа дня 28 февраля 1918 г. В тот же день состоялось предварительное совещание делегации с немецкими представителями о порядке подписания договора. Советская делегация потребовала на нем прекращения военных действий. Немцы ответили, что военные действия будут прекращены только с момента подписания мирного договора и что трехдневный срок, отведенный на переговоры, будет ими исчисляться с первого заседания, которое они предложили в 11 часов следующего дня — 1 марта.

[152] «Известия ЦИК», 26 февраля 1918 г.

Все это немедленно стало известно в Петрограде из телеграммы секретаря делегации Карахана Ленину[153].

Вместе с мирной делегацией в Брест-Литовск прибыла группа военных консультантов в составе В. М. Альтфатера (руководитель группы), Ю. Н. Данилова, А. И. Андогского, В. В. Липского. Консультанты еще в пути заявили, что «решение о заключении ныне отдельного мира России на предложенных Германией условиях» ими «не разделяется»[154]. По прибытии в Брест-Литовск они составили записку на имя председателя делегации, в которой подтвердили, что заключение сепаратного (отдельного) мира считают «нецелесообразным и едва ли необходимым».

После предварительного совещания с немецкими представителями военные консультанты на заседании мирной делегации предложили считать отсрочку прекращения военных действий «новым обстоятельством», оправдывавшим отказ от подписания договора. Однако делегация сочла это предложение неправильным. Она постановила «потребовать от немцев сообщения условий мирного договора в целом и затем, отказавшись от их рассмотрения, подписать договор, не входя в его обсуждение». Это постановление соответствовало указаниям Ленина, решению ЦК РСДРП(б).

1 марта состоялось совместное заседание делегаций. Германская сторона огласила полный текст договора и заявила, что он должен быть подписан в течение трех дней. В договоре содержалось требование, идущее дальше ультиматума от 21 февраля: об очищении Карсского, Ардаганского и Батумского районов на Кавказе и о невмешательстве в дела Персии и Афганистана.

На новом совещании членов советской делегации с военными консультантами последние присоединили к числу новых обстоятельств, «требующих отказа от подписания договора», это новое требование немцев. Делегация вновь не согласилась с консультантами. Она имела полномочия подписать договор на тех условиях, которые не были посягательством на Советскую власть. 2 марта советская делегация выработала текст декларации о

---

[153] «Красная газета», 1 марта 1918 г.
[154] ЦГАВМФ, ф. 5, оп. 1, д. 18, л. 171.

вынужденности для России принять мир на основе предъявленного ей ультиматума и протест против включения в этот ультиматум территориальных ограничений на Кавказе [155].

До вечера 1 марта никаких сведений от брестской делегации Советское правительство не имело. Ленин тем не менее проявил большую выдержку. В тот день он беседовал о перспективах мира с английским дипломатом Брюсом Локкартом [156]. Только в 8 часов вечера была получена телеграмма за подписью Карахана о высылке поезда с необходимой охраной на станцию Торошино вблизи Пскова. Такая телеграмма, естественно, была истолкована в Совнаркоме в том смысле, что переговоры прерваны. На самом деле, если бы мир был подписан, то у делегации не было бы основания об этом не сообщить в самой телеграмме. Совнарком имел основания допустить, что переговоры прерваны и немцы препятствуют делегации сообщить об этом в Петроград, дабы застигнуть Советское правительство врасплох.

Немедленно по получении телеграммы Ленин известил от имени Совнаркома все Советы о военной опасности и призвал их к выполнению своего революционного долга перед лицом этой опасности [157]. Через Советы Ленин обращался ко всей стране. Одновременно был послан запрос в Брест-Литовск о причинах столь экстренного затребования поезда [158]. В ответ на запрос Совнаркома 2 марта в 9 часов вечера была получена радиотелеграмма за подписью Сокольникова, Петровского и Чичерина, в которой давалось разъяснение: «Вчера русская делегация заявила, что она отказалась от обсуждения предложенных условий мира ввиду того, что военные действия против России продолжаются, несмотря на возобновление работ мирной конференции. Требование российской делегации о приостановке наступления было отклонено. В этих условиях весь мирный договор целиком является ультиматумом, поддержанным со стороны Германии вооруженным насилием. Русская делегация, подписывая без обсуждения продиктованные ей условия мира, считает своим долгом открыто

---

[155] ЦГАВМФ, ф. 5, оп. 1, д. 18, лл. 71—75.
[156] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 107.
[157] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 48.
[158] «Красная газета», 3 марта 1918 г.

сказать об этом всю правду рабочим и крестьянам России и всего мира, отдавая на их суд все происходящее» [159]. В радиотелеграмме сообщалось, что 3 марта состоится подписание мирного догора. Но Ленин не мог не учитывать вероломства немецких империалистов. Он тут же написал проект нового приказа всем Советам: «демобилизацию красноармейцев задерживать; подготовку подрыва железных дорог, мостов и шоссе усилить; отряды собирать и вооружать; эвакуацию продолжать ускоренно; оружие вывозить в глубь страны» [160].

В работе высших правительственных учреждений в Петрограде, несмотря на грозную обстановку, сохранялся полный порядок. Вопрос об их эвакуации принципиально был решен 27 февраля 1918 г. на заседании ЦИК так, чтобы это не вызывало даже подобия паники. В тот день ЦИК постановил, что он «эвакуируется после Совнаркома и только в момент непосредственной опасности военной оккупации». В заявлении, которое было решено опубликовать, указывалось, что все слухи об эвакуации «совершенно ложны», что высшие правительственные учреждения «остаются в Петрограде и подготовляют самую энергичную оборону», что вопрос об эвакуации их «мог бы быть поставлен лишь в последнюю минуту в том случае, если бы Петрограду угрожала самая непосредственная опасность, чего в настоящий момент не существует» [161]. 2 марта, когда уже стало известно о предстоящем заключении мирного договора, Президиум ЦИК принял решение эвакуировать СНК и ЦИК в Москву, независимо от угрозы Петрограду.

Подписание мирного договора состоялось около 6 часов вечера, и сразу после этого советская мирная делегация выехала в Петроград. В 7 часов утра 4 марта об этом событии стало известно в Петрограде. Ленин послал для газет извещение «Всем, всем, всем!», в котором говорилось, что текст мирного договора будет опубликован «немедленно по возвращении делегации» и что ратификация его «назначена на 17 марта», что она «последует от имени Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских, крестьян-

---

[159] Там же.

[160] «Ленинский сборник», XI, стр. 33.

[161] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 6, л. 3; «Известия ЦИК», 1 марта 1918 г.

ских и казачьих депутатов, который, согласно решению Центрального Исполнительного Комитета, соберется в Москве 12 марта» [162].

Главнокомандующий Н. В. Крыленко отдал приказ по армии: «немедленно по получении настоящего приказа прекратить военные действия на занимаемых в настоящее время позициях» [163].

В тот же день ЦИК отправил во все Советы телеграмму о решении созвать IV Всероссийский съезд Советов для обсуждения вопроса о войне и мире и утверждения подписанного мирного договора. В этом документе содержалось напоминание итогов исторического голосования ЦИК (116 против 85 при 26 воздержавшихся), указывалось, что германское правительство после этого заставило советскую делегацию принять «еще более тяжелые условия мира», и далее давалась объективная оценка хода всенародного опроса: «Голосование в ЦИК и отклики местных Советов на телеграфный запрос ЦИК показали: среди Советов существует серьезное разногласие по этому коренному вопросу всей нашей революции. Одна часть товарищей настаивает на необходимости подписать мир, чтобы получить путем тяжелых уступок передышку, которой русский и международный пролетариат воспользуется, чтобы укрепить свои силы и принять решающий бой с империализмом при более благоприятном для рабочего класса соотношении сил. Другая часть предлагает мира не подписывать, немедленно призвать [на] восстание против германских империалистов, усматривая в условиях мира крушение русской и удар международной революции». В телеграмме указывалось, что норма представительства на съезд сохраняется та, которая была на всех предшествовавших всероссийских съездах Советов, созывавшихся после Октябрьской революции [164].

Бóльшая часть трудящихся встретила сообщение о подписании мирного договора с радостью. Советы, выражавшие волю трудящихся, не прекращали обсуждать проблему войны и мира. Подписание договора гасило настроения колебаний в местных Советах. Какое оно имело значение, видно на примере пленума Старорусского Со-

---

[162] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 522.
[163] «Новая жизнь», 5 марта 1918 г.
[164] «Известия ЦИК», 3 марта 1918 г.

вета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Новгородской губернии. Этот пленум открылся 3 марта. На нем присутствовало 52 представителя от волостных Советов, 40 членов исполкома и 49 представителей «разных организаций» — депутатов Советов. Члены исполкома, настроенные против мира, рассчитывали морально подавить присутствовавших своей численностью и активностью. После обсуждения первого вопроса Совет принял заранее подготовленную резолюцию: «немедленно приступить к организации партизанских отрядов». В резолюции говорилось, что рабочие и крестьяне «в революционном порыве сумеют рассеять и задушить шипящих ядовитых гадов всемирной контрреволюции». В голосовании этой резолюции приняло участие только 78 человек, из которых 52 голосовали «за», 1 — «против», 25 воздержались. Около 70 человек, присутствовавших при открытии пленума, в голосовании не участвовало.

С утра следующего дня стали выступать более активно представители волостей. Выступили делегаты Залучской, Шотовской, Коростынской, Жгловской, Воскресенской, Губинской, Дубовицкой, Должинской, Белебелковской, Налючской, Подгощской, Ратицкой волостей. Почти все они говорили об отсутствии хлеба, предсказывали голод, «если не будут приняты энергичные меры». Реальную картину фронта нарисовал «внеочередной» оратор — представитель 1-й армии Беленький. Это была картина «разложения старой армии и ее демобилизации».

Сопоставление печальной действительности с красивыми лозунгами, брошенными докладчиком по «текущему моменту», отчасти внесенными в резолюцию, говорило само за себя. В сознании депутатов возникал вопрос о пересмотре политики и состава исполкома. Никто не решился предложить отменить резолюцию, принятую накануне, но отношение к ней подлинного большинства было выражено стихийным и активным обсуждением вопроса о перевыборах исполкома. Представители солдатской секции Совета поставили вопрос об уменьшении состава этой секции и об увеличении крестьянской секции, о перевыборах Совета. Демократизировали исполком увеличением его состава до 60 человек. В новый исполком вошли 26 крестьян, 12 рабочих, 12 солдат, кроме того, самому исполкому доверялось кооптировать 10 человек.

Новый исполком, облеченный доверием депутатов, правильно уловил настроение масс. Когда было получено, в ходе пленума, сообщение о подписании мира, о созыве Всероссийского съезда Советов и указание о необходимости командирования на съезд делегата с наказом от Совета, исполком, не созывая нового пленума, с представителями волостей постановил: «учитывая переживаемый момент и выслушав доклады с мест на общем собрании Совета 3 марта сего года (3 и 4 марта. — *Д. О.*)», считать «очевидным, что уставшая армия и ее отдельные бойцы» воевать не могут и что поэтому «подписание тяжких для революции условий мира является единственно возможным выходом из создавшегося крайне тяжелого положения». От имени Совета исполком дал делегату на Всероссийский съезд наказ, в котором было написано нечто противоположное тому, что рекомендовалось в резолюции от 3 марта, а именно: «Считая единственно насущной задачей, диктуемой условиями переживаемого момента, внутреннее устроение России, ...Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов считает бесцельным и ненужным формирование партизанских отрядов» [165].

Конечно, приостановка формирования вооруженных отрядов Красной Армии и партизанских отрядов была ошибкой, крайностью. Но в подавляющем большинстве Советов после подписания мира не только еще больше укрепилось доверие к Советскому правительству, но и усилилось желание защищать его. Даже в тех Советах, которые стояли на позициях «революционной войны», не было колебаний в том, что правительство проводит правильную политику. Когда меньшевики и эсеры в Царицынском Совете (председатель большевик С. К. Минин) предложили провести «перевыборы Совета Народных Комиссаров» за подписание им договора о мире, большинство депутатов проголосовало в пользу резолюции, которая начиналась так: «Решение Совета Народных Комиссаров по вопросу о мире разошлось с решением нашего Совета. Мир подписан». Но Совет призывал всех трудящихся «в тяжелую годину» «сплотиться вокруг Советской власти». И далее: «Мы выражаем полное доверие ЦК (ЦИК.— *Д. О.*) и выбранному II съездом Совету Народных Ко-

[165] «Известия Старорусского Совета», 13 марта 1918 г.

миссаров». Депутаты Совета от имени избирателей клялись ответить «мировым угнетателям» «организованным грозным отпором» за покушение на Советскую власть [166].

Противники мира растерялись. Правда, когда Ленин обратился (2 марта 1918 г.) к Советам с предупреждением о возможности срыва мира немецкими империалистами, члены ЦК меньшевиков-объединенцев собрались вместе, чтобы разделить радость. Они решили, что настал момент, когда их победа недалека, когда они смогут открыть Учредительное собрание и оказаться у власти... Здесь были Л. Мартов, Ф. Дан, В. Ежов, К. Гогуа, Б. Горев, А. Мартынов, И. Астров, А. Югов. Вопрос, который они должны были обсудить, стоял так: «Вопрос об обороне и вступлении в Красную Армию». В протоколе этого заседания было записано: «После сообщения о том, что, согласно телеграмме Ленина, мирные переговоры прерваны, Дан внес проект резолюции, предлагавший немедленно вступать в Красную Армию и призывавший всех членов партии на активную защиту страны и революции». Меньшевики поспешили выделить своих представителей в Комитет революционной защиты Петрограда.

Зачем они это делали? Они хотели явиться к власти не из подполья, а на гребне волны, с попутным ветром, на доверии народа. Но в комнату, в которой они заседали, ворвался другой, свежий ветер. Им сообщили, что мир подписан. И... в протоколе появилась такая запись: «Во время обсуждения резолюции было получено сообщение, что Совет Народных Комиссаров дал согласие на подписание немецких условий, несмотря на их исключительную тяжесть и на введение дополнительных пунктов о Карсе, Ардагане и Батуме». И далее: «Проект резолюции приобщить к протоколу заседания ЦК, отложить [вопрос] до получения более точных сведений об условиях договора и политическом положении» [167].

4 марта незадачливые цекисты-меньшевики собрались вновь. Среди них не было Гогуа, но зато появились Р. Абрамович, С. Семковский, Г. Эрлих, Н. Череванин, Е. Бройдо. И вот запись: «Вопрос о мире. После обмена мнениями решено вынесение вопроса отложить ввиду отсутствия

---

[166] «Известия ЦИК», 15 марта 1918 г.
[167] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 44, л. 109.

точных сведений о произошедшем в Двинске и неизвестности точных условий мира»[168]. Как утопающий хватается за соломинку, так и они ухватились за слухи о провокации в Двинске левых эсеров, пытавшихся стрельбой по немецким солдатам сорвать мир.

И не только члены ЦК меньшевистской партии приняли мир со злобой. Меньшевик Р. Григорьев в статье «Брестский мир и Интернационал» в подписании Брестского договора видел один результат — забвение чувства интернационального долга и «новый прилив националистических предрассудков и шовинистических страстей в народных низах»[169].

Провокации левых эсеров на фронте не были случайными. Эта партия, формально сотрудничавшая с большевиками в Советском правительстве, еще до подписания мирного договора, стала на путь открытого саботажа и провокаций. Сразу после принятия ЦИК мирных условий немцев ЦК этой партии разослал во все Советы телеграмму, предлагая в ней требовать созыва Всероссийского съезда Советов, который «должен отказаться от ратификации и окончательного подтверждения убийственных для революции условий мира»[170]. 2 марта состоялось заседание ЦК партии левых эсеров по вопросу о мире, на котором они призывали действовать террором, «нападать всюду», вести «бесконечную истребительную гражданскую войну». Левые эсеры считали, что правительство «в этом участия принимать не будет, но воспрепятствовать террористам оно не может».

Левые эсеры отдавали себе отчет, что результатом таких действий может быть возобновление войны со стороны Германии. На это они рассчитывали. Один из левоэсеровских лидеров, имя которого не было названо, заявил: «Явится ли это поводом для возобновления Германией военных действий против России как против государства, предсказать трудно, но следует быть готовым и к этому» и добавлял: «Во всяком случае мир, подписанный в Бресте, не даст полного мира и спокойствия. В лучшем случае он отсрочит на несколько дней развитие кровавой борьбы народа с империализмом»[171]. Как видим,

[168] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 44, л. 111.
[169] «Новая жизнь», 3 марта 1918 г.
[170] «Известия Ядринского Совета», 2 марта 1918 г.
[171] «Новая жизнь», 3 марта 1918 г.

тактика провокаций, имевшая целью снова ввергнуть народ в войну, была рассчитана по дням.

Член ЦК партии левых эсеров И. З. Штейнберг упрекал мирную делегацию, что она осмелилась подписать мирный договор, «не представив окончательного текста условий ЦИК и Совету Народных Комиссаров». И тут же Штейнберг признал, что этот его упрек имеет формальный характер и не может «играть важной роли». Мир он считал нереальным, неосуществимым, а о заключении мира говорил, что оно «выльется в фактическую войну». «Если до сих пор,— сказал Штейнберг,— нас упрекали в слишком большой уступчивости большевикам, то мы можем теперь категорически заявить, что по вопросу об обороне мы никаких уступок делать не будем». Штейнберг возглавлял фракцию левых эсеров в ЦИК. Получив известие о подписании мира, эта фракция приняла резолюцию, в которой требовала «немедленного созыва экстренного съезда Советов» [172]. Резолюция была доведена до сведения всех левоэсеровских организаций в стране.

Провоцируя войну, левые эсеры способствовали распространению в массах неверия в возможность передышки. В этой связи Ленин написал статью «Несчастный мир», в которой указывал: «Непозволительно впадать в отчаяние, недопустимо забывать, что история знает примеры еще больших унижений, еще более несчастных, тяжелых условий мира... Будущее, несмотря ни на какие испытания, — за нами» [173]. Факт подписания германскими империалистами Брестского мирного договора и весь ход мирных переговоров в Брест-Литовске продемонстрировали несостоятельность политики непризнания Советского правительства [174]. В этом Ленин видел начало новых успехов советской мирной внешней политики.

Переломный момент

Весть о подписании мирного договора с Германией в Брест-Литовске и предстоявшей ратификации этого договора была принята со злобой не только внутренними

---

[172] Там же.

[173] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 382—383.

[174] Н. Иноземцев. Величие ленинской политики мира.— «Коммунист», 1964, № 6, стр. 38.

врагами Советской власти. Империалисты США, Англии и Франции именно в связи с этим решили приступить к открытой военной интервенции в России. Они рассчитывали таким путем резко изменить политическую и военную обстановку в России в пользу противников Советской власти, накалить до предела политическую борьбу внутри основной правящей партии в России, поколебать Советскую власть изнутри, а затем свергнуть ее совместными действиями белогвардейцев и интервентов. Когда договор был подписан, это немедленно стало известно в Лондоне, Париже и Вашингтоне. Уже 4 марта утром английское посольство в Вашингтоне передало Государственному департаменту меморандум о положении на севере России, в котором говорилось, что оккупация Мурманска, вероятно, будет необходимой и что в этот район послан английский крейсер [175]. 4 марта в Петрограде было объявлено, что ратификация состоится, согласно договору, через две недели, а через пять дней англичане поспешили высадить в Мурманске десант. Империалисты спешили упредить ратификацию договора о мире, сорвать ее.

С этой же целью империалисты попытались использовать оппозицию миру, возглавлявшуюся Троцким. 5 марта утром представитель Великобритании в Петрограде Локкарт посетил Троцкого, имел с ним продолжительную беседу. Троцкий, по свидетельству Локкарта, говорил, что на предстоящем Всероссийском съезде Советов, вероятно, будет провозглашена война или будет выпущена декларация, которая сделает войну неизбежной [176]. Вслед за Локкартом по поручению посла США в России Дэвида Френсиса, находившегося в Вологде, к Троцкому явился Раймонд Робинс. В своем отчете Робинс впоследствии утверждал, что Троцкий в ответ на замечание, что Ленин стоит за мир, заявил: «Вы ошибаетесь, Ленин понимает, что угроза германского наступления столь велика, что если бы он смог достигнуть экономического сотрудничества и получить помощь от союзников, то он отказался бы от Брестского мира, отдал бы в случае необходимости Москву и Петроград, отошел к Екатеринбургу, создал

---

[175] А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964, стр. 198.
[176] Там же, стр. 199.

фронт на Урале и сражался бы с помощью союзников против Германии»[177].

Ленин не был против получения материальной помощи «от хищников империализма», но он никогда не стоял за приглашение иностранных солдат враждебных Советской власти государств для использования их как средства «помощи». По указанию Ленина, уже в то время готовился обширный план экономического сотрудничества между Советской Россией и капиталистическими странами. В этой связи Ленин санкционировал передачу через Робинса официальной ноты, содержащей запрос: «Может ли Советское правительство рассчитывать на поддержку США, Великобритании и Франции в его борьбе против Германии». При этом имелась в виду полная «независимость ото всех несоциалистических правительств»[178]. Ленин также не ставил ратификацию мира с Германией в зависимость от желания или нежелания Антанты и США помочь Советской России военными материалами или продовольствием. Заявление Троцкого не имело ничего общего с твердой ленинской линией на ратификацию договора с Германией.

Более того, заявление Троцкого было чудовищной ложью, направленной против того, что было одобрено большинством трудящихся. 3, 4 и 5 марта 1918 г. на запрос «Мир или война?» Совнарком получил еще 21 ответ. Из них 12 были за мир[179]. Всего за девять дней, с 25 февраля по 5 марта включительно, Совнарком и ЦИК получили «от местных Советов и других организаций» 495 ответов. Из них 262 (более половины) были за мир[180]. К тому же и в большинстве отрицательных ответов выражалось полное доверие Совнаркому и ЦИК[181].

Итоги опроса депутатов Советов по стране показывали, что трудящиеся, возражавшие против мира с Германией, чаще всего попросту заблуждались: они не учитывали, что война в сравнении с миром в конкретной обстановке гораздо быстрее могла привести Советскую власть к гибе-

---

[177] Там же, стр. 201.

[178] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 208—209.

[179] «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 30.

[180] Там же.

[181] «Солдат, рабочий и крестьянин» (Самара), 3 марта 1918 г.

ли, ибо война эта сближала внешних и внутренних врагов, мечтавших о свержении Советской власти; мирная передышка разобщала врагов. Добросовестно заблуждавшиеся «левые» упускали из виду такое преимущество мирной передышки, как возможность переключить энергию масс на устранение экономических трудностей и организационного разлада, вызванных изнурительной войной. Они не видели разницы между революционной войной, вытекающей из убеждения широких масс, что никакие мирные соглашения с империалистами невозможны, и «революционной войной», продиктованной лишь привычным настроением, пусть даже достаточно широкого слоя народа. «Левые» не понимали, как важно было, чтобы массы не считали «революционную войну» продолжением войны империалистической, поскольку последняя не была закончена. Необходимо было выйти из войны империалистической, а уж затем входить в войну революционную, если бы ее навязали империалисты.

Всенародный опрос по поводу грабительского мира с Германией полностью подтвердил мнение Ленина, большинства коммунистов, что народ не пойдет на продолжение войны, что бóльшая часть избирателей против войны, за мир во что бы то ни стало. В немедленном принятии условий немецких империалистов, грабивших и унижавших страну, но не претендовавших тогда на Советскую власть, был единственно правильный выход. Договор с немцами надо было ратифицировать. Опрос избирателей показал, что ленинская политика мира была единственно правильной.

Бóльшая часть коммунистов следовала ленинскому курсу мирной политики. Успехи «левых» в рабочей среде оказались весьма непродолжительными. Ленинская критика «левого» течения в партии по вопросу войны и мира в открытой печати, а также открытое письмо ко всем членам партии о «позиции ЦК» в этом вопросе, широко распубликованное 26 февраля 1918 г., помогли многим рабочим — коммунистам и беспартийным — отказаться от увлечения «левой» фразой [182].

---

[182] Подробнее см. в кн.: К. Варламов, Н. Сломихин. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики «левых» коммунистов. М., 1964.

Пример верности ленинским принципам внешней политики показали коммунисты столичных партийных организаций — Москвы и Петрограда. 1 мая газета Московской организации «Социал-демократ» сообщала об общем собрании коммунистов Хамовнического района. Собрание считало «условия мира, предложенные германскими империалистами, крайне тяжелыми», но тут же заявляло, что оно «поддерживает все же попытку Совета Народных Комиссаров» заключить мир [183]. Коммунисты Рогожско-Симоновского района Москвы постановили: «Обсудив вопрос о текущем моменте, о войне и мире, собрание большевиков района находит политику Центрального Комитета РСДРП и ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вполне правильной» [184].

В Петрограде инициатива также принадлежала районным организациям. «Рабочие завода „Треугольник“ и других заводов Нарвского района высказываются за принятие германских условий мира»,— сообщала самарским рабочим газета «Солдат, рабочий и крестьянин» 2 марта [185]. В телеграмме из Петрограда в Донбасс Е. Д. Стасова 3 марта писала: «Все рабочие районы высказались за мир» [186]. Сторонники «революционной войны» потерпели поражение в тот день и на расширенном заседании Петроградского комитета партии. «Хотя 15 голосов против 13,— писала Стасова об этом заседании,— высказалось за революционную войну, но в числе 15 были такие, которые *лично* голосовали за войну, имея наказ от рабочих голосовать за мир. Некоторые петроградские рабочие, охваченные угаром революционной фразы, освобождались от него. Присутствовавший на заседании комитета (фактически это была конференция) член ЦИК И. Я. Врачев несколько дней спустя свидетельствовал, что в числе голосовавших за подписание мира «были исключительно рабочие» [187]. Подводя итог оценки этого голосования как доказательства решительной эволюции петроградского пролетариата к миру, Стасова писала: «Одним словом, в числе 15 (голосовавших против мира.— *Д. О.*) были только ин-

---

[183] «Социал-демократ», 1 марта 1918 г.
[184] Там же, 8 марта 1918 г.
[185] «Солдат, рабочий и крестьянин», 2 марта 1918 г.
[186] «Вопросы истории КПСС», 1958, № 6, стр. 71.
[187] «Известия Воронежского Совета», 20 марта 1918 г.

теллигенция и представители центральных городских районов, где преобладают ремесленники»[188].

Из Петрограда в Москву для разъяснения позиции большинства ЦК РСДРП(б) был командирован Я. М. Свердлов. 3 марта в Москве происходило важное заседание городского Совета рабочих и солдатских депутатов с участием фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и районных Советов.

Докладчиком на заседании Московского Совета выступил М. Н. Покровский. Он назвал мир «невозможным». А. С. Бубнов сказал, что подписывать мирный договор нельзя, поскольку интересы российской революции якобы «подчинены» интересам революции германской. Г. А. Усиевич высказался в том же смысле. Затем выступил Я. М. Свердлов. Он сказал: «У каждого из нас чувство старого революционера говорит, что мы не можем подписать условий предложенного нам мира, но когда в нас перестает говорить чувство и поднимает свой голос разум, то мы, зрело обсудив свое положение, приходим к выводу, что мы должны согласиться на эти условия, пройти через этот гнусный хлев к лучшему будущему»[189].

Далее Свердлов показал на фактах отсутствие реальных возможностей вести революционную войну немедленно. Ему пытался возражать левый эсер Д. А. Черепанов. Он сказал, что мирный договор можно было бы подписать, если имелась хотя бы малейшая возможность получить передышку, но поскольку такой передышки империалисты не дадут, подписывать нельзя. Ем. Ярославский согласился с Черепановым. Однако другие ораторы поддержали мнение представителя ЦК большевиков. Большинство присутствовавших голосовало за подписание мирного договора. 4 марта на Московской общегородской конференции большевиков после яркой речи Свердлова 65 голосами против 46 была принята резолюция в поддержку линии ЦК[190]. «Социалистическая революция в России в данный момент, когда старая армия демобилизована и не могла не быть демобилизована, когда хозяй-

---

[188] «Вопросы истории КПСС», 1958, № 6, стр. 71.

[189] «Известия Советов Москвы и Московской области», 5 марта 1918 г.

[190] «VII экстренный съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1962, стр. XIX.

ственная разруха достигла высшей степени, вынуждена была принять тот ультиматум, который поставил ей германский империализм» [191],— говорилось в резолюции конференции.

В более отдаленные места, да и вообще в бóльшую часть мест, ЦК большевиков, конечно, не имел возможности посылать своих представителей. Печать оставалась основным средством разъяснения мирной политики ЦК местным партийным и советским организациям. Это было особенно важно в связи с подготовкой съезда партии. Однако в тех случаях, когда с мест поступала серьезная информация и срочный запрос, Секретариат ЦК оказывал помощь письменным разъяснением непосредственно организации. Ответы посылались и в крупные местные организации, и в самые маленькие, первичные. Отвечая комитету РСДРП(б) Александровскóго поселка (на Урале) в лице Д. Ф. Рой, Секретариат ЦК 2 марта указывал: «Сейчас сообщаем вам, что коренным вопросом настоящего момента является вопрос о войне и мире». Далее в письме сообщалось, что в ЦК принято решение мир подписать, но в нем есть «и иное течение», что за мир «стоит тов. Ленин». «Заключая мир,— говорилось в письме,—...мы выгадываем необходимое нам время и таким образом сохраняем нашу социалистическую республику, т. е. Советскую власть» [192]. В письме в деревню Дубки Данковского уезда Рязанской губернии на имя Г. Креслина ЦК в разъяснение вопроса о мире направил комплект партийных изданий и копию приведенного выше письма [193]. Отвергая лозунг «революционной войны» в конкретной обстановке февраля — марта 1918 г., ЦК указывал местным партийным организациям на необходимость продолжать готовиться к революционной войне в будущем. В письме в Николаевский комитет РСДРП(б) 1 марта Секретариат ЦК разъяснял: «Как будет обстоять дело мира, покажет ближайшее будущее, но и в случае его подписания позиция наша остается та же: усиленная подготовка к революционной войне, так как хищники империализма не остановятся перед новым предательством и новой войной с социалистической республикой в России» [194].

---

[191] «Правда», 6 марта 1918 г.
[192] «Вопросы истории КПСС», 1958, № 6, стр. 70.
[193] Там же, стр. 70—71.
[194] Там же, стр. 69.

Отношение местных большевистских организаций к Брестскому миру исчерпывающе показано в новейших исследованиях историков партии. Перед VII съездом партии решения о войне и мире приняли 97 организаций. Из них 56 (или 58%) высказались за подписание брестских условий. Как видно из сохранившихся документов, соотношение голосов за мир и против мира было такое же, как в Советах. Первичные партийные организации, как и Советы низшего звена, в основном голосовали за мир [195].

Настроения в пользу мира в широких массах распространялись стремительно. Депутаты от рабочих все активнее выступали за мир. «Левые» еще пытались аргументировать свою позицию, но их жалкий лепет встречал отпор. В Выборгском районе Петрограда на заседании исполкома районного Совета 5 марта депутат Макеев заявил: «Ждать до восстания немецкого пролетарита... нет возможности» [196]. На следующий день 36 депутатов общего собрания Совета показали смысл слов Макеева. Они постановили одобрить «все шаги Советского правительства к достижению мира» и вместе с тем «выйти как один под ружье» «на защиту социалистической революции» [197]. «Полное доверие Совету Народных Комиссаров» высказало общее собрание депутатов Василеостровского районного Совета Петрограда [198].

Относясь с доверием к Советской власти, рабочие, солдаты и крестьяне выполняли ее предписания. Они спокойно встретили сообщение о том, что Всероссийский съезд Советов будет созван в Москве, а не в Петрограде.

Все коммунистические «низы» организованно готовились к экстренному съезду партии. Непосредственная подготовка велась с конца января. В открытой партийной печати о съезде было объявлено 5 февраля, а собрался съезд 6 марта 1918 г. в 8 часов 45 минут вечера. Несмотря на экстренность созыва съезда, на нем было представлено более половины членов партии (170 тыс.), что, согласно уставу, делало его правомочным. В истории борьбы за мир

---

[195] Э. Н. Берлина, Н. Т. Горбунова. Брестский мир и местные партийные организации.— «Вопросы истории КПСС», 1963, № 9, стр. 39.

[196] ГАОРСС ЛО, ф. 148, оп. 1, д. 1, л. 33.

[197] Там же, д. 43, л. 10.

[198] Там же, ф. 47, оп. 1, д. 26, л. 34.

съезд имел громадное значение. Им руководил В. И. Ленин, выступивший на съезде (в течение трех дней) 18 раз по всем основным вопросам порядка дня, в том числе с политическим отчетом ЦК, в котором всесторонне осветил вопрос о войне и мире, с докладом о пересмотре партийной программы и наименования партии и др.

Съезд знаменовал дальнейшее развитие борьбы ленинской партии с теорией и практикой «левых» коммунистов. Он показал, что «левым» коммунистам не удалось создать оплот ни в Петрограде, ни в Москве, ни на Урале. Делегат Петроградской организации К. И. Шелавин сказал: «Теперь в рабочих районах Питера случилось то же, что в Москве и во всей стране. Выходили один за другим рабочие и заявляли: „две недели назад говорил я так, а теперь смотрю на дело иначе". И это случилось не только в Василеостровском районе, но и в Выборгском районе, Нарвском и т. д.»[199] Свердлов свидетельствовал, что мирное настроение преобладало у большинства рабочих масс не только в Петрограде и Москве. «И могу сказать определенно,— говорил Свердлов,— что в широких кругах рабочих масс нет такого боевого настроения»[200]. Делегат уральской организации Я. Масков сообщил, что он привез на съезд много «взрывчатых веществ» в виде наказов уральских партийных организаций отстаивать «революционную войну», но, взвесив на съезде все «за» и «против», услышав Ленина и его противников, он пришел к выводу, что «тактика подписания мира правильная»[201].

Бухарин — основной оппонент Ленина по докладу о войне и мире — не мог отрицать, что все рабочие приходили «к точке зрения подписания мира», но объяснял это незрелостью, политической несознательностью. Такая клевета на испытанный в боях авангард трудящихся России встретила надлежащий отпор на съезде. Бухарин выступал против ленинского положения о возможности мирного сосуществования Советской России с капиталистическими странами. Ленин опроверг эту принципиально неправильную идею. Бухарин пытался обвинить Ленина в том, что он отрицал возможность революционной войны с Германией и в будущем. Когда Бухарин поставил на съезде

---

[199] «VII экстренный съезд РКП(б)», стр. 89.
[200] Там же, стр. 79.
[201] Там же, стр. 99.

вопрос: «возможна ли война в ближайшем будущем?», Ленин без колебания ответил: «возможна,— а сейчас надо принять мир. Тут никакого противоречия нет» [202]. В этой связи Ленин решительно отверг «довод» Троцкого в пользу его срединной позиции — «ни мира, ни войны»,— основанной на том, что «немец не сможет наступать». Ленин назвал позицию Троцкого величайшей авантюрой.

По вопросу о войне и мире съезд принял проект резолюции Ленина и дополнение к ней, также предложенное Лениным. Дополнение давало Центральному Комитету широкие полномочия в аннулировании мирного договора в будущем и запрещало публиковать резолюцию о войне и мире. Поправки Троцкого о недопустимости мира с киевской контрреволюционной Радой и с буржуазным правительством Финляндии по предложению Ленина были отклонены как попытка связать руки советской дипломатии, как попытка убить мирный договор — «живое маневрирование». Заключить соглашения с Украиной и Финляндией правительство РСФСР обязалось по Брестскому договору. Нанося удар по двурушничеству, Ленин закончил свое первое выступление против поправок Троцкого так: «нельзя ни мириться, ни воевать» [203].

В дни работы съезда Ленин в черновом наброске программы партии сформулировал важнейшие элементы высшего революционного принципа советской внешней политики — принципа защиты и развития социалистических завоеваний в нашей стране, обеспечения внешних условий для успешного строительства социализма и коммунизма. В наброске Ленин о задачах этой политики писал: «Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах в первую голову». И далее: «Поддержка демократического и революционного движения во всех вообще странах, особенно в колониях и в зависимых» [204].

Съезд большевистской партии был поворотным моментом в борьбе за мир. Наиболее ярко это значение съезда проявилось в позиции Уральской большевистской организации. Ленинское направление политики по вопросам войны и мира здесь стало решительно побеждать сразу

---

[202] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 29.
[203] Там же, стр. 38.
[204] Там же, стр. 76, см. также: «Коммунист», 1965, № 12, стр. 3.

после съезда. Уже 9 марта, на следующий день после закрытия съезда, собрались большевики Усть-Катавского завода. И вот определенно ленинская резолюция: «Считая революционной фразой защиту священной войны против германского империализма в силу соотношения классовых сил в Российской Советской Республике и положения международного рабочего движения, Усть-Катавская организация РСДРП(б) одобряет шаги правительства Народных Комиссаров, ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и мирной делегации, направленные к ликвидации империалистической войны». Условия, продиктованные германскими захватчиками, уральские большевики считали грабительскими и заявляли, что с ними «никогда не примирится революционный пролетариат», но мир, по их мнению, принимался «во имя интересов международной революции, во имя сохранения Советской власти, завершения ее организационной работы», во имя усиления «ее экономической и боевой мощи». Настоящей революционной войной уральские коммунисты называли именно эту мирную работу [205].

Советы — за мир

Московский Совет рабочих и солдатских депутатов уже 3 марта, как указывалось, отказался от возражений против мира. Но в Петрограде «левые» всех оттенков надеялись окончательно сломить волю Советов в стране и прежде всего волю депутатов городского и районных Советов, направить ее против мира. 4 марта член исполкома Петергофского районного Совета Шипицын докладывал о своей поездке в Смольный. Он голословно утверждал: «положение печальное, война неизбежна и сдача Петрограда — также». Напуганные этим выступлением, руководители Совета решили «ликвидировать советскую работу», чтобы принять участие в «революционной войне» [206].

Плодом таких же настроений в Мурманском Совете рабочих и солдатских депутатов было предательское решение его о «приглашении» английских войск в Мурманск. Первая партия английских солдат (150 человек)

---

[205] «Уральский рабочий» (Пермь), 27 марта 1918 г.
[206] ГАОРСС ЛО, ф. 151, оп. 1, д. 9, л. 29.

была принята Советом 5—6 марта 1918 г. Председатель Совета А. М. Юрьев разослал в местные Советы телеграмму с требованием принимать такую помощь [207]. О том, что такие настроения в Советах и такие действия не выражали воли масс, говорит постановление Петроградского Совета, принятое 5 марта на заседании, руководимом Володарским. Петроградский Совет в этой резолюции, принятой «огромным подавляющим большинством» [208], заявлял, что с грабительскими условиями договора примириться нельзя, но утвердить договор необходимо, что «Советская власть не могла и не должна была принять боя с германскими империалистами при данном соотношении сил». Совет избрал первых делегатов на IV Всероссийский съезд Советов и поручил им голосовать за утверждение мирного договора [209]. Такой же наказ дал состоявшийся после этого съезд Советов крестьянских депутатов Петроградской губернии [210].

Совет Петергофского района пересмотрел свое решение о свертывании советской работы и о мобилизации всех на фронт. 8 марта депутат-большевик И. Газа предложил «отозвать членов Совета с фронта». Он добавил, что рабочие заводов пережили воинственный угар и «без партийных руководителей (соглашательских контрреволюционых партий.— *Д. О.*) приходят в смущение». Член исполкома И. Екимов поставил вопрос о «перерешении» вопроса о мобилизации членов Совета на фронт. Большевик В. Грачев предложил «обязательно отозвать всех членов Совета с фронта, оставив только добровольцев. С этим согласился большевик С. Корчагин. Было решено отозвать всех членов Совета «с подобным мотивированием» [211].

Отношение Петроградского и Московского Советов к миру, подписанному в Брест-Литовске, имело большое значение для позиции местных Советов, для позиции Всероссийского съезда Советов. «Решения столичных Советов,— писала 8 марта газета «Солдат, рабочий и крестьянин»,— имеют большое значение как потому, что Петро-

---

[207] А. О. Чубарьян. Указ. соч., стр. 204.
[208] «Красная газета», 6 марта 1918 г.
[209] «Известия ЦИК», 6 марта 1918 г.
[210] ГАОРСС ЛО, ф. 1000, оп. 79, д. 12, л. 14.
[211] Там же, ф. 101, оп. 1, д. 38, л. 128.

градский и Московский Советы являются самыми влиятельными Советами, так и потому, что они наиболее полно осведомлены о соотношении боевых сил у обеих сторон и об общем соотношении международных сил. Несомненно, что решения этих Советов окажут сильное, пожалуй, решающее влияние на позицию в вопросе о мире Всероссийского съезда Советов»[212].

Решения Московского и Петроградского Советов в пользу мира привели в ярость врагов мира. Газета крупной буржуазии «Утро России» писала 8 марта 1918 г.: «Первые известия о германском нашествии явились благоприятным, освежающим дождем для биржи». Газета указывала на сильное поднятие цен на акции в Москве и Петрограде. И это объяснялось просто: «С приходом германцев связываются надежды на восстановление прав на собственность». Наконец, нота ярости: «Расчеты на взятие Петрограда не оправдались!»[213]. Корреспондент газеты «Известия Новгородского Совета» в это же время «предпринял ряд интервью» с «представителями различных классов». И вот «солидный» буржуа заявил ему: «едва ли нынешние лозунги (мира.— *Д. О.*) сохранят свою силу, так как немцы... захотят попрочнее изолировать себя от опасной заразы»[214]. Петроградская газетка «Новый вечерний час» сознательно сеяла панику, ложно сообщив о движении немцев на станцию Дно уже после подписания договора о мире[215]. Кадетская газета «Наш век» клеветала на большевиков, обвиняя их в забвении национальных интересов России во внешней политике[216]. Подпольный центр кадетской партии, как бы подводя итог всем подобным высказываниям, напечатал воззвание «от имени партии», в котором говорилось: «Партия народной свободы уверена, что ни один истинно преданный своей родине гражданин не признает аннулированными условия, заключенные между союзниками — Францией, Россией и Англией. Русский народ и русские граждане не признают сепаратного договора с Германией»[217].

---

[212] «Солдат, рабочий и крестьянин», 8 марта 1918 г.
[213] Там же.
[214] «Известия Новгородского Совета», 19 марта 1918 г.
[215] «Красная газета», 20 марта 1918 г.
[216] «Новая жизнь», 7 марта 1918 г.
[217] «Красная газета», 13 марта 1918 г.

Кадеты имели в виду возобновление империалистической войны. Они пытались отравить сознание молодого поколения чувством реванша за «брестское поражение». Р. А. Ивнев в этой связи писал, что такое намерение «преступно», что «все силы человеческого ума и знания необходимо приложить к борьбе с мировым империализмом», с теми, кто призывает к войне, выгодной только империалистам, кто мечтает о «черной работе» подготовления к ней [218].

Аналогичную «работу» проводили меньшевики всех оттенков. Они пытались очернить партию большевиков, представить ее изолированной группой для того, чтобы захватить власть. В связи с сообщением о предстоящей ратификации договора съездом Советов меньшевики решили серьезно подготовиться к срыву мира на самом съезде. 4 марта ЦК меньшевистской партии постановил: «Ввиду чрезвычайной важности съезда разослать всем партийным организациям телеграмму следующего содержания: ...активно подготовить представительство на съезде Советов в Москве 12 марта, имеющем исключительное значение. Выбранным давайте наказы в духе резолюции Центрального Комитета» [219]. Резолюция призывала под ширмой защиты революции к продолжению войны. ЦК меньшевиков требовал от всех местных организаций, особенно от Московской, «подготовиться к съезду организационно и технически». Нескольких членов ЦК (Ф. Дана, Р. Абрамовича, А. Югова и А. Трояновского) было решено отправить в Москву заблаговременно [220]. Затем ЦК решил перебраться в Москву, оставив в Петрограде бюро (Б. Горев, И. Астров, С. Семковский, Д. Далин, В. Ежов) [221].

С программной статьей о борьбе против мира выступил в «Новой жизни» меньшевик Н. Суханов. Статья называлась демагогически «Самоубийство». В ней говорилось: «IV съезд Советов может аннулировать Брестский договор» [222]. В. Строев заблаговременно готовил общественное мнение по вопросу о незаконности представительства солдат в Советах и на съезде Советов, чтобы уменьшить число делегатов от солдат. В статье «Мертвые души» он

---

[218] «Известия ЦИК», 5 марта 1918 г.
[219] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 44, л. 111.
[220] Там же.
[221] Там же, лл. 113, 119.
[222] «Новая жизнь», 5 марта 1918 г.

писал: «Не может быть солдатских депутатов, когда нет самих солдат»[223]. Солдаты (крестьяне) были наиболее горячими сторонниками «замирения», а потому для меньшевиков они были нежелательны в качестве представителей, решающих вопрос о мире! Новожизненцы поругивали меньшевиков-оборонцев из «Нового луча» за то, что те нападали на партийную политику большевиков и левых эсеров, не указывая главного «виновника» — Совет Народных Комиссаров. Эти «интернационалисты» претендовали на власть не меньше, чем меньшевики-оборонцы, брали за руку последних и подводили к цели[224].

Меньшевики-оборонцы развили большую практическую деятельность. Даже бывший чрезвычайный комиссар Временного правительства при Ставке В. Б. Станкевич читал в рабочем меньшевистском клубе «Новая жизнь» лекции «О социалистической армии»[225]. Меньшевик М. А. Чернов читал в Иваново-Вознесенске лекцию «Война и мир». Он объявлял, что отсутствие материальных возможностей вести войну не доказано. В то же время запутавшийся лектор признавал, что «у русской демократии нет сил, способных остановить натиск германского империализма». И все же Чернов призывал «демократию» в России сопротивляться, чтобы поднять всю «демократию» мира, поддержать Стокгольмскую конференцию правых социал-предателей[226].

Правые эсеры раньше меньшевиков перебазировались в Москву и Поволжье. ЦК этой партии находился в Москве, а основные боевые кадры — в Самаре. Видные деятели партии (И. М. Брушвит, Б. К. Фортунатов, П. Д. Климушкин и др.) выпустили в начале марта декларацию в защиту Учредительного собрания. Они заявляли, что в день его роспуска Советским правительством оно будто бы собиралось вести переговоры (читай: разговоры.— *Д. О.*) о мире. Член исполкома Самарского Совета большевичка С. И. Дерябина справедливо добавляла к этому заявлению: «в согласии с союзниками, т. е. англо-французскими

---

[223] Там же.

[224] Там же, 21 февраля 1918 г.

[225] Там же, 8 марта 1918 г. Вскоре Станкевич за контрреволюционную деятельность был арестован («Известия ЦИК», 23 марта 1918 г.).

[226] «Рабочий край» (Иваново-Вознесенск), 7 марта 1918 г.

империалистами, кои не замедлили бы положить это дело под сукно» [227].

ЦК левых эсеров также активно готовился к срыву ратификации мирного договора. 6 марта М. А. Спиридонова от имени ЦК подписала демагогическую телеграмму во все Советы, в которой высказывалось недоверие к Советской власти, к большевикам. В ней говорилось: «Подписание мира только развязало руки Вильгельму» [228]. Левые эсеры, точно так же как левые меньшевики, называли мир «капитуляцией», а доводы большевиков о необходимости передышки — «капитулянтскими» [229]. Их газета «Знамя труда» 5 марта писала, что «партия революционного социализма не может принять мир», и добавляла: «но не принимать мира еще мало, нужно провалить его» [230]. Некоторые из левых эсеров понимали, что они с их призывами против мира попали в «странное положение», при котором деревня отказывалась их поддерживать. Они замечали, что крестьяне и солдаты в массе своей стоят горой за мир и поддерживают большевиков, и потому внушали себе, что их поддерживает городской пролетариат. Эта иллюзия имела некоторое основание, поскольку им удалось, прикрываясь именем социалистической революции, затуманить сознание отсталых рабочих, но очень ненадолго. Стремясь вернуть былую популярность в деревне, левые эсеры иногда называли «недоразуменьем» обвинение их в том, что они стоят против мира. И. З. Штейнберг заменял слово «война» словом «восстание». В то же время он обвинял большевиков в том, что они, называя себя оборонцами после 25 октября 1917 г., выступали против «обороны». Из партии, претендующей на то, чтобы выражать интересы среднего крестьянина, левые эсеры постепенно превращались в партию злобных врагов Советской власти.

Левые эсеры предсказывали, что массы «отбросят» Брестский договор. Редакция «Известий ЦИК» в этой связи писала: «Мы уверены в обратном. Мы предвидим, что трезвый учет объективных условий момента, фактического соотношения сил и материальных факторов, опре-

---

[227] «Солдат, рабочий и крестьянин», 10 марта 1918 г.
[228] «Известия Ядринского Совета», 8 марта 1918 г.
[229] «Солдат, рабочий и крестьянин», 8 марта 1918 г.
[230] Там же, 5 марта 1918 г.

деляющих развитие революции, подскажет представителям революционных масс (на Всероссийском съезде Советов.— *Д. О.*), что отвержение грабительского договора было бы отчаянным шагом, способным поставить на край гибели русскую революцию». В статье «Мир или война?» П. Керженцев развивал эту мысль так: «Условия, в которых оказалась Советская Россия, сейчас таковы, что совершенно исключается возможность хоть сколько-нибудь успешной военной кампании против Германии в течение ближайших месяцев. Поэтому мир должен быть ратифицирован. Начинать войну, находясь в столь тяжелой обстановке, значит рисковать гибелью цвета революционной России, а именно передовых слоев пролетариата. Такой шаг нельзя оправдать» [231].

«Левые» коммунисты объективно действовали на руку всем этим противникам мира. Меньшевики, например, с радостью констатировали, что «воинственная фронда сверхлевых большевиков» из «Коммуниста» (органа «левых» коммунистов) протестовала против ратификации мирного договора с Германией и ее союзниками. И если все враги мира направляли острие своей критики против большевиков, то некоторые закоренелые «левые» коммунисты со своей стороны им помогали. Так, Радек писал в «Коммунисте», что партия большевиков во главе с Лениным «перестала быть авангардом пролетариата», что Октябрьская революция привела к победе в этой партии «крестьянских тенденций» над «пролетарским социализмом». Меньшевики восторгались этими выступлениями «левых» коммунистов и говорили: «совершенно правильная характеристика», «большевики давно перестали быть представителями рабочего класса из революционных социал-демократов и марксистов» [232].

Однако в рабочей среде положение таких «левых» коммунистов было незавидным. Даже руководители профессиональных организаций рабочих, которые не почувствовали на себе трудностей фронтовой обстановки, как многие рядовые рабочие, успевшие побывать под Псковом и Нарвой, без энтузиазма «заслушали» доклады Д. Рязанова и Ю. Ларина на собрании, созванном Советом профсоюзов Петрограда 9 марта 1918 г. Докладчики говорили

---

[231] «Известия ЦИК», 6 марта 1918 г.
[232] «Новая жизнь», 15 марта 1918 г.

«о задачах рабочего класса в связи с условиями мира». Рязанов призывал рабочих «вести энергичную борьбу против мира во что бы то ни стало». Необходимость такой борьбы он доказывал тем, что условия, подписанные в Брест-Литовске, были тяжелым ударом для рабочего движения в России, «от которого вряд ли рабочий класс сумеет оправиться». Ларин не решился развивать неубедительную фразеологию Рязанова, утомившую рабочих, и «коснулся» совершенно посторонних для темы собрания вопросов, но более понятных — экономического значения эвакуации Петрограда. Но и на этот доклад аудитория реагировала вяло, так как речь в докладе шла о том, как повлияет эвакуация на экономику страны, а не о том, в каком состоянии окажется экономика страны в случае продолжения войны и в какое тяжелое положение попадут эвакуированные рабочие. Даже меньшевистская печать не могла умолчать, что рабочие убедительно возражали докладчикам, что они выступали «в защиту политики народных комиссаров», что они признавали мир несчастным, но при этом говорили, что «при настоящих условиях совершенно нельзя рассчитывать на возможность отпора», что при таком положении «всякий призыв к борьбе является пустой вредной фразой». Рабочие уверяли докладчиков, что мир придется подписать «на еще более тяжелых условиях» [233].

Так логика политической борьбы, логика жизни приводила рабочих и всех трудящихся к пониманию ленинских лозунгов борьбы за мир. Упорствующие в своих взглядах «левые» коммунисты теряли авторитет в глазах рабочих, которые смело вступали с ними в спор и одерживали верх над «грамотными» ораторами. На одном из заводов Петрограда выступили правые эсеры и меньшевики. Они говорили, что Советская власть скомпрометировала себя в глазах «настоящих рабочих». Один из рабочих возразил им так: «Вот мы, настоящие рабочие, всю жизнь работали на буржуев, поддерживаем Советскую власть и не знаем, о каких «настоящих рабочих» вы тут толкуете. Какой настоящий рабочий захочет, чтобы правительство состояло из людей, которые будут управлять нами в союзе с буржуазией, как это было при Керенском? Какие настоящие рабочие хотели бы продолжать эту войну без

[233] «Новая жизнь», 10 марта 1918 г.

конца? ...Настоящая революционная власть — это власть Советов». И когда эсеры и меньшевики опять пытались начать свои унылые речи, со всех сторон поднялся крик: «Довольно! Будет! Ничего хорошего от вас все равно не услышишь! Знаем все!» И «докладчикам» пришлось уйти с собрания [234].

Но так было не только в столицах. На митинге рабочих фабрики в Молотовке Нижегородской губернии 12 марта рабочие отказались верить меньшевикам и эсерам. После выступления большевика Сеньке рабочий Шальнов сказал, что меньшевики и эсеры говорили ложь. Другие рабочие согласились с Шальновым. Они говорили, что русские и немецкие белогвардейцы преследуют одну цель, что необходимо вести беспощадную борьбу и с теми, и с другими, но чтобы победить их всех, надо с немецкими белогвардейцами заключить мир. Рабочие единодушно одобрили политику ЦИК и СНК [235]. Общее собрание профессионального союза строительных рабочих Бузулука Самарской губернии несколько раньше единогласно решило: «Одобряем все действия ЦИК Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Совета Народных Комиссаров. Приветствуем смелую борьбу рабоче-крестьянского правительства с империализмом» [236].

Рабочие не ограничивались репликами докладчикам на собраниях, ораторам на митингах. Они все чаще совершенно самостоятельно выступали с развернутой аргументированной критикой противников мира, писали письма в редакции советских газет, добивались их опубликования. В одном из таких писем за подписью «Е. Р.» указывалось: «прав тов. Ленин, когда он сказал, что если бы у меня было столько дисциплинированных полков, сколько резолюций Совдепов, которые протестуют против мира, я бы покорил всех империалистов всех стран» [237]. Один рабочий в беседе с корреспондентом «Известий Новгородского Совета» резко сказал: «Будь прокляты буржуи-империалисты! Они сначала не верили в нашу силу, думали, что мы просто дурачимся, а как увидели, что в России укрепляется социализм, что нашей буржуазии уже

---

[234] «Красная газета», 23 марта 1918 г.
[235] «Красное знамя» (Нижний Новгород), 15 марта 1918 г.
[236] «Солдат, рабочий и крестьянин», 9 марта 1918 г.
[237] «Солдат, рабочий и крестьянин», 10 марта 1918 г.

песенка спета, так они полезли восстанавливать порядок. Испугались и заразы! Ничего, не уйдут и они от своей судьбы. У них тоже наши товарищи-рабочие ждут не дождутся минуты, когда можно будет свалить буржуазное иго. Сейчас-то они боятся из-за того, что весь мир взбаламучен войной империалистов. Потом, как закончится эта проклятая война, буржуазии всех стран будет подан полный счет за все» [238].

Трудно представить себе бóльшую выдержку, бóльшую веру в победу народного дела!

Из крестьян наиболее активно выступали за мир бывшие фронтовики. Вернувшись с фронта, они застали в деревнях разруху и голод. Вот что писал бывший солдат крестьянин Калужской губернии А. Ахрипкин в газету по поводу причин нежелания демобилизованных немедленно снова направляться на войну, как к тому призывали горе-«социалисты»: «Причина, которая мешает идти российскому солдату на фронт, это — голод, царящий в провинциях, с которого в нашей Калужской и прочих губерниях умирают дети» [239]. Солдаты-фронтовики, попадая в среду отсталых крестьян, а подчас и рабочих, вносили в нее элементы сознательности. Солдат 6-го саперного запасного батальона А. Игнатьев оказался на митинге рабочих железнодорожных мастерских в Великих Луках. Митинг организовали меньшевики. Выступали меньшевик и «странствующий кадет». Говорили о всяких «ужасах», связанных с немецким наступлением, о «спасителе земли русской» — Учредительном собрании. И простой солдат через газету разъяснял отсталым рабочим: «Выходило по ихнему так: соберется Учредительное собрание, и сразу по всей России (а в Великих Луках особенно) начнутся всевозможные чудеса». Собрание незначительным большинством приняло резолюцию о... созыве Учредительного собрания. «Я, очевидец,— писал Игнатьев,— от души жалею несознательных товарищей, не видящих, что есть только два лагеря — буржуазия и пролетариат» [240]. Не удивительно, что меньшевики В. Строев, Н. Суханов и Б. Авилов рьяно выступали против таких солдат. Авилов вещал: «Советов солдатских депу-

---

[238] «Известия Новгородского Совета», 19 марта 1918 г.
[239] «Известия Челябинского Совета», 6 марта 1918 г.
[240] «Красная газета», 7 марта 1918 г.

татов теперь уже нет и быть не может, ибо нет самих солдат»[241].

Голодные крестьяне в преддверии сева и слышать не хотели о войне. Но они понимали, что революционная гражданская война неизбежна, считали необходимым к ней готовиться. 5 марта, например, на сходе крестьян Алексеевской волости Змиевского уезда Харьковской губернии была принята резолюция, одобрявшая политику Совнаркома «в деле заключения сепаратного мира». Крестьяне рассматривали заключение договора как завоевание передышки «для организации хозяйственной жизни России и подготовки к революционной войне». Крестьяне обещали поддержку этой будущей войне «как хлебом, так и вооруженной силой»[242]. Чрезвычайно выразительную антивоенную резолюцию принял 7 марта съезд крестьян Каменского уезда. Вот слова гневного осуждения войны: «Жизнь — драгоценный дар человеку, так как никто в мире не в состоянии возвратить человеку этот дар. Война, смертная казнь и всякое убийство ложатся несмываемым позором на человечество». Крестьяне, отвергая поповские проповеди о «божественном провидении» как о причине войн, писали: «Война — результат неравенства людей». И Октябрьскую революцию, ликвидировавшую это неравенство, они называли самой великой революцией, а Декрет о мире — великим завоеванием Октябрьской революции, «самым истинным движением народной души». «Война должна быть окончена во что бы то ни стало»[243],— так заканчивалась эта резолюция.

Крестьянство, в массе своей глубоко патриотичное, не просто отметало всякую войну. Оно проявляло заботу о новой Красной Армии, способной защитить Советскую власть в случае нового нашествия империалистов. Собрание крестьян Вшельской волости Лужского уезда Петроградской губернии постановило: «Признаем, что [из-] за демобилизации армии у нас не имеется совершенно никакой военной силы, а также усматривая то, что в настоящий критический момент, когда нам угрожает опасность от нападки на нас желающих поработить наш класс трудовой, и ввиду развивающейся классовой борьбы армия

---

[241] «Новая жизнь», 3 марта 1918 г.
[242] «Известия Юга» (Харьков), 8 марта 1918 г.
[243] «Дело революции» (Ново-Николаевск), 20 марта 1918 г.

нам необходима, что армия — тот оплот, на который может опереться наше народное правительство, как для водворения порядка в нашей стране, нарушенного капиталистами и буржуазией, так и [для] устранения опасности от внешних капиталистов и буржуазии, которые, если у нас не будет военной силы, могут свободно задавить наше отечество. Признаем, что социалистическая рабоче-крестьянская армия должна быть немедленно сформирована»[244].

После VII съезда РКП(б) и подведения итогов опроса «Мир или война?» опрос продолжался вплоть до IV Всероссийского съезда Советов. Выборы делегатов на съезд вылились в новый этап этой важнейшей политической кампании. Главной ареной политических споров снова были собрания депутатов Советов, реже — их исполнительных органов.

Решение обсудить вопрос о мире на съезде Советов еще раз подтверждало демократизм советского строя. Суханов вынужден был публично признать безосновательность обвинения в адрес большевиков в том, что они решали этот вопрос «в порядке закулисного партийно-кружкового сговора». Он даже назвал предстоящий съезд всенародным обсуждением[245]. Если учесть еще повсеместное обсуждение вопроса о мире в Советах в связи с выборами делегатов на съезд и разработкой наказов им, то следует констатировать, что так это и было. Мирная политика Советского правительства формулировалась в Советах всей страны.

Бурно протекала политическая борьба в Архангельске. Большевики-ленинцы сумели здесь через 10 дней после поражения одержать победу. 25 февраля 1918 г., как указывалось, руководители губернского и городского Советов (члены исполкомов) от имени всех депутатов высказали Совнаркому свой протест против мира. Но 4 марта, получив сведения о предстоящей ратификации подписанного мира, в Архангельском губернском Совете не спешили подтверждать прежнее решение: на 11 часов утра 7 марта исполком назначил пленум Совета.

За три дня депутаты имели возможность серьезно подготовиться к решению ответственного вопроса. Актив-

---

[244] ГАОРСС ЛО, ф. 720, оп. 1, д. 13, л. 10.
[245] «Новая жизнь», 5 марта 1918 г.

ность была необычайная еще до пленума. Депутаты, не являвшиеся членами фракций, прибыли почти все уже в 10 часов утра. Зал еще был закрыт, народ толпился в коридорах, а эсеры уже вели активную работу. Розданные ими листовки обсуждались. Заседания фракций затянулись на полчаса. Зал оказался переполненным, было много гостей.

На повестке дня стояли только два вопроса: «текущий момент в связи с подписанием мирных условий» и «выборы делегатов на IV съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, имеющий быть 12 марта в Москве» [246].

Обсуждение первого вопроса открыл председатель фракции большевиков Я. А. Тимме. Он сразу заявил, что следует решить, как вести себя представителям Архангельского губернского Совета на IV съезде Советов, напомнив, что на собрании 25 февраля было решено мира не подписывать, и затем добавил: «В последние дни положение сильно изменилось: несмотря на все усилия и все желания, нам не удалось остановить машину Гинденбурга». Это был факт, против которого никто из членов Совета не мог ничего возразить. Докладчик уточнил: призывы к организации сил сопротивления пока не увенчались успехом. Тимме говорил о призывах большевиков. А что же делали другие партии?

Прошедшие 10 дней показали, что особенно сторонники восстановления монархии старались помешать подписанию мира. К ним непосредственно примыкали правые «социалисты». Докладчик отметил, что, ратуя за Учредительное собрание, они смыкались с кадетами и монархистами и вместе с ними не стеснялись никакими средствами в нападках на Совнарком и Ленина. Тимме сказал, что заключение мира есть «воля большинства Советов». Вынесение договора на окончательное утверждение съезда Советов лишь подтверждало это.

Но чью волю выражали противники Советской власти, что конкретного они сделали, чтобы выяснить волю масс? Они говорили о необходимости организации масс на защиту революции, а сами, по словам докладчика, «не стукнули палец о палец в защиту революции». Они продолжали только говорить, что «лучше иметь [единое]

---

[246] «Известия Архангельского Совета», 9 марта 1918 г.

мнение с союзниками, чем с немцами». Они говорили, что большевики предали интересы народов Европы, а сами стали заигрывать с буржуазными националистами оккупированных территорий и соглашались на поддержку предателей. Докладчик напомнил, что большевики вовсе не отказывались от подготовки борьбы против германских империалистов и их слуг — буржуазных националистов. Заключая мир, большевики не теряли главного — Советской власти. «Мы должны подписать мир,— сказал докладчик,— хотя знаем, что условия гибельны, но мы не должны забывать, что условия являются клочком бумажки». И далее: «Мы, как рабочие, проигравшие стачку, подчинимся на время с тем, чтобы затем с новыми силами и в лучших условиях сбросить иго врага».

Правый эсер Н. М. Васич разразился резкой критикой большевистской программы мира. Он пытался опровергнуть утверждение большевиков, что подписание мира выражало мнение большинства Советов, обратил внимание на то, что большинство Советов, высказавшихся за мир, волостные. Васич оспаривал бесспорный факт, что Москва высказалась за мир. Большевик М. С. Новов сказал, что союзники Васича расстреливали Красную гвардию, а не организовывали ее для борьбы с немцами, что сам Васич укрывался от воинской повинности.

Меньшевик Дмитриев высказывался в духе единства «демократии» против... мира, т. е. против Советской власти, поскольку мир был единственной гарантией существования Советской власти. «Нельзя вести войну, но еще более нельзя подписывать такой мир!» — восклицал он. Солдаты, прошедшие через огонь войны и знавшие цену мира, только иронически могли отнестись к такой формуле и поставить вопрос: «Был ли на войне человек, выступавший против мира?» Дмитриев предложил потребовать от Всероссийского съезда Советов пересмотреть мирные условия, не ратифицировать подписанного договора. Он недвусмысленно высказался, что без помощи «союзников» в случае ратификации мира Северный край не сможет существовать экономически. Мир с немцами этот меньшевик предпочитал войне в интересах «союзных» империалистов. Так определялся курс внешней политики. Это было не что иное, как идейное воскрешение керенщины. «Немедленное объединение всей демократии», направленное против власти «отдельной партии», т. е. против

партии большевиков,— так определялся курс внутренней политики.

Сгущая краски вокруг отрицательной характеристики деятельности Советского правительства и предвосхищая одобрение слушателей, новый оратор, «независимый социалист» Лимаров, заявил, что, подписав мир, правительство «подписало вместе с тем свой смертный приговор». И депутаты снова услышали истеричные призывы: «встаньте, воспряньте духом, протрите свои глаза». И дальше: «Россия погибает. Берите оружие». Не обошлось и без напоминания событий 1612 и 1812 гг. «Забыл» оратор только июнь 1917 г., когда лица, подобные ему, оглашали воздух такими же призывами в пользу буржуазии. «Красочно» сравнивал этот оратор поединок «северного вольного медведя» со «спесивой немецкой свиньей» и напоминал о таких средствах войны, как вилы, косы. Уставшая публика попросила перерыва.

После перерыва в выступлениях депутатов повеял свежий ветер. Коротко и трезво говорил рабочий Аксенов: «Никто из нас не скажет, что условия мира приемлемы, но дело в том, что этот мир временный... Глубоко ошибаются те, которые говорят, что запрещается политическая пропаганда. Разве могут какие бы то ни было преграды и препятствия остановить социализм? В условиях (договоре.— *Д. О.*) идет речь о правительственной пропаганде или пропаганде, поддерживаемой правительством». Аргумент противника мира отводился с большой убедительностью. «Здесь говорят о коалиции всей демократии,— продолжал Аксенов,— но разве кто-либо и когда-либо отвергал эту коалицию?» Этим вопросом разбивался любимый довод меньшевиков в агитации против большевиков, якобы раскалывавших демократические силы в борьбе.

Большевик Ф. Ф. Кекис сказал о неизбежности роста международного революционного движения в защиту Советской России после подписания несправедливого со стороны империалистов мира. Большевик А. Г. Зенкович спрашивал, что сделали конкретного сторонники «революционной войны» для ее ведения? «Куда девались меньшевики и социалисты-революционеры, когда началась запись в армию? Записался ли кто-нибудь из них?» Противники мира обвиняли большевиков в том, что они мирным договором разрушили Красную Армию и Красную гвардию. Зенкович отметал этот довод так: «Условия

мира предусматривают разоружение только в оккупированных местностях, а не по всей России».

Меньшевики и эсеры еще надеялись на нетвердость мирных настроений большинства. Когда было объявлено голосование формулы: за утверждение договора или против, они развили большую активность. Для голосования были розданы «записки», в которых следовало прочитать определенные надписи и сделать против них отметки «за» или «против». Среди депутатов оказались неграмотные. Они обращались к грамотным с просьбой «написать записку». Депутат Васильев пытался возразить против такой системы, открывающей путь для обмана, но председатель отвел это возражение. В результате такого голосования за утверждение договора было подано 92 записки, против — 106, трое не заполнили бланки.

Затем последовало голосование списков делегатов от фракции на Всероссийский съезд Советов. Голосовались два противоположных списка — большевистский и меньшевистско-эсеровский объединенный. И тут произошло непредвиденное для саботажников мира: за большевистский список было подано голосов больше, чем за меньшевистско-эсеровский (98 против 94). Раздосадованные противники большевиков вынуждены были признать, что «получилось что-то непонятное»: большинство высказалось против мира, а на съезд выбрано большинство стоящих за подписание мира. Предложение меньшевиков и эсеров реорганизовать Совет, проверить мандаты после состоявшегося голосования уже не могло помочь. Предложение о замене мандатов провалилось при специальном голосовании. Рабочий Аксенов так успокоил опешивших авторов предложения о реорганизации: «При реорганизации правые группы не только не выиграют, но потеряют и то, что имеют теперь» [247].

Обсуждение вопроса о войне и мире в связи с избранием делегатов на Всероссийский съезд Советов, состоявшееся в Архангельском Совете, подробно освещалось в уездной печати. Это не могло не оказать определенного влияния на обсуждение того же вопроса в уездных Советах. Они, как правило, высказывались за мир и посылали на Всероссийский съезд большевиков. III Шенкурский общеуездный съезд крестьянских и солдатских депута-

[247] «Известия Архангельского Совета», 9, 10 и 12 марта 1918 г.

тов, например, вручил своему делегату резолюцию следующего содержания: «Учитывая политические события в голой их действительности как внутри Российской Советской Социально-Федеративной Республики, так равно и в других странах, III уездный крестьянский съезд постановил по вопросу о заключении мира: 1) присоединиться к мнению большинства Центрального Исполнительного Комитета Советов, 2) признать, что только немедленное прекращение войны и заключение хотя бы и тяжкого мира поможет отстоять начавшуюся социальную революцию и интересы бедноты всего мира; 3) объявить населению уезда настоящее постановление и рекомендовать каждому гражданину помогать Советской власти пресекать попытки злонамеренных лиц воспользоваться моментом для действий против этой власти». Под этим постановлением стоял перечень подписей членов президиума съезда: Г. Иванов, Р. Пластина, В. Боговой, И. Боговой, И. Кочетов, С. Лукин [248].

По мере приближения дня открытия Всероссийского съезда еще яснее становилась обстановка в губерниях, прилежащих к центру страны. Горячими были дискуссии в Советах Владимирской губернии. На исход дискуссий в уездных и губернском Советах все сильнее оказывали влияние избиратели и депутаты Советов нижестоящего звена. На собраниях и митингах рабочих, сходах крестьян воля масс получала в резолюциях самое прямое отражение. С этими резолюциями считались депутаты волостных, уездных, городских, районных Советов. Влияние «верхов» и «низов» было взаимное и весьма сильное. Так, на собрании депутатов Мильновского волостного Совета крестьянских и рабочих депутатов, состоявшемся 10 марта 1918 г., начали с того, что зачитали протокол общего собрания граждан волости от 25 февраля 1918 г. Была зачитана и резолюция собрания, одобрявшая мир. Эта резолюция была послана в Совнарком через голову волостного Совета, который тогда уклонился от обсуждения запроса Совнаркома. Теперь волостной Совет признал действия Совнаркома, заключившего мирный договор, правильными [249]. В тот же день «после горячего обсуждения» была принята резолюция о поддержке ЦИК

---

[248] Там же, 14 марта 1918 г.

[249] «Известия Владимирского Совета», 23 марта 1918 г.

и СНК на заседании исполкома Ковровского уездного Совета[250]. Съезд Советов губернии большинством 135 против 12 при 14 воздержавшихся одобрил политику ЦИК и СНК[251].

В южной части Центральной России, в земледельческих губерниях, безусловно поддерживали политику мира. В Орле левый эсер Ковалев, настаивавший на необходимости продолжения войны, первоначально намеченный делегатом на съезд в Москву, в конечном итоге на заседании губернского Совета 9 марта 1918 г. был отстранен; вместо него был послан левый эсер Фомичев, которому была вручена следующая резолюция: «Орловский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов совместно с Цекодором (профессиональной организацией железнодорожников.— *Д. О.*) вместе с пролетариями всей России считает условия мира, продиктованные германскими империалистами русской революции, условиями грабительскими, с которыми никогда не примирится революционный пролетариат и крестьянство России». Но далее: «Австро-германский пролетариат в данный момент оказался слишком слаб, чтобы уже сейчас немедленно свергнуть свои империалистические правительства и безотлагательно прийти на помощь социалистической революции в России. Социалистическая революция в России в данный момент, когда старая армия демобилизована, когда хозяйственная разруха достигла высочайшей степени, вынуждена была принять ультиматум, который поставил ей германский империализм. Советская власть получила тяжелое наследие от царизма и восьмимесячного режима буржуазно-оборонческих правительств. Советская власть не могла и не должна была принять бой с германским империализмом при данном соотношении сил. В интересах как русской, так и международной революции Советская власть обязана была воспользоваться той передышкой, которую может предоставить ей мир, подписанный в Бресте». В резолюции содержалась правильная оценка перспективы революционной войны. В ней говорилось: «Но соотношение сил во всех странах продолжает неуклонно изменяться в сторону революционного пролетариата. Международная революция зреет во всех

---

[250] «Известия Владимирского Совета», 21 марта 1918 г.
[251] Там же, 20 марта 1918 г.

странах, в том числе в Германии и Австрии. Революционная война социалистического пролетариата против империалистических правительств неизбежна».

Орловский Совет дал правильные установки о подготовке войны против интервентов: «Российский пролетариат, этот передовой отряд мировой революции, ни на минуту не прекращает своей подготовки к этой войне. Дело вооружения рабочих и беднейших крестьян должно продолжаться. Сплочение сил и систематическая неуклонная подготовка к предстоящим решающим битвам — такова задача дня». Собрание депутатов Совета выразило «полное свое доверие Совету Народных Комиссаров и ЦИК» и поручило делегату на съезд в Москве «отстаивать правильность позиции Совнаркома и верность положений, принятых и в вопросе о мире» [252].

В Воронеже на заседании губернского Совета 8 марта 1918 г. с докладом выступил член ЦИК большевик И. Я. Врачев. Как очевидец событий, которые произошли в Петрограде и Москве после получения известий о подписании мирного договора, он рассказал о решениях Петроградского и Московского Советов, Московской общегородской конференции большевиков, о том, с каким энтузиазмом там одобрили мир. Докладчик предложил поддержать мир. Ему возражали правый эсер Кондратьев, бундовец Цин и «беспартийный» Слободкин, взывая к Учредительному собранию. Они считали необходимым обсудить вопрос о мире на Учредительном собрании. Председательствовавший член исполкома Совета большевик В. Н. Люблин назвал оппонентов людьми фразы. После прений было внесено три резолюции: большевиков, левых эсеров и бундовцев. Первая собрала 40 голосов, вторая — 15, третья — 5. Совет одобрил решение Президиума ЦИК о созыве Всероссийского съезда Советов, высказался за утверждение мирного договора. «Советская власть должна была воспользоваться той передышкой, которую может предоставить ей мир, подписанный в Бресте»,— решил пленум Совета. На съезд от Воронежской губернии было выбрано четыре делегата: два от большевиков и два от левых эсеров [253].

---

[252] «Орловские известия Советов», 10 марта 1918 г.
[253] «Известия Воронежского Совета», 12 марта 1918 г.

В Пензе к обсуждению вопроса на губернском пленуме Совета готовились тщательно. Вопрос обсуждался во фракциях, где 8 марта были намечены делегаты. На заседании большевистской фракции сначала заговорили о необходимости «священной войны» немедленно. Потом, когда одними были высказаны сомнения в правильности такой политики, а другие просто выступили против нее, настроение изменилось. В принятой резолюции призыв к немедленной священной войне был назван выгодным не только «сторонникам капитала Германии», но и «сторонникам капитала всего мира» [254].

В Советах Поволжья велико было засилье эсеров, но под давлением избирателей, главным образом крестьян, Советы и здесь меняли свой взгляд на «революционную войну». Балаковский Совет Самарской губернии одним из первых заявил: «Российский пролетариат исчерпал свои силы в борьбе за всеобщий мир народов. Свергнуть империалистический капитал, освободить пролетариат Европы без его революционного выступления мы не в силах. Поэтому заключение мира, хотя и тягостного, для нас необходимо. Верим, что европейская революция неминуема» [255]. 10 марта газета «Борьба» вышла с передовой, в которой также давалась оценка мирной политики большевистской партии и Советского правительства. В ней подчеркивалось: «19 февраля (дата принятия первого ультиматума немцев.— *Д. О.*) Совет Народных Комиссаров в вопросе о войне и мире выбрал тот путь, ошибки на котором всегда съезд трудовой России может исправить, ибо состояние мира можно нарушить в любой момент...; объявив же войну, необходимо приложить немало усилий, чтобы ее приостановить». В статье давалась высокая оценка демократической тактики Советского правительства. «Совет Народных Комиссаров, не желая самостоятельно, помимо трудовых масс, давших ему власть, разрешать этот вопрос жизни и смерти страны, избрал самый достойный и единственно верный выход». Высказывалась обоснованная уверенность, что «предстоящий съезд оценит этот шаг избранников трудового народа» [256].

---

[254] «Известия Пензенского Совета», 9 марта 1918 г.
[255] «Солдат, рабочий и крестьянин», 2 марта 1918 г.
[256] «Борьба» (Царицын), 10 марта 1918 г.

Однако Самарский и некоторые другие крупные Советы Поволжья не высказали своего положительного отношения к мирному договору именно в силу указанного засилья в них эсеров и меньшевиков.

В Советах Урала и Донецкого бассейна уже перед Всероссийским съездом Советов определенно склонялись в пользу мира.

В Шадринске Пермской губернии официальное извещение о том, что мирная делегация подписала договор о мире с Германией и что созывается Всероссийский съезд Советов для утверждения договора, было получено в 7 часов утра 8 марта. Президиум исполкома Шадринского Совета народных комиссаров опубликовал в местной газете это извещение, а вместе с ним и воззвание, которое заканчивалось лозунгом: «Да здравствует война с немецкой и русской буржуазией!» Но уже исполком не был единодушен в оценке значения свершившегося факта подписания договора. Он ограничился «избранием» из своей среды пяти делегатов на Всероссийский съезд.

Однако уже на следующий день та же газета вышла с передовой статьей, в которой говорилось: «России нужен мир. Истерзанная, измученная страна не может бороться, ей нужен отдых, ей надо залечивать раны тяжелой бойни. И какой бы ценой ни был куплен мир, его следует приветствовать... Потеря земель и все другие тягчайшие условия при сохранении Советской власти — ничто» [257]. В другой редакционной статье под заголовком «Советская власть и мир» развивалась та же мысль. В ней говорилось, что заключение мира — интернациональный долг российского пролетариата перед лицом мирового пролетариата, ибо Советская республика в России — «очаг мировой социалистической революции». «И нашим товарищам, интернационалистам Запада,— писали в Шадринске,— никогда не придет в голову мысль требовать, чтобы русская революция истекала потоками крови в ожидании той неизбежной, но, может быть, еще далекой минуты, когда придет мировая революция, и чтобы российская революция добровольно обрекала себя на заклание на алтаре мирового империализма» [258].

---

[257] «Крестьянин и рабочий» (Шадринск), 9 марта 1918 г.
[258] Там же.

В уфимской газете 15 марта появилась статья, в которой давалась глубокая и правильная оценка факта подписания сепаратного мира с Германией для судеб социалистической революции в России. «Для русской революции,— говорилось в ней,— несчастный мир — это временное поражение. Русская буржуазия в другом положении. При заключении мира она теряет того союзника, на которого она возлагала за последнее время все свои надежды (на империалистическую Германию.— *Д. О.*)... Теперь буржуазия будет благородно негодовать по поводу согласия на тяжелые условия несчастного мира. Но мы знаем, что ее негодование будет продиктовано не любовью к родине, не заботами о ней, а сожалением о новой сорвавшейся контрреволюционной затее»[259]. Сам факт появления такой статьи в широко распространявшейся местной газете свидетельствовал о серьезном сдвиге в сознании широких масс.

В Оренбурге 12 марта 1918 г. открылся губернский съезд Советов. Со всех концов Оренбургской губернии съехалось до 1 тыс. делегатов. Председателем съезда был избран губернский комиссар большевик С. М. Цвиллинг. Съезд «всецело» одобрил «внешнюю политику центральной Советской власти»[260].

Характерна картина общего «экстренного» собрания Совета рабочих депутатов Енакиевского района Донбасса, состоявшегося 7 марта. На этом собрании меньшевик Мосяков требовал, чтобы делегату на Всероссийский съезд Советов был дан «императивный» мандат с наказом требовать созыва Учредительного собрания. Меньшевик Шур предложил послать такого человека, который мог бы сказать, что вопрос мира может решить «только Учредительное собрание, опирающееся на Советы». Шур полагал, что Советы сами не могут решать вопросы мира и войны. По предложению большевика Доронина собрание отвергло идею императивного мандата. Мосяков был выбран третьим делегатом только после того, как меньшевики заявили, что они не настаивают на требовании Учредительного собрания. Большевики поддержали претензию меньшевиков на представительство, когда последние обещали,

---

[259] «Известия Уфимского губернского Совета народных комиссаров», 15 марта 1918 г.

[260] «Солдат, рабочий и крестьянин», 20 марта 1918 г.

что будут не только на словах, но и на деле участвовать в работе Совета [261]. Бахмутский уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 11 марта принял такую формулу: «Война фактически кончилась» [262]. Из этого видно, что Совет был решительно против продолжения войны.

Накануне Всероссийского съезда Советов за мир высказывались и Советы Сибири. Новониколаевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на пленуме 7 марта по существу поддержал Совнарком и ЦИК. Он заявил, что не считает возможным критиковать Совнарком и ЦИК (буквально: «нападать на» них) за их согласие заключить мир, «вполне понимая, ради чего это согласие было дано». Совет считал, что заключение этого мира «ни на один день не может остановить политической классовой борьбы» [263]. Ачинский Совет Енисейской губернии еще 6 марта решил: «мир на предложенных Германией условиях заключить». Минусинский Совет двум делегатам на съезд дал такой наказ: «Мирный договор утвердить, готовиться к мировой классовой борьбе над капиталом». Мандат подписал председатель Совета Катаев. Киренский Совет Иркутской губернии 11 марта сообщил в ЦИК, что он «высказался против продолжения войны», и поручил Московскому Совету защищать эту его позицию [264].

Советы прифронтовых губерний Белоруссии и северо-запада России продолжали поддерживать мирную политику Советского правительства с прежней настойчивостью, преодолевая сопротивление авантюристов, главным образом левых эсеров. Немалую активность развили и «левые» коммунисты. Так, на заседании Витебского губернского комитета большевиков 7 марта докладчик Крилов «ориентировал» коммунистов на «позицию» московских большевиков, от которой последние в это время отказались. Поддержали Крилова очень немногие. Председатель исполкома уездного и городского Совета Гоба говорил, что «мир необходимо заключить», чтобы «дать стране «отдохнуть». Сторонник ленинской политики Костин в своем

---

[261] «Известия Енакиевского Совета», 14 марта 1918 г.
[262] «Голос труда» (Лисичанск), 7—11 марта 1918 г.
[263] «Дело революции» (Ново-Николаевск), 9 марта 1918 г.
[264] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 12, лл. 31, 36, 49.

выступлении заявил, что «из двух зол надо всегда выбирать меньшее, что необходимо заключить мир». Председатель исполкома губернского Совета старый большевик И. А. Меницкий придерживался мнения, что «подписание мира вовсе не страшно», что этим будет сохранена власть Советов. Крилов, выступив вторично, настаивал на том, что «принятие мира повлечет за собой гибель Советов». В результате собрание поручило выработать резолюцию, положив в ее основу тезис: «Заключение мира во что бы то ни стало» [265]. На пленуме губернского Совета доклад было поручено делать не Крилову, а Костину.

Пленум Витебского губернского Совета состоялся 10 марта. Противники мира сразу перешли в атаку на большевиков, на правительство. Правый эсер Каценеленбоген демагогически подчеркивал «трагическое положение России» и призывал «умереть честно» в войне с германским империализмом. Меньшевик Квасман видел в заключении мира «гибель России» и требовал «защищать великую Россию». Представитель еврейской партии «Серп» Кивин не видел выхода ни в заключении мира, ни в продолжении войны. Спасение он видел в международной конференции «социалистов» в Стокгольме. Левый эсер Никифоров призывал «вести революционную борьбу» с германским империализмом «сейчас, как всегда». Старый большевик-ленинец Б. А. Бреслав авторитетно поддержал докладчика. Он высмеял идею «стокгольмского спасения» революции. «В данный момент нам представляется один исход,— заявил Бреслав,— а именно — заключить мир». Большевистская резолюция о ратификации была принята абсолютным большинством голосов. Крикливая резолюция левых эсеров собрала всего два голоса, резолюция меньшевиков и правых эсеров — 9 [266].

Ленинскую позицию на вопросы войны и мира подтвердил при выборе делегатов на съезд Вологодский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов, председателем которого был Ш. З. Элиава. В наказе делегатам, принятом 10 марта, говорилось, что Совет остается на точке зрения резолюции Совета от 27 февраля. Текст этой резолюции и составлял основное содержание наказа.

---

[265] «Известия Витебских Советов», 12 марта 1918 г.
[266] Там же.

В Старой Руссе Новгородской губернии местный Совет не только одобрил мир, но и организовал общегородской митинг трудящихся, приурочив его ко дню первой годовщины Февральской революции — 12 марта 1918 г. Телеграмма, принятая на этом многолюдном митинге и подписанная по его уполномочию председателем Старорусского Совета Колосовым, была отправлена в Москву в адрес съезда Советов. Она гласила: «Приветствуем IV Чрезвычайный Всероссийский съезд рабочих, крестьян и солдат, олицетворяющих мощь всего трудового народа и трезво правдивый голос наших народных комиссаров, [который] должен быть услышан». Телеграмма заканчивалась простыми словами, выражавшими глубокие чувства и мысли трудящихся масс: «Нам необходима передышка, как воздух. Время революционных фраз должно кануть в бездну. Мир подписать» [267]. Исполком Новгородского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов поручил своему делегату заявить на съезде: «Пусть поймет наш брат — немецкий пролетариат, что русский народ больше не хочет бить друг друга» [268].

Были, конечно, Советы, которые голосовали еще против мирного договора с Германией, давали наказы голосовать против ратификации его на съезде. Но в этом сказались отзвуки начавшейся открытой интервенции Антанты, которая в своем развитии меняла смысл лозунга «революционная война». Обстановка еще не позволяла рвать Брестский договор на том основании, что империалисты Антанты фактически вступили в сделку с империалистами Германии для удушения Советской власти в России, не позволяла потому, что силы Советской власти были слабы. Но вопрос о создании Красной Армии стоял, протесты против Брестского мира со стороны Советов сливались с протестами против действий империалистов обоих лагерей. Советское правительство проявляло необычайную сдержанность, спокойно, с пониманием относясь к этим протестам. Так относилось к ним и подавляющее большинство Советов. Состав и работа Всероссийского съезда Советов это подтвердили.

Какова была тактика противников мира в отношении Всероссийского съезда Советов? Раньше всех выступил за

---

[267] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 18, л. 1; д. 13, л. 36.
[268] «Известия Новгородского Совета», 21 марта 1918 г.

созыв съезда ЦК левых эсеров. Он рассчитывал с помощью съезда не допустить подписания германских условий, аннулировав решение ЦИК о принятии и подписании их. На это же рассчитывали и меньшевики-объединенцы. Поспешные решения о подготовке к съезду стал принимать ЦК этой партии. Набив руку на подготовке фальшивого представительства на Демократическом совещании в сентябре 1917 г., эти, по меткому выражению В. И. Ленина, «герои подлога» и на сей раз пытались «активно подготовить представительство на съезде Советов в Москве» путем различных жульнических махинаций. В проекте телеграммы местным организациям партии, внесенном в протокол ЦК меньшевиков 4 марта, было записано: «При невозможности своевременно прибыть, шлите телеграфом или почтой мандаты в распоряжение ЦК, оставляя пустое место для фамилий, по адресу: Москва, Скобелевская «Дрезден», меньшевикам для ЦК» [268а]. Такой текст был запроектирован для замены представителей местных организаций представителями ЦК. Одновременно меньшевики развернули кампанию в печати за изменение представительства от подлинно демократической части депутатов Советов. Они даже рассчитывали, что им удастся добиться быстрых перевыборов депутатов, чтобы из их числа были исключены солдаты, демобилизованные из армии. Меньшевики упрекали организаторов съезда, что они не опубликовали полного текста договора [269], а только общую часть его [270].

Но все попытки меньшевиков повлиять серьезно на состав съезда не имели успеха. 7 марта известный меньшевик-интернационалист Б. В. Авилов вынужден был написать, что «перевыборы Советов едва ли будут произведены» [271]. Левые меньшевики уже не верили в возможность предупредить ратификацию мирного договора.

Всего на съезде было 1172 делегата с решающим голосом и 80—с совещательным. Из числа делегатов с решающим голосом большевиков было 814, левых эсеров — 238, анархистов — 14, меньшевиков-объединенцев (центровиков) — 24, меньшевиков-интернационали-

---

[268а] ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 44, л. 111.
[269] «Новая жизнь», 10 марта 1918 г.
[270] Там же, 7 марта 1918 г.
[271] Там же.

стов — 16, украинских меньшевиков — 3, беспартийных — 18, эсеров (центровиков) — 15, эсеров-максималистов — 25 [272].

Открытие съезда было назначено на 12 марта. Однако в тот день многие делегаты были приглашены на юбилейное заседание Московского Совета, посвященное годовщине Февральской революции 1917 г. Туда же был приглашен и Ленин. Уже в первом своем выступлении после переезда правительства в Москву на этом заседании он сказал о ратификации мира: «Мы никому не изменяем, мы никого не предаем, мы не отказываем в помощи своим собратиям. Но мы должны будем принять неслыханно тяжелый мир, мы должны будем принять ужасные условия, мы должны будем принять отступление, чтобы выиграть время, пока оно есть, чтобы подошли союзники, а союзники у нас есть. Как ни велика ненависть к империализму, как ни сильно чувство, законное чувство негодования и возмущения против него, мы должны сознавать, что мы теперь оборонцы. Мы не защищаем тайных договоров, мы защищаем социализм, мы защищаем социалистическое отечество» [273].

К 10 часам вечера 13 марта на съезд прибыло 970 делегатов [274]. Это позволило уже вечером 13 марта начать предварительные фракционные совещания большевиков и левых эсеров. На совещании большевиков в равной мере были представлены рабочие, крестьяне, присутствовали солдаты и матросы. С речью о необходимости ратификации мирного договора выступил Ленин [275]. Делегаты промышленных губерний решительно высказались за мир. Они часто связывали это предложение с недостатком продовольствия в городах. Делегат Владимирской губернии говорил: «Вопрос с продовольствием стоит отчаянно. Почти голодаем». Этот же делегат указывал на снижение боевого настроения среди рабочих крупных промышленных центров, возникшего при первых известиях о наступлении немцев. Делегат от Ярославской губернии сказал: «Шаг

---

[272] «Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов». М., 1918, стр. 83.

[273] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 87.

[274] «Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов», стр. 83.

[275] Запись выступления не сохранилась (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 682—683).

Совета Народных Комиссаров правилен. Мы не можем вести войну, когда нет продовольствия, нет денег» [276].

Крестьяне были настроены в пользу мира не менее решительно. Делегат Рязанской губернии рассказывал: «При первых известиях о наступлении мы послали своих агитаторов по волостям, но крестьяне им ответили: «С чем вы будете воевать? Хлеба ведь нет». Делегат Нижегородской губернии подчеркнул, что нежелание крестьян воевать порой объяснялось тем, что они не могли еще усвоить, чем отличается война гражданская от войны империалистической. Однако там, где агитаторы умело это разъясняли крестьянам, они высказывались в защиту социализма. На одном из крестьянских съездов за мир высказалось 250 делегатов, а против — 17. И на том же съезде постановили: «готовиться к войне, вооружаться». Подобные выступления были со стороны делегатов Вологодской, Воронежской, Костромской, Орловской губерний [277].

Крестьяне прифронтовой полосы оказывали слабое содействие формированию добровольческих отрядов. Делегат Витебской губернии говорил: «Мы ездили по деревням с агитацией, но не получили ни одного человека в Красную Армию». Тем более не могла идти речь о мобилизации в старую армию. Делегат одного из соединений, названного 1-й революционной армией, докладывал: «Как ни призывали мы крестьян встать в ряды армии, результатов не было никаких». Солдаты-фронтовики сообщали, что части старой армии, даже из числа сохранивших боевую силу, были далеки от боевого энтузиазма. Делегат 7-й армии Юго-Западного фронта, в которой были части «почти в полном составе», рассказывал, что под Жмеринкой три полка бежали при приближении 600 австрийцев, и заключал: «Боевой людской материал неспособен вести войну» [278].

На состоявшемся перед открытием съезда заседании большевистской фракции 453 человека высказались за ратификацию мирного договора, 36 — против и 8 человек воздержались. В резолюции этого заседания было подчеркнуто, что все большевики «без исключения» стоят на

---

[276] «Известия Советов Москвы и Московской области», 14 марта 1918 г.

[277] Там же.

[278] Там же.

точке зрения обороны социалистического отечества, на необходимости «поднять обороноспособность страны, развив ее мощь» [279]. Это голосование резолюции предопределяло решение съезда, хотя делегаты на съезд еще продолжали прибывать. Такую уверенность вселяло положение во фракции левых эсеров.

В заседании фракции левых эсеров приняли участие народные комиссары И. З. Штейнберг и В. А. Карелин, которые выступили против ратификации договора. Отношение участников этого совещания к ратификации представлялось неопределенным [280]. Многие левые эсеры привезли «императивные мандаты», категорически запрещавшие им голосовать против мира. Число мандатов, запрещавших голосовать в пользу мира, было незначительно. Поэтому речи в пользу договора вызывали полную растерянность среди противников мира.

Тогда на помощь провокаторам войны пришел президент империалистической Америки — организатор уже начавшейся в то время интервенции на севере России, санкционировавший посылку американских войск в Россию против Советской власти. Президент направил в адрес Совнаркома телеграмму. Содержание этой телеграммы было передано «Красной газетой» так: «Телеграмма Вильсона Совету Народных Комиссаров. Президент Соединенных Штатов Вильсон прислал в Совет Народных Комиссаров телеграмму, в которой сообщает, что симпатии американского народа всецело на стороне русского народа. Американские Штаты могут оказать помощь русскому народу и во всяком случае никогда не признают брестских условий мира» [281]. В этом же сообщении говорилось, что телеграмма будет оглашена на съезде. В стенограмме вечернего заседания съезда 14 марта приводится текст телеграммы несколько иного содержания, адресованной непосредственно съезду. Этот текст, зачитанный съезду Я. М. Свердловым, гласил: «Пользуясь съездом Советов, я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия ринула свои вооруженные силы

---

[279] «Известия ЦИК», 14 марта 1918 г.

[280] «Красная газета», 14 марта 1918 г.

[281] Там же. Архивный оригинал телеграммы обнаружить не удалось.

в глубь страны с тем, чтобы помешать борьбе за свободу и уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии. Хотя правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно бы желало оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего съезда, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности обеспечить России снова полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества. Народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы. Вудро Вильсон» [282].

Различие в содержании газетного текста телеграммы и текста, зачитанного Свердловым, не оставляет сомнений в том, что были две телеграммы — одна в Совнарком, а другая съезду. В телеграмме нет прямого указания на Брестский договор, а в газетном изложении говорится об условиях договора, о том, что США никогда не признают их. По точному смыслу стенограммы съезда известный ответ Вильсону, написанный В. И. Лениным, опубликованный 15 марта 1918 г. в «Правде» и включенный впоследствии в собрание сочинений В. И. Ленина, является ответом на телеграмму съезду.

Телеграмма Вильсона съезду может рассматриваться как косвенный (не по прямому адресу) ответ на ноту Советского правительства, переданную 6 марта 1918 г. Троцким Робинсу, которая начиналась так: «В случае, если Всероссийский съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или если германское правительство, нарушив мирный договор, возобновит наступление с целью продолжать свой грабительский набег, или если Советское правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от мирного договора, до или после его ратификации, и возобновить военные действия, во всех этих случаях для военных и политических планов Советской власти в высшей степени важно получить ответ».

---

[282] «Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов», стр. 5.

Далее в ноте следовали вопросы, на которые ожидался ответ [283].

Возникает обоснованное предположение, что телеграмма Вильсона Совнаркому была тем или иным способом перехвачена руководителями фракции левых эсеров съезда, членами Советского правительства Штейнбергом или Карелиным (которые не могли на первом заседании фракции добиться определенного решения против ратификации), чтобы в «закрытом совещании» фракции с помощью этой телеграммы добиться своего.

Вместе с тем в телеграмме Вильсона съезду, несмотря на отсутствие в ней упоминания Брестского договора, можно заметить отрицательное отношение к этому документу. Даже намек на возможность поддержки России в будущем, что разумелось в случае, если не будет ратифицирован договор, был серьезным козырем в руках противников мира на съезде. Подлинный смысл обращения Вильсона к съезду в советской литературе раскрыт правильно [284]. И телеграмма в Совнарком, и обращение к съезду были рассчитаны на срыв ратификации мирного договора.

Собравшись ночью на «закрытое совещание», левые эсеры, подбодренные Вильсоном, «после долгих и страстных прений» большинством в 134 голоса против 8 при 24 воздержавшихся приняли постановление «голосовать против ратификации» [285]. Все другие фракции съезда подготовили проекты резолюций против ратификации договора.

---

[283] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 208—209.

[284] В «Истории гражданской войны в СССР» (т. 3. М., 1957, стр. 120—121) смысл телеграммы съезду трактуется как «лицемерное сочувствие русскому народу» и обещание «помочь России сохранить суверенитет», как такое послание, которое, по расчетам правящих кругов США, должно было «способствовать отказу от ратификации договора». В американских источниках имеются сведения (мемуарного характера) о том, что Советское правительство не получило ответа с обещанием помощи (А. О. Чубарьян. Указ. соч., стр. 210—211). Однако в ходе съезда была получена телеграмма из США от американского правого социалиста («американского Шейдемана», по меткому выражению Свердлова) С. Гомперса: «Мужайтесь, сообщите, чем можем помочь» («Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов», стр. 56; «Красная газета», 16 марта 1918 г.). Эта телеграмма лишний раз подтверждает, что американские империалисты и их «социалистические» подголоски действовали согласованно.

[285] «Красная газета», 15 марта 1918 г.

Вечером 14 марта на съезде выступил В. И. Ленин. Он доказал необходимость ратификации мирного договора [286]. Доклад Ленина был выслушан делегатами с огромным вниманием [287].

Врагам мира не помогло распространение их агитационного материала в пользу войны. Редактор «Американского бюллетеня» Артур Буллард «наводнил съезд» оттисками бюллетеня, в которых говорилось, что американские «социалисты» «ввиду русского опыта решили продолжать войну», рассказывалось о «благодатных» условиях «сотрудничества работодателей и рабочих» в капиталистической Америке и содержался призыв к советским людям последовать американскому опыту, отказаться от социалистических преобразований и воевать [288]. Но съезд Советов единодушно принял ленинский текст ответа Вильсону и его агентам, в котором говорилось: «Ставши нейтральной страной, Российская Советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистической войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся» [289]. Это был достойный ответ вдохновителям военных и политических провокаций, врагам мира и подлинного прогресса.

Днем 15 марта содоклад сделал левый эсер Б. Д. Камков. Он и ряд других ораторов были против договора. Л. Мартов требовал отставки правительства и ведения «священной» войны против Германии под руководством Учредительного собрания. Против договора выступили анархист-«коммунист» А. Ю. Ге и эсер-максималист Н. И. Ривкин. На вечернем заседании 15 марта левый эсер И. З. Штейнберг, пытаясь сыграть на доверии делегатов, назвал договор контрсоветским, пригрозил уходом в от-

---

[286] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 92—121.

[287] «Известия ЦИК», 15 марта 1918 г.

[288] «Известия Советов Москвы и Московской области», 14 марта 1918 г.

[289] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 91.

ставку. Сторонники ратификации мира спокойно реагировали на выступления и реплики против мира. Артем предложил прекратить прения.

После заключительных слов Камкова и Ленина были оглашены проекты резолюций большевиков, левых эсеров, меньшевиков центра (объединенцев), эсеров (правых и центра), меньшевиков-«интернационалистов», анархистов-«коммунистов», эсеров-максималистов. Все резолюции, кроме большевистской, были против договора. После доклада мандатной комиссии состоялось поименное голосование. Итоги голосования были объявлены на утреннем заседании 16 марта. За резолюцию большевиков было подано 784 голоса, против — 261, воздержалось — 115, не голосовало — 84 [290].

Договор о мире с Германией был ратифицирован.

Делегаты съезда голосовали вполне сознательно. Прежде чем голосовать «за», они вникали в каждую деталь мирного договора, задавали дельные вопросы. В. Володарский, член президиума съезда, прочитал много записок по докладу Ленина. «Сотни записок,— писал он.— И все дельные, умные, с ясно поставленными вопросами». Реплики, вопросы и речи меньшевиков и эсеров были очень убоги. Левые эсеры демонстрировали крайнюю непоследовательность, а их решения после голосования об отказе подчиниться договору, о выходе из правительства и одновременно о «всяческой» поддержке его указывали на растерянность и бессилие. Последнее, впрочем, признал Штейнберг, «глубокомысленно» добавив: «Мы презираем это бессилие» [291].

Ничтожную группу воздержавшихся от голосования составляли главным образом «левые» коммунисты. 64 человека из них подписали декларацию по мотивам своего голосования и поручили зачитать ее В. В. Куйбышеву — делегату от Самарского городского Совета.

Съезд признал «образ действий» ВЦИК и Совнаркома правильным. В его постановлении говорилось, что народ, истощивший свои силы в войне, не мог не заключить унизительного мирного договора. Съезд отметил при этом, что

---

[290] «Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов», стр. 64.

[291] «Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот», 20 марта 1918 г.

в своей мирной политике трудовой народ получил от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку, а «корыстно-классовое использование» его сил. Съезд назвал «безусловно правильным» своевременный отказ Советского правительства от подробного обсуждения дополнительных германских притязаний. Съезд провозгласил, что Россия, после того как она предложила мир всем народам без изъятия, «вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран».

Подтвердив, таким образом, принцип мирного сосуществования со всеми странами «без изъятия», съезд сформулировал внешнеполитическую задачу Советской власти так: защита социалистического отечества «против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав»; содействие международному социалистическому движению; обеспечение ускорения движения по пути избавления человечества «от ига капитала и от наемного рабства, к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами» [292].

Важно было, чтобы постановление Всероссийского съезда Советов о ратификации мирного договора немедленно стало известно всей стране. Оно было опубликовано уже в дневном номере газеты «Известия ВЦИК» [293]. Кроме того, секретарь Президиума ВЦИК В. А. Аванесов распорядился отправить сообщение об этом постановлении по военному радиотелеграфу [294].

Заключение мира, его ратификация на съезде, провал лозунга немедленной «революционной войны» не означали отказа от революционной борьбы. Я. М. Свердлов, закрывая съезд, говорил о необходимости развернуть революционную борьбу, готовиться к ней. Он сказал: «Если мы и подписали мирный договор, то это отнюдь не значит лечь спать. Нет, мы не можем ведать ни дня, ни часа, когда придет революционная война, когда всякие обязательства потеряют силу и придется исполнять свой долг». И далее: «Пришло время, когда из пораженцев мы сделались оборонцами. Это потому, что власть теперь в руках пролета-

---

[292] «Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов», стр. 56—57.

[293] Центральный исполнительный комитет Советов (ЦИК) 2-го созыва после переезда в Москву стал именоваться «Всероссийским» (ВЦИК), а газета — «Известия ВЦИК» с 12 марта 1918 г.

[294] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 20, л. 1.

риата, и мы говорим поэтому, что если наше социалистическое отечество в опасности, то все будем защищать его». Свердлов призывал к «подготовлению» этой защиты «в ближайшем будущем» [295].

Съезд прошел по-деловому. Результаты его были огромны. Он выразил мнение большинства Советов.

Едва ли не первым поддержал решение IV Всероссийского съезда Советов о мире II Всеукраинский съезд Советов. Этот съезд открылся 17 марта 1918 г. в 8 часов вечера в Екатеринославе. При обсуждении «политического момента» в тот день на съезде выступил председатель ЦИК Украины Н. А. Скрыпник. Он так разъяснил политику правительства РСФСР: «Возникает теперь вопрос, можем ли мы дальше воевать. Совет Народных Комиссаров при заключении мира исходил из следующих соображений. Чтобы развязать свои руки для борьбы с русской буржуазией, он решается заключить мир с тем, чтобы, собравшись с силами, снова повести борьбу против буржуазии в широком масштабе». Скрыпник изложил позицию ЦИК Украины по этому вопросу: «Мы подписали бы даже тот тяжелый мир, на который согласилась центральная власть, лишь бы не позволить вмешательству Германии в наши внутренние дела». Он предлагал заявить немцам, что Украина согласна «на все тяжелые условия мира» [296]. 21 марта украинский съезд Советов, где среди делегатов левые эсеры и левые украинские социал-демократы преобладали над большевиками, принял резолюцию, в которой сказано: «Чтобы сохранить завоевания социалистической революции, трудящиеся массы Украины на своем II съезде Советов перед лицом всего мира заявляют, что они готовы подписать те тяжелые условия, которые навязываются Украине мирным договором» [297].

Если до IV Всероссийского съезда Советов и в ходе его Самарский губернский Совет не высказал своего положительного отношения к мирному договору, то после съезда он сделал это одним из первых в Поволжье. 20 марта 1918 г. на VI губернском съезде Советов была принята резолюция, предложенная фракцией большевиков и значительной частью фракции левых эсеров, в которой

---

[295] «Известия ВЦИК», 17 марта 1918 г.
[296] «Известия Юга» (Харьков), 22 марта 1918 г.
[297] «Известия Гельсингфорсского Совета», 24 марта 1918 г.

решение Всероссийского съезда Советов называлось «правильным». За эту резолюцию голосовал 131 человек, а за резолюцию максималистов и части левых эсеров, говорившую о «необходимости немедленного объявления революционой войны»,— всего 17 человек [298]. Когда В. В. Куйбышев вернулся 22 марта в Самару и выступил с предложением «немедленного объявления священной войны», против этого заблуждавшегося честного коммуниста на III губернском съезде большевиков выступил «ряд ораторов крестьян и рабочих». Резолюция, предложенная Куйбышевым, называвшая политику большинства партии «ошибочной», собрала в 5 раз меньше голосов, чем резолюция, одобрявшая политику СНК и присоединяющаяся к резолюции VII съезда партии [299]. На Урале происходило то же самое. Позиции противников мира рушились.

Уральский областной съезд Советов в Екатеринбурге одобрил решение Всероссийского съезда. Доклады «по текущему моменту» «в связи с получением известия о ратификации мирного договора» сделали Ф. Голощекин и Е. Преображенский. Уральскому съезду были предложены резолюции большевиков и левых эсеров. В первой говорилось, что Советы Урала «присоединяются» к решению о ратификации и одобряют действия Совнаркома, который «в беспримерно трудной обстановке... вынужден подписать мирный договор». Вторая резолюция требовала не идти на «капитуляцию». Резолюция большевиков была принята 45 делегатами. За резолюцию левых эсеров голосовало 23 делегата [300].

Как бы подводя итог борьбы в Советах за мир, газета «Известия Новгородского Совета» в статье «От редакции» (редактор газеты М. Г. Рошаль) писала: «Вся трудовая Россия, годами стонавшая под бременем войны, потерявшая сотни тысяч своих лучших сыновей, поняла, что это — единственный исход, что каждый час продления войны несет неисчислимые бедствия революции и стране» [301].

---

[298] «Приволжская правда», 22 марта 1918 г.

[299] Там же, 30 марта 1918 г.; «Солдат, рабочий и крестьянин», 31 марта 1918 г.

[300] «Известия Уфимского губернского Совета народных комиссаров», 3 апреля 1918 г.

[301] «Известия Новгородского Совета», 2 апреля 1918 г.

Конечно, были попытки сорвать уже ратифицированный мирный договор, искусственно, диверсионными актами разжечь войну. В этом отношении больше всего старались левые эсеры, используя свои боевые дружины на фронте и в тылу. 16 марта 1918 г. у станции Торошино они произвели несколько выстрелов в немецких солдат. Немцы воспользовались этим, чтобы обвинить Советы в нарушении мирного договора, и потребовали полного очищения десятиверстной полосы вблизи демаркационной линии. Находившийся там левый эсер В. Д. Волков заявил, что руководимые им дружины не должны подчиняться грабительским притязаниям немцев, оказывая им сопротивление. Это было открытое объявление войны... мирному договору со стороны левых эсеров [302].

Советское правительство немедленно пресекло авантюру левых эсеров под Псковом. 18 марта оно опубликовало следующее извещение в газетах: «От Совета Народных Комиссаров. Правительством получено 17 марта сообщение о требовании командующего германскими войсками в Пскове очистить десятиверстную зону перед Псковом. Правительство постановляет: ввиду состоявшегося 16 марта утверждения съездом Советов мирного договора с Германией всякие военные действия безусловно недопустимы. В то же время ввиду выезда демаркационной комиссии десятиверстная зона должна быть очищена. Постановление это подлежит исполнению войсковыми частями, пограничной стражей и местными Советами. Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов» [303].

В связи с этим была упразднена должность верховного главнокомандующего.

Однако мирный договор до конца марта еще не вступал в силу полностью. Вступило в силу только постановление о прекращении военных действий на русско-германском фронте. Это постановление не относилось к Украине, где украинская буржуазия вошла в союз с немецким правительством против украинских Советов и где германские войска продолжали свои «операции» с «согласия» украинской буржуазной Рады.

---

[302] «Красная газета», 20 марта 1918 г.

[303] Там же, 18 марта 1918 г.; «Декреты Советской власти», т. II. М., 1959, стр. 3.

Обмен ратификационными грамотами произошел в Берлине 29 марта 1918 г. Протокол об обмене подписали исполняющий обязанности германского министра по иностранным делам фон Буше и советский уполномоченный П. М. Петров. Договор о мире с германской стороны подписали Гертлинг и Вильгельм.

Мирный договор РСФСР с Германией получил признание всех прогрессивных сил мира. Он встретил положительную оценку со стороны левых социал-демократов Германии. К. Цеткин писала: «русский народ не может, не хочет продолжать войну. Мир ему необходим для сохранения и продолжения революции..., русский народ не может и не должен тратить крови и лишних сил на борьбу с другими странами... При данных обстоятельствах для «Совета» (Совета Народных Комиссаров.— *Д. О.*) не было выбора. Советское правительство было принуждено принять отвергнутые прежде условия мира» [304]. Объективные представители нейтральной части буржуазного мира также начинали понимать, что Брестский мир был большой победой внешней политики Советской власти. Датская газета «Дневные новости» после ратификации мира германским рейхстагом писала: «Советская власть великолепно знает своих врагов и может теперь даже среди них быть названа великолепным дипломатом с широким государственным умом. Россия вышла из состояния войны. Это стоило ей громадных жертв, но еще большим несчастием является само продолжение войны. Это то, что она имеет. То же, чем она себя обязала на будущее, не имеет ровно никакой цены... Два-три месяца, и все может измениться» [305].

Величие победы ленинской партии, Ленина в борьбе за мир не могли не заметить даже меньшевики. «Большевики...— очень смелые люди,— писал меньшевик-«интернационалист». В. Строев.— Они взяли на себя гигантскую работу — прекращение для России империалистической войны». В дальнейших рассуждениях, будучи не в силах преодолеть субъективизм и твердо стать на позиции только что высказанного объективного суждения, Строев «гигантскую работу» именовал в угоду буржуазному миру «отвратительной работой» и скатывался к призыву созвать

---

[304] «Новая жизнь», 21 марта 1918 г.
[305] «Красная газета», 30 марта 1918 г.

«конвент спасения России» — Учредительное собрание[306]. Другой меньшевик этого же толка, В. Базаров, продолжая «идею» Суханова, угрожавшего, что, когда будут опубликованы все условия мира, он «с поличными» будет комментировать неправильность его принятия[307], уже 20 марта, получив возможность комментировать весь текст договора с добавлениями, ничего вразумительного против договора сказать не мог. Наоборот, ему пришлось написать, что догадки против договора были необоснованными, что добавления к договору «редактированы так, что в них, по-видимому, нет каких-либо новых тяжелых покушений на самостоятельность или достояние России по сравнению с теми безмерно тяжелыми и унизительными условиями, которые содержатся в 13 опубликованных ранее пунктах основного текста»[308].

«Левые» критики из среды самих большевиков также «складывали оружие» в борьбе против мира и на местах, и в центре. На чрезвычайной общегородской конференции большевиков Петрограда наиболее упрямая часть «левых» коммунистов (К. Радек и др.) получила сокрушительное поражение. За предложенную ею резолюцию в духе «революционной войны» было подано только 7 голосов, а за мир — 52. Тут же были проведены перевыборы Петроградского комитета партии. Конференция постановила прекратить издание газеты «Коммунист», а органом Петроградской организации признать «Правду», дав ей подзаголовок «Петроградская правда»[309].

Что касается критиков большевиков, стоящих на левом фланге эсеровской партии, формально до сих пор сотрудничавших с большевиками в правительстве, то они решили перенести свою деятельность главным образом в местные Советы. 18 марта 1918 г. лидеры левых эсеров И. З. Штейнберг, В. А. Карелин, Б. Д. Камков и П. П. Прошьян экстренным поездом выехали из Москвы под охраной своих дружинников. В сообщении этот отъезд назывался «довольно конспиративным»[310]. По «точным сведениям» меньшевистских газетчиков, руководители

---

[306] «Новая жизнь», 20 марта 1918 г.
[307] Там же, 10 февраля 1918 г.
[308] Там же, 20 марта 1918 г.
[309] «VII экстренный съезд РКП(б)», стр. 326.
[310] «Новая жизнь», 21 марта 1918 г.

левых эсеров сосредоточивались в Курске для формирования «партизанских», т. е. диверсионных, отрядов с целью совершения провокаций на фронте, подобных тем, которые уже были под Псковом, и грабежей [311].

Но эта «боевая» активность отщепенцев, проигравших в политической борьбе, была ничтожна по сравнению с той политической активностью, которую вызвал в широких массах факт одобрения по всей стране Брестского мирного договора. Авторитет партии большевиков и Советского правительства в глазах миллионов тружеников страны настолько возрос, что жалкие силы, которые левые эсеры намеревались противопоставить Советской власти и делу мира, не представляли серьезного фактора без поддержки извне.

Вырастала политическая активность крестьян и в близких к революционным центрам деревнях, и в самых далеких. Исполком Петроградского губернского Совета крестьянских депутатов командировал в уезды и волости агитаторов для выяснения настроения крестьян. Агитатор Самсонов установил, что крестьяне решительно настроены в пользу мира. 13 марта он выступил на заседании Лисинского волостного Совета Царскосельского уезда с докладом «О текущем моменте, войне, мире и обороне». Крестьянские депутаты одобрили мир, но на вопрос Самсонова об отношении крестьян к сооружению укреплений в пределах волости для обороны постановили: «Возражений и препятствий к сему не иметь». Крестьяне проявили живой интерес к политическим событиям в стране и в мире [312].

26 марта владивостокская газета «Крестьянин и рабочий» опубликовала письмо в редакцию члена объединенного исполкома Владивостокского городского и Приморского областного Советов рабочих и крестьянских депутатов Хромцева непосредственно из деревни. Он писал: «Приехал и не узнал деревни. Раньше деревня спала, теперь жизнь кипит» [313]. Эта же газета опубликовала письмо (не обозначив места и времени его отправки), в котором крестьяне замечали: «Мы, хлеборобы, обещаем все свои силы Совету Народных Комиссаров, ставшему на ре-

---

[311] Там же, 20 марта 1918 г.
[312] ГАОРСС ЛО, ф. 89, оп. 1, д. 1, л. 1.
[313] «Крестьянин и рабочий» (Владивосток), 26 марта 1918 г.

шительный путь достижения мира и устранения разрухи в стране» [314].

Освободившись от влияния воинственной агитации «левых» элементов, рабочие Петрограда, Урала, Донецкого бассейна теперь отдавали все силы укреплению народного хозяйства и подготовке к обороне. 21 марта многолюднейшее собрание рабочих Петроградского металлического завода слушало агитатора-большевика В. Володарского. Оно приняло огромным большинством (при трех против) резолюцию, в которой говорилось: «Вполне одобряем все решения Чрезвычайного съезда Советов и признаем их единственно правильными». И далее: «Мы готовы, все как один, стать по первому зову Петроградского Совета и Совета Народных Комиссаров на защиту Красного Петрограда» [315]. Большевик Ф. Голощекин приехал 21 марта на собрание рабочих Екатеринбургских железнодорожных мастерских. Рабочие одобрили «действия народных комиссаров и подписание мирного договора» и заявили о своей решимости «всеми силами поддерживать Советскую власть и стать грудью на защиту революции, если это потребуется» [316].

Рабочие научились оценивать партии по их делам. Писатель А. С. Серафимович вынес интересные впечатления о митинге рабочих Харьковских паровозных мастерских в конце марта 1918 г. По свидетельству Серафимовича, выступления левых эсеров рабочие встречали сдержанным молчанием, меньшевиков-«интернационалистов» и меньшевиков-оборонцев они стаскивали с трибуны после первых фраз, им не давали говорить, а большевиков, главным образом из своей среды, встречали очень тепло. Контакт между большевистскими ораторами и многотысячными аудиториями рабочих устанавливался с первых минут, и таких ораторов провожали аплодисментами. За меньшевистские резолюции руки поднимали единицы, за большевистские — поднимался «лес рук» [317].

Трудящиеся научились понимать сложную политическую обстановку. Они видели, что империалисты, защищая свои интересы, способны на время объединиться,

---

[314] ГАОРСС ЛО, ф. 89, оп. 1, д. 1, л. 11.
[315] «Красная газета», 22 марта 1918 г.
[316] «Уральский рабочий» (Пермь), 27 марта 1918 г.
[317] «Народная воля» (Елабуга), 28 марта 1918 г.

преодолеть свои противоречия. Уже намерения Антанты оккупировать Север и Дальний Восток России указывали им на то, что у бывших союзников России и у немецких империалистов одинаковые грабительские цели, что не было лучшего способа помешать грабителям объединиться, как заключить с одним из них мир. Сознательные трудящиеся были далеки от понимания мира как прекращения классовой борьбы. «Мир подписан, но этот мир не должен усыпить бдительности нас, часовых Великой революции»,— заявили молодые красноармейцы Обуховского района Петрограда 18 марта 1918 г. Они указывали в своей резолюции: «Крепко сжав оружие, мы вступаем в новую эру классовых войн, и мы готовы уничтожить всех врагов пролетарской революции, откуда бы они ни шли и как бы они ни назывались» [318].

---

[318] «Красная газета», 21 марта 1918 г.

Глава четвертая

БОРЬБА ЗА НОВУЮ ПЕРЕДЫШКУ

Антисоветская политика империалистов

21 февраля 1918 г., когда Советское правительство приняло написанный В. И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности», стало ясно, что германским войскам, начавшим наступление против Советской России, не удастся беспрепятственно подавить Советскую власть в нашей стране. В декрете указывалось, что германские империалисты выполняли «поручение капиталистов всех стран» [1]. Именно это поручение оказалось под угрозой срыва. Поэтому по инициативе американских империалистов Антанта решила создать плацдармы на русской территории высадкой своих войск без всякого согласия Советского правительства. Видимость помощи России для создания «Восточного фронта» против Германии была отброшена. Теперь открыто речь шла об уничтожении Советской России, о взаимодействии империалистов всех стран против нее. В день, когда был принят указанный декрет, Д. Френсис из Петрограда, на который двигались немецкие войска, писал в Вашингтон государственному секретарю Р. Лансингу: «Я серьезно настаиваю на необходимости взять Владивосток под наш контроль, а Мурманск и Архангельск передать под контроль Великобритании и Франции» [2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 357.
[2] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I. М., 1960, стр. 8.

Декрет «Социалистическое отечество в опасности» подтверждал решимость Советского правительства организовать сопротивление немецким империалистам, защиту Советской власти «до последней капли крови» в случае продолжения наступления немцев, а также подписать их условия мира. На следующий день утром декрет был опубликован. Еще через сутки в Петроград прибыл курьер, доставивший с фронта условия, на которых германское правительство соглашалось подписать мирный договор с Советским правительством. В этой связи старшина дипломатического корпуса Френсис пытался вызвать в Петрограде панику сообщением об угрозе вступления немецких войск в город и о решении послов переехать в Вологду. Но и это не поколебало решения ЦИК подписать договор на предъявленных условиях. Империалистам оставалось надеяться на срыв ратификации мира Всероссийским съездом Советов — высшим органом власти. Однако шансов на это было мало. И они решили действовать.

Мир Советской России с Германией меньше всего устраивал империалистов Антанты. Он сохранял Советскую власть и позволял Германии перебросить часть сил из России на Западный фронт. Поэтому, несмотря на то, что победы на Западном фронте еще не было, империалисты решили выделить часть своих сил для интервенции в Советской России, так как считали невозможным откладывать начало открытой войны против нее. Надежды на ликвидацию Советской республики силами германского империализма оказались тщетными. Империалисты Антанты считали, что мирная передышка для России может усилить ее влияние на Западе, что идея мира может овладеть умами солдат и на Западном фронте, сорвать выгодный империалистический передел территории побежденных. Они учитывали также сдвиги, происшедшие в сознании населения России. Сущность их состояла в том, что Советская власть уже не могла опираться на крестьянство в целом и не могла еще перейти к союзу со средним крестьянством.

Разумеется, империалисты кое-где время от времени возвращались к спекуляции «немецкой опасностью» для России и необходимостью «помощи» против этой опасности. Хотя в эту спекуляцию мало кто верил, она была использована при организации вторжений на Севере и Дальнем Востоке страны. 2 марта 1918 г. англо-французское

командование навязало меньшевистско-эсеровскому Совету в Мурманске «словесное соглашение» об оккупации Мурманского края для обороны его от не существовавшей немецкой угрозы. Интервенты получили по этому соглашению «право» высадить десант. Британский адмирал попросил у своего правительства «подкрепления». И немедленно в Мурманск был послан крейсер. 4 марта в Вашингтоне в официальных кругах обсуждались способы скорейшей оккупации Мурманска силами США и Англии. Английский крейсер «Глори» высадил десант 9 марта. Через четыре дня президент США Вильсон демагогически заявил, что желает оказать России помощь против Германии[3]. В Мурманск был отправлен американский крейсер «Олимпия».

15 марта, когда была очевидна неизбежность ратификации в Москве мирного договора с Германией, в Лондоне собралась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии, на которой было решено начать открытую интервенцию и «в Восточной России». Министр Англии А. Бальфур в сообщении правительству США по поводу решений этой конференции писал о необходимости привлечь к интервенции Японию. «Япония,— писал он,— может сейчас сделать в Сибири гораздо больше, чем Франция, Италия, Америка, Великобритания могут сделать в Мурманске и Архангельске»[4]. Бальфур просил правительство США активно поддержать эту программу интервенции. И здесь был использован миф о германской опасности для Сибири со стороны германских военнопленных.

Провокационный слух о массовом вооружении военнопленных в Сибири, распространявшийся прессой Антанты, был опровергнут приглашением официальных лиц Англии и США в Сибирь для осмотра лагерей военнопленных. Однако интервенты организовали новую провокацию для вторжения на Дальний Восток. Это вторжение также было реакцией на выход Германии из войны с Россией. 23 февраля виконт Мотоно в японском парламенте заявил: «В том случае, если мир между Германией и Россией будет фактически заключен, разумеется, что Япония

---

[3] «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 212.
[4] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 11.

сделает наиболее решительные шаги»[5]. Японские империалисты вместе с союзниками искали повод. Английская «Таймс» в корреспонденции от 30 марта подсказывала этот повод. Она намекала, что объединенная интервенция в Сибири может быть вызвана большевистскими «эксцессами» во Владивостоке[6].

Это был сигнал к действию. И действия тут же последовали. «Эксцессы» организовали японские империалисты 4 апреля 1918 г. Они убили двух японцев во Владивостоке. 5 апреля командующий японской эскадрой на этом «основании» приказал высадить десант.

Раскрывая замыслы интервентов, член французской военной миссии в России Ж. Пишон представил из Пекина своему правительству доклад, в котором писал, что интервенция направлена «исключительно против большевиков»[7]. Пишон специально указывал на необходимость объединить антибольшевистские партии и политические группировки в России, «пожирающие одна другую». И далее: «Если мы откажемся признать некоторые чрезвычайные требования отдельных группировок, группировкам этим волей-неволей придется смириться». Расчет интервентов на поддержку со стороны буржуазных и мелкобуржуазных контрреволюционных партий имел основания. «Я уже теперь могу сказать, — свидетельствовал Пишон,— что такая эволюция наблюдается».

Как только Советскому правительству стало известно о заключении интервентами «словесного соглашения» в Мурманске, оно установило телеграфную связь с председателем Мурманского Совета Юрьевым. В. И. Ленин потребовал от Юрьева добиться письменного подтверждения заявления англичан и французов «против возможности оккупации»[8]. Но интервенты считали вопрос решенным, а эсеры и меньшевики, в руках которых оказался исполком Совета, не считали нужным мешать интервентам. Юрьев ссылался на указание Троцкого: «Принять всякое содействие союзных миссий»[9]. Это указание не со-

---

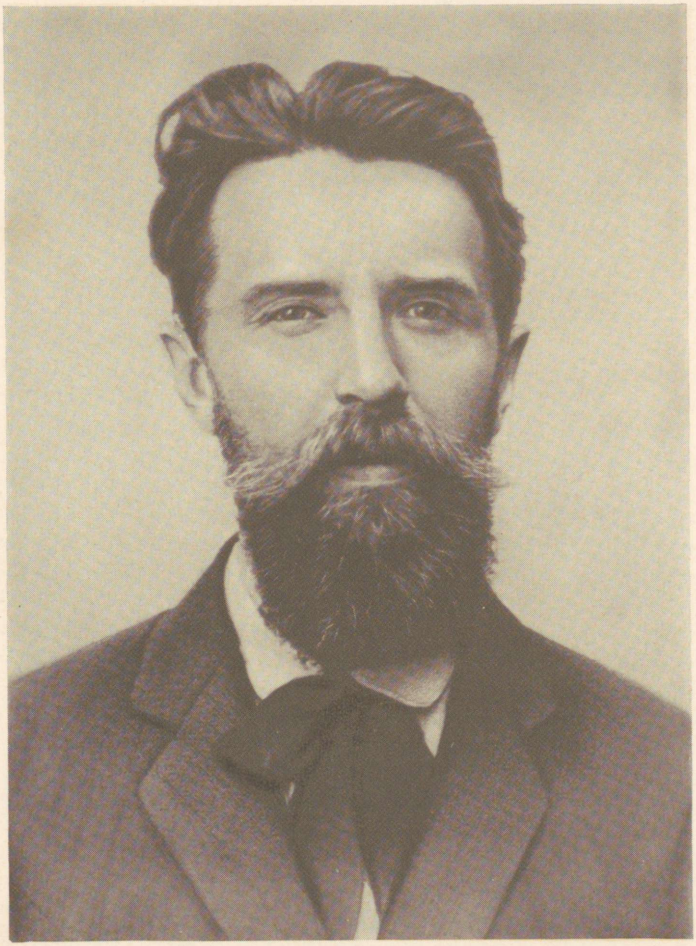
[5] Г. Е. Рейхберг. Японская интервенция на Дальнем Востоке. М., 1935, стр. 27.

[6] Там же, стр. 29.

[7] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 12.

[8] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 221.

[9] М. С. Кедров. Без большевистского руководства. Л., 1930, стр. 28.

В. В. ВОРОВСКИЙ

ответствовало линии ЦК партии большевиков, Ленина о характере помощи, которую Советское правительство могло принимать от «разбойников англо-американского империализма». Речь могла идти только о материальной помощи, но не о согласии на оккупацию советской территории интервентами.

Большевистский ЦК, Советское правительство, Ленин считали своей задачей разоблачать замыслы интервентов перед всеми трудящимися и давать конкретные указания местным властям и партийным организациям об их действиях в связи с интервенцией. В сообщении Советского правительства, опубликованном 5 апреля 1918 г., разоблачался провокационный характер действий интервентов на Дальнем Востоке. Сообщение напоминало, что повод для вторжения интервенты искали давно, что они за несколько недель до вторжения официально заявили, будто бы вооруженные пленные немцы готовились захватить Сибирскую железную дорогу. Когда этот козырь был выбит из их рук, им пришлось искать другой повод. «Ход событий не оставляет никакого места сомнениям в том, что все было заранее подготовлено и что провокационное убийство японцев составляло необходимую часть этой подготовки» [10],— заявляло Советское правительство. Сообщение разоблачало политику меньшевиков и эсеров из городской думы Владивостока, которые приветствовали вооруженное вторжение Японии, называло их слугами русской буржуазии и японских хищников. Советское правительство разъясняло, что империалисты «хотят задушить советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян» [11].

Центральный исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь) в Иркутске объявил всю Сибирь на военном положении. Всем уездным и губернским Советам он предлагал создать военно-революционные штабы для руководства обороной. При Центросибири также был создан центральный штаб. Все, не выполнявшие его распоряжения, подлежали преданию суду. Советы были обязаны немедленно приступить к «усиленной организации Красной Армии» и широко осведомить о плане действий против

---

[10] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 14—15.
[11] Там же.

интервентов все самые глухие углы Сибири [12]. Ленин горячо одобрил эти меры и посоветовал подготовить склады продовольственных и других продуктов для серьезной обороны.

В телеграмме в Иркутск 5 апреля 1918 г. Ленин предупреждал, что никаким заверениям послов Антанты верить нельзя, что «единственной серьезной гарантией является солидная военная подготовка...» [13]. Эту же мысль он повторил в телеграмме Владивостокскому Совету от 7 апреля, в которой писал: «Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники» [14]. Ленин давал указания об организации отступления войск, эвакуации имущества на этот случай. «Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и железнодорожных материалов. Не задавайтесь неосуществимыми целями»,— писал он. От руководителей Владивостокского Совета Ленин потребовал: «Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье». Он требовал также: «Извещайте нас два раза в неделю точно, сколько именно локомотивов и вагонов вывезено, сколько осталось» [15].

В ответ на вопрос Г. В. Чичерина, переданный представителям Антанты 6 апреля 1918 г., Советское правительство, как и предполагал Ленин, получило лживые заверения о том, что японский десант состоялся только «с целью обеспечения жизни и собственности иностранных подданных во Владивостоке» [16]. Комиссариат иностранных дел отдельно опроверг лживые утверждения официальных представителей Японии в Вологде, изображавших события во Владивостоке как заурядный инцидент, вызванный чисто местными условиями [17].

Одновременно с вооруженной интервенцией Антанты вновь обострились взаимоотношения Советской России с Германией.

---

[12] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 13—14.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 56.
[14] Там же, т. 36, стр. 216.
[15] Там же.
[16] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 231—232.
[17] Там же, стр. 233.

Советское правительство, исходя из условий Брестского договора, обязывающего стороны «впредь жить между собой в мире и дружбе», заявило, что оно считает «крайне желательным скорейшее проведение в жизнь постановлений договора о создании русско-германской комиссии для определения пограничных линий» [18]. Но политика кайзеровской Германии в отношении Советской России была противоречивой. Это объяснялось разностью экономических интересов представителей ее господствовавших классов. Крайне агрессивные элементы из «военной партии» (Гофман и др.) считали необходимым немедленно захватить Петроград и Москву. Бóльшая же часть германских лидеров, исходя из требований большинства буржуазии, боялась ввязываться в «большую войну» на Востоке до завершения войны на Западе [19]. Они, конечно, также мечтали о захвате территории Европейской России, о выселении миллионов русских в Сибирь и о поселении на их место немецких колонистов [20], однако не хотели разрыва Брестского договора «на время» [21]. Они надеялись оторгнуть часть территории Советской России (Крым, Донскую область, Кавказ) без войны, захватить русский флот на Черном море и ключевые позиции на подступах к Петрограду, чтобы таким способом добиться ослабления России и свержения Советского правительства. 14 мая 1918 г. эту политику Ленин охарактеризовал так: «Большинство буржуазных партий в Германии в данный момент стоит за соблюдение Брестского мира, но которое, конечно, очень радо «улучшить» его и получить еще несколько аннексий за счет России» [22].

Германское правительство пыталось обвинить Советское правительство в том, что оно уклоняется от заключения мира с Украиной [23]. Но Советское правительство уже сообщило украинской Раде о своей готовности начать переговоры [24], а последняя их саботировала. Переговоры были

---

[18] И. К. Кобляков. Борьба Советского государства за сохранение мира с Германией в период действия Брестского договора (март — декабрь 1918 г.).— «История СССР», 1958, № 4, стр. 4.

[19] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 324.

[20] C. Hilger, A. Meyer. The Incompatible Allies. New York, 1953, p. 191—192.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 322.

[22] Там же, стр. 333.

[23] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 232—233.

[24] «Известия ВЦИК», 9 апреля 1918 г.

назначены на 28 апреля 1918 г. в Курске. В тот же день в Курск прибыла мирная делегация в составе И. В. Сталина, Х. Г. Раковского и Д. З. Мануильского. Ленин следил за передвижением делегации, за ее действиями, стремился добиться быстрейшего начала мирных переговоров. На запрос делегации, когда выедут украинские делегаты, Ленин ответил по прямому проводу о своем намерении послать радиограмму и просить Л. М. Карахана проверить, когда выехал украинский курьер. Ленин советовал мирной делегации послать парламентеров в несколько пунктов украинского фронта под Курском для сообщения о прибытии делегации и для предложения о приостановке военных действий [25]. Вслед за этим Ленин послал телеграмму в Ростов-на-Дону чрезвычайному комиссару Украины, юга России и Северного Кавказа Г. К. Орджоникидзе для главнокомандующего советскими отрядами по борьбе с Калединым и его пособниками на Дону и на Украине В. А. Антонова-Овсеенко с указанием помочь заключению мира с Украиной [26].

Мирные переговоры с Украиной были сорваны разгоном 29 апреля киевской Рады при помощи немецких войск. Власть на Украине перешла к германскому ставленнику гетману Скоропадскому. 2 мая 1918 г. Ленин передал через мирную делегацию в Курске директиву советским войскам не переходить на территорию Украины, разоружать вторгавшиеся на территорию РСФСР войска Скоропадского. 4 и 5 мая Советское правительство вынуждено было запрашивать германское правительство о возможности переговоров с Радой [27]. 5 мая на украинском фронте было заключено перемирие. Ленин тут же известил об этом военные власти в Воронеже, Ростове и Брянске. Германское правительство предъявило претензии на возвращение Черноморского флота из Новороссийска в Крым на том «основании», что отдельные корабли этого флота обстреливали немецкие позиции в Херсоне и Николаеве. В действительности немцы готовились к вторжению в Крым, стремились захватить флот, что и заставило эвакуировать его в Новороссийск.

Захватив Крым, немцы повели наступление на Кавказ.

---

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 66.
[26] Там же, стр. 67.
[27] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 281—283.

6 мая был совершен налет немецкой кавалерии на Ростов. Ленин известил об этом мирную делегацию в Курске [28], но требовал вести переговоры с германским правительством о прекращении военных действий на границах Украины, отъезда делегации в Киев [29]. Настаивая на возвращении Черноморского флота в Севастополь, немцы в то же время ультимативно потребовали от Советского правительства не посылать корабли Балтийского флота на защиту форта Ино, входившего в систему укреплений, прикрывавших Петроград.

Ленин не видел принципиальной разницы в агрессивности империалистов разных стран. Но он считал, что, поскольку империалисты Антанты совершили нападение на социалистическое отечество и разжигали гражданскую войну в нем, им должен быть дан решительный отпор. Империалисты Антанты напали на Советскую республику после подписания мирного договора Советского правительства с правительством империалистической Германии. Антанта ответила агрессией на мирные действия Советской власти. 28 апреля 1918 г. Френсис в Вологде подтвердил, что правительство США не признаёт Брестский мирный договор и объявляет себя «союзником русского народа» [30]. Оборонительная война против таких «союзников» была теперь понятна массам, и Ленин требовал «серьезного отношения к обороне отечества» [31].

Откровенно враждебные цели американских империалистов, провозглашенные Френсисом, не мешали, однако, Ленину откликаться на голоса всех трезво мыслящих американцев, искренне веривших в благородную миссию социалистической России. Член американской миссии Красного Креста Раймонд Робинс, вынужденный покинуть Россию, обратился к Ленину с письмом, в котором выражал благодарность за содействие в работе миссии. Считая, что Советская Россия «разовьется в прочную демократическую державу», Робинс писал Ленину: «Ваша пророческая принципиальность и гениальное руководство позволили Советской власти укрепиться во всей России, и я уверен, что этот новый созидательный орган демократи-

---

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 70—71.
[29] «Ленинский сборник», XVIII, стр. 68, XXXIV, стр. 23.
[30] «Известия ВЦИК», 30 апреля 1918 г.
[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 292.

ческого образа жизни людей вдохновит и двинет вперед дело свободы во всем мире»[32]. Ленин благодарил Робинса за эти слова в адрес России и писал ему через два дня: «Я уверен, что новая демократия, то есть пролетарская демократия, установится во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистическо-капиталистическую систему в Новом и Старом Свете»[33]. 11 мая 1918 г., обращаясь ко «всем Совдепам и советским учреждениям», Ленин просил их «оказывать всяческое содействие беспрепятственному и быстрейшему проезду из Москвы во Владивосток полковнику Робинсу и другим членам американской миссии Красного Креста»[34]. Ленин питал серьезные надежды на бурное развитие социальной революции именно в Америке. Во время беседы с известным американским социалистом Альбертом Рис Вильямсом в мае 1918 г. перед его отъездом в США Владимир Ильич написал американским социалистам-интернационалистам: «Я твердо верю, что в конце концов социальная революция победит во всех цивилизованных странах. Когда она наступит в Америке, она далеко превзойдет русскую революцию»[35].

В связи с претензиями англичан на Мурман и Японии — на Дальний Восток Ленин предлагал пойти на новые уступки германским империалистам, которые предъявили также дополнительные претензии к условиям Брестского договора и уже действовали в соответствии с ними 6 мая 1918 г. ночью на экстренном заседании ЦК партии большевиков обсуждалось требование Германии, захватившей Ростов и оккупировавшей Крым, выдать Черноморский русский военный флот, передать буржуазной Финляндии форт Ино. ЦК принял написанное Лениным постановление: «Немецкому ультиматуму уступить. Английский ультиматум отклонить. (Ибо война против Германии грозит непосредственно бóльшими потерями и бедствиями, чем против Японии)»[36]. В связи с этим постановлением Ленин послал радиограмму советской делегации по перемирию с немцами на границе с Украиной, в которой говорилось: «Ваша политика — изо всех сил

---

[32] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 276.
[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 68.
[34] Там же, стр. 422.
[35] Там же, стр. 86.
[36] Там же, т. 36, стр. 315.

ускорять заключение перемирия и мира, конечно, ценою новых аннексий» [37]. Делегация медлила, ждала гарантий неприкосновенности. Ленин же считал потерю времени в борьбе за мир недопустимой. 8 мая он писал Чичерину: «А не послать ли нам все же *тотчас* делегацию в Киев? По-моему, *послать*. Неразумно ждать формальных гарантий от немцев, ибо фактически их заявление есть гарантия, а потеря времени *вредна нам*, полезна немцам» [38]. В тот же день с ведома Чичерина Ленин телеграфировал секретарю делегации П. А. Зайцеву, начальнику штаба и министру иностраных дел украинского гетманского правительства о подтверждении полномочий делегации и предписании ей вести переговоры «о прекращении военных действий на границах Украины и определения времени и места мирных переговоров» [39].

10 мая вопрос о внешней политике вновь обсуждался в ЦК большевиков. Ленин представил на утверждение проект «Тезисов о современном политическом положении» [40], который явился развитием его идей, одобренных ЦК еще 6 мая. В окончательной редакции тезисы были утверждены 13 мая 1918 г. За тезисы Ленина голосовали все члены ЦК, кроме Г. Я. Сокольникова и И. В. Сталина [41].

Сокольников предлагал совершенно противоположное тому, что предлагал Ленин: «заключить военное соглашение с англо-французской коалицией» против Германии, отказаться от Брестского мирного договора. Предложение Сокольникова практически означало признание, что интервенция Антанты представляет собой помощь в войне с Германией. Оно сводилось к идее использования не только материальных средств, но и войск Антанты, причем уже вторгшихся в нашу страну. Сокольников предлагал изменить внешнюю политику. В первоначальном проекте тезисов, написанных Лениным в связи с этим предложением, указывалось: «Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменяема» [42].

---

[37] Там же, т. 50, стр. 71.
[38] Там же.
[39] Там же, стр. 367—368.
[40] «Ленинский сборник», XI, стр. 76—79.
[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 322—326, 608.
[42] «Ленинский сборник», XI, стр. 78.

ЦК большевиков единодушно отверг резолюцию Сокольникова. Он принял тезисы Ленина. В окончательной редакции тезисов говорилось: «Отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы. мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией, ибо реальную возможность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, т. е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо как полный крах Советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжительное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России» [43]. Пойти на соглашение, к которому призывал Сокольников, тогда означало: вопреки всем мирным намерениям Советской власти снова вступить в войну с Германией.

Реальный взгляд на сложное политическое положение, выработанный коллективным разумом ЦК партии, возглавляемым Лениным, имел решающее значение для ближайших событий. 14 мая 1918 г. Ленин на основании утвержденных Центральным Комитетом тезисов составил план доклада о внешней политике [44] и выступил по этому плану с докладом в тот же день на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета. В этом большом докладе было сделано глубочайшее обобщение национальных и интернациональных задач советской внешней политики, дан бой авантюристам от революции, особенно троцкистам за их неверие в возможность победы социализма в одной стране, за их тактику «разжигания» мирового «пожара». Ленин сказал: «Я знаю, есть, конечно, мудрецы, считающие себя очень умными и даже называющие себя социалистами, которые уверяют, что не следовало брать власти до тех пор, пока не разразится революция во всех странах.

---

[43] «Ленинский сборник», XI, стр. 81.
[44] Там же, стр. 92.

Они не подозревают, что, говоря так, они отходят от революции и переходят на сторону буржуазии. Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе,— это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица. Трудность революции всем известна. Начавшись блестящим успехом в одной из стран, она, может быть, будет переживать мучительные периоды, ибо окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран» [45]. Формулируя главную задачу внешней политики, Ленин говорил: «Наша задача заключается в выдержке и осторожности, мы должны лавировать и отступать, пока к нам не подойдут подкрепления. Переход к этой тактике неизбежен, как бы над ней ни смеялись называющие себя революционерами, но ничего не смыслящие в революции» [46].

Ленин настойчиво разъяснял эту главную задачу советской дипломатии ответственным партийным и советским работникам, призывал их быть твердыми и одновременно осторожными в политике. Когда С. Г. Шаумян сообщил Ленину, что турецкие интервенты, поддерживаемые немецкими, вторглись в Азербайджан, угрожая захватить Баку, а английские империалисты в то же время установили контакт с бакинскими дашнаками, эсерами и меньшевиками с целью использовать их для захвата города, Ленин отвечал Шаумяну: «Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию...» [47] Ленин требовал учиться дипломатии: «*Пока нас* спасают *только* противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: *пока* надо научиться дипломатии» [48]. Это было написано 14 мая 1918 г.— в день указанного заседания ВЦИК и Московского Совета. 10 дней спустя Ленин снова повторил Шаумяну мысль о необходимости серьезной дипломатии: «надо лавировать и *оттягивать* решение (вопроса об удержании Баку.— *Д. О.*), пока не укрепитесь в военном отношении. Трезвый учет и дипломатия для оттяжки — помните это» [49].

---

[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 335.
[46] Там же.
[47] Там же, стр. 73.
[48] Там же, стр. 74.
[49] Там же, стр. 82.

Заседание ВЦИК проходило чрезвычайно бурно. Левый эсер Б. Камков сказал, что Брестский мир «придется нарушить»[50]. Правый эсер М. Коган-Бернштейн призвал к «национальному возрождению» под эгидой Учредительного собрания. Л. Мартов заявил, что он «авансом» не доверяет Советскому правительству на «основании» в действительности ложных слухов о сговоре между ним и Германией по поводу пропуска немецких войск на Мурман. Эта провокационная постановка вопроса была явно рассчитана на оправдание интервенции «союзников» на Мурмане[51].

Большевистская фракция ВЦИК предложила одобрить внешнюю политику Советского правительства. Фракция правых эсеров выдвинула резолюцию, которая намекала на необходимость войны с Германией в блоке с «союзными» империалистами. В этой резолюции утверждалось, что «интересы союзных демократий» требуют «сильной и самостоятельной России», и в угоду этой «демократии» предлагалось «Брестский мир признать недействительным» и «восстановить легкомысленно прерванные большевиками союзные связи». Меньшевики разделили труд с эсерами: они в своей резолюции акцентировали внимание на вопросах внутренней политики, вполне разделяя внешнеполитическую программу эсеров, требуя сбросить «новые цепи» Германии[52].

Председатель ВЦИК Свердлов поставил на голосование предложения трех фракций. Резолюция большевистской фракции была принята «подавляющим большинством голосов». Она гласила: «Заслушав и обсудив доклад председателя Совета Народных Комиссаров тов. В. И. Ленина о внешней политике, соединенное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Московского Совета целиком одобряет политику Советской власти, последовательно проводящую решения и указания IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов»[53].

Провокационные выступления представителей меньшевиков и эсеров (правых и центра) против политики Советов, участие их в контрреволюционных мятежах не могли

---

[50] «Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва». Стенографический отчет. М., 1920, стр. 233.

[51] Там же, стр. 278, 280.

[52] Там же, стр. 291—292.

[53] Там же, стр. 20.

не вызвать негодования среди трудящихся. Учитывая это, ВЦИК 14 июня 1918 г. исключил предателей из своего состава. ВЦИК также рекомендовал «всем Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов удалить представителей этих фракций (меньшевиков и правых эсеров.— *Д. О.*) из своей среды» [54].

Хотя впоследствии, 30 ноября 1918 г. и 26 февраля 1919 г., ВЦИК в связи с поворотом основной части среднего крестьянства в сторону Советской власти и в связи с политикой союза с ним отменил это постановление и тем самым дал возможность меньшевикам и эсерам на деле доказать свое участие в борьбе с контрреволюцией, они оказались не в состоянии стать на революционный путь, чем вызвали к себе еще большее недоверие со стороны широких масс. Непрерывные колебания и продолжавшиеся предательские действия только усилили процесс их самоизоляции. Большевистская партия оставалась после заключения Брестского мира единственной правящей партией и на протяжении всего периода гражданской войны с честью оправдала доверие масс. Правые «социалисты» — провокаторы войны, слуги буржуазии — перешли к подпольной деятельности против Советской власти и потерпели полное поражение. Левые эсеры и меньшевики в основном стали на тот же путь. Такова была особенность политической обстановки в России, являвшейся единственной страной, прокладывавшей путь социализму в мире. Именно в силу этой особой обстановки политическая борьба, в частности вокруг вопроса войны и мира, приняла здесь столь острые формы.

Ленин никогда не отрывал внешней политики от внутренней. В указанном докладе на объединенном заседании ВЦИК и Моссовета он заявил, что «самые глубокие корни внутренней и внешней политики нашего государства определяются экономическими интересами» [55]. Ленин придавал большое значение развитию внешней торговли.

Советское правительство пыталось установить торговые связи с США. Комиссар Главзаграна (специального учреждения России по закупкам за границей) Л. Г. Грузит по поручению Совнаркома посетил в Вологде 26 марта

---

[54] Там же, стр. 37.
[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 327.

1918 г. американского посла Френсиса, который заявил, что Америка будет торговать только при условии, что Советская Россия «будет продолжать войну с Германией, хотя бы нелегально» [56]. Советская миссия в США не была допущена.

Сразу после докладов во ВЦИК о внешней политике и на совещании фракции ВЦИК и Моссовета «О внешней и внутренней политике» [57], сделанных в один день, Ленин написал заместителю наркома торговли и промышленности М. Г. Бронскому письмо с указаниями относительно выступления последнего на совещании русско-германской торговой комиссии по вопросу об условиях возобновления торговых сношений с Германией. «Это,— писал Ленин Бронскому,— директива ЦК и СНК» [58].

15 мая 1918 г. в Москве состоялось совещание указанной комиссии. В состав делегации от РСФСР вошли Г. В. Чичерин и М. Г. Бронский, со стороны Германии — советник Германского посольства К. Рицлер и представители немецких банков и промышленности. Доклад от имени Народного комиссариата торговли и промышленности, просмотренный и одобренный Лениным, делал Бронский.

Тогда же были предприняты новые шаги по развитию экономических связей с США. 14 мая Ленин написал Робинсу письмо с предварительным планом экономических отношений России с Америкой. Этот план был детально разработан в Комиссии по внешней торговле при Комитете хозяйственной политики Высшего Совета Народного Хозяйства РСФСР. 15 мая на заседании Совнаркома обсуждались вопросы национализации русских банков с иностранными вкладами, возможности заключения договоров с капиталистами тех стран, которые не признают Советской власти [59]. И как бы аккумулируя непосредственные задачи внешней политики, Ленин 24 мая в письме на имя советского посла в Германии (А. А. Иоффе) и генерального консула в Берлине (В. Р. Менжинского) ставил два вопроса: по поводу посылки немцам тезисов о концессиях и о необходимости ускорить заключение

---

[56] М. Е. Сонкин. Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917—1921 гг. М., 1964, стр. 29—30.
[57] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 702.
[58] Там же, т. 50, стр. 74.
[59] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 703—704.

мира с Финляндией, Украиной и Турцией [60]. В Киев была послана делегация для ведения переговоров о мире с Украиной [61]. Так, вопросы экономические и политические во внешних сношениях решались в единстве.

Правильную советскую внешнюю политику, проводимую Чичериным, Ленин ставил в ряд основных причин побед Советской власти [62]. 30 мая 1918 г. Чичерин был утвержден народным комиссаром иностранных дел.

Руководствуясь решениями пленума ЦК, Чичерин 22 мая указал Мурманскому Совету: «Никакая местная советская организация не должна обращаться за помощью к одной империалистической коалиции против другой» и добавлял, что Советская республика не должна выступать союзником тех, кто вторгается на советскую землю [63]. Десант вооруженных сил Антанты противоречил нейтралитету России в войне Антанты с Германией, объявленному Брестским договором. 6 июня Ленин и Чичерин вновь потребовали от Мурманского Совета прекращения содействия или благожелательного отношения к нарушающим нейтралитет иностранцам. Ленин сделал последнее предупреждение Юрьеву: «Если Вам до сих пор не угодно понять советской политики, равно враждебной и англичанам и немцам, то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа» [64]. Но Мурманский Совет продолжал самостоятельные переговоры с интервентами. Юрьев подписал 6 июля «временное, по особым обстоятельствам, соглашение» с Англией, Францией и США, которое помогало им расширять интервенцию. За этот предательский акт Советское правительство объявило Юрьева вне закона.

Осуществляя план дальнейшего расширения интервенции, империалисты Антанты организовали взаимодействие своих северных и восточных сил с помощью чехословацкого корпуса. Этот корпус, находящийся в России, состоял из военнопленных австро-венгерской армии. Он начал формироваться еще до Октябрьской революции

---

[60] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 79—84.

[61] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6090; М. И. Труш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963, стр. 133.

[62] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 245.

[63] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 313.

[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 106—107.

под руководством чешского Национального совета в Париже, возглавлявшегося лидерами буржуазных националистов Т. Масариком и Э. Бенешем. К моменту германского нападения на Советскую республику чехословацкий корпус размещался на Украине. В Киеве было отделение указанного Совета, которому официально было предложено подготовить корпус к отправке из России на Западный фронт для участия в войне с Германией. Однако, когда корпус оказался лицом к лицу с немцами в России, ему было приказано избегать столкновения с ними. Командование корпуса заключило с немцами перемирие. 28 февраля 1918 г. Бенеш сообщал Масарику в Киев, что французским миссиям в России дано указание советовать всем чехословацким военнопленным, число которых достигало 200 тыс. человек, вступать в корпус и покинуть территорию, занимаемую немцами, чтобы ждать «удобного момента для военного выступления в России» [65]. Предателям чехословацкого народа удалось втянуть в корпус лишь 50 тыс. военнопленных чехов и словаков.

Разумеется, от рядовых солдат руководители корпуса скрывали свои действительные цели; они маскировались переговорами с советскими властями о переброке корпуса во Францию через Владивосток. Однако до сознания многих солдат доходил подлинный смысл отказа чешских националистов от борьбы с немецким наступлением на Россию. Они глубоко сочувствовали братьям по классу — русским и украинцам. Отражая эти настроения, орган левых чехословацких социалистов «Свобода», издававшийся в Киеве, 21 февраля 1918 г. призывал очистить корпус от буржуазных контрреволюционных элементов и вступить в ряды социалистической армии, воюющей за победу Советской России, так как от победы русских пролетариев зависят счастье и свобода чехов и словаков [66]. Для осуществления этой правильной программы военнопленные чехословаки создали 24 февраля в Киеве Чехословацкий революционный Совет рабочих и солдат. Совет осудил политику руководителей корпуса и призвал солдат не отступать с Украины, а попытаться взять власть

---

[65] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 9.

[66] I. Muška, J. Horec. Účast československe armády v Rusku na imperialistické válce a protisovětské intervenci v letech 1914—1920.— «К úloze československých legií v Rusku». Praha, 1953, str. 42.

в корпусе в свои руки. Он послал в части агитаторов, а на следующий день выпустил первый номер газеты «Известия Чехословацкого революционного Совета рабочих и солдатских депутатов».

Под влиянием агитации наиболее активных левых социалистов среди военнопленных развернулась борьба мнений. Реакционное офицерство и их французские покровители увидели в деятельности левых социалистов опасность распространения в корпусе большевистских идей. Французский военный атташе в Москве генерал Лаверн сообщал несколько дней спустя военному министру: «Чехи кажутся хорошими солдатами, тем не менее командование (корпуса.— *Д.О.*) устранило элементы, которые были заражены большевиками» [67]. Правые социалисты также понимали остроту положения и вступили в бой на стороне реакционеров. 26 февраля они опубликовали воззвание, в котором рекламировали свой отказ от участия в Совете рабочих и солдат. На следующий день они присоединились к воззванию руководителей Национального совета, в котором существование Совета рабочих и солдат объявлялось «недопустимым» [68]. Левые социалисты решили покинуть свои части и вступить в Красную Армию, призвав к этому всех солдат. В течение весны 1918 г. из корпуса ушло около 6 тыс. человек [69].

К концу мая эшелоны с солдатами и офицерами чехословацкого корпуса были растянуты по железным дорогам от Пензы до Владивостока. Создавались благоприятные условия для организации мятежа, так как именно на этом пути повсеместно формировались контрреволюционные отряды. Со стороны Центральной России против них некому было действовать, ибо все наличные силы Советской республики мобилизовывались на борьбу против интервенции с Запада. Тем меньше было возможности оказать организованное сопротивление чехословацким мятежникам после их соединения с контрреволюционными белогвардейскими отрядами. Когда мятеж вспыхнул на огромном пространстве Поволжья, Урала и Сибири, слабое сопротивление мятежникам оказали лишь

---

[67] «Historie a vojenstvi». N 3. Praha, 1963, str, 479.

[68] I. Muska, J. Horec. Указ. соч., стр. 43.

[69] И. Веселы. Чехи и словаки в революционной России 1917—1920 гг., М., 1965, стр. 94.

местные разрозненные силы. Этим только можно объяснить, что мятежникам так быстро и легко дались их «победы». 25 мая они захватили Ново-Николаевск, 26 мая — Челябинск, и после этого — Пензу.

Чехословацкий мятеж поставил Советскую республику в очень тяжелое положение. Силы интервентов вступили во взаимодействие с белогвардейцами и под контролем контрреволюции оказалась бóльшая часть территории страны. Объединение внутренних и внешних сил контрреволюции создало грозную опасность для Советской власти. В. И. Ленин в конце мая 1918 г. дал указание об освещении в советских газетах того факта, что английские, французские, японские империалисты, чехословацкие контрреволюционеры и белогвардейцы вступили в единый блок [70]. В этом блоке левым эсерам принадлежала не последняя роль. В начале июля они сделали попытку захватить власть, арестовать Ленина и других членов правительства. С провокационной целью они убили германского посла в Москве Мирбаха. Этим убийством левые эсеры рассчитывали вызвать растерянность в правительстве и наступление немцев. Провокацию левых эсеров, вполне отвечающую желаниям самых реакционных элементов, даже монархистов, Ленин, еще не располагавший точными данными, охарактеризовал так: «Это явное дело монархистов или тех провокаторов, которые хотят втянуть Россию в войну в интересах англо-французских капиталистов, подкупивших чехословаков» [71]. Эту провокацию, равно как и измену командующего советскими войсками Восточного фронта левого эсера М. А. Муравьева, удалось ликвидировать в зародыше. Однако общая обстановка, военная и политическая, оставалась очень тяжелой.

В конкретных условиях лета 1918 г., когда Украина была оккупирована немцами, а на Северном Кавказе шла ожесточенная борьба с белогвардейцами, потеря Поволжья, Сибири и Урала означала потерю основных жизненных ресурсов страны. Она означала усиление голода и лишений в стране, гибель сотен тысяч рабочих и крестьян. Мятеж чехословацкого корпуса затруднил оборону Северного Кавказа, облегчил формирование здесь дени-

---

[70] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6163; М. И. Труш. Указ. соч., стр. 135.

[71] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 112—113.

кинской армии, затруднил положение защитников Царицына, позволил белогвардейскому генералу Краснову создать с помощью немецких интервентов Донскую армию. Под прикрытием мятежников формировались отряды уральских белоказаков под командованием Дутова, отряды, подчиненные самарскому, екатеринбургскому и омскому «правительствам», банды атамана Семенова на Дальнем Востоке и другие контрреволюционные силы.

Организовав мятеж чехословацкого корпуса, империалисты под предлогом защиты мятежников стали расширять интервенцию. 2 июля 1918 г. в Париже на заседании Верховного военного совета Антанты они решили «установить в подходящий момент контроль над Сибирью»[72]. 6 июля на совещании у президента США Вильсона в Вашингтоне было решено «закрепить позиции во Владивостоке» и оказать содействие чехословакам[73]. Интервенты опубликовали декларации о невмешательстве во внутренние дела России для того, чтобы под флагом «помощи» и «содействия» вмешиваться еще больше. Тысячи японских, американских, английских, французских солдат были высажены летом 1918 г. во Владивостоке.

На севере в начале июля интервенты захватили северную часть Мурманской железной дороги до Кеми. Они расстреляли руководителей Кемского Совета А. А. Каменева, Р. С. Вицупа и П. Н. Малышева только за то, что те назвали изменниками руководителей Мурманского Совета. Интервенты расширяли захваченную ими территорию в направлении Архангельска. 20 июля они высадились на Соловецких островах, захватили Онегу, а 2 августа подошли к Архангельску в тот момент, когда там вспыхнул мятеж. Мятежом руководил английский шпион Чаплин (Томсон). Изменники сформировали «правительство» во главе с «народным социалистом» Н. В. Чайковским.

Одновременно Антанта начала интервенцию на юго-востоке. Английские империалисты, располагавшие войсками в Персии, вторглись в Туркестан и в Закавказье. Их главной целью был захват нефтяного района Баку. Однако достаточных сил здесь они не имели и потому

---

[72] «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. II. Washington, 1932, p. 242.

[73] Там же, стр., 263.

основные надежды возлагали на внутреннюю агентуру: эсеров, меньшевиков и буржуазных националистов. В Баку готовил заговор английский консул майор Макдоннель. Когда заговор был раскрыт, англичане завербовали одного из командиров войск, прикрывавших Баку, Лазаря Бичерахова, который открыл им фронт. 31 июня 1918 г. Советская власть в Баку пала. Эсеры, меньшевики и дашнаки сформировали «правительство», именовавшееся «Диктатурой Центрокаспия». В Туркестане под руководством английского разведчика Ф. Бейли также готовился мятеж. В середине июля в Ашхабаде захватило власть контрреволюционное «правительство», возглавлявшееся эсером Ф. Фунтиковым. Оно распространило свою власть на всю Закаспийскую область. Мятежники жестоко расправлялись с коммунистами. В Мерве они расстреляли наркома Туркестанской республики П. Г. Полторацкого.

Особенно жестокую расправу учинили интервенты над комиссарами — руководителями Бакинской коммуны, захваченными в момент прибытия их в Красноводск из Баку. Интервенты вместе с эсеровскими агентами вывезли 26 бакинских комиссаров за город и расстреляли их в степи. Среди расстрелянных были председатель Совнаркома Бакинской коммуны С. Г. Шаумян и председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района П. А. Джапаридзе.

Империалисты развертывали интервенцию против Советской страны со всех сторон и стремились соединить свои силы в кольцо фронтов. Американский консул в Москве Д. Пуль 26 августа 1918 г. сообщал в Вашингтон Лансингу, что наряду с планом соединения чехословаков с десантными частями на севере был план соединить тех же чехословацких мятежников «с англичанами, идущими из Баку» [74].

Ленин внимательно следил за планами и действиями империалистов. Уже 29 июля 1918 г. он заявил: «Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой» [75]. В то же время Ленин в обстановке тяжелой военной опасности неизмен-

[74] «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. I. Washington, 1931, p. 581.

[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 7—8.

но подчеркивал незыблемость мирных принципов советской внешней политики. Выступая, например, 2 августа на митинге в Бутырском районе в Москве, он говорил: «мы не хотим воевать ни с немцами, ни с англичанами и французами; мы не хотим убивать таких же, как мы сами, таких же рабочих и крестьян. Для нас они не враги» [76]. Однако проводить в этой обстановке «прежнюю» политику по отношению к Антанте Ленин считал также ошибкой [77]. Особенно важным Ленин считал «раскрыть глаза народам» на роль империалистов США в организации антисоветской интервенции, в разжигании гражданской войны в Советской России [78].

В то же время Ленин продолжал отстаивать политику лавирования между двумя враждующими группировками империалистов. Ему приходилось преодолевать «левые» перегибы во внешней политике со стороны некоторых коммунистов, ответственных за дипломатическую работу в Германии, а именно: А. А. Иоффе, Г. Я. Сокольникова, Н. И. Бухарина, Ю. Ломова и К. Радека. Иоффе с апреля 1918 г. был полпредом в Берлине, Радек принимал участие в разработке программы экономических отношений с Германией, а остальные в начале июня были направлены в Берлин для ведения переговоров о заключении экономического соглашения.

В связи с колебанием Иоффе, который считал брестскую политику неоправданной уступкой Германии, помощью германским интервентам, Ленин 3 августа 1918 г. писал ему по этому поводу: «Смешно и называть интервенцией или помощью — то, что мы продолжаем как раз лавирование, предоставляя немцам взять *уже взятое* Антантой и тем затрудняя и оттягивая англо-американо-японское удушение России» [79]. Иоффе вносил дезорганизацию в работу представительства, превышал свои полномочия, пытался умалить права наркома, заставлял Ленина тратить время на улаживание организованных им склок [80]. Радека и остальных Ленин называл «левоглупистами» [81].

---

[76] Там же, стр. 28.
[77] Там же, т. 50, стр. 134.
[78] Там же, стр. 188—191.
[79] Там же, стр. 134.
[80] Там же, стр. 79—80.
[81] Там же, стр. 80.

Создав кольцо фронтов, интервенты пытались консолидировать белогвардейские силы образованием «всероссийского правительства». Но каждое из многочисленных контрреволюционных «правительств» претендовало на роль всероссийского. 23 сентября 1918 г. в Уфе было создано номинальное коалиционное «правительство» — Директория. В связи с этим самарское и екатеринбургское «правительства» прекратили свое существование. Однако омское «правительство» не пожелало уступать своей власти. Директория вынуждена была под натиском Красной Армии перебраться в Омск и впоследствии осталась без власти.

Стремясь возглавить все контрреволюционные силы, интервенты одновременно пытались обезглавить силы революции. Под непосредственным руководством иностранных дипломатов Д. Френсиса и Ж. Нуланса готовилось свержение Советского правительства в начале июля. Еще тогда ими была создана разветвленная тайная агентура, которой руководили консулы Д. Пуль и Л. Гренар. На начало сентября была назначена первая попытка свержения Советского правительства. С целью подготовки повода для переговоров были запланированы убийства советских руководителей. В конце августа, когда часть заговорщиков была арестована, эсер Кенигиссер убил председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. Через несколько часов в Москве эсерка Ф. Каплан ранила Ленина.

Когда велась подготовка к покушению на Ленина, ЦК партии правых эсеров считал особенно желательным, чтобы исполнение покушения было поручено рабочему. По расчетам эсеров это давало им возможность открыто выступить против коммунистов «при поддержке» и рабочих[82]. Однако этот план не удался. Среди рабочих не нашлось такого, который поднял бы руку на Ленина.

Захват Симбирска в конце июля и Казани в начале августа знаменовал собой вершину «побед» империалистов на фронтах гражданской войны в России в 1918 г. Уже 12 августа части Красной Армии перешли под Казанью в контрнаступление. В конце августа противник пытался продвинуться от Казани в направлении Нижнего Новгорода, но потерпел поражение под Свияжском. 5 сентября советские войска перешли в общее наступление на Казань. 12 сентября они освободили родину Лени-

[82] «Покушение на Ленина 30 августа 1918 г.». М., 1924, стр. 125.

на — Симбирск, а 7 октября — Самару. Большое значение имели также успешные оборонительные бои в августе — октябре 1918 г. против интервентов, наступавших от Архангельска по Северной Двине на Котлас.

Гораздо менее организованно велись боевые действия Красной Армии на Северном Кавказе и под Царицыном. Но после того, как на Восточном фронте были достигнуты серьезные успехи, объектом особой заботы партии большевиков и Советского правительства стал Южный фронт. Ленин потребовал «обратить самое усиленное внимание» на укрепление Южного фронта [83].

В начале октября 1918 г. Ленин поставил вопрос о дальнейшем закреплении тактики партии в отношении Антанты и германской коалиции в связи с началом политического кризиса в Германии. Не будучи в состоянии после ранения выступить на собрании, Ленин обратился во ВЦИК и Московский Совет с предложением обсудить его письмо о новом международном положении Советской России. Письмо начиналось словами: «В Германии разразился политический кризис». Суть его состояла в том, что правительство еще не ушло в отставку, но вот-вот могло уйти. Германия была накануне поражения. Английские и французские хищники готовили для нее унизительные условия мира. Освобождающиеся войска они собирались бросить против Советской России. Ленин писал: «Теперь даже самые темные поймут, какую безмерно подлую измену социализму совершили меньшевики и эсеры, идя на союз с грабительской англо-французской буржуазией, ради, будто бы, отмены Брестского мира». Ленин считал недопустимым помогать немецким империалистам попытками нарушить Брестский мир, взорвать его в такой момент, когда внутренние антиимпериалистические силы Германии начинали кипеть и бурлить,— в такой момент, когда представители германской буржуазии начинали оправдываться перед своим народом в заключении такого мира, начинали изыскивать средства «переменить» политику. Ленин требовал «напрячь все силы для помощи немецким рабочим... против англо-французского империализма». И именно в этом письме он поставил задачу увеличения Красной Армии с 1 до 3 млн. человек [84].

[83] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 127.
[84] Там же, стр. 97—99.

Новая обстановка была связана с опасностью усиления интервенции Антанты на юге России. Ленин видел «коренную» разницу положения в октябре 1918 г. по сравнению с положением в феврале того же года. Разница была в том, что в феврале «была возможность выиграть время, отдав землю». Ленин считал, что в новой обстановке такой возможности не было и что в связи с этим значение дипломатической деятельности «умалялось», но отнюдь не исчезло, что дипломатическую работу («дипломатничание») следует продолжать[85].

В первый раз после тяжелого ранения Ленин выступил 22 октября 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. В своем выступлении он дал развернутую характеристику серьезных изменений международного положения. Ленин предупредил, и весьма своевременно, что Советской республике предстоит выдержать новый, значительно более сильный натиск империалистов Антанты, получивших возможность в связи с поражением Германии в войне использовать против России не только новые «свои» силы, но и силы самой Германии. Ленин указывал на вызревание в Германии идей сближения с империалистами Антанты. Изменение международной обстановки было связано с революционной ситуацией в Германии. В начале ноября 1918 г. там произошла революция. Монархия и ее правительство были свергнуты. Новое буржуазное правительство Германии провозгласило республику. Брестский договор, ратифицированный монархической властью, утратил юридическую силу. ВЦИК специальным постановлением 13 ноября аннулировал этот грабительский и аннексионистский договор. Германское правительство заключило перемирие на Западном фронте.

Заключив перемирие с Германией, Антанта приступила немедленно к разработке нового военного плана. План был изложен в записке штаба главного командования союзных войск в Париже. В этой записке рекомендовалось «сохранить положение, достигнутое на Востоке (очевидно на Восточном фронте.— *Д. О.*)», приступить к развертыванию боевых действий с востока, севера и вторгнуться на юге России и Украины через Румынию

[85] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 195.

и Черное море и далее действовать «в сотрудничестве с частями режима порядка, уже объединенными под командованием генералов Краснова и Деникина». Главный удар было решено нанести с юга. Ближайшими целями удара намечались Киев и Харьков, конечной — Москва [86]. Империалисты полагали, что с занятием Киева, Харькова, Воронежа, Курска Москва «падет» и «дальнейшее продвижение примет характер триумфального шествия и торжественных встреч» [87]. Этот план получил уточнение в письме маршала Фоша премьер-министру и военному министру Франции от 20 ноября 1918 г. [88] Империалисты Антанты снова стремились замкнуть кольцо фронтов, разорванное в результате краха германской оккупации на Украине.

В осуществление плана резкого усиления интервенции 23 ноября войска Антанты высадились в Новороссийске, 25 ноября — в Севастополе, 27 ноября — в Одессе. В то же время консолидировались и активизировались белогвардейские силы. На Северном Кавказе и в Донской области начали наступательные операции войска под общим командованием генерала Деникина. В Омске была установлена диктатура адмирала Колчака — палача сибирских крестьян и рабочих. Колчак объявлялся верховным правителем России и верховным главнокомандующим всех белогвардейских сил. Деникин провозглашался заместителем Колчака. Северное областное правительство также возглавил диктатор — генерал Миллер. Началась интервенция Антанты в Прибалтике. 12 декабря 1918 г. в Ревель прибыли первые английские корабли. Руководитель белогвардейских организаций в Гельсингфорсе генерал Юденич просил Антанту привлечь к походу на Петроград русских военнопленных из Германии. Под прикрытием интервентов формировалась белоэстонская армия. На оккупированной территории Литвы и Латвии формировался «добровольческий» немецкий корпус.

Государственным и военным руководителям Антанты казалось, что они застанут Советскую республику врасплох. Но Советская власть за год борьбы приобрела большой опыт. Она нашла силы встретить более сильного врага и дать ему отпор.

---

[86] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 57—58.
[87] Там же, стр. 61.
[88] Там же, стр. 61—62.

Главному командованию Красной Армии было дано указание разработать план военных операций на зимний период, исходя из того, что главная опасность теперь грозила с юга. Этот план был разработан в октябре и тогда же одобрен. Наступление на Южном фронте предполагалось начать 3 ноября 1918 г. Советское командование стремилось организовать разгром войск Краснова до их соединения с войсками Деникина. Однако в боях 8-я и 9-я армии Южного фронта встретились с большими трудностями и потерпели неудачи. На 22 ноября снова было назначено общее наступление. Но сосредоточение войск шло медленно, и в срок наступление начать не удалось. Между тем империалисты Антанты потребовали от Деникина, которому были подчинены теперь и войска Краснова, как можно скорее покончить с сопротивлением Красной Армии на Северном Кавказе, чтобы развернуть наступление против Южного фронта в направлении центра страны.

Усиливая интервенцию, империалисты Антанты создавали как «всероссийские» великодержавно-белогвардейские, так и местные буржуазно-националистические «правительства». Их вполне устраивали противоречия между этими «правительствами». Они исходили из привычного для них принципа: «разделяй и властвуй». Этот же принцип они положили в основу своей политики на Украине. На Ясской конференции представителей Антанты, русских белогвардейцев и украинских националистов в ноябре 1918 г. представитель США первым выступил за признание Украинской директории — буржуазно-националистического украинского правительства.

Утвердившись в середине декабря в Киеве, Украинская директория направила в Одессу для переговоров с военными властями Антанты несколько делегаций, заключила договор с Антантой и деникинским штабом, что она не допустит образования Советов на Украине. Антанта за это должна была «всеми силами поддерживать» директорию[89]. 18 января 1919 г. по указке Антанты директория объявила войну Советской России, пытаясь внушить колеблющимся элементам на Украине и во всем мире мысль о том, что она защищает Украину от рус-

[89] А. В. Лихолат. Разгром буржуазно-националистической директории на Украине. М., 1949, стр. 86.

ских большевиков. Лучшим опровержением этого обмана были признания лидера Директории В. К. Винниченко, сделанные позже: «Мы всю вину приписывали русским большевикам: это они, дескать, шли на Украину со своими войсками и били нас». И далее: «необходимо открыто признать, что если бы против нас не было восстания нашего собственного крестьянства и рабочих, то Российское Советское правительство ничего не смогло бы сделать против нас. И не Российское правительство выгоняло нас с Украины, а наш собственный народ» [90].

Во второй половине января и в начале февраля русскими и украинскими советскими регулярными войсками и партизанами были освобождены Полтава, Лозовая, Павлоград, Екатеринослав, Кременчуг, Чернигов, Нежин. 5 февраля полки героев украинского народа Н. А. Щорса и В. Н. Боженко вступили в Киев. Вслед за этим началась борьба за освобождение Правобережной Украины. Директория пошла на подлое предательство интересов украинского народа в угоду империалистам. В феврале 1919 г. она подписала кабальный договор с Францией, которым передавала ей управление Украиной «в областях: военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной» и выговаривала надежду на «великодушие» Франции при решении впоследствии вопросов «о территориях и нациях» [91].

В конце февраля советские украинские войска подошли к району, оккупированному Антантой на юге Украины. Это предрешило крах агрессивной политики империалистов на этом этапе войны.

Мирная политика Советского правительства

Дипломатические связи Советского государства с внешним миром из-за интервенции были прерваны, но Советская власть боролась за умы людей во всем мире при помощи политики мира.

---

[90] В. Винниченко. Відрождення нації, ч. II. Київ — Відень, 1920, стр. 204.

[91] А. В. Лихолат. Из истории борьбы трудящихся Украины против буржуазно-националистической контрреволюции в 1919 г.— «Вопросы истории», 1959, № 2, стр. 64.

Самый чувствительный удар нанесла первая социалистическая революция империалистам Антанты тем, что лишила их в лице России союзника в грабительской войне. Продажная российская буржуазия готова была объединить усилия со своими союзниками против Советской власти. В середине 1918 г. это объединение стало фактом, но помочь большим количеством войск и оружия империалисты до окончания мировой войны не могли. Силы мирового империализма были расколоты на два воюющих лагеря. Оценивая этот объективный фактор международного положения, Ленин на VI Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов в первую годовщину Октябрьской революции говорил, что «...если нам удалось просуществовать год после Октябрьской революции, то этим мы обязаны тому, что международный империализм был расколот на две группы хищников: англо-французов-американцев и германцев, которые были в мертвой схватке друг с другом, которым было не до нас. Ни одна из этих групп целиком серьезных сил против нас направить не могла...» [92]

Между тем Советское государство, несмотря на поход германских и англо-франко-американских интервентов, захвативших бóльшую часть территории Советской страны, не просто выжило, а значительно укрепилось в течение года. В городе трудящиеся заложили первые основы социалистической промышленности, в деревне рабочий класс с помощью комитетов бедноты поднял бедняков на борьбу с кулаками, привлекая середняков на свою сторону. Улучшилась организация советского аппарата. Успешно создавалась регулярная Красная Армия, которая помогла народам Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии и Литвы освободиться от оккупантов, создать свои советские республики. Росло забастовочное движение в нейтральных странах. В Англии и Франции родилось движение за вывод иностранных войск из России.

Советское правительство сразу после окончания мировой войны подтвердило правительствам Антанты свое желание строить добрососедские и дружественные отношения со всеми государствами и предложило вновь открыть переговоры о заключении мирного договора. Это заявление было сделано в особо торжественной обстанов-

[92] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 157.

ке — на юбилейном съезде Советов. В заявлении говорилось: «Чрезвычайный VI Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов считает своим долгом еще раз перед лицом всего мира заявить ведущим войну против России правительствам Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, Италии и Японии, что в целях прекращения кровопролития съезд предлагает открыть переговоры о заключении мира»[93]. Съезд поручил Совету Народных Комиссаров и Народному комиссариату иностранных дел немедленно предпринять шаги, необходимые для проведения этого решения в жизнь.

Однако эта мирная инициатива Советской власти не встретила поддержки со стороны правительств Запада. Обеспокоенная успехами Советской власти, Антанта предприняла еще больше усилий к тому, чтобы противопоставить советским республикам контрреволюционные силы граничивших с ними буржуазных государств, использовать германские войска и русских белогвардейцев, подкрепляя их военнопленными из Германии. В качестве же ударной силы Антанта решила послать собственные войска, освободившиеся от войны с Германией.

Антанта действовала против советских республик не только вооруженной силой, но и дипломатическими средствами, лишив Россию связей с другими странами. Советский уполномоченный в Лондоне М. М. Литвинов вынужден был выехать в Стокгольм. Из Швейцарии был выслан Я. А. Берзин. 12 ноября 1918 г. Ленин потребовал от швейцарского посла в Петрограде официального документа об этом преднамеренном антисоветском акте[94]. Дипломатическая миссия в Стокгольме оказалась единственным советским представительством за границей. Руководил ею в звании «Полномочного Представителя в Стокгольме» старейший деятель большевистской партии В. В. Воровский[95].

---

[93] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 556.

[94] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 7417; М. И. Труш. Указ. соч., стр. 175.

[95] Воровский получил верительную грамоту о назначении на этот пост 27 июня 1918 г. В этой грамоте, подписанной Лениным, указывалось: «Совет Народных Комиссаров приглашает всех и каждого, которому о том ведать надлежит, признавать его в этом звании, а подлежащие власти оказывать ему зависящее содействие при исполнении возложенных на него обязанностей и предоста-

Народный комиссариат иностранных дел поручил Литвинову «вступить в сношения с правительствами Антанты для подготовки мирных переговоров»[96]. Ленин, придавая большое значение миссии Литвинова, дал указание во все народные комиссариаты о предоставлении ему всех необходимых сведений для заграницы[97]. Литвинову было поручено вести переговоры как по политическим, так и экономическим вопросам. В интервью корреспонденту газеты «Дейли ньюс» А. Рансому советский посол заявил о готовности Советского государства пойти на уступки союзникам в финансово-экономической области. Это интервью оживленно комментировалось английской печатью и способствовало начавшей в то время развиваться оппозиции вмешательству в русские дела.

Однако, несмотря на мирные шаги Советской власти, империалисты усилили интервенцию. В ночь на 16 ноября 1918 г. началось вторжение войск Антанты на юге и юго-востоке страны. В тот же день англо-французская эскадра вошла в Черное море. 17 ноября английский флот вторгся в советскую зону Каспийского моря. 20 ноября британская военная миссия появилась в Тифлисе. Затем войска Антанты высадились в Новороссийске, Севастополе и Одессе. В Батуме англичане высадились 23 декабря 1918 г. В соответствии с договоренностью империалистов о разделении «сфер влияния» в России на Украине размещались французские войска, на Кавказе — английские. Общая численность иностранных войск в России, по данным на 15 февраля 1919 г., составляла 130 тыс. человек[98].

Для закрепления своих позиций в Прибалтике английские империалисты пригласили 5 ноября 1918 г. в Лондон одного из руководителей финской белогвардейщины — генерала Маннергейма. Получив инструкции Ллойд-Джорджа и Черчилля, Маннергейм вернулся в Финляндию. В Эстонии и Латвии германские ставленни-

---

вить ему пользоваться всеми правами, преимуществами и вольностями, каковые принадлежат его званию» («Ленинский сборник», XXXV, стр. 30). Одновременно Воровский был назначен «Полномочным Представителем в Копенгагене» (там же, стр. 30—31).

[96] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 599.

[97] «Ленинский сборник», XXXV, стр. 35.

[98] «Foreign Relations. The Paris Peace Conference. 1919», vol. IV. Washington, 1944, p. 11.

ни К. Пятс и К. Ульманис стали верно служить союзникам. Они вместе с новым правителем Литвы А. Вольдемарасом засыпали правительства Антанты, особенно США, просьбами оставить немецкие войска для борьбы против большевизма. Свои услуги предложил Антанте и генерал Юденич. Посланник США в Швеции А. Моррис обсудил с Юденичем план операций в Прибалтике. Он телеграфировал в Вашингтон: «Наилучшим местом для военных действий против большевиков будут прибалтийские провинции и Финляндия». «Их выдвинутое географическое положение, их порты и железные дороги, их близость к Петрограду» представлялись Моррису очень удобными для интервенции. «Главные порты и города прибалтийских провинций должны быть оккупированы войсками Антанты» [99],— заключал он.

28 ноября 1918 г. английская эскадра в составе многих военных кораблей и транспортов с вооружением и боеприпасами вышла из Копенгагена в Либаву. Началась открытая интервенция Антанты в Прибалтике.

Организуя вооруженный отпор интервентам, Советская власть неуклонно проводила политику мира. 2 декабря 1918 г. Совнарком РСФСР обратился к правительствам Великобритании, Франции, Италии и Соединенных Штатов Америки с нотой протеста, разоблачив агрессивные планы и действия Антанты перед всем миром. В этой ноте был подтвержден принцип мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, который Советская власть неизменно отстаивала в свой внешней политике. В ноте говорилось, что Советская республика настаивает на невмешательстве в ее дела, что она сама и впредь будет «лишь словом и примером влиять на своих братьев — трудящихся в других странах», отнюдь не вмешиваясь в государственную политику каких-либо правительств [100]. Советское правительство подчеркивало, что агрессия Антанты была ответом на советские мирные предложения, и снова подтверждало свое желание заключить мир. «Советская Социалистическая Республика всегда готова, как и раньше, заключить мир» [101] — заканчивалась нота.

---

[99] «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. II, p. 858.
[100] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 594.
[101] Там же, стр. 595.

Империалисты двух вчера еще враждовавших лагерей объединились, чтобы уничтожить в зародыше Советскую власть. Антанта открыто провозгласила, что она не намерена вытеснять германские войска с русской территории, ибо цели Антанты и Германии совпадают. Об этом было сказано в воззвании «К населению Южной России», опубликованном советской печатью 21 ноября 1918 г. Советское правительство в упомянутой ноте от 2 декабря отмечало откровенно контрреволюционный характер политики империалистов. В ней говорилось: «Они заявили, что их (интервентов.— *Д. О.*) войска в тех районах, которые до того были оккупированы немецкими армиями, будут защищать тот же самый социальный порядок, который защищали эти немецкие армии» [102].

Открытое империалистическое нападение на этот раз было совершено без всяких ссылок на необходимость «помощи» своему союзнику в войне с Германией, как это делалось раньше. В декабре 1918 г., когда войска Колчака, захватив Пермь, рвались к Москве, в Париже на совещании руководителей Антанты министр иностранных дел С. Пишон изложил развернутую программу агрессии против советских республик. Он сообщил о данных Жоржем Клемансо французским генералам инструкциях, в которых ставилась цель: обеспечить белогвардейцам абсолютное техническое превосходство над Красной Армией. В телеграмме Клемансо от 21 декабря говорилось: «План союзников заключается в том, чтобы экономически окружить большевиков. Осуществление этого плана будет происходить немедленно» [103].

И тем не менее советское дипломатическое представительство в Стокгольме в декабре еще пыталось добиться непосредственных сношений с правительствами Антанты. 23 декабря 1918 г. Литвинов письменно известил посланников стран Антанты в Швеции, что он уполномочен Советским правительством «войти в предварительные мирные переговоры с представителями союзных держав». 24 декабря Литвинов направил специальную ноту президенту США Вильсону, прибывшему в Лондон. Ссылаясь на заявления, в которых Вильсон официально принимал на себя роль «миротворца», советский предста-

[102] «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 594.
[103] Там же, стр. 600.

витель обращал внимание на ложь и клевету, пущенные в ход дипломатией Антанты против открытой и честной дипломатии Советской России. Вильсону предлагалось самому «прийти к соглашению с Советским правительством, убрать иностранные войска с русской территории и снять экономическую блокаду». Советская нота указывала на возможность экономического сотрудничества Советской России с капиталистическим миром. Это предложение было развито в письме Воровского и Литвинова адвокату верховного суда Норвегии Людвигу Майеру 10 января 1919 г. В письме подчеркивалась готовность Советского правительства «пересмотреть некоторые из своих указов относительно финансовых обязательств России в отношении других стран» [104].

Не отвечая на многократные предложения Советского правительства, империалисты не могли в то же время не оправдываться перед общественным мнением. 12 января 1919 г. правительство США распространило заявление председателя Комиссии по иностранным делам американского сената Г. Хичкока, который объяснял отправку в Россию американских войск «необходимостью» воспрепятствовать созданию в Архангельске германской базы подводных лодок, сохранить склады союзников в Архангельске и Мурманске, держать открытыми пути для отъезда дипломатов и других лиц из России, обеспечить возврат на родину чехословацких военнопленных, не позволить задерживать и использовать германских военнопленных.

Советское правительство обратилось по поводу этого лицемерного заявления с нотой к Лансингу, указав на полную необоснованность мотивов интервенции, особенно после разгрома Германии. Заявление Хичкока было неуклюжей попыткой американских империалистов завуалировать разбойничье нападение и несколько затушевать впечатление от слишком откровенного воззвания «К населению Южной России», подписанного представителем США Гурсом.

Советское правительство отвергало искусственные оправдания американской интервенции. В ноте было указано на конкретные шаги по возвращению на родину всех военнопленных и отмечалось, что отсутствие

---

[104] Там же, стр. 730.

всякого оправдания для пребывания американских войск в России становится предметом критики со стороны самих американцев, в частности со стороны взятых в плен американских солдат. Советское правительство просило Государственный департамент сообщить, «в каком месте и в какое время могут начаться мирные переговоры» [105].

В январе 1919 г. в западноевропейских газетах сообщалось, что Всеобщая конфедерация труда Франции и постоянная административная комиссия Французской объединенной социалистической партии приняли резолюции, с удовлетворением отмечавшие заявления об отказе правительств Антанты от всякого вмешательства в русские дела; в частности, они ссылались на выступление министра иностранных дел Англии Бальфура. В связи с этим Советское правительство заявило, что оно «не видит, чтобы до сих пор этот отказ выразился в действиях», и вновь запрашивало, «скоро ли будут начаты переговоры между правительствами держав Антанты и правительством Российской Советской Республики в целях осуществления сущности этих деклараций» [106].

Не давая официальных ответов на советские ноты, правительства Антанты вынуждены были сделать кое-какие шаги. В частности, они предложили созвать совместную конференцию «политических группировок» России и союзников для заключения перемирия. Вопрос этот возник в связи с подготовкой Парижской конференции о послевоенном устройстве мира. Руководители Антанты решали 2—3 декабря 1918 г. в Лондоне вопрос о том, кого приглашать на эту конференцию от России. Премьер-министр Ллойд-Джордж, которого беспокоило тяжелое военное положение контрреволюционных сил в России, а также поражение английских войск на русском севере, предлагал допустить делегатов Советского правительства, если оно заключит перемирие с белогвардейцами, или, иначе говоря, если Красная Армия приостановит свое наступление. Клемансо резко возражал против этого. В связи с тем, что представитель США отсутствовал, решение тогда принято не было.

---

[105] «Документы внешней политики СССР», т. II. М., 1958, стр. 26.

[106] Там же, стр. 33.

31 декабря 1918 г. этот же вопрос обсуждался на заседании имперского военного кабинета в Лондоне. Военный министр У. Черчилль, сторонник усиления интервенции, рассчитывая приостановить наступление Красной Армии, не возражал против призыва к перемирию. Кабинет поручил Ллойд-Джорджу изложить мнение Великобритании на предстоявшем заседании «совета десяти» Парижской мирной конференции — совета глав правительств и министров иностранных дел США, Англии, Франции, Италии и Японии. 12 января 1919 г. «совет десяти» заслушал просьбу С. Д. Сазонова, Г. Е. Львова и других представителей белогвардейцев в Париже пригласить их на конференцию. Совет решил этот вопрос отрицательно, чтобы открыто не демонстрировать свою связь только с одной из борющихся сторон.

16 января по инициативе Ллойд-Джорджа вопрос о заключении перемирия между борющимися сторонами в России был поднят вновь на «совете десяти». 22 января было принято решение о созыве специальной конференции представителей России и Антанты на Принцевых островах в Мраморном море.

Непосредственное влияние на это решение, кроме упомянутой ноты от 17 января, оказали некоторые дипломатические шаги Советского правительства в период между 14 и 22 января 1919 г. Еще 8 января Вильсон, реагируя на советскую ноту от 24 декабря 1918 г., направил в Стокгольм секретаря американского посольства в Лондоне У. Буклера для переговоров с советским представителем Литвиновым. Переговоры состоялись 14—16 января 1919 г. Тем временем Воровский сообщил в Москву, что руководители Антанты намерены пригласить представителя Советского правительства на мирную конференцию в Париж. 14 января народный комиссар иностранных дел РСФСР Чичерин телеграфировал Воровскому для Литвинова, что Советское правительство готово начать переговоры об аннулировании государственных долгов, так как «принцип аннулирования не носил всеобщего характера». В переговорах с Буклером советский представитель, руководствуясь этой инструкцией, заявил о готовности советской стороны пойти на уступки. 18 января Буклер послал по телеграфу в Париж свой отчет о переговорах. Поскольку в «совете десяти» делались заявления (Ж. Клемансо, В. Орландо), что больше-

визм представляет непосредственную опасность для стран, граничащих с Россией, Буклер писал: «Русские не имеют никаких империалистических планов по отношению к Финляндии, Украине и Польше и хотят только обеспечить этим народам право на самоопределение» [107]. 21 января содержание отчета Буклера, в котором подтверждалась готовность Советского правительства пойти на уступки ради прочного мира, было оглашено Вильсоном «совету десяти».

Вильсон, как и Ллойд-Джордж, допускал, что Советское правительство примет предложение, но надеялся в этом случае добиться установления прочной власти белогвардейцев на занятых ими пространствах России. Клемансо, будучи уверен, что большевики не согласятся сесть за один стол с белогвардейцами и объявят об этом, присоединился к Вильсону и Ллойд-Джорджу в расчете использовать указанное несогласие против Советского правительства. Предложение имело вид обращения «к русским политическим группировкам» и было передано по радиотелеграфу. Но непосредственно к Советскому правительству никто не обращался.

В связи с этим Чичерин 28 января 1919 г. направил Вильсону радиотелеграмму, предупредив его, что отсутствие ответа на предложение Антанты не может быть истолковано как нежелание принять его, поскольку Советское правительство не получило официального приглашения на конференцию [108]. Уже этой радиотелеграммой Советское правительство дало понять, что империалисты стремятся создать впечатление о своих якобы мирных намерениях и ищут предлог для обвинения Советского правительства в срыве конференции. Главной целью обращения было добиться выгодного для войск Антанты временного перемирия. Империалисты уже в то время думали о выводе своих разлагающихся войск из России, о широком использовании военных сил зависимых «малых государств» и «добровольцев» из военнопленных. Свое непосредственное участие в гражданской войне они стремились теперь свести к широкой помощи белогвардейцам оружием, обмундированием, деньгами и т. д.

---

[107] «Foreign Relations. The Paris Peace Conference, 1919», vol. III. Washington, 1943, p. 644.

[108] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 52.

Несмотря на отсутствие письменного прямого приглашения, Советское правительство решило дать положительный ответ правительствам Антанты на их декларацию. Нота от 4 февраля 1919 г., содержащая этот ответ, является замечательным документом. Советское правительство подробно изложило в ней мирные условия. Делая большие уступки, оно не отказывалось от финансовых обязательств по отношению к кредиторам, принадлежавшим к державам Антанты, предлагало гарантировать уплату процентов по займам, изъявляло готовность предоставлять подданным держав Антанты горные, лесные и другие угодья в концессии, готово было вести переговоры о территориальных уступках.

Ленин, принимавший в подготовке ноты непосредственное участие, говорил: «Когда мы ответили согласием на предложение конференции на Принцевых островах, мы знали, что идем на мир чрезвычайно насильнического характера..., что, в сущности, сводилось к аннексии всего, что белыми занято» [109]. Ленин сравнивал условия конференции на Принцевых островах с условиями Брестского мира 1918 г.

Но анализ результатов Брестского мира показывал, что такая аннексия могла быть лишь кратковременной. Учитывая это, Советское правительство шло на временную жертву и теперь. «Русское Советское правительство,— указывалось в ноте,— готово немедленно начать переговоры или на Принцевых островах, или в каком бы то ни было другом месте со всеми державами Согласия (Антанты.— *Д. О.*) совместно или же с отдельными державами из числа их, или же какими-либо российскими политическими группировками согласно желанию держав Согласия» [110]. Такой недвусмысленный ответ лишал империалистов основания обвинять Советское правительство в срыве конференции и разоблачал лживость политики Антанты.

Эта лживость была продемонстрирована также ликвидацией последнего советского представительства в Западной Европе. Послы стран Антанты подготовили разрыв дипломатических отношений Швеции и Дании с Россией. Обстоятельства этого разрыва изложил Воровский

---

[109] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 134, 135.
[110] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 60.

в своем письме к Ленину: «Разрыв дипломатических отношений скандинавскими странами с Советской Россией,— писал Воровский,— подготавливался втайне еще с середины октября прошлого (1918.— *Д. О.*) года. Хотя Швеция, особенно ее торгово-промышленные круги, была существенно заинтересована в поддержании этих отношений, посольства стран Согласия, в частности французское, употребляли все меры, вплоть до угроз, чтобы заставить Швецию порвать отношения с нами и выслать нашу миссию». Первые признаки подготовляемого разрыва обнаружились в середине ноября 1918 г., когда начался массовый выезд шведов из Советской России. Шведское правительство объясняло это решением сократить штаты посольства и консульств «вследствие трудностей продовольствия». И 25 ноября оно все еще заявляло, что «Швеция не собирается порывать с Россией». В начале декабря посольства Антанты ультимативно потребовали от шведского правительства разрыва отношений [111]. 7 декабря министр иностранных дел Швеции вынужден был сказать Воровскому о желательности отъезда советской миссии. 18 января он назначил день выезда миссии. Воровский отклонил ультиматум.

В письме, адресованном шведскому правительству, Воровский связывал его действия с вопросом о конференции на Принцевых островах. «Между правительством Российской Советской республики и правительствами Соединенных Штатов Америки и стран Согласия,— писал Воровский,— происходят переговоры по вопросу о прекращении военных действий. Решение Парижской конференции созвать на Принцевых островах совещание представителей русских политических групп было одним из результатов этих переговоров». Подчеркивая серьезное отношение Советского правительства к этим переговорам, Воровский указывал далее: «В этот решительный час для правительства Российской республики в высокой степени важно, как в его собственных интересах, так и в интересах общего мира, иметь за границей представителя, которого возможно было бы послать повсюду, где это потребует его роль посредника». Давая оценку политике Антанты, стоявшей за спиной шведского правительства, Воровский заключал: «И как раз в этот исторический

[111] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 105, лл. 1, 3, 10.

момент королевское Шведское правительство нашло нужным прервать все сношения [Советской России] с Западной Европой, делая невозможными всякие личные переговоры и способы соглашения» [112].

По тем же причинам параллельно назревал разрыв с Данией. Когда 20 декабря 1918 г. советский представитель в Копенгагене Я. З. Суриц пригласил Воровского для обсуждения положения в связи с высылкой советской дипломатической миссии из Стокгольма, датское правительство не завизировало советскому послу паспорт и задержало членов датской части советской миссии в качестве заложников. Эти действия были опротестованы, и Суриц получил разрешение выехать. Воровский ставил вопрос об оставлении в Стокгольме Литвинова, но совет министров Швеции отклонил это ходатайство. 30 января 1919 г. Воровский и Литвинов выехали из Швеции в Петроград. Таков был результат антисоветской политики Антанты, стремившейся лишить молодую Советскую республику дипломатических средств борьбы за мир.

Однако указанная выше нота Советского правительства от 4 февраля произвела сильное впечатление на Западе, усилив позиции противников интервенции. Газета «Дейли мейл» писала 8 февраля, что ответ Советского правительства сделал атмосферу более ясной.

Тем временем Антанта, опубликовав лживое обращение с призывом к перемирию, немедленно предприняла шаги к вовлечению в интервенцию новых сил, в частности Польши, возглавлявшейся реакционной военной кликой Ю. Пилсудского. Эта клика, захватив после войны власть, начала превращать страну в орудие агрессии. Пилсудский добивался от Антанты поддержки своих притязаний на белорусские, литовские и украинские земли. Антанта дала понять, что польские реакционеры должны заслужить земли на Востоке, и начала усиливать польскую армию. В Польшу было переброшено 70 тыс. польских солдат из Франции. В феврале 1919 г. в Варшаву выехала союзническая военная миссия во главе с бывшим французским послом в России Нулансом для организации военной помощи. По предложению этой миссии начальником штаба польской армии стал французский генерал

[112] Там же, л. 39.

Анри, который начал проводить реорганизацию этой армии.

По поводу всех этих действий империалистов Советское правительство направило 18 февраля 1919 г. ноту правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США, в которой обращало их внимание на вопиющие противоречия между «мирными» предложениями и политикой Антанты в отношении Польши. «Подобное отношение союзных и объединившихся держав не находит себе объяснения,— указывало Советское правительство,— ввиду того, что ими было сделано предложение правительству Российской Советской республики и правительствам соседних советских республик и всем правительствам, существующим на территории бывшей Российской империи»[113]. В отношении самого польского правительства и народа Польши Советское правительство делало все возможное, чтобы развить мирные, в частности торговые, отношения. Ленин дал указание наркому торговли и промышленности Л. Б. Красину «энергично и неустанно» проводить политику установления торговых сношений Советской России с Польшей, извещал об этом указании Чичерина[114].

В связи с советской нотой от 4 февраля 1919 г. Ленину в период с 5 по 20 февраля пришлось принять корреспондента французской буржуазной газеты «Тан» Л. Нодо, английского журналиста А. Рансома и норвежских социалистов М. Пунтервальда и Э. Станга. Он дал им исчерпывающие разъяснения о советской внешней политике, о международном значении Советов, о классовой борьбе, о положении на фронтах гражданской войны[115].

В связи с нотой от 4 февраля «Совет десяти» решил, что, поскольку белогвардейские «правительства» не согласились участвовать в конференции на Принцевых островах, конференция эта не может состояться. Это лишний раз подчеркивало нежелание империалистов прекратить антисоветскую интервенцию. Такая политика усилила движение против интервенции среди народов, ускорила процесс разложения войск Антанты, находившихся в Рос-

---

[113] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 79.

[114] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 8521; Г. Г. Алахвердов. Разложение войск интервентов на севере.— «Вопросы истории», 1960, № 7, стр. 79.

[115] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 187—188.

сии. В ускорении этого процесса огромную роль сыграли победы Красной Армии и партизан.

Империалисты начали искать новые пути обмана трудящихся своих стран. После отказа от созыва конференции на Принцевых островах из Парижа в Москву, по распоряжению президента США, был командирован У. Буллит. Он получил инструкции от американского и английского правительств и должен был вести переговоры с Советским правительством о перемирии. В Лондоне секретарь Ллойд-Джорджа Ф. Керр дал Буллиту записку с условиями перемирия. Эту записку Буллит вручил 8 марта 1919 г. Ленину [116].

В англо-американских условиях перемирия были пункты о «прекращении военных действий на всех фронтах». Один из пунктов гласил: «Все существующие дефакто правительства остаются на занимаемых ими территориях». Вывод союзных войск из пределов Советской республики ставился в зависимость от демобилизации Красной Армии «свыше количества, имеющего быть установленным» [117].

Советская сторона выдвинула в качестве основных два следующих условия: 1) Население, подвластное фактически существующим правительствам, вправе выбирать желательную для него форму управления. 2) Все иностранные войска немедленно выводятся, а белогвардейские войска наряду с советскими сокращаются до мирного положения.

Буллит согласился со всеми поправками и выехал обратно, препроводив согласованный текст договора своему правительству как совершенно секретный документ. Но официального ответа по поводу договора от правительств Антанты также не было получено. В марте началось наступление Колчака. Красная Армия на Восточном фронте отступала. Это породило у империалистов надежду на скорую гибель Советской власти. Буллит свидетельствовал по этому поводу: «Колчак продвинулся вперед на 100 миль, и тотчас же вся парижская пресса подняла шум и крик, объявив, что Колчак должен быть через две недели в Москве; и поэтому в Париже все, к

[116] Там же, стр. 190.

[117] «Гражданская война в Сибири и Северной области». М.— Л., 1927, стр. 422; «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 176.

сожалению, даже и члены американской комиссии (на Парижской конференции.— *Д. О.*), быстро охладели к вопросу о мире в России, ожидая, что Колчак вот-вот вступит в Москву и уничтожит Советское правительство» [118].

Переговоры о перемирии империалисты решили не начинать и на этот раз, а самого Буллита дезавуировали. Вильсон был одним из авторов такого решения. Он запретил публиковать проект договора, присланный Буллитом. Проект ответной декларации Советскому правительству, написанный Буллитом, также было решено не утверждать и не публиковать. Когда Хауз по просьбе Буллита поставил перед Вильсоном вопрос об ответе, Вильсон заявил, что «не может думать о России». 16 апреля Ллойд-Джордж лживо отрекся в парламенте от причастности к посылке Буллита в Москву, а Вильсон реагировал на это молчанием.

Касаясь лжи по поводу миссии Буллита, Ленин писал: «Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть» [119].

Уходя в отставку, Буллит опубликовал письмо, в котором заявил, что он «вместе с миллионами людей всех народов глубоко верил в мирную миссию Америки», но потом политика американского правительства убедила его, что оно меньше всего думает о благе мира, а также о благе своего собственного народа [120].

Заботясь об улучшении советско-американских отношений, Советское правительство в январе 1919 г. назначило в США своего официального представителя Л. К. Мартенса [121]. 19 марта Мартенс направил в Государственный департамент верительные грамоты и меморандум. В меморандуме внимание правительства США

---

[118] «Гражданская война в Сибири и Северной области», стр. 446.

[119] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 299.

[120] АВП СССР, ф. 4, п. 8, д. 121, л. 41; Д. В. Однобишин. Внешнеполитические победы советского народа и международная солидарность трудящихся в 1919 г.— «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. (далее — «Решающие победы...»). М., 1960, стр. 637.

[121] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 167; Г. Е. Евгеньев, Б. С. Шапик Революционер, дипломат, ученый (О Л. К. Мартенсе). М., 1960.

вновь обращалось на советскую ноту от 24 декабря. В дополнение к этой ноте Мартенс писал: «Таким образом, со стороны РСФСР не существует никаких препятствий для установления нормальных отношений с другими странами, особенно с Соединенными Штатами. Российское Советское правительство готово открыть свои двери гражданам других государств, стремящимся использовать возможности в мирных целях, и оно приглашает всех внимательно изучить и исследовать условия этих возможностей, что, я уверен, докажет, что мир и процветание в России, так же как и в других странах в той степени, в какой благосостояние России влияет на них, могут быть достигнуты путем прекращения нынешней политики бойкота Советской России и установления обмена материальными и духовными ценностями» [122]. Далее в меморандуме перечислялись товары, которые Советская Россия могла бы купить и продать. В числе товаров, выделенных для продажи, были лен, пенька, шкуры, щетина, меха, пиломатериалы, платина. В случае возобновления торговли с США Советское правительство могло разместить, говорилось в меморандуме, в банках Европы и Америки золото на сумму 200 млн. долл. для покрытия стоимости первых закупок.

В ответ на это Государственный департамент заявил, что правительство США не признает в лице Мартенса официального представителя России. Мартенс не мог осуществлять своих дипломатических функций, а образованное им бюро направило свои усилия на установление торговых связей с отдельными деловыми лицами. Эти усилия встретили со стороны американских промышленников и торговцев живой отклик. Впоследствии, в июне 1920 г., Мартенс писал из США, что «подавляющее большинство американских капиталистов является, безусловно, сторонниками возобновления торговых сношений с Россией» [123]. И действительно, только в течение 10 месяцев 1919 г. советские представители установили деловые контакты с 941 американской фирмой из 32 штатов [124]. Эти фирмы выражали готовность экспортировать свои товары и вывозить из Советской России

---

[122] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 104—105.
[123] Там же, стр. 738.
[124] Там же.

различное сырье. В числе торгово-промышленных организаций были такие, как Американская стальная компания и компания Генри Форда. Первая хотела закупить в России партию марганца и получить монополию на поставку России сельскохозяйственных машин.

Установление нормальных торговых отношений между РСФСР и США зависело только от правительства Соединенных Штатов, которое отказывалось предоставлять фирмам лицензии на экспорт каких бы то ни было товаров. Больше того, встревоженный укреплением деловых контактов советских хозяйственников и американских промышленников, Государственный департамент опубликовал 6 мая 1919 г. заявление, в котором повторил о нежелании правительства США признать Советскую республику и советовал американцам проявлять больше сдержанности во взаимоотношениях с ее представителями[125]. Это заявление отражало подлинное настроение американских правящих кругов. Но оно не способствовало успокоению трудящихся США, которые требовали прекращения интервенции. Поэтому правительство США стало прилагать новые усилия с целью замаскировать свою антисоветскую политику.

Одной из форм прикрытия интервенции, к которой прибегли империалисты, была демагогия о «продовольственной помощи голодающему населению России». Советская дипломатия своевременно разоблачила эту демагогию, доказав, что разговоры об этом лишь прикрывают помощь белогвардейцам.

3 апреля 1919 г. известный норвежский путешественник Ф. Нансен предложил «совету четырех» (Вильсон, Клемансо, Ллойд-Джордж, Орландо) организовать снабжение России продовольствием и медикаментами, чтобы и то, и другое распределялось комиссией из нейтральных лиц. Ответ Нансену по поручению Хауза составлял Буллит, который включил в проект ответа пункты проекта договора от 12 марта, составленного им вместе с Лениным. Но этот проект ответа был коренным образом изменен. «Совет четырех» предложил Нансену оговорку о необходимости приостановления военных действий. Эта оговорка, доверчиво принятая Нансеном, не сопровождалась никакими гарантиями против возможности того, что

[125] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 737—738.

приостановление военных действий не повлечет за собой выигрыша времени для белогвардейцев с целью нанесения удара по Красной Армии. «Совет четырех» решил, как утверждал Буллит, что ответ Нансену должен считаться официальным ответом на предложения Советского правительства. Сам же Буллит замечал, что этот «чрезвычайно нерешительный» ответ по существу «никоим образом» не был ответом на предложения Советского правительства.

Разговоры о помощи продовольствием через Петроградский порт велись только потому, что, по расчетам империалистов, Петроград должен был оказаться в руках Юденича. Этот коварный план был разоблачен Лениным в письме Чичерину и Литвинову 6 мая 1919 г., в котором он советовал решительно («архинагло») ответить Вильсону, Ллойд-Джорджу и Клемансо, «разъяснить» им «подробно», что «они ведут войну, их суда, их пушки, их патроны, их офицеры». Ленин предлагал столь же подробно «вскрыть» в глазах народа всего мира попытку интервентов отречься от интервенции, раскрыть, в частности, что обещание Буллита, посланца Вильсона, «осталось невыполненным». Ленин подчеркивал, что империалисты предлагали в ответе Нансену перемирие не для мира, а для войны. Он заявлял: «С миром не шутят. Надуть нас *никому* не удастся». За гуманный жест Нансена Ленин рекомендовал «архилюбезно» благодарить, но обратить его внимание на смешение им гуманной и политической сторон предложения, на необходимость отделения этих сторон в борьбе за подлинный мир [126].

Народный комиссариат иностранных дел сообщил о политических и военных планах Антанты Нансену 7 мая 1919 г., ссылаясь на сведения американского радио [127]. Он указал, что переговоры о приостановлении военных действий могут вестись лишь с самими правительствами Антанты, и выразил готовность вести их с комиссией Нансена исключительно по вопросам мирной помощи. Нансен сообщил этот ответ правительствам Антанты, но они оставили его без внимания, как и все предшествовавшие предложения Советского правительства о гарантированном перемирии. Истинный смысл разговоров

---

[126] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 304—306.
[127] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 158.

о помощи оказался разоблаченным до конца, когда в итоге тот же «совет четырех» решил считать Колчака верховным правителем России, т. е. официально признал его.

20 июля 1919 г., в разгар гражданской войны на всех фронтах, в своем ответе на вопросы американского агентства «Юнайтед пресс» Ленин сделал наиболее полное разоблачение двуличия империалистов. Отвечая на вопрос об условиях мира с белогвардейцами, он писал, что эти условия были переданы Буллиту и сообщены Нансену, а правительства США и других стран «боятся напечатать полностью эти документы, скрывая от народа правду». Вместе с тем Ленин еще раз напомнил о стремлении Советской России к миру. «Напомню лишь,— писал он далее,— наше основное условие: мы готовы заплатить все долги Франции и другим государствам, лишь бы мир был на деле, а не на словах только, миром, т. е. чтобы он был формально подписан и утвержден правительствами Англии, Франции, Соединенных Штатов, Японии, Италии, ибо Деникин, Колчак, Маннергейм и пр.— простые пешки в руках этих правительств» [128].

Международная солидарность трудящихся

Во всех районах, оккупированных войсками Антанты,— на юге Украины, на севере России, в Сибири, в Закаспии и Закавказье — вскоре после начала оккупации началось разложение оккупационных войск. Вся политическая обстановка в России была пропитана революционным духом. Попав в эту обстановку, иностранные солдаты быстро начинали понимать, что их обманули, что они воюют с братьями по классу за чуждые им интересы. Разумеется, процесс роста политической сознательности иностранных солдат на советской земле не был стихийным. Он был прежде всего результатом большой работы, которую развернули коммунисты в тылу интервентов под руководством подпольных партийных организаций. Коммунисты ставили своей целью разъяснить иностранным солдатам и матросам империалистический характер их «помощи», организовать выступления за вывод иностранных войск из России. В этой работе приняли активное участие иностранные коммунисты, главным образом из

[128] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 115.

числа военнопленных, объединенные Центральной федерацией иностранных коммунистов при ЦК РКП(б), созданной в мае 1918 г. В эту федерацию входили французская, англо-американская, немецкая, венгерская, чехословацкая, болгарская, югославская, румынская и итальянская группы, которые насчитывали около 2 тыс. коммунистов. Польская и финская коммунистические организации имели при ЦК РКП(б) свои бюро. Члены иностранных групп пользовались теми же правами и имели те же обязанности, что и все члены РКП(б). Способные носить оружие служили в Красной Армии, составляли интернациональные части, вели политическую работу. К марту 1919 г. федерация мобилизовала в Красную Армию до 18 тыс. бойцов [129]. На боевой и политической работе в Красной Армии особенно отличились интернационалисты Матэ Залка, Тибор Самуэли, Ференц Мюнних, Арманд Мюллер, Карой Лигети, Дьюла Андраш Варга, Олеко Дундич, Данило Сердич, Ярослав Гашек, Ченек Грушка, Славояр Частек, Алоис Скотак, Йозеф Поспишил, Людвик Оченашек, Вацлав Смрчка и др.

Особенно много сделала среди французских солдат и матросов французская группа, которой руководила член ВЦИК И. Арманд. Искренне отдал все свои силы сотрудничеству в группе бывший член французской военной миссии в Москве П. Паскаль. Вступил в группу ранее умеренный социалист Ж. Садуль. Группа выпускала в Москве на французском языке газету «III Интернационал» тиражом до 10 тыс. экземпляров, которую подпольщики перевозили через фронт. В газете печатались речи В. И. Ленина, мирные предложения Советского правительства, освещалась жизнь в советском тылу. Материалы газеты печатались и в виде листовок. В Одессе на французском языке издавалась газета «Коммунист». Коммунисты-подпольщики распространяли и эту газету. Они распространяли также воззвание к солдатам Антанты, напечатанное в виде листовки на английском, французском, итальянском, румынском и сербском языках, подписанное Лениным: «Зачем вас послали на Украину?» [130]

---

[129] «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России». М., 1957, стр. 13.

[130] «Коммунистические листовки и воззвания к солдатам Антанты». — «Исторический архив», 1958, № 1, стр. 29—31.

Для улучшения организации подпольной работы среди иностранных солдат в феврале 1919 г. из Москвы в Одессу была послана секретарь французской группы Ж. Лябурб — дочь участника Парижской Коммуны, беженца из Франции. Под ее руководством активно действовала Коллегия иностранной пропаганды при Одесском областном комитете коммунистов [131]. Агент белогвардейской контрразведки об этой активности писал так: «Среди французских войск в Одессе ведется большевистская агитация в очень широком масштабе» [132]. Под влиянием этой агитации французские солдаты и матросы отказывались воевать. По доносу провокатора Лябурб и другие руководители коллегии были арестованы и 2—7 марта расстреляны. Но революционная работа и после этого не прекратилась. 7 марта белогвардейская контрразведка сообщала, что среди иностранных солдат «появились в огромном количестве коммунистические прокламации» [133].

На севере России, только на плесецком направлении, с 18 ноября по 9 декабря 1918 г. было распространено среди иностранных солдат 117 тыс. экземпляров воззваний [134]. С 20 декабря 1918 г. по 1 февраля 1919 г. в Котлас было отправлено 27 тыс. газет на иностранных языках. В большом количестве печатались брошюры со статьями Ленина, подписанное им воззвание к американским солдатам: «Скажите! Кто вы?» [135] Все эти материалы распространялись армейскими коммунистами через подпольные коммунистические организации тыла интервентов. Эта работа проводилась в обстановке жестокого террора. Весь север был покрыт густой сетью тюрем и лагерей, в которых было заключено около 52 тыс. человек, т. е. около 15% населения края [136].

Но репрессии не помогали. Раньше других на большевистскую пропаганду реагировали американские и французские солдаты. 18 октября 1918 г. Френсис телеграфировал Лансингу: «Американский военно-морской атташе,

---

[131] В. Коновалов. Иностранная коллегия. Одесса, 1958.
[132] ЦГАОР СССР, ф. 449, д. 10, л. 74.
[133] Там же, л. 200.
[134] Г. Г. Алахвердов. Указ. соч., стр. 124.
[135] «Обращение Советского правительства к американским солдатам».— «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 8—10.
[136] В. В. Тарасов. Борьба с интервентами на севере России. М., 1958, стр. 123.

возвратившийся с железнодорожного участка фронта (на севере.— *Д. О.*), сообщает о крупном недовольстве среди солдат двух американских и трех французских рот»[137]. В боях под Котласом Красной Армии сдались 50 английских солдат. Их заявления были напечатаны федерацией иностранных коммунистов. Из содержания этих заявлений французские коммунисты сделали вывод: «Не далек тот день, когда правительства Англии и Франции пожалеют, что они послали в Россию своих солдат»[138].

После окончания войны с Германией интервенция в России не встречала никакой поддержки среди иностранных солдат и матросов. Они подчинялись военной дисциплине, но очень скоро стали выходить из подчинения. «Подписание перемирия (с немцами в Западной Европе.— *Д. О.*),— писал 13 ноября 1918 г. американский генерал Д. Пуль,— внесло некоторое беспокойство в ряды американских и французских войск. Они считают, что причины, оправдывающие их пребывание на севере России, исчезли... Офицеры и солдаты хотят знать, для чего им нужно продолжать военные действия против большевиков»[139]. 2 декабря Лансинг писал Хаузу: «Архангельск. Положение без изменений. Моральное состояние американских и французских войск не только не улучшилось, но ухудшилось»[140].

Началось братание иностранных солдат с красноармейцами. В декабре 1918 г. у деревни Кадыш на плесецком направлении произошло братание солдат двух рот 339-го американского полка с красноармейцами 159-го советского полка[141]. В нем принимал участие американский офицер. Он заявил, что «американцы русское революционное правительство признают и никакой войны против большевиков они вести не будут»[142].

Несмотря на репрессии, коммунистическая пропаганда среди иностранных солдат усиливалась. Солдаты все чаще отказывались идти в бой. Интервенты вынуждены были ограничивать задачи своих войск обороной и сторожевой

---

[137] «Foreign Relations. 1918. Russia», vol. II, p. 559.

[138] «III-me Internationale» (Moskau), 4 декабря 1918 г.

[139] E. Ironside. Arvhangel. 1918—1919. London, 1953, p. 157.

[140] «Foreign Relations. 1919. The Paris Peace Conference», vol. II, p. 465.

[141] Г. Г. Алахвердов. Указ. соч., стр. 128.

[142] «Правда», 24 декабря 1918 г.

службой в тылу. Отдельных солдат арестовывали, эвакуировали. Наконец, они решили использовать иностранных офицеров в качестве командиров над русскими солдатами, насильственно загнанными в ряды мобилизованных. Так был сформирован «славяно-британский легион», в котором на 10 русских солдат приходился один английский офицер. Но эта затея провалилась. Солдаты отказались подчиняться иностранцам.

Интервенты сами признавали эффективность коммунистической пропаганды среди иностранных солдат. 27 марта 1919 г. начальник оперативного отдела английского генерального штаба. П. Редклиф писал в парламент, что иностранные войска «устали, разочарованы, стремятся домой и даже склонны к мятежу». Он сообщал, что моральный уровень этих войск «настолько низок, что они могут стать жертвой очень активной и хитрой большевистской пропаганды, которую противник ведет с возрастающим знанием и энергией» [143].

Письма иностранных солдат, содержавшие данные о таком «моральном уровне», конечно, задерживались военной цензурой. «Было бы печально,— писал один французский солдат из Сибири,— если бы мы после того, как война закончилась, принимали бы активное участие в борьбе за чисто внутренние интересы, в борьбе с большевиками». Американские и союзные войска в Сибири,— писал американский солдат,— должны воевать за дело, в котором совершенно не заинтересованы» [144]. Бюллетень «Советская Россия», издававшийся Л. К. Мартенсом, сообщал об аналогичных настроениях английских солдат. «Наше пребывание здесь,— говорили они,— это капиталистический план захвата природных богатств России. Наши политики являются лишь орудием в руках умелых дельцов — настоящих правителей» [145].

Положение иностранных войск в Закаспии и Закавказье ярко характеризовал Бакинский комитет РКП(б) в своем письме Туркестанскому краевому комитету: «Среди английских войск полная дезорганизация и отсутствие всякой дисциплины. Солдаты напиваются и продают все,

---

[143] «Army. The Evacuation of the North Russia. 1919». London, 1920, p. 25.

[144] «Решающие победы...», стр. 635.

[145] «Soviet Russia», 28 июня 1919 г.

М. М. ЛИТВИНОВ

что имеют, вплоть до вооружения. Солдатская масса держится лояльной позиции во время забастовок рабочих. И сейчас (март 1919 г.— *Д. О.*) положение английского командования очень шаткое ввиду того, что оно не может полагаться на верность своих солдат. Закаспий же, оккупированный раньше Закавказья, находится в еще худшем положении» [146].

Настоящая политическая катастрофа постигла интервентов на юге Украины и в Крыму. 1 марта 1919 г. в Харькове собрался III съезд украинских коммунистов. Он призвал трудящихся к полному изгнанию иноземных поработителей. 2 марта началось наступление украинских войск на Херсон. Здесь солдаты 176-го французского полка отказались сопротивляться. «Мы не воюем с русскими..., довольно войны!» [147],— заявили они. 5 апреля 1919 г. при наступлении советских войск на Одессу отказался воевать артиллерийский полк французской армии. Отказались стрелять в красноармейцев также алжирские солдаты батальона французских колониальных войск [148]. Командующий союзными войсками генерал д'Ансельм, главная квартира которого была в Одессе, вынужден был признать, что половина его войск разложена агитацией [149].

6 апреля 1919 г. был днем апофеоза интернациональной солидарности русских и украинских рабочих и солдат с французскими моряками в Одессе. 20 апреля красные флаги взвились на военных кораблях французской эскадры, стоявшей на рейде Севастополя. В полдень французские моряки приняли участие в демонстрации севастопольских рабочих. Под лозунгами «Да здравствует Советская власть!» и с пением «Интернационала» французские моряки шагали вместе с русскими и украинскими рабочими на южной оконечности крымской советской земли.

* * *

Последовательная, твердая антиимпериалистическая внешняя политика Советского государства оказывала серьезное революционизирующее влияние на трудящихся

---

[146] «Коммунист Узбекистана» (Ташкент), 1960, № 10, стр. 89.

[147] А. Марти. Восстание на Черном море. М.— Л., 1940, стр. 110.

[148] «Правда», 2 мая 1964 г.

[149] «Из истории гражданской войны в СССР», т. I, стр. 590.

всех стран мира, несмотря на противодействие империалистов. Победа советского строя была сама по себе неоценимой помощью рабочих и крестьян России трудящимся других стран. Пролетарии всех стран мира в свою очередь оказывали поддержку молодому Советскому государству.

Сильным и непосредственным было революционизирующее влияние событий в России на континент Европы, прежде всего на Германию, Венгрию, Словакию, Францию и Италию.

Кайзеровская Германия запросила мира у Антанты в значительной мере под воздействием революции, происшедшей в ноябре 1918 г. Революция в Германии в свою очередь оказала влияние на другие страны Европы. В Венгрии авторитет коммунистов — носителей идей Великой Октябрьской социалистической революции — был настолько велик, что 21 марта 1919 г. здесь состоялось соглашение социал-демократов и коммунистов о провозглашении Венгерской Советской республики. Вождя венгерских коммунистов Бела Куна рабочие и солдаты вынесли из тюрьмы на руках. Он был назначен председателем первого рабоче-крестьянского правительства Венгрии. От имени Совета Народных Комиссаров Венгрии Кун обратился к пролетариям всего мира с призывом поддержать венгерскую революцию в случае, если Антанта сделает попытку задушить ее [150]. 13 апреля 1919 г. была провозглашена Советская республика в Баварии [151]. Революционное советское правительство Баварии приветствовало правительства Венгрии и России. Когда в руках венгерских и чешских красногвардейцев оказалась значительная часть Словакии и Закарпатской Украины, в городе Кошице была провозглашена Словацкая Советская республика. Совет Народных Комиссаров Словакии обратился к словацким солдатам с призывом не участвовать в подавлении Венгерской революции, которое готовилось Антантой.

На массовых рабочих собраниях в Италии уже в январе и феврале 1919 г. принимались приветствия русским

---

[150] «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир». М., 1958, стр. 100; М. Ф. Лебов. Венгерская Советская республика 1919 года. М., 1959.

[151] М. А. Полтавский. Баварская Советская республика. М., 1954.

«советистам», выносились резолюции с требованиями немедленного прекращения всякого вмешательства во внутренние дела России. Имя В. И. Ленина было очень популярным в Италии, особенно в рабочей среде. 10 апреля 1919 г. в Риме началась массовая политическая забастовка в знак протеста против кровавого подавления мартовского восстания рабочих Берлина и запрещения митинга солидарности с Советской Россией. Активно поддержал забастовку пролетариат Милана. Забастовка принесла реальные плоды. В середине июня портовые рабочие, угрожая новой забастовкой, потребовали прекращения погрузки оружия, предназначенного Деникину. Итальянское правительство было вынуждено подчиниться этому требованию и обещать, что пароход «Федóр», на который грузилось оружие, будет употреблен для перевозки грузов мирного назначения. Во второй половине 1919 г. в Италии не было такой отрасли промышленности, которая не была бы охвачена забастовками. Выступая в защиту своих прав, трудящиеся Италии одновременно защищали Советскую Россию. Многочисленные митинги в Риме, Милане, Турине, Неаполе требовали прекращения интервенции, снятия блокады с России и установления с ней мирных отношений. Национальный конгресс типографских рабочих Рима в ноябре 1919 г. заявил, что он приложит все силы для защиты Советской республики от посягательств международного империализма.

С возмущением встретил интервенцию в России пролетариат Франции. По стране прокатилась волна стачек и демонстраций под лозунгами: «Долой военную интервенцию против Советской республики!», «Долой диктатуру Клемансо!», «Немедленная демобилизация!». Подъем борьбы во Франции против интервенции был непосредственно связан с восстанием французских моряков на Черном море в апреле 1919 г. После прибытия первых партий арестованных моряков из Севастополя в Тулон там начались волнения. 10—12 июня экипаж флагманского корабля «Прованс» отказался отправиться в Черное море. Моряки удалили со своего собрания адмирала Ляказа, командующего военно-морским округом. Их поддержали солдаты колониальной пехоты и артиллеристы Тулонского гарнизона. 28 июня восставшие пытались освободить арестованных моряков. Четыре часа они дрались с кавалерией, чтобы взять военно-морскую тюрьму.

Волнения произошли в Бресте, Рошфоре, Тулузе, Лионе. Моряков и солдат Франции поддержали железнодорожники. 7 июня на большом митинге в Парижском районе была принята резолюция «В защиту революции России, Германии и Венгрии». «Рабочие и работницы железнодорожного транспорта Парижского района,— говорилось в этой резолюции,— считая, что русские, венгерские и немецкие революционеры отстаивают принципы, которые мы всегда защищали, ...одобряют солдат и матросов, которые отказываются участвовать в этом преступном и антиконституционном деле». Железнодорожники решили немедленно прекратить движение поездов с войсками, военным снаряжением и снабжением [152].

Волны движения солидарности с Советской Россией докатились и до Британских островов, и до Америки.

Английский пролетариат ответил на военное вмешательство империалистов Антанты во внутренние дела Советского государства массовым движением под лозунгом «Руки прочь от России!» По всей Англии создавались специальные комитеты этого движения. 26 марта 1919 гг. на конференции рабочих угольной промышленности было принято решение: угрожая всеобщей забастовкой, настаивать на отзыве всех британских войск из России. На общенациональной конференции тред-юнионов 3 апреля федерация угольщиков снова взяла на себя инициативу представить резолюцию с требованием о прекращении интервенции. Делегация ряда профсоюзов Англии посетила в мае 1919 г. министра консервативного правительства Бернара Лоу и заявила, что, если требование о прекращении поддержки российских контрреволюционеров не будет удовлетворено, профсоюзы объявят всеобщую забастовку. Летом и осенью 1919 г. движение «Руки прочь от России!» в Англии приняло еще больший размах. Лондонский комитет движения объединял более 200 тыс. членов. Под влиянием этого движения конгресс английских тред-юнионов в декабре 1919 г. постановил протестовать против интервенции в России, обсудить мирные предложения Советского правительства, снять блокаду с России и установить с ней дипломатические отношения.

Движение под лозунгом «Руки прочь от России!» распространилось и в Соединенных Штатах Америки.

[152] «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир», стр. 113.

Наперекор антисоветским устремлениям реакционной верхушки Американской федерации труда это движение охватывало широкие массы рядовых членов профсоюзов, входивших в эту федерацию. Многие профсоюзы принимали резолюции протеста против интервенции, требовали вывода иностранных войск из России. 30 июня 1919 г. конференция членов профсоюза рабочих табачной промышленности Нью-Йорка, представлявшая 25 тыс. рабочих, приняла резолюцию, в которой говорилось: «Мы настаиваем на немедленном отозвании всех американских войск из России» [153]. В конце 1919 г., несмотря на травлю прогрессивных элементов, начатую американским правительством, в США не ослабло движение в поддержку Советской России. В октябре 1919 г. Союз русских рабочих Нью-Йорка организовал массовую демонстрацию с требованием прекратить блокаду. Прогрессивная организация «Лига друзей Советской России» собрала около 1 млн. подписей под воззванием о прекращении интервенции. Трудящиеся США переходили от резолюций к делам. Грузчики порта Сиэтл отказались грузить на пароход «Далайт» винтовки для Колчака [154].

Движение солидарности с Советской Россией сочеталось с национально-освободительной борьбой народов Востока. Среди китайских трудящихся росло возмущение политикой реакционных сил Китая, которые поддерживали интервенционистские действия Японии. Революционные круги Китая протестовали против отправки китайских войск в Сибирь на помощь российским белогвардейцам. 4 мая 1919 г. по всему Китаю началась политическая демонстрация против решения Парижской мирной конференции о передаче Японии бывших немецких концессий в Китае. Демонстрация знаменовала массовое возмущение политикой Антанты и правящей клики Китая. Историческое движение, начатое 4 мая, было результатом революционизирующего влияния событий в России. В Корее в марте 1919 г. началось массовое движение против японских империалистов, поработивших страну. Из Китая и Кореи революционная волна перекатывалась в Японию. Рабочие Японии, воспринявшие успехи Советской власти с глубоким сочувствием, гневно протестовали против импе-

[153] Там же, стр. 117.

[154] «История гражданской войны в СССР», т. 4. М., 1959, стр. 403.

риалистической политики своего правительства. Тяжелое продовольственное положение Японии после войны вызвало «рисовые бунты», создавало обстановку, чреватую новыми боевыми выступлениями японского пролетариата. В Индии в течение 1919 г. произошло около 100 забастовок рабочих. Некоторые забастовки принимали политическую окраску. Забастовщики выступали против британского владычества в Индии. Политическая демонстрация в Амритсаре 10 апреля 1919 г. вылилась в столкновение с британской полицией. Убитых и раненых в результате столкновения оказалось около 1 600 человек. Антиколониальные выступления с участием представителей широких слоев трудящихся Индии произошли после этого в Бенгалии.

Освободительное движение вдохновленных победой российского пролетариата народных масс Китая, Кореи, Японии, Индии, Афганистана, Персии и других стран Востока, так же как революционное движение на Западе, превращалось в мощный поток мирового революционного движения против капитализма.

Провал империалистической политики уничтожения Советской власти в России ознаменовался началом глубокого процесса роста во всех странах прогрессивных тенденций и среди буржуазной интеллигенции, выступавшей против империалистической войны. В 1919 г. по инициативе А. Барбюса была создана Международная группа прогрессивных деятелей «Кларте». В состав руководящего комитета группы вошли виднейшие писатели: Анатоль Франс, Поль Вайян-Кутюрье, Бернард Шоу, Эптон Синклер, Рабиндранат Тагор, Герберт Уэллс и др. 9 сентября эта группа обратилась к трудящимся всего мира с призывом протестовать против интервенции в России. В воззвании группы говорилось: «Русская республика потому и вызывает такую клевету и такую ярость со стороны столпов капитализма и их приспешников, что она дала власть народу и заявила о международной солидарности трудящихся, что она полностью и последовательно осуществляет социалистический принцип». Воззвание заканчивалось словами: «Объединяйся же, народ мира! Если тебя разъединяют, то для того, чтобы угнетать тебя» [155]. Идеи мира

[155] «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир», стр. 127—129.

овладевали умами все более широких слоев мелкой буржуазии. В подтверждение значительности этого факта, разрушающего массовую основу господства буржуазии над умами людей, В. И. Ленин ссылался на письмо известного французского историка А. Олара, «насквозь» буржуазного, который искренне устыдился, узнав, что Франция приглашала своего вчерашнего врага — империалистическую Германию — принять участие в блокаде России [156].

Влияние идей Великого Октября возрастало во всем мире по мере усиления интервенции и гражданской войны в России. Оно опрокидывало все расчеты империалистов на дипломатическую и политическую изоляцию Советского государства от трудящихся капиталистических стран и колоний этих стран. Оно опрокидывало расчеты на уничтожение Советской власти военными силами. В конце 1919 г. движение трудящихся во всем мире против вмешательства иностранных капиталистов в российские дела на стороне контрреволюционных сил достигло такого размаха, что империалистические правительства, организовавшие интервенцию, не могли не считаться с ним и пошли на уступки. Коммунистические силы, которых так боялись империалисты в своих странах, не ослабли, а усилились. К концу 1919 г. коммунистические партии существовали в Германии, Австрии, Венгрии, Голландии, Греции, Дании, Аргентине, Болгарии, Финляндии, Мексике. Основанный в марте 1919 г. III, Коммунистический Интернационал становился, по определению В. И. Ленина, самой главной организующей и политически сплачивающей силой в рабочем движении всех стран. Основание этого Интернационала, говорил он, «есть преддверие интернациональной республики Советов, международной победы коммунизма» [157].

Победа ленинской политики

Потерпев неудачу в открытой интервенции, империалисты начали переходить к более широкому использованию российских белогвардейцев и вооруженных сил склады-

---

[156] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 399.
[157] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 514.

вавшихся тогда самостоятельных государственных образований буржуазного типа на границах с советскими социалистическими республиками — РСФСР, Украиной, Белоруссией.

Продолжавшийся процесс политического разложения иностранных войск в России совпал по времени с подготовкой самого обширного комбинированного военного похода контрреволюционных сил, в которых ведущая роль принадлежала белогвардейским формированиям генерала Деникина. Антанта еще не сняла со счетов силы Колчака. Она лихорадочно готовила к наступлению также войска Юденича. На оккупацию Восточной Карелии и на участие в захвате Петрограда Антанта толкала Финляндию и Эстонию. «Колчак с Востока, финны с Запада двинутся внутрь России» [158],— сообщало американское радио в середине мая 1919 г. Другое радиосообщение упоминало о «происшедшем в союзных правящих кругах взрыве интервенционистского рвения». Японское радио говорило о плане «одновременного нападения на Советскую Россию из Финляндии, Омска, Кавказа и Архангельска», о том, что «русская проблема начинает становиться на первый план». Шведское и французское радиосообщения откровенно заявляли о начавшейся экспедиции на Петроград [159]. Все эти сообщения указывали на то, что Антанта задумала комбинированный антисоветский военный поход.

Советская дипломатия в этих условиях направила свои усилия на разоблачение перед всем миром новых планов Антанты и антинародной политики правительств тех стран Восточной Европы и Скандинавии, которые Антанта использовала, осуществляя эти планы. Еще в январе 1919 г., когда Чичерин направил финскому правительству ноту протеста против военных приготовлений, финские уполномоченные, посетившие в Народном комиссариате иностранных дел Г. Л. Шкловского, заявили ему, что в Финляндии боятся союзников [160].

В апреле 1919 г. финские войска перешли границу РСФСР и пытались захватить Мурманскую железную дорогу, ведущую в тыл советских войск, защищавших страну от вторгшихся на север войск Антанты. Советское

---

[158] «Известия ВЦИК», 20 мая 1919 г.
[159] Там же.
[160] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 732.

правительство разоблачило связь правящей клики Финляндии с Антантой. 27 апреля оно указало, что «существует органическая связь между военными операциями финляндских войск и войск держав Согласия» [161]. Но финские солдаты не хотели воевать. Население Финляндии было против военных авантюр. Поэтому в этой стране к власти пришли представители умеренной буржуазии.

13 сентября 1919 г. Советское правительство сделало новому правительству Финляндии предложение о мире. Хотя оно и уклонилось от переговоров, но во второй поход Юденича на Петроград (октябрь 1919 г.) не дало себя вовлечь. Ленин так оценивал этот успех советской дипломатии: «финская буржуазия говорила себе: «Если нам пойти по указаниям Антанты — значит, безусловно потерять всякие надежды на независимость». А эту независимость им дали большевики в ноябре 1917 года» [162]. Воля Антанты оказалась слабее желания трудящихся Финляндии жить в мире и дружбе с Советской Россией.

Благоприятная обстановка для мира складывалась и в Эстонии. Продажная буржуазная клика правителей этой страны своими действиями вызвала недовольство трудящихся. 10—13 июля 1919 г. в запасном батальоне 2-й дивизии в Юрьеве произошло первое серьезное выступление 200 эстонских солдат. Военные власти жестоко расправились с «бунтовщиками»: 20 расстреляли, 2 повесили [163]. Эстонские коммунисты из глубокого подполья руководили борьбой трудящихся за мир с Советской Россией. 19 июля ЦК Коммунистической партии Эстонии опубликовал воззвание, в котором говорилось: «Чтобы развязать руки эстонскому трудовому народу для решительной борьбы против буржуазии и создать условия, в которых эта борьба могла бы развиваться более свободно, надо окончить войну против Красной России. Поэтому призываем вас к борьбе за заключение мира с Красной Россией» [164]. Эстонские коммунисты разоблачали клеветнические обвинения России в агрессии.

---

[161] Там же, стр. 144.

[162] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 396.

[163] П. И. Вихалем. Буржуазные националисты как фальсификаторы истории возникновения буржуазного эстонского государства. Докт. дисс. М., 1950, стр. 651.

[164] V. Kingisseрр. Kellele iseseisvus, Kellele ike. Tallinn 1946, lk. 252.

Советское командование, развивая успех в войне с Юденичем и его союзниками, стремилось освободить советскую землю. Но в этих действиях оно учитывало нежелание эстонского и финского народов воевать. Выполняя директиву своего правительства, оно издало специальный приказ войскам Западного фронта, подтверждающий отсутствие у Советской России каких бы то ни было притязаний на территорию Эстонии и Финляндии. В приказе говорилось: «Буржуазные правительства Финляндии и Эстляндии распространяют слухи о том, что Красная Армия собирается вторгнуться в пределы Финляндии и Эстляндии. Эти заявления буржуазных правительств представляют из себя сплошной вымысел. Ни одна часть Красной Армии не перешла и не собирается переходить границы Финляндии и Эстляндии» [165].

Трудящиеся Эстонии ответили на призыв коммунистов массовой борьбой против войны с Россией. В день освобождения советскими войсками Пскова и Ямбурга, 31 августа 1919 г., 417 делегатов собрались на первый съезд профсоюзов Эстонии, который принял резолюцию в пользу мира и направил ее буржуазному правительству. «Съезд профсоюзов Эстонии,— говорилось в ней,— требует от правительства Эстонской республики прекращения поддержки в любой форме русским белым войскам, немедленного начала мирных переговоров с Русским Советским правительством и быстрого заключения мира». Съезд призывал «весь трудовой народ Эстонии» поддержать это требование, усматривая «лишь в борьбе за мир» залог быстрого окончания войны [166]. За эту резолюцию, принятую почти единогласно, министр внутренних дел А. Хеллат закрыл съезд. 102 делегата были арестованы, из них 25 расстреляны.

В тот же день Советское правительство сделало формальное предложение Эстонии о мире [167]. В обстановке, когда народ требовал мира, а эстонское правительство опасалось взрыва народного гнева, его реакционный руководитель Поска не мог не ответить на советское предложение утвердительно. Переговоры были назначены в Пскове.

---

[165] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 219—220.
[166] П. И. Вихалем. Указ. соч., стр. 653.
[167] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 242—243.

8 сентября Совнарком срочно выделил для переговоров делегацию в составе народного комиссара торговли и промышленности Л. Б. Красина (председатель делегации), члена коллегий народных комиссариатов Иностранных дел и Государственного контроля Литвинова и члена коллегии Народного комиссариата финансов Д. П. Боголепова [168]. Однако с эстонской стороны это был маневр, рассчитанный на обман общественного мнения. 5 сентября 1919 г. представитель эстонского правительства сообщил в Париж, что переговоры с Россией будут вестись «для того, чтобы выиграть время» [169].

16 сентября 1919 г. советская делегация прибыла в Псков. На следующий день Литвинов в разговоре по прямому проводу с Чичериным докладывал: «После обмена полномочиями эстонцы поставили вопрос, намерены ли мы предложить мир смежным с Эстляндией странам, как Финляндии, Латвии, а также Литве, без чего они-де не могут прекратить военных действий... Тогда я им сообщил официально о сделанных нами предложениях, на которые не получено еще ответа. Эстонцы потребовали перерыва заседания под предлогом, что им нужно снестись с Ревелем... Ясно, что они решили переговоры затягивать» [170]. В ответе эстонского правительства о согласии начать переговоры не было никаких условий. Поэтому 18 сентября советская делегация констатировала факт отказа эстонской стороны вести самостоятельные переговоры.

Этот отказ был связан с интригами Антанты. Когда уполномоченные Эстонии на мирной конференции в Париже сообщили, что их правительство намерено в ответ на советское предложение пойти на мир с Россией, французское правительство заявило, что это будет «сопровождаться соответствующим изменением франко-эстонских отношений» [171]. Французский представитель угрожал, что «Верховный союзный совет примет меры против Эстонии, если Эстония заключит мир с Советской Россией» [172]. Английское правительство побуждало в это время Кол-

---

[168] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 11120; М. И. Труш. Указ. соч., стр. 205.

[169] П. И. Вихалем. Указ. дисс., стр. 662.

[170] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 744.

[171] «Foreign Relations. 1919. Russia», p. 710—711.

[172] «Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Чичерина». М., 1920, стр. 29.

чака признать независимость Эстонии, чтобы у нее не возникало желания договариваться с Советским правительством. Государственный секретарь США 15 октября 1919 г. писал, что Великобритания «слишком потворствует националистическому движению в Прибалтике». Правительство США вело коварную политику. 21 ноября Лансинг сообщал американскому уполномоченному в Прибалтике, что в официальных разговорах он должен занимать неопределенную позицию, а неофициально — высказываться отрицательно по поводу соглашения о мире с большевиками [173].

Тем не менее Литвинов по указанию Ленина и Чичерина заявил эстонским представителям, что Советское правительство готово возобновить переговоры. Советское правительство придавало мирным переговорам с правительствами соседних стран Прибалтики важное значение, рассчитывая вывести эти страны из фарватера империалистической политики Антанты. Оно сделало аналогичные предложения правительствам Латвии и Литвы. Чичерин считал необходимым в этой связи обратиться и к рабочим стран Антанты с призывом оказать давление на свои правительства, чтобы они не мешали переговорам с прибалтийскими странами о заключении мирных договоров. Чичерин считал возможным обратиться и к правительствам стран Антанты с новым предложением. «Это,— писал он,— будет истолковано как признак слабости», но в то же время было бы «зацепкой» для противников интервенции, «особенно для тред-юнионов». Чичерин предлагал использовать намечавшуюся поездку Литвинова в нейтральную страну (Данию) для переговоров с английскими представителями по вопросу обмена военнопленных, с тем, чтобы одновременно он «муссировал бы вопрос о мире».

Ленин одобрил идею Чичерина об обращении к рабочим стран Антанты. Одновременно он предложил ускорить выезд Литвинова [174], а А. М. Горького просил обратиться к мировой общественности с заверением о готовности Советской России к миру [175].

«К вам, рабочие Англии и Франции, мы обращаемся,— писал на следующий день Чичерин в обращении Народ-

---

[173] «Foreign Relations. 1919. Russia», p. 724, 742.
[174] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 418, 706.
[175] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 385—386.

ного комиссариата иностранных дел,— чтобы добиться устранения того препятствия, которое мешает восстановлению мира на Балтийском побережье и первоисточник которого находится в кабинетах Лондона и Парижа». Советская дипломатия разоблачила весь план прикрытой интервенции, план комбинированного похода против Советской России. Правительства Антанты, указывалось в обращении, «еще не отказались от своей политики натравливания против Советской России соседних с нею правительств». И вновь Советское правительство разъясняло подлинный смысл своей внешней политики: «Рабоче-крестьянская Советская Россия не навязывает никакому народу, никакой стране своего господства силой. Она отвергает всякие завоевательные стремления и всякие насильственные действия против других народов. Точно так же отвергает она и мысль о введении у другого народа против его воли таких учреждений, которые он сам у себя не ввел» [176].

На это Антанта ответила новой упорной попыткой втянуть Финляндию и страны Прибалтики в блокаду Советской России. Однако в этой политике между правительствами Антанты не было единства. Французское правительство стремилось к восстановлению «единой неделимой» царской России, чтобы иметь могучего союзника против Германии и Англии. Английское правительство видело в лице царской России большого конкурента на Востоке. Оно также опасалось, что в случае заключения мира Советской России с Эстонией последняя может перестать быть звеном «санитарного кордона», создаваемого для противодействия распространению идей социалистической революции из России. Разумеется, такой мир английские империалисты могли рассматривать как тактический ход в борьбе против Советской власти в России. Они надеялись на уничтожение этой власти при всех обстоятельствах. Правительство США склонялось к позиции Франции и вместе с тем стремилось извлечь территориальную выгоду за счет Сибири в конкурентной борьбе с Японией.

В проведении политики мира с Эстонией советская дипломатия снова столкнулась с военным авантюризмом

---

[176] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 250, 252.

Троцкого, который предлагал, преследуя Юденича, вторгнуться на территорию Эстонии, объявить ей войну[177]. Чичерин был против такой примитивной прямолинейности в военных вопросах, тесно связанных с внешней политикой. Он считал, что «Юденича придется преследовать на эстонской территории только в том случае, если он туда отступит». «Надо все сделать,— писал Чичерин 22 октября 1919 г. Ленину,— чтобы избежать вторжения в Эстляндию. Это резко изменило бы настроение во всех маленьких государствах, с которыми мы ведем или собираемся вести переговоры, и сорвало бы эти соглашения, так как везде воскресло бы представление о нашем якобы „империализме"». Он справедливо считал, что начатые уже мирные переговоры сыграли «громадную роль», что они убедили эстонское крестьянство и мещанство, что Советская Россия не хочет их «завоевать». Русская белогвардейская газета в те дни писала: «Если бы эстонские войска приняли участие в походе на Петроград, он удался бы; но они не участвуют, поэтому поход безнадежен». Ссылаясь на это заявление, Чичерин добавлял: «Вот чего мы достигли вызванными переговорами». Разбивая авантюристические доводы Троцкого, Чичерин заключал: «Эстонская военная партия была бы рада, если бы мы дали ей повод опять раздуть патриотический военный пыл крестьянства и мещанства против нас. Мы не должны лезть в эту западню»[178].

Ленин немедленно сообщил Троцкому, что он согласен с Чичериным, что участие в походе Юденича ничтожной кучки эстонских офицеров не может накладывать ответственность на весь народ[179].

Советская сторона активно готовилась к возобновлению мирных переговоров с Эстонией. 7 октября 1919 г. Литвинов доложил на заседании Политбюро ЦК РКП(б) о состоявшихся переговорах. Он поставил вопрос о расширении состава мирной делегации, имея в виду присоединение к переговорам других стран Прибалтики[180]. 26 октября Литвинов снова докладывал на Политбюро

---

[177] Ю. Тайгро. В годы гражданской войны.— «Под знаменем Октября. (Трудящиеся Эстонии в борьбе за Советскую власть. 1917—1940 гг.)». М., 1959, стр. 86.

[178] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 390.

[179] См. там же.

[180] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 206.

соображения о важности задач и о составе мирной делегации [181].

Когда Юденич достиг подступов к Петрограду, он, по сведениям эстонских газет, назначил генерал-губернатора Эстонии. Перспектива ликвидации эстонского буржуазного государства Юденичем и Колчаком, конечно, учитывалась эстонской буржуазией. Разгром Юденича под Петроградом подвел эстонское правительство к единственно возможному в той обстановке решению. Это решение было принято 19 ноября 1919 г. Оно гласило: «1) уведомить А. Пийпа [182], что правительство готово начать с правительством Советской России переговоры о перемирии и мире 1 декабря; 2) поручить министру иностранных дел сообщить об этом Латвийскому, Литовскому и Финляндскому государствам; 3) мирные переговоры вести отдельно от соседних государств, если в них не примут участие Финляндия, Латвия и Литва» [183].

Уже 4 ноября 1919 г. Ленин подписал полномочия Литвинову как члену коллегии Народного комиссариата иностранных дел на ведение от имени Совнаркома мирных переговоров «с правительствами республик, основанных на границах бывшей Российской империи, так же, как с правительствами других стран, находящихся в состоянии войны или во враждебных отношениях с Советской республикой». Полномочия Литвинова распространялись на ведение переговоров «с правительствами Великобритании и других стран» об обмене пленными, о предоставлении займов и подписании других договоров от имени Советской республики [184]. Советское правительство стремилось начать переговоры об обмене военнопленными, не дожидаясь формального приглашения на возобновление мирных переговоров. С указанными полномочиями Литвинов выехал в Юрьев.

17 ноября 1919 г. в Юрьеве начались переговоры об обмене военнопленными. Основой обсуждения послужил проект договора, предложенный делегациями Эстонии, Латвии и Литвы. В результате обмена мнениями обе

---

[181] Там же, стр. 209.

[182] А. Пийп — представитель эстонского правительства в Лондоне.

[183] П. И. Вихалем. Указ. соч., стр. 679—680.

[184] «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 240—241.

стороны согласились, что договоры следует заключить с каждым из прибалтийских государств отдельно.

Подводя итоги переговорам об обмене военнопленными, Литвинов в том же отчете писал: «Население всех трех стран (Эстонии, Латвии и Литвы) жаждет и требует мира, все партии разделяют это стремление. Представительные учреждения формально высказались за переговоры. Продолжение войны для них всех беспредметно, поглощает массу энергии и мешает налаживанию внутренней жизни, не говоря уже о необходимости экономической связи даже с Советской Россией» [185].

Особенно большое желание к перемирию и миру проявила Эстония. 21 ноября Литвинов сообщал: «Пийп в присутствии других эстонских делегатов — профессора Майма и полковника Мутта — прочитал мне сегодня телеграмму нового кабинета, в которой его просят сообщить мне, что эстонское правительство постановило приступить к переговорам не позже 1 декабря, даже если остальные балтийские страны не согласятся. Подтвердить это письменно он отказался. Пока же они предлагают молчаливое соглашение о прекращении военных действий обеими сторонами на всех участках фронта. От оформления этого они явно уклоняются» [186]. В соглашении, которое предлагали эстонцы, отсутствовала гарантия действительности прекращения военных действий — разоружение базировавшейся на Эстонию армии Юденича. Советская сторона не приняла проекта такого соглашения.

27 ноября 1919 г. Пийп сообщил народному комиссару иностранных дел, что его правительство согласно начать переговоры в Юрьеве 2 декабря. Но и на этом этапе наиболее реакционные эстонские лидеры пытались обмануть собственный народ. Новый премьер Я. Тыниссон заявил: «в вопросе о мире мы считаемся с мнением Англии» [187]. В канун возобновления мирных переговоров эстонское правительство заявило, что оно «не представляло себе такого положения, что между Эстонской республикой и Советской Россией будут установлены обычные международные отношения». Оно хотело лишь фактически

[185] АВП СССР, ф. 4, п. 287, д. 54164, л. 35; «Решающие победы...», стр. 645.

[186] АВП СССР, ф. 4, п. 287, д. 54164, л. 45; «Решающие победы...», стр. 646.

[187] П. И. Вихалем. Указ. соч., стр. 673.

Л. Б. КРАСИН

прекратить военные действия на фронте, т. е. заключить перемирие, а затем действовать «в необходимом согласии с действиями союзников» [188].

4 декабря 1919 г. в Юрьев прибыл глава советской мирной делегации Л. Б. Красин [189]. 5 декабря начались переговоры о мире. Эстонская сторона снова проявила нерешительность. В коммюнике о первом дне переговоров, опубликованном эстонской делегацией, выражалась надежда, что «Антанта не изменит из-за участия Эстонии в переговорах своего доброжелательного отношения» к Эстонии, что «под миром с Советской Россией подразумевается лишь создание состояния, при котором вооруженные столкновения были бы исключены», но что вместе с тем «мир не обозначает возобновления отношений с Советской Россией в международной форме». В конце коммюнике выражалась уверенность, что армия при первой необходимости вновь двинется в бой для защиты государственной независимости [190]. На первом заседании глава эстонской делегации бывший премьер-министр Я. Поска заявил, что латвийское правительство сообщило о невозможности для него принять участие в переговорах. Советская делегация поставила гарантии невозобновления военных действий условием своего согласия на перемирие.

Несмотря на все трудности в переговорах с Эстонией, сам факт, что такие переговоры состоялись, был тяжелым ударом по Антанте. Он заставил ее стать более уступчивой в отношении Советской республики. Как указывалось выше, американский сенатор Хичкок ссылался на задержку военнопленных Советским правительством как на одну из причин интервенции. Между тем почти весь 1919 год Советское правительство вело борьбу за быстрейшую репатриацию военнопленных и гражданских перемещенных лиц, а Антанта всячески препятствовала этому. К моменту окончания мировой войны в Германии оказалось много русских военнопленных. Позже часть их была перевезена во Францию, Данию и другие страны. Кроме того, большое число русских солдат оказалось на Балканах, в Македонии в составе расквартированных там воинских частей русской армии. После Октябрь-

[188] Там же, стр. 682—683.

[189] Р. Карпова. Л. Б. Красин. — советский дипломат. М., 1962

[190] АВП СССР, ф. 4, п. 287, д. 54164, л. 50; «Решающие победы...», стр. 646.

ской революции они также находились на положении пленных.

Вопрос о русских военнопленных обсуждался на заседании Верховного совета Антанты в Париже 12 января 1919 г. Маршал Фош предложил отправить их в те районы, которые не находились под контролем Советского правительства, т. е. к белогвардейцам. В середине апреля 1919 г. «совет пяти» принял решение отправлять русских военнопленных только «в те русские области, возвращение в которые допустимо по экономическим и политическим условиям» [191]. Это решение фиксировало то, о чем говорил Фош: международный произвол. Военнопленных отправляли к белогвардейцам. Тех, кто узнавал об этом и категорически отказывался ехать, иногда оставляли, но создавали им нечеловеческие условия существования. Особенно отличилось французское правительство.

О возвращении русских солдат из Франции Советское правительство вело переговоры с первых дней существования Советской власти. От французского правительства ничего не удавалось добиться, кроме неопределенных обещаний. При обмене оставшихся в России дипломатических и военных представителей Антанты в конце 1918 г. было условлено, что французскую военную миссию обменяют на русских солдат, причем миссия советского Красного Креста выедет во Францию для контроля над осуществлением этого соглашения. В начале февраля после прибытия части русских солдат (главным образом больных и инвалидов) из Франции, на пароходе, доставившем этих солдат, отбыла во Францию миссия в составе Мануильского, Арманд и Давтяна. Ей поручили добиваться незамедлительной эвакуации граждан, находящихся как на свободе, так и в местах заключения и желавших вернуться в Россию, разработать и начать осуществлять вместе с французскими властями план эвакуации [192]. Советская миссия, однако, ничего этого сделать не смогла по вине французского правительства. Миссию изолировали на острове Сен-Мало и не допустили к осуществлению контроля над возвращением русских граждан.

Вместе с миссией Мануильского выехала половина французской военной миссии. Остальным членам французской миссии Советское правительство обещало дать

[191] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 733.
[192] Там же, стр. 112.

разрешение на отъезд тогда, когда начнут возвращаться русские военнопленные. Но французское правительство, сорвав эвакуацию пленных, потребовало за 900 русских (из общего числа 35 тыс.) отпустить всех французов [193]. В ответ на несогласие с неравноправным обменом французское правительство заявило, что оно высылает обратно миссию Мануильского. 15 апреля 1919 г. Чичерин направил французскому правительству ноту, в которой разоблачал его действия в нарушение соглашения. «Это достойное сожаления обстоятельство не может не внушать нам некоторого недоверия в отношении будущих соглашений, которые французское правительство нашло бы нужным заключить с русским правительством» [194],— указывалось в советской ноте. После этого французское правительство вернуло еще несколько тысяч русских солдат через Одессу, но, когда Деникин начал наступать с юга, русских солдат стали посылать в его распоряжение.

Советское правительство добросовестно выполняло международные соглашения и разоблачало всякие нарушения таких соглашений со стороны Антанты, в том числе и демагогию Антанты в отношении военнопленных. Не о судьбе военнопленных беспокоились империалисты, а о том, как использовать их в качестве пушечного мяса. После срыва Францией обмена пленными Советское правительство добивалось соглашения с Англией по этому же вопросу, причем такого, которое бы распространялось и на другие страны. Лорд Керзон 29 июня 1919 г. отверг советский план об общем обмене пленными. Началась переписка об обмене англичан на русских и о посылке в Западную Европу советской миссии по обмену. Советское правительство требовало допустить миссию в Лондон или хотя бы в нейтральную страну. 15 сентября английское правительство предложило отправить такую миссию в Данию. Но Дания поставила унизительные условия, запретив советским представителям свободно выбирать место для расквартирования. 7 ноября, наконец, была достигнута договоренность о поездке советской миссии в Копенгаген. Ее возглавил Литвинов.

Копенгагенская миссия Литвинова положила начало новому этапу взаимоотношений Советской России со странами Антанты. Впервые после января 1919 г. появилась

[193] Там же, стр. 607.
[194] Там же, стр. 127.

возможность непосредственного контакта советских дипломатов с дипломатами стран Антанты в Западной Европе. Литвинов прибыл из Ревеля в Копенгаген на английском крейсере «Принцесса Маргарита» 24 ноября 1919 г. К этому времени окончательно определилось поражение основных сил контрреволюции в России (Деникина — под Орлом и Воронежем, Колчака — в Сибири, Юденича — под Петроградом). Премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж признал провал интервенции. В выступлении на банкете в Лондонской ратуше 8 ноября он сказал: «Мы не можем продолжать так дорого стоящую нам интервенцию в стране, охваченной гражданской войной. Наши войска выведены из России, и я рад этому... Россия — опасная страна. Мы это знали в Крыму, и благодаря инстинкту, который нас всегда спасал, мы никогда не удалялись далеко от моря». Последние слова вызвали смех. Ллойд-Джордж заявил о решении вести переговоры с Советским правительством [195].

В мандате, выданном Литвинову, указывалось, что он уполномочен вести предварительные переговоры о возможных условиях мира с представителями правительств Англии, Америки, Бельгии, Италии, Франции и Японии; «договориться и подписать соглашение о времени, месте и прелиминарных условиях вступления России в мирные переговоры» [196]. Английское же правительство строго ограничило своего уполномоченного Джеймса О'Грэди, доверив ему только вопрос о пленных, и вместо общего обмена предлагало сначала обмен «голова за голову».

Решимость Советского правительства добиться установления мирных отношений со странами Антанты была подтверждена постановлениями пленума ЦК РКП(б), VIII Всероссийской конференции РКП(б) и VII Всероссийского съезда Советов. Пленум 29 ноября 1919 г. принял написанное В. И. Лениным решение: «Поручить Чичерину составить подробные тезисы краткого доклада на съезде Советов о мире и текст заявления от съезда Советов. В этом тексте должно быть предложение прямое мира и мирных переговоров, без упоминания об условиях (вариант представить такой, чтобы было подтверждение

---

[195] «The Times», 10.XI 1919.

[196] АВП СССР, ф. РД, п. 11, д. 60, л. 2; «Решающие победы...», стр. 649.

прежних положений о мире, но чтобы нас не связывало)» [197]. Партийная конференция приняла резолюцию «по вопросу о международной политике», написанную Лениным. В этой резолюции были перечислены 10 прежних предложений и сформулировано новое предложение о мире [198]. 5 декабря 1919 г. съезд Советов принял с небольшими поправками этот же ленинский проект. Съезд заявил: «Вполне одобряя все эти многократные шаги Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Народного комиссариата иностранных дел, VII Всероссийский съезд Советов снова подтверждает свое неуклонное стремление к миру, еще раз предлагая всем державам Антанты — Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии,— всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире» [199].

Выступая по поводу этого предложения, Ленин говорил, что при осуществлении мирной политики Советское правительство не смущается многократными повторениями мирных предложений. Выражая сущность мирной политики, Ленин говорил: «...мы должны сделать с максимальной деловитостью и спокойствием повторение нашего мирного предложения. Мы должны сделать это потому, что мы делали уже такое предложение много раз» [200]. Имея в виду отпетых врагов большевизма, которые упорно отмахиваются от советских предложений о мире, Ленин предупреждал их, что это кончится для них плохо. Он говорил: «когда Советская власть делает свое предложение относительно мира, к ее словам и заявлениям обязательно нужно относиться серьезно...» [201]

10 декабря 1919 г. Литвинов разослал обращение съезда Советов посланникам стран Антанты в Копенгагене и уведомил их, что ему поручено вступить с ними в переговоры. Посланники вернули обращение, заявив, что они не уполномочены принимать от советского представителя каких-либо заявлений, поскольку его функции не должны выходить за рамки обмена военнопленными [202].

---

[197] «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 83.
[198] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 366—369.
[199] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 299.
[200] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 402.
[201] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 346.
[202] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 306—308.

По этому поводу советский представитель дал в Копенгагене интервью корреспонденту агентства «Рейтер», в котором заявил, что после отказа принять формальное предложение о мире правительства Антанты не смогут ссылаться на отсутствие предложений. В то же время Лондонский конгресс тред-юнионов единогласно постановил требовать немедленного рассмотрения английским правительством советских предложений и снятия блокады с Советской России.

Советское обращение прежде всего сказалось на ходе переговоров с Англией. Переговоры шли очень медленно. Лондон давал инструкции О'Грэди отклонять все советские предложения. Советское правительство предупредило о возможном отзыве своего представителя. Тогда О'Грэди был вызван в Лондон, и 22 декабря 1919 г. Литвинов смог сообщить о наметившемся благоприятном исходе переговоров. Он писал: «В посылке О'Грэди в Копенгаген для переговоров со мной, совпавшей с некоторым поворотом английской политики в русском вопросе, вся европейская пресса усмотрела попытку со стороны Англии вступить в сепаратные переговоры с нами, и сюда съехались корреспонденты печати всех стран. Сильно встревожилась Франция, потребовавшая от Англии категорических заверений в том, что конференция не выйдет за пределы обмена пленных». И далее: «Из частных бесед с О'Грэди я вынес впечатление, что английское правительство не прочь радикально изменить свое отношение к Советской России». Литвинову удалось через О'Грэди добиться официального заявления английского правительства, что оно не будет препятствовать Эстонии и другим балтийским странам заключить мир с Советской Россией. Оценивая перспективы советско-английских отношений, Литвинов писал: «Можно ожидать в первую очередь снятия блокады со стороны Англии, а может быть, и верховного совета во Франции... Не исключена возможность получения из самой Англии продовольствия, медикаментов и земледельческих машин, что и явится сигналом и для других стран к возобновлению коммерческих отношений» [203].

Обоснованность такой оценки перспектив советско-английских отношений подтверждалась и другими данны-

[203] АВП СССР, ф. РД, п. 8, д. 7, л. 27; «Решающие победы...», стр. 651.

ми. 13 декабря 1919 г. в Москву прибыл представитель деловых кругов Англии И. Пухерт. В письме Чичерину он заявил, что прибыл для получения официального заказа на товары английского производства, что в план деловых кругов, которые он представлял, входило отправить английский пароход в Петроград и этим положить начало правильному товарообмену с Советской Россией. Пухерт указывал на причины перемен в английской политике по отношению к России: «Военные успехи Красной Армии, критическое финансовое положение самой Англии, ежедневный дефицит в 2 миллиона фунтов стерлингов, из которых 1 миллион фунтов стерлингов ежедневно относится к оказываемой Колчаку и К° поддержке, растущее недовольство либеральной буржуазии политикой правительства, почти угрожающее настроение организованных рабочих и вдобавок ко всему этому еще все более и более растущее требование коммерческих кругов начать торговые сношения с Советской Россией привели к тому, что даже среди партии консерваторов предвидится раскол» [204].

Поражение империалистических кругов в Англии — ведущей державы Антанты — было выдающейся победой политики советского народа, его правительства и международного революционного движения. Советские дипломаты прилагали огромные усилия, чтобы ослабить фронт империалистической агрессии, и добились в этом немалых успехов.

Тем временем продолжались переговоры с Эстонией. Советская сторона проявила в них много терпения. 11 декабря 1919 г. Ленин совещался с Чичериным и Красиным о задачах делегации. По инициативе Чечерина сначала было решено заключить договор о перемирии.

Эстонское правительство опасалась, что в случае заключения договора о перемирии Антанта распространит на Эстонию блокаду. Для выяснения перспектив снятия блокады член эстонской делегации Руббель ездил в Копенгаген, где встречался с О'Грэди и Литвиновым. Обнадеживающие сведения о готовящемся снятии блокады ускорили заключение договора о перемирии. Уже 24 декабря проект договора был послан на утверждение в Мо-

---

[204] Там же, ф. 4, 1919 г., д. 4, Англия, л. 17; «Решающие победы...», стр. 652.

скву. 31 декабря из Юрьева поступило сообщение: «Сегодня приблизительно в 7 часов подписали договор о приостановке военных действий и парафировали соглашение об эстонской независимости, о границе и о гарантиях» [205].

Миролюбивые намерения Советского правительства получили яркое отражение в письме Чичерина советской мирной делегации в Юрьеве от 2 января 1920 г., в котором говорилось: «Я предлагал вам указывать эстонцам, что они могут видеть теперь доказательства нашего безраздельного миролюбия, потому что, несмотря на наши головокружительные военные успехи, мы продолжаем по отношению к Эстонии держаться той же линии признания национального самоопределения и проявляем по отношению к ней величайшую уступчивость, вытекающую из нашего миролюбия» [206]. Договор о перемирии между буржуазным эстонским государством и Советской Россией, подписанный 31 декабря 1919 г., был результатом мирной политики Советского правительства. Вместе с тем это была победа трудящихся Эстонии. ЦК Коммунистической партии Эстонии 7 января 1920 г. отмечал, что «перемирия не могло бы быть, если бы Советская власть в России перестала существовать, если бы Юденич и его покровители одержали победу, если бы эстонские трудящиеся не оказали помощь трудящимся России» [207].

Ленинские принципы мирной политики Советское правительство положило в основу переговоров и с Латвией. 20 ноября 1919 г. Литвинов докладывал Чичерину из Ревеля [208]: «Спрашивал сегодня латышей — не согласятся ли они заключить немедленно письменное, но негласное перемирие. Они выразили уверенность, что их правительство на это пойдет» [209]. 10 января 1920 г. в ЦК РКП(б) обсуждался вопрос о перемирии с Латвией [210]. 11 января в Москве начались переговоры. Советскую

---

[205] АВП СССР, ф. 4, п. 287, д. 54163, л. 136; «Решающие победы...», стр. 653.

[206] АВП СССР, ф. 4, п. 287, д. 54166, л. 17; «Решающие победы...», стр. 653.

[207] «Eesty Bolsevik», 1948, № 1, lk. 68.

[208] Маршрут миссии Литвинова: Юрьев — Ревель — Копенгаген.

[209] АВП СССР, ф. 4, п. 287, д. 54164, л. 45; «Решающие победы...», стр. 653.

[210] М. И. Труш. Указ. соч., стр. 219.

сторону представляли Чичерин и Карахан. 13 января итоги двух дней переговоров снова обсуждались в Политбюро ЦК[211]. 30 января в Москве же был подписан договор о перемирии с Латвией[212]. Заключение этого договора способствовало успешному продолжению переговоров с Эстонией.

2 февраля 1920 г. Советская Россия заключила договор о мире с Эстонией. Это была наиболее крупная победа мирной политики Советской власти после Бреста. Она знаменовала крах политики использования Антантой «малых» стран Европы против Советской России. Характеризуя этот мир и связанное с ним новое международное положение России, Ленин 5 февраля на конференции железнодорожников Московского узла сказал: «В международном положении самым ярким фактом является мир с Эстонией. Этот мир — окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада»[213]. Подводя итоги первого этапа советской внешней политики, начавшегося мирными переговорами с Германией в Брест-Литовске и закончившегося успешными переговорами с Эстонией в Юрьеве, Ленин 9 февраля 1920 г. заявил: «Мы на деле доказали свою миролюбивую политику по отношению к малым соседним с нами государствам». И далее: «...мы завоевываем мир в международном масштабе и завоевываем не пушками, а симпатиями, которые сумели внушить не только рабочим, но даже буржуазным правительствам мелких народностей»[214].

Под влиянием разгрома основных сил Антанты в Центральной России и с продвижением Красной Армии вновь к окраинам бывшей Российской империи у империалистов Антанты возникли обоснованные опасения за судьбу этих окраин. Они боялись восстановления Советской власти на окраинах России и подъема революционного движения не только в Восточной, но и в Центральной и Западной Европе. При этих обстоятельствах возобновились переговоры Литвинова с О'Грэди, который возвратился из Лондона с новыми инструкциями. Об этих инструкциях Литвинов докладывал Чичерину: «О'Грэди мне сообщил, что его полномочия расширены теперь до возможности

---

[211] Там же.
[212] «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 333—338.
[213] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 111.
[214] Там же, стр. 125, 126.

говорить со мной о блокаде, и на эту тему он особенно охотно распространяется»[215]. При этих же обстоятельствах 16 января Верховный совет Антанты, идя навстречу интересам средней буржуазии, мечтавшей о расширении внешней торговли, объявил о снятии блокады с Советской России.

12 февраля 1920 г. английское правительство заключило, наконец, соглашение об общем обмене пленными. Это соглашение было прологом торговых переговоров Советского правительства с правительством Великобритании, начавшихся уже в мае 1920 г. Соглашение устанавливало официальные отношения Советской России с одной из ведущих капиталистических держав. Оно имело огромное значение для подготовки дипломатического признания Советского правительства всем капиталистическим миром. Уже в феврале — мае 1920 г. велись переговоры об обмене пленными с правительствами Германии, Франции, Бельгии, Италии. В тот же период начали устанавливаться широкие деловые контакты официальных торговых представителей Советской России и стран Западной Европы и Скандинавии[216].

Империалистам Антанты и США не удалось создать «кордон» из «малых» стран Европы против России, не удалось дипломатически изолировать Советскую социалистическую республику. Это имело огромное значение для укрепления позиций социализма во всем мире. Анализируя этот исторический факт, Ленин заявил: «Эта победа имеет гигантское историческое значение, потому что она одержана без применения насилия, эта победа одержана над всемирным империализмом, победа, благодаря которой большевики приобретают сочувствие всего мира. Эта победа вовсе не показывает, что сейчас же будет заключен всеобщий мир, но зато эта победа показывает, что мы представляем мирные интересы по отношению к большинству населения земли против военно-империалистических хищников»[217].

---

[215] АВП СССР, ф. РД, п. 9, д. 24, л. 4; «Решающие победы...», стр. 654.

[216] И. М. Майский. Англо-советское торговое соглашение 1921 года.— «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 60—77.

[217] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 95—96.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После установления мира с Эстонией, названного В. И. Лениным окном в Европу, наступила передышка. Однако она оказалась недолговременной. Советская власть получила возможность вступить в новый этап борьбы за всеобщий демократический мир. Уже в мае 1920 г. Антанта попыталась новым военным походом сломить Советскую власть в России и в прилегавших к ней советских социалистических республиках. Но и с этим походом советский народ справился. Началась борьба за сохранение мира в условиях невоенных, но в обстановке большой международной напряженности.

Велики были заслуги В. И. Ленина, дипломатов ленинской школы Г. В. Чичерина, В. В. Воровского, М. М. Литвинова, Л. Б. Красина в успехах советской мирной политики. Но главная причина этих успехов заключалась в природе советского строя, которому были чужды завоевательные устремления. Внешняя политика первого в мире социалистического государства вполне отвечала его интернациональной задаче. Она упрочила базу международной пролетарской революции и мирового революционного движения на основе принципа сосуществования стран с различными социальными и государственными системами. Этот принцип означал полное невмешательство во внутренние дела других стран, но не исключал борьбы угнетенных с угнетателями, борьбы антагонистических социальных классов в каждой стране.

Советская мирная политика была реалистичной. Она не являлась надуманной схемой, плодом отвлеченных

размышлений выдающихся деятелей. Она вытекала из самой природы социалистического строя, из реальных факторов жизни. «Когда дипломатия иностранных государств со свойственным ей мастерством, выработанным столетиями, маскировала действительное положение дел и свои действительные стремления под громадным ворохом хороших слов, чувств или приятных утверждений,— писал Чичерин,— Владимир Ильич немногими словами превращал все это в кучу мусора, ставя перед глазами своего собеседника голые реальные факты живой действительности» [1].

История дает также живые примеры лицемерия буржуазной дипломатии, примеры неустанного разоблачения советской дипломатией этого лицемерия. За дымовой завесой разговоров о мире, о гуманности, за мелкими шагами «заботы» о голодных эти лицемеры были способны тайно делать большие шаги в направлении подготовки истребления оружием и голодной блокадой миллионов мирных, ни в чем не повинных людей. Они добивались перемирия не для мира, а для усиления войны. Разоблачая лицемерие буржуазии, советские люди завоевывали на свою сторону таких нейтралов, как Нансен.

Особенность советской внешней политики в 1917—1920 гг. состояла в том, что она была неразрывно связана с интересами широких трудящихся масс. Она доказывала способность рабочих и крестьян, их депутатов в Советах к сознательному творчеству. Простые люди своим народным чутьем правильно избирали среди ряда политических партий своего подлинного вождя — партию большевиков, партию Ленина. Не получив в критический момент поддержки большинства ЦК, Ленин подчинился формальному большинству, но продолжал быть уверенным, что политика революционной фразы не имеет сочувствия среди миллионных масс народа, которые только одни являются решающей силой в политике. Ленин верил в подлинную революционность масс, в их любовь к отечеству, в их интернационализм. Его внешняя политика всегда была подчинена интересам защиты Советского социалистического отечества от империалистов и, разумеется, не исключала помощи нашей страны национально-освободительному и

[1] Г. В. Чичерин. О В. И. Ленине.— «О Владимире Ильиче». Л., 1924, стр. 25—26.

революционному движению, а также народам, ставшим жертвами империалистов.

Внешняя политика Советского государства была по своему содержанию глубоко народной. Из ее содержания вытекали и методы ее осуществления в условиях гражданской войны, в частности метод прямых предложений мира народам «через голову» их буржуазных правительств. Популярность советской внешней политики возрастала не только в силу ее гуманного содержания, но и в результате ее активности. Уже в период гражданской войны у мировой буржуазии, по выражению Ленина, была активно отвоевана средствами этой политики часть ее «собственных» солдат, интеллигенции и даже государств. Мир с эстонским буржуазным государством в Юрьеве был замечательным достижением на этом пути. Он разрушил дипломатический и экономический кордоны, которые империалисты создавали с периода Бреста. Но путь мирной политики от Бреста до Юрьева был нелегким...

Велика честь и ответственность советского народа, идущего в авангарде борцов за мир, национальное освобождение и социальный прогресс. Он выполнял эту задачу тогда, когда руководил борьбой за мир великий Ленин. Он выполняет ее и сейчас, когда Коммунистическая партия уверенно ведет его к новым победам. Идеями Ленина вдохновляется современная советская внешняя политика. Ленинские принципы лежат в ее основе. Эта политика встречает активную поддержку со стороны миролюбивых сил всех стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Сочинения В. И. Ленина

В. И. Ленин. К рабочим, крестьянам и солдатам.— Полн. собр. соч., т. 34, стр. 284—286.

В. И. Ленин. Письмо Петроградской городской конференции.— Там же, стр. 347—350.

В. И. Ленин. Доклад о мире 26 октября (8 ноября).— Полн. собр. соч., т. 35, стр. 13—22.

В. И. Ленин. Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г.— Там же, стр. 112—118.

В. И. Ленин. Конспект переговоров о мире.— Там же, стр. 121—122.

В. И. Ленин. Вопросы делегатам Общеармейского съезда по демобилизации армии.— Там же, стр. 179—180.

В. И. Ленин. Проект резолюции Совета Народных Комиссаров.— Там же, стр. 181.

В. И. Ленин. К истории вопроса о несчастном мире.— Там же, стр. 243—252.

В. И. Ленин. Речь о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г.— Там же, стр. 255—258.

В. И. Ленин. Выступления на заседании ЦК РСДРП(б) 19 января (1 февраля) 1918 г.— Там же, стр. 318—320.

В. И. Ленин. Брест-Литовск. Русская мирная делегация. Троцкому.— Там же, стр. 332.

В. И. Ленин. Речь на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 г. (вечером).— Там же, стр. 336—338.

В. И. Ленин. Проект телеграммы правительству Германской империи.— Там же, стр. 399.

В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании фракции большевиков и левых эсеров ВЦИК 19 февраля 1918 г.— Там же, стр. 340.

В. И. Ленин. Разговор с Московским Советом по прямому проводу 20 февраля 1918 г.— Там же, стр. 341.

В. И. Ленин. О революционной фразе.— Там же, стр. 343—353.

В. И. Ленин. Социалистическое отечество в опасности! — Там же, стр. 357—358.

В. И. Ленин. О чесотке.— Там же, стр. 361—364.

В. И. Ленин. Мир или война? — Там же, стр. 366—368.

В. И. Ленин. В чем ошибка? — Там же, стр. 373—375.

В. И. Ленин. Доклад на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 г.— Там же, стр. 376—380.

В. И. Ленин. Постановление Совета Народных Комиссаров о принятии германских условий мира.— Там же, стр. 381.
В. И. Ленин. Несчастный мир.— Там же, стр. 382—383.
В. И. Ленин. Заметки о необходимости подписать мир.— Там же, стр. 384.
В. И. Ленин. Выступления на заседании ЦК РСДРП(б) 24 февраля 1918 г.— Там же, стр. 385—388.
В. И. Ленин. Позиция ЦК РСДРП (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире.— Там же, стр. 389—392.
В. И. Ленин. Тяжелый, но необходимый урок.— Там же, стр. 393—397.
В. И. Ленин. Странное и чудовищное.— Там же, стр. 399—407.
В. И. Ленин. Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта.— Полн. собр. соч., т. 36, стр. 27—34.
В. И. Ленин. Выступления против поправок Троцкого к резолюции о войне и мире 8 марта.— Там же, стр. 37—38.
В. И. Ленин. Черновой набросок проекта программы.— Там же, стр. 70—76.
В. И. Ленин. Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12 марта 1918 г.— Там же, стр. 83—88.
В. И. Ленин. Проект резолюции по поводу обращения Вильсона.— Там же, стр. 91.
В. И. Ленин. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта.— Там же, стр. 92—111.
В. И. Ленин. Директивы Владивостокскому Совету.— Там же, стр. 216,
В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности.— Там же, стр. 283—314.
В. И. Ленин. Постановление ЦК РКП(б) по вопросу о международном положении.— Там же, стр. 315.
В. И. Ленин. Тезисы о современном политическом положении.— Там же, стр. 322—326.
В. И. Ленин. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.— Там же, стр. 327—345.
В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 37, стр. 1—19.
В. И. Ленин. Речь на митинге в Бутырском районе 2 августа 1918 г.— Там же, стр. 27—29.
В. И. Ленин. Письмо к американским рабочим.— Там же, стр. 48—64.
В. И. Ленин. Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г.— Там же, стр. 97—100.
В. И. Ленин. Резолюция.— Там же, стр. 126—128.
В. И. Ленин. Речь о международном положении 8 ноября.— Там же, стр. 153—168.
В. И. Ленин. Завоеванное и записанное.— Там же, стр. 512—514.
В. И. Ленин. Отчет Центрального Комитета 18 марта.— Полн. собр. соч., т. 38, стр. 131—150.

В. И. Ленин. Ответ на вопросы американского журналиста.— Полн. собр. соч., т. 39, стр. 113—117.
В. И. Ленин. Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря.— Там же, стр. 387—414.
В. И. Ленин. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 40, стр. 87—110.
В. И. Ленин. Речь на конференции железнодорожников Московского узла 5 февраля 1920 г.— Там же, стр. 111—112.
В. И. Ленин. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г.— Там же, стр. 125—128.
В. И. Ленин. Речь на совещании председателей уездных, волостных, сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 41, стр. 344—361.
В. И. Ленин. Доклады о концессиях на фракции РКП (б) VIII съезда Советов 21 декабря.— Полн. собр. соч., т. 42, стр. 91—117.
В. И. Ленин. О внутренней и внешней политике Республики.— Полн. собр. соч., т. 44, стр. 291—329.
В. И. Ленин. Международной ассоциации по информированию рабочей печати Америки, Франции и Англии.— Полн. собр. соч., т. 50, стр. 5—6.
В. И. Ленин. Генерал-майору С. И. Одинцову.— Там же, стр. 6—7.
В. И. Ленин. Телеграмма Л. Д. Троцкому.— Там же, стр. 22.
В. И. Ленин. К. Б. Радеку.— Там же, стр. 30.
В. И. Ленин. Телеграмма Артуру Гендерсону.— Там же, стр. 37.
В. И. Ленин. Радиограмма мирной делегации.— Там же, стр. 46.
В. И. Ленин. Телеграмма В. В. Воровскому.— Там же, стр. 47.
В. И. Ленин. Всем Совдепам. Всем, всем.— Там же, стр. 48.
В. И. Ленин. Телеграмма ЦИК'у Советов Сибири.— Там же, стр. 56.
В. И. Ленин. Ответ по прямому проводу мирной делегации в Курске.— Там же, стр. 66.
В. И. Ленин. Телеграмма В. А. Антонову-Овсеенко.— Там же, стр. 67.
В. И. Ленин. Раймонду Робинсу.— Там же, стр. 68.
В. И. Ленин. Проект радиограммы мирной делегации в Курске.— Там же, стр. 70—71.
В. И. Ленин. Г. В. Чичерину.— Там же, стр. 71.
В. И. Ленин. С. Г. Шаумяну.— Там же, стр. 73—74.
В. И. Ленин. М. Г. Бронскому.— Там же, стр. 74.
В. И. Ленин. А. А. Иоффе и В. Р. Менжинскому.— Там же, стр. 79—81.
В. И. Ленин. С. Г. Шаумяну.— Там же, стр. 82.
В. И. Ленин. Американским солдатам-интернационалистам.— Там же, стр. 86.
В. И. Ленин. Телеграмма А. М. Юрьеву.— Там же, стр. 106—107
В. И. Ленин. Во все районные комитеты РКП, во все районные Совдепы, всем штабам Красной Армии.— Там же, стр. 112—113.
В. И. Ленин. А. А. Иоффе.— Там же, стр. 134—135.
В. И. Ленин. Г. В. Чичерину и Л. М. Карахану.— Там же, стр. 188—191.

В. И. Ленин. Г. В. Чичерину и М. М. Литвинову.— Там же, стр. 304—306.
В. И. Ленин. А. А. Иоффе.— Там же, стр. 195.
В. И. Ленин. Телеграмма российской мирной делегации.— Там же, стр. 367—368.
В. И. Ленин. Л. Д. Троцкому.— Полн. собр. соч., т. 51, стр. 69.
В. И. Ленин. Проект постановления СНК по вопросу о предоставлении решающего голоса заместителям народных комиссаров на заседаниях Совнаркома.— Полн. собр. соч., т. 54, стр. 389.
В. И. Ленин. Записка Г. В. Чичерину и решение Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о взаимоотношениях со странами Антанты.— Там же, стр. 418.
В. И. Ленин. Из дневника публициста.— «Ленинский сборник», XI, стр. 8—12.
В. И. Ленин. Телеграмма Л. Д. Троцкому.— Там же, стр. 19.
В. И. Ленин. Запись радиограммы генерала Гофмана.— Там же, стр. 26.
В. И. Ленин. Предписание для радиостанции Царского Села.— Там же, стр. 27.
В. И. Ленин. Пометки на копии телеграммы из Серебрянки.— Там же, стр. 28.
В. И. Ленин. Проект приказа всем Совдепам.— Там же, стр. 33.
В. И. Ленин. План тезисов по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира.— Там же, стр. 37—39.
В. И. Ленин. Сводка прений на партсовещании 21 (8) января 1918 года.— Там же, стр. 43—45.
В. И. Ленин. Заметки из истории войн Наполеона I с Германией.— Там же, стр. 49—50.
В. И. Ленин. Свод ответов на вопрос «Мир или война», полученных в Ц. И. К.— Там же, стр. 59—60.
В. И. Ленин. Постановление ЦК РКП(б) о политическом положении.— Там же, стр. 76—78.
В. И. Ленин. Проекты тезисов о современном политическом положении.— Там же, стр. 78—79.
В. И. Ленин. План доклада о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.— Там же, стр. 92.
В. И. Ленин. Телефонограмма в Главный почтамт.— «Ленинский сборник», XXI, стр. 240.
В. И. Ленин. Телеграмма секретарю российской мирной делегации.— «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 23.
В. И. Ленин. Полномочия М. М. Литвинову.— Там же, стр. 239—241.
В. И. Ленин. Верительные грамоты В. В. Воровскому.— «Ленинский сборник», XXXV, стр. 239—241.
В. И. Ленин. Во все народные комиссариаты.— Там же, стр. 35.
В. И. Ленин. Итоги ответов по вопросу мир или война, полученных СНК и ЦИК.— «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 30.
В. И. Ленин. Проект постановления пленума ЦК РКП(б).— Там же, стр. 83.

«Архив полковника Хауза», т. III. М., 1939; т. IV. М., 1944.
«Архив русской революции». XX. Берлин, 1930.
Алахвердов Г. Г. Разложение войск интервентов на Севере России в 1918—1919 годах.— «Вопросы истории», 1960, № 7.
Андреев А. Г. Против буржуазной фальсификации истории внешнеполитической деятельности большевиков (ноябрь 1917 — март 1918 г.).— «Вестник Ленинградского университета». Серия истории, языка и литературы, 1965, № 20.
Аникеев В. В., Лавров Р. А. Анкеты делегатов VII съезда РКП(б).— «Исторический архив», 1958, № 3-4.
Ахтамзян А. От Бреста до Киля. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963.
Багаев Б. Ф. Борьба большевиков за ратификацию Брестского мира в местных Советах (февраль — март 1918 г.).— «Научные записки Ленинградского финансово-экономического института», вып. 18. Л., 1957.
Березкин А. В. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М., 1952.
Берлина З. Н., Горбунова Н. Т. Брестский мир и местные партийные организации.— «Вопросы истории КПСС», 1963, № 9.
Богомолов А. В. В. И. Ленин и внешняя политика Советского государства.— «История СССР», 1960, № 2.
«Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России». Сборник документов. М., 1957.
«Борьба за мир в ноябре 1917 г.».— «Исторический архив», 1957, № 5.
Брюнин В. Великая Октябрьская социалистическая революция и рабочее движение в Германии в 1917—1918 гг.— «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1958.
Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 1925.
Бьюкенен Д. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата, т. II. Берлин, 1924.
«Важные исторические документы».— «Коммунист Узбекистана», 1960, № 10.
Вальков В. А. СССР и США (Их политические и экономические отношения). М., 1965.
Варламов К., Сломихин Н. Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики «левых» коммунистов (ноябрь 1917 г.— 1918 г.) М., 1964.
Васюков В. С., Чубарьян А. О. Борьба большевистской партии и Советского государства за революционный выход из войны (октябрь 1917 — март 1918 г.).— «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957.
«Великая Октябрьская социалистическая революция. Библиографический указатель документальных публикаций». М., 1961.
«Великая Октябрьская социалистическая революция и мировое освободительное движение», т. 2. М., 1958.
Веселы И. Чехи и словаки в революционной России 1917—1920 гг. М., 1965.

«В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти (Биографическая хроника)».— «Вопросы истории КПСС», 1960, № 3.
Вінніченко В. В. Відродження нації, ч. II. Київ — Відень, 1920.
Вихалем П. И. Буржуазные националисты как фальсификаторы истории возникновения буржуазного эстонского государства. Докт. дисс. М., 1950.
Волков Ф. Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924 гг.). М., 1954.
«Вопросы внешней политики. Доклады и ноты Чичерина». М., 1920.
Выгодский С. Ю. В. И. Ленин — руководитель внешней политики. Л., 1960.
Выгодский С. Ю. Ленинский декрет о мире. Л., 1958.
Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Новый источник о численности русской действующей армии накануне Октябрьской революции.— «Источниковедение истории Советского общества». М., 1964.
Гапоненко Л. С. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953.
Городецкий Е. Н. Демобилизация армии в 1917—1918 гг.— «История СССР», 1958, № 1.
Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965.
Гладков И. А. Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917—1918 гг. М., 1950.
Голуб П. А. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918 г.). Киев, 1958.
Гофман М. Война упущенных возможностей. М., 1925.
«Гражданская война в Сибири и Северной области». М.— Л., 1927.
Гулыга А., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США (1918—1920 гг.). М., 1952.
Деборин Г. А. Советская внешняя политика в первые годы существования Советского государства. 1917—1920 гг. М., 1951.
«Декреты Советской власти», т. I. М., 1957; т. II. М., 1959.
«Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957; т. II. М., 1958.
Дремов А. С. В. И. Ленин во главе борьбы Коммунистической партии и Советского правительства за мир (октябрь 1917—март 1918 г.).— «Труды 1-го Московского медицинского института», т. 12. М., 1961.
Евгеньев Г. Е., Шапик В. С. Революционер, дипломат, ученый (О Л. К. Мартенсе). М., 1960.
Захарова Н. В. Отказ Советского государства от договоров царской России, нарушавших права народов восточных стран.— «Советский ежегодник международного права». М., 1963.
Зорин В., Исраэлян В., Санакоев Ш. Ленинский курс внешней политики.— «Коммунист», 1963, № 4.
Ивашин И. Ф., Зуев Ф. Г. Международные отношения в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Внешняя политика Советского государства в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1955.
«Из истории гражданской войны в СССР», т. I. М., 1960.
«Из наказов делегатам II Всероссийского съезда Советов».— «Красный архив», 1937, т. 3.

«Из писем Секретариата ЦК РКП(б) на места в дни борьбы за Брестский мир».— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 6.
«Из протоколов ПК».— «Красная летопись», 1923, т. 6.
Иноземцев Н. Величие ленинской политики мира.— «Коммунист», 1964, № 6.
Исраэлян В., Степанов А. Антиимпериалистический фронт и советская дипломатия.— «Международная жизнь», 1966, № 1.
«История гражданской войны в СССР», т. 3. М., 1957; т. 4. М., 1959.
«История дипломатии». М., 1965.
«История международных отношений и внешней политики СССР 1917—1939 гг.», т. I. М., 1961.
Карпова Р. Л. Б. Красин — советский дипломат. Л., 1962.
Кедров М. С. Без большевистского руководства. Л., 1930.
Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
Кобляков И. К. Борьба Советского государства за сохранение мира с Германией в период действия Брестского договора (март — декабрь 1918 г.).— «История СССР», 1958, № 4.
Кобляков И. К. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М., 1954.
«Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954.
«Коммунистические листовки и воззвания к солдатам Антанты».— «Исторический архив», 1958, № 1.
Коновалов В. Г. Иностранная коллегия. Одесса, 1958.
Конопелько Г. М. Борьба Коммунистической партии и Советского государства за мир в первый период Советской власти (ноябрь 1917 — март 1918 г.). М., 1958.
Красильников И. Д. Из истории борьбы большевистской партии во главе с В. И. Лениным за мир.— «Ученые записки кафедр истории КПСС», вып. 4. М., 1964.
«Крах германской оккупации на Псковщине». Л., 1939.
Кремер И. С. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). М., 1963.
«Крестьяне о Брестском мире».— «Красный архив», 1933, т. 5.
Крыленко Н. Смерть старой армии.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 11, 12.
Кулаков В. М. Историческое значение декрета о мире.— «Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М., 1957.
Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954.
Лебов М. Ф. Венгерская Советская Республика 1919 года. М., 1959.
Лихолат А. В. Из истории борьбы трудящихся Украины против буржуазно-националистической контрреволюции в 1919 году.— «Вопросы истории», 1959, № 2.
Лихолат А. В. Разгром буржуазно-националистической директории на Украине. М., 1949.
Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары, т. IV—V. М., 1938.
Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М., 1959.
Майский И. М. Англо-советское торговое соглашение 1921 года.— «Вопросы истории», 1957, № 5.

Малкин Б. Владимир Ильич Ленин и Брестский мир.— «Комсомольская правда», 6 марта 1928.
Маркова Р. И. Борьба В. И. Ленина с троцкистами и «левыми» коммунистами в период Бреста.— «Вопросы истории КПСС», 1959, № 5.
Марти А. Восстание на Черном море. М.— Л., 1940.
«Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1958.
«Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I. М., 1920.
Минц И. И. Меньшевики и интервенция. М.— Л., 1931.
Минц И. И. Начало борьбы Советской власти за всеобщий мир (1917—1918).— «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Кафедра истории СССР», т. 59, вып. 4. М., 1958.
«Накануне перемирия».— «Красный архив», 1927, т. 4.
Неелов М. М. Борьба большевиков за мир (октябрь 1917 — март 1918 г.). Омск, 1958.
«Обращения Советского правительства к американским солдатам».— «Исторический архив», 1960, № 5.
Ознобишин Д. В. Внешнеполитические победы советского народа и международная солидарность трудящихся в 1919 г.— «Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.» М., 1960.
«Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957.
«О попытках Временного правительства России реорганизовать армию».— «Исторический архив», 1961, № 4.
«Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.». Сборник материалов и протоколов. М.— Л., 1927.
Покровский М. Н. Большевики и фронт в октябре — ноябре 1917 года.— «Красная новь», кн. II, 1927.
«Покушение на Ленина 30 августа 1918 г.» М., 1924.
Полтавский М. А. Баварская Советская Республика. М., 1959.
«Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир». Документы и материалы. М., 1958.
«Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва». Стенографический отчет. М., 1920.
«Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.» М., 1958.
«Развитие советской экономики». М., 1940.
Рахметов В. К истории январских тезисов Ленина 1918 г.— «Пролетарская революция», 1929, № 5.
Рейхберг Г. Е. Японская интервенция на Дальнем Востоке. М., 1935.
«Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г.» М., 1960.
Самойло А. Две жизни. М., 1958.
«VII экстренный съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1962.
Селезнев Г. К. Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917—1920 гг. М., 1963.
Соболева П. И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира (ноябрь 1917—1918 г.). М., 1965.

Советов А. Советский Союз и современные международные отношения.— «Международная жизнь», 1966, № 1.
«Советская внешняя политика и общественный прогресс».— «Коммунист», 1965, № 12.
«Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». М., 1962.
«Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.» М., 1957.
Сонкин М. Е. Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917—1921 гг. М., 1964.
«Стенографический отчет IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов». М., 1918.
Ступоченко Л. В брестские дни. Воспоминания. М., 1926.
Тайгро Ю. В. В годы гражданской войны.— «Под знаменем Октября. (Трудящиеся Эстонии в борьбе за Советскую власть)». М., 1959.
Тарасов В. В. Борьба с интервентами на севере России. М., 1958.
Темкин Я. Г. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М., 1957.
Темкин Я., Труш М. Проблемы международной политики в новых документах В. И. Ленина.— «Международная жизнь», 1965, № 10.
Томашевский Д. В. И. Ленин и внешняя политика социализма.— «Международная жизнь», 1965, № 12.
«III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Стенографический отчет. Пг., 1918.
«Триумфальное шествие Советской власти». Документы и материалы, ч. 1. М., 1963.
«Трудящиеся Эстонии в борьбе за Советскую власть. 1917—1940 гг.». М., 1959.
Трухановский В. Г. Принцип мирного сосуществования и его буржуазные критики.— «Вопросы истории», 1963, № 7.
Труш М. И. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963.
Фельдман С. Съезд Советов. (Впечатление участников).— «Известия Советов Москвы и Московской области», 14 марта 1928 г.
Фокке Д. Г. Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров.— «Архив русской революции», XX. Берлин, 1930.
Фомичев А. Борьба Коммунистической партии за демократический мир и выход из империалистической войны в первые месяцы пролетарской диктатуры.— «Ученые записки Псковского педагогического института им. С. М. Кирова», вып. 6. Псков, 1958.
Фрайман А. Л. Революционная защита Петрограда в феврале — марте 1918 г. М.— Л., 1964.
Френкин М. С. Революционное движение на Румынском фронте (1917 — март 1918 г.). Солдаты 8-й армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965.
Фураев В. К. Советско-американские отношения 1917—1939. М., 1964.
Хвостов В. М. 40 лет борьбы за мир. Краткий очерк. М., 1958.
Чернин О. В дни мировой войны. М.— Пг., 1923.
Чичерин Г. В. Ленин и внешняя политика.— «Вопросы истории», 1957, № 3.

Чичерин Г. В. О В. И. Ленине.— «О Владимире Ильиче». Л., 1924.
Чубарьян А. О. Брестский мир. М., 1964.
Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М., 1949.
Яковлев Л. И. Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. 1917—1922. М., 1964.
«Army. The Evacuation of the North Russia. 1919». London, 1920.
Hilger G., Meyer A. The Incompatible Allies. New York, 1953.
«Francouzské dokumenty k přípravě protisovětského vystoupení čs. legií».— «Histoire a vojenstvi», № 3. Praha, 1963.
Muška J., Horec I. Účast československé armády v Rusku na imperialistické válce a protisovětintervenci v letech 1914—1920.— «K úloze československých legií v Rusku». Praha, 1953.
Kingissepp V. Kellele iseseisvus. Kellele ike. Tallin, 1946.
«Papers Relating to the Foreign Relations of the United States».— «The Lansing Papers. 1914—1920», vol. II. Washington, 1940; «The Paris Peace Conference. 1919», vol. II, 1942; vol. III, 1943; vol. IV, 1944; «1918. Russia», vol. I. Washington, 1931; vol. II, 1932; «1919. Russia». Washington, 1937.
«The Trotsky Papers 1917—1922. I. 1917—1919». London — Paris, 1964.

Архивные источники

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 2, 17, 19, 70, 274, 275.
Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), ф. 130, 449, 1235, 1244, 6978.
Архив внешней политики СССР (АВП СССР), ф. 4, Референтура по Дании (РД).
Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 94, 366, 2003, 2048.
Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 32.
Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГА ВМФ), ф. 5.
Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО), ф. 47, 89, 101, 148, 151, 720, 1000, 6276, 7384.

Газеты, журналы, бюллетени

«Бакинский рабочий». Орган Бакинского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 1917 (октябрь).
«Борьба». Орган Царицынского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, 1918 (март).
«Борьба и труд». Орган Владимирского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918 (март).
«Буревестник». Орган Северо-западного областного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (Минск), 1917 (октябрь).
«Вестник Одесского Земства», 1917 (октябрь).

«Власть труда». Орган Ярославского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, 1918 (март).
«Военно-исторический журнал», 1964 (№ 11, 12).
«Вопросы истории», 1957 (№ 3, 5), 1959 (№ 1), 1960 (№ 7), 1963 (№ 7).
«Вопросы истории КПСС», 1958 (№ 6), 1959 (№ 5), 1960 (№ 3), 1963 (№ 9).
«Голос труда». Орган анархо-синдикалистов (Москва), 1918 (март).
«Голос труда». Орган Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Лисичанского района (Луганск), 1918 (март).
«Дела народные». Орган Петроградского комитета партии социалистов-революционеров, 1918 (февраль).
«Дела народов». Орган фракции эсеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918 (февраль).
«Дела народа». Орган Центрального комитета партии социалистов-революционеров (Петроград), 1918 (январь).
«Дело народов». Орган фракции эсеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918 (январь, февраль).
«Дело революции». Орган Ново-Николаевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918 (март).
«Знамя революции». Орган Томского губернского исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов, 1918 (март).
«Известия Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1918 (февраль, март).
«Известия Бакинского исполнительного комитета», 1918 (март).
«Известия Витебского революционного губернского и городского Советов крестьянских, рабочих, солдатских и батрацких депутатов», 1918 (март).
«Известия губернского исполнительного комитета Владимирского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1918 (март).
«Известия Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1918 (март).
«Известия Центрального Исполнительного Комитета Совета крестьянских, рабочих, солдатских депутатов и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (Петроград), 1917 (ноябрь), 1918 (февраль, март).
«Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов» (Москва), 1918 (март).
«Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов» (Москва), 1918 (март, апрель), 1919 (май).
«Известия Гельсингфорсского Совета депутатов Армии, Флота и рабочих», 1918 (февраль, март).
«Известия Енакиевского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1918 (март).
«Известия Курского объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1918 (февраль).
«Известия Лозово-Павловского Совета рабочих и крестьянских депутатов», 1918 (март).

«Известия Московского Совета рабочих депутатов», 1917 (сентябрь).
«Известия Нижнетагильского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1918 (март).
«Известия Новгородского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1918 (март, апрель).
«Известия Пензенского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», 1918 (февраль, март).
«Известия Рыбинского Совета рабочих, солдатских депутатов», 1918 (март).
«Известия Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и районного исполкома Советов», 1918 (март).
«Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области», 1918 (февраль, март).
«Известия Старорусского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1918 (март).
«Известия Уфимского губернского Совета народных комиссаров», 1918 (март, апрель).
«Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 1918 (март).
«Известия Юга». Орган Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов и областного комитета Донецкого и Криворожского бассейнов» (Харьков), 1917 (октябрь), 1918 (март).
«Известия Ядринского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 1918 (март).
«Исторический архив», 1957 (№ 5), 1958 (№ 1, 3, 4), 1960 (№ 5), 1961 (№ 4).
«История СССР», 1958 (№ 1, 4).
«Казанская рабочая газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов», 1917 (сентябрь, ноябрь).
«Калужская правда». Орган Калужского губернского и городского комитетов Российской коммунистической партии, 1918 (март).
«Коммунист», 1963 (№ 4, 6), 1964 (№ 6), 1965 (№ 12).
«Коммунист Узбекистана», 1960 (№ 10).
«Комсомольская правда», 1928 (март).
«Красная газета». Вечерний выпуск. Издание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918 (февраль, март).
«Красная газета». Утренний выпуск. Издание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918 (февраль, март).
«Красное знамя». Орган Нижегородского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918 (март).
«Красная летопись», 1923 (№ 6).
«Красная новь», 1927 (кн. 11).
«Красноярский рабочий». Орган Красноярского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 1917 (октябрь).
«Красный архив», 1927 (т. 4), 1933 (т. 5), 1937 (т. 3).
«Крестьянин и рабочий». Объединенный орган Исполнительного бюро Приморского областного Совета крестьянских депутатов и Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1918 (февраль, март).
«Крестьянин и рабочий». Орган Шадринского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918 (март).
«Международная жизнь», 1925 (№ 10, 12), 1956 (№ 1).
«Народная воля». Известия Елабужского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, 1918 (март).

«Наш голос». Орган Сумского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918 (март).
«Новая жизнь» (Петроград), 1918 (февраль, март).
«Новый день». Орган социалистической мысли (Петроград), 1918 (февраль).
«Орловские Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1918 (февраль, март).
«Правда», 1917 (ноябрь, декабрь), 1918 (февраль, март, декабрь), 1924 (январь), 1964 (май), 1965 (ноябрь).
«Приволжская правда». Орган Самарского губернского комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), 1918 (март).
«Пролетарская революция», 1929 (№ 5).
«Пролетарское знамя». Орган Пермского окружного комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 1917 (ноябрь).
«Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот», 1918 (март).
«Рабоче-крестьянская газета». Орган соединенного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Красноярск), 1918 (февраль, март).
«Рабочий и солдат». Орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917 (октябрь, ноябрь).
«Рабочий край». Орган Иваново-Вознесенского губернского и городского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1918 (март).
«Рабочий путь» (Петроград), 1917 (сентябрь, октябрь).
«Ржевская коммуна». Орган Ржевской организации Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), 1918 (февраль).
«Солдат, рабочий и крестьянин». Орган Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фабрично-заводских комитетов и профессионального союза (Самара), 1918 (март).
«Солдатская газета». Издание Самарского Совета военных депутатов, 1917 (октябрь).
«Солдатская правда». Орган Военной организации при Центральном Комитете Российской социал-демократической рабочей партии (Петроград), 1917 (ноябрь).
«Социал-демократ». Орган Московского областного бюро, Московского комитета и Московского окружного комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 1917 (октябрь, ноябрь, декабрь), 1918 (январь, февраль, март).
«Уральский рабочий». Орган Уральского областного комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) (Пермь), 1917 (октябрь), 1918 (март).
«Eesty Bolševik» (Tallin), 1948 (№ 1).
«Historie a vojenstvi» (Praha), 1963 (№ 3).
«Soviet Russia». 1919 (XI).
«The Times», London, 1917 (XI, XII), 1919 (XI).
«III-me Internationale» (Moskau), 1918.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамович Р. 168, 182
Аванесов В. А. 212
Авилов Б. В. 204
Авилов Н. 86, 189
Айронсайд И. 271, 310
Акишев Н. Н. 140
Аксенов 193, 194
Алахвердов Г. Г. 262, 270, 271, 306
Александр I 110, 111
Алексеев Н. Н. 158
Альтфатер В. М. 8, 44, 86, 161
Андогский А. И. 161
Андреев А. Г. 306
Аникеев В. В. 306
Анри 261
Ансельм Ф. 273
Антипов 128
Антонов А. Е. 102
Антонов 153
Антонов-Овсеенко В. А. 228, 304
Анучин С. А. 38
Арманд И. Ф. 269, 290
Артем (Сергеев) 70, 91, 144, 211
Асс 153
Астров И. 167, 183
Ахрипкин А. 188
Ахтамзян А. А. 6, 306

Багаев Б. Ф. 6, 306
Базаров В. 216
Баландин С. А. 157
Балуев П. С. 34
Бальфур А. 223
Барбюс А. 278
Бейли Ф. 242
Беленький 165
Белов Г. А. 4
Беляков Н. К. 44
Бенеш Э. 238
Березкин А. В. 5, 306
Берзин Я. А. 251
Берлина З. Н. 176, 306
Биценко А. А. 44, 57
Бичерахов Л. 242
Бобинский С. Я. 60
Богачев 130
Богданов Б. О. 137
Богданов В. 139
Боговой В. 195
Боговой И. В. 195
Боголепов Д. П. 86, 283
Богомолов А. 306
Боженко В. Н. 249
Бокий Г. И. 69
Болдырев В. Г. 34
Бонч-Бруевич В. Д. 38
Бонч-Бруевич М. Д. 38
Брагинский Л. М. 146
Бреслав Б. А. 202
Бриллиантов М. А. 86
Бройдо Е. Л. 168
Бронский М. Г. 236, 304
Брушвит И. М. 184
Брюнин В. Г. 40, 41, 306
Бубнов А. С. 70, 71, 91, 92, 174
Будкин П. А. 129
Буклер У. 257, 258
Буллард А. 210
Буллит У. 9, 263, 264, 266, 267, 268
Бухарин Н. И. 60, 65, 68, 69, 81, 82, 92, 93, 112, 116, 178, 243

Буше Х. 215
Бьюкенен Д. 28, 30, 37, 42, 306

Вайнберг Г. Д. 101
Вайян-Кутюрье П. 278
Валентинов Г. 153, 154
Вальков В. А. 6, 306
Варга Д. 269
Варламов К. И. 5, 151, 173, 306
Васильев М. 69
Васильев 194
Васильев 142
Васич Н. М. 131, 192
Васюков В. С. 53, 306
Вахрушев 141
Вейнбаум Г. С. 118, 154
Величко 147
Верховский А. И. 28
Веселы И. 239, 306
Вильгельм II 74, 111, 155, 216
Вильсон В. 42, 54, 63, 64, 207, 208—210, 223, 241, 254, 255, 257, 258, 264, 266, 267
Вильямс А. 230
Виноградов Н. Д. 86
Винниченко В. К. 248, 249, 306
Вихалем П. И. 281, 282, 283, 287, 288, 306
Вицуп Р. С. 241
Войрш 33
Волков В. Д. 205
Волков Ф. Д. 306
Володарский В. 65, 78, 79, 104, 105, 107, 108, 115, 116, 211, 219
Вольдемарас А. 252
Воровский В. В. 9, 158, 251, 255, 257, 259, 260, 261, 299, 304, 305, 315
Воронов В. Н. 139
Врачев И. Я. 174, 197
Выгодский С. Ю. 41, 307

Гаврилов Л. М. 56, 307
Газа И. И. 180
Гальперин Л. Е. 94, 95
Гапоненко Л. С. 307
Гашек Я. 269
Ге А. Ю. 78, 108, 210
Гендерсон А. 8, 73, 304
Георгиевский Н. Н. 131
Геронимус А. И. 5, 307
Гертлинг Г. 41, 216
Гетте 147
Гинденбург П. 103, 191
Гладков И. А. 64, 307
Гнесин 126, 127
Гоба 202
Гогуа К. Г. 167, 168
Голощекин Ф. 214, 219
Голуб П. А. 307
Гомперс С. 209
Горбунов Н. П. 97, 116, 140
Горбунова Н. Т. 176, 306
Горев Б. 167, 183
Горелик М. С. 65
Горелин И. 154
Горжец Я. 238, 239, 310
Городецкий Е. Н. 56, 58, 307
Горький А. М. 284
Гофман М. 44, 45, 51, 60, 61, 72, 74—76, 80, 87, 156, 159, 227, 305, 307
Гоц А. Р. 28
Грачев В. Ф. 181
Гренар Л. 244
Григорьев Р. 168
Гринберг З. Г. 108
Громыко А. А. 4
Грузит Л. Г. 235
Грушка Ч. 269
Гулыга А. В. 5, 307
Гуревич 127
Гурс 255

Давтян 290
Далин Д. Ю. 183
Дан Ф. 137, 167, 182
Данилов Ю. Н. 161
Деборин Г. А. 5, 307
Деникин А. И. 28, 246, 248, 268, 275, 280, 291, 292
Дерябина С. И. 184
Джапаридзе П. А. 120, 156, 242
Дзержинский Ф. Э. 91, 92
Дитерихс М. К. 136
Дмитриев 192, 193
Доброхотов Н. Ф. 130
Доронин 201
Дремов А. С. 307
Дундич О. 269
Дутов А. И. 241
Духонин Н. Н. 12, 13, 28—30, 33, 35—39, 136
Дэвис Д. 13
Дыбенко П. Е. 86
Дьячков 147

Евгеньев Г. Е. 264, 307
Евдокимов Г. Е. 36
Ежов В. 167, 183
Екимов И. 180
Енукидзе А. С. 56
Ерманский А. 78, 89, 115
Есенев 127

Жбанов 122
Жигалов 139
Жиделев Н. А. 154
Жуков Е. М. 4

Забицкий 146
Зайцев П. А. 231
Залка М. 269
Захаров 48
Захарова Н. В. 23, 307
Зейман 89
Земсков И. Н. 4
Зенкович А. Г. 194
Зиновьев Г. 104, 142
Зорин В. С. 4, 307
Зуев Ф. Г. 5, 307

Иванов 48
Иванов Г. 195
Ивашин И. Ф. 5
Ивнев Р. А. 104, 160, 182
Игнатов Е. Н. 116
Игнатьев А. 188, 189
Ильин Ф. Н. 93, 94, 95
Иноземцев Н. Н. 170, 307
Иоффе А. А. 8, 44, 75, 81, 92, 157, 158, 236, 243, 304, 305
Исраэлян В. Л. 4, 307
Исув И. А. 94, 95

Каледин А. М. 43, 54, 228
Калинин М. А. 126
Каменев А. А. 68
Каменев Л. 44
Каменщиков В. В. 34, 38
Камков Б. 108, 112, 210, 211, 234
Каневский 147
Каплан Ф. 244
Карахан Л. М. 8, 44, 76, 157, 158, 161, 162, 228, 297, 304
Карелин В. А. 60, 86, 91, 207, 209, 217
Карпова Р. Ф. 289, 308
Катаев 201
Каценеленбоген 202
Квапинский 126
Квасман 202
Квиринг Э. И. 144
Кедров М. С. 55, 224, 308
Кекис Ф. Ф. 194
Кенигиссер 244
Керенский А. Ф. 13, 26, 96, 124, 136, 186
Керженцев В. 185
Керзон Д. 291
Керр Ф. 263
Кивин 202
Кингисепп В. Э. 281, 311
Киров С. М. 6, 310
Клеванский А. Х. 308
Клемансо Ж. 254, 257, 258, 266, 267, 275
Климушкин П. Д. 184
Кобляков И. К. 6, 227, 308
Ковалев 427, 496
Коган 127
Коган-Бернштейн М. Л. 78, 234
Козловский М. Ю. 86
Козьмин П. А. 86
Колегаев А. Л. 60, 86, 88
Коллонтай А. М. 34
Колосов 203
Колчак А. В. 247, 254, 263, 264, 268, 277, 280, 283, 287, 292, 295
Кондратьев 197
Коновалов В. Г. 270, 308
Конопелько Г. М. 5, 308
Корнилов Л. Г. 28, 38, 43
Корчагин С. М. 181
Косиор С. В. 69, 71, 91
Костин 202
Костюков 149
Коча Н. Д. 32
Кочетов И. В. 195
Красиков П. А. 86
Красильников И. Д. 6, 32, 308
Красин Л. Б. 262, 283, 289, 295, 299, 315
Краснов П. Н. 26, 240, 247, 248
Кремер И. С. 75
Креслин Г. 175
Крестинский Н. Н. 69, 71, 81, 91, 92
Крилов 202
Крыленко Н. В. 8, 26, 27, 30, 33, 34, 37, 38, 46, 48, 57,

58, 76, 77, 80, 86—89, 106, 156, 164, 308
Кудинский 38
Куйбышев В. В. 211, 214
Кулаков В. М. 308
Кун Б. 274
Кунина А. Е. 5, 308
Курашкин Н. А. 140
Кутузов В. В. 56, 307
Кюльман Р. 49, 50, 54, 60, 72, 74, 76

Лавернь Ж. 239
Лавров Р. А. 306
Лансинг Р. 54, 63, 221, 242, 255, 270, 271, 284, 311
Ларин Е. Е. 122
Ларин Ю. 186
Лашевич М. М. 105
Лацис М. И. 86
Лебов М. Ф. 274, 308
Левинсон М. А. 89
Левицкий 72
Ленсдаун Г. 43
Ленин В. И. 3—8, 10, 15, 16, 22, 24, 28—32, 34, 37, 44—47, 49, 51, 52, 55, 59, 61, 62, 64—71, 73—77, 80—87, 91—93, 95—98, 104—117, 123, 124, 135, 146, 150, 151, 157—163, 167, 169—173, 175, 177, 178, 185, 188, 198, 204, 205, 208, 210, 211, 215, 216, 221, 224—237, 240, 242—246, 250—252, 259, 262—264, 267—270, 275, 279, 281, 284, 286, 287, 292, 293, 295, 297—310, 315
Леопольд Баварский 44
Лившиц 115
Лигети К. 269
Лимаров 193
Липский В. В. 161
Литвинов М. М. 8, 9, 80, 251, 252, 254, 255, 257, 261, 283, 284, 286—288, 291—297, 299, 305, 315
Лихач М. А.
Лихолат А. В. 248, 249, 308
Ллойд-Джордж Д. 27, 52, 53, 55, 252, 257, 258, 263—265, 267, 292, 308
Лозовский А. 154
Локкарт Б. 162, 170, 171
Локтионов 146
Ломов А. 65, 69, 71, 81, 91—93, 243
Лоу Б. 276
Лукин С. 195
Лукомский А. С. 28
Луначарский А. В. 86, 107, 108
Львов Г. Е. 257
Львов И. 148
Любинский М. 72
Люблин В. Н. 197
Людендорф Э. 80
Лябурб Ж. 270
Ляказ 275

Майер А. 227, 311
Майер Л. 255
Майм Н. 288
Майоров С. М. 4, 37, 38, 46, 75—77, 308
Майский И. М. 9, 298, 308
Макдоннель 241, 242
Макеев 176
Максимовский В. Н. 65
Малкин Б. Ф. 8, 107, 111, 123, 308
Малышев П. Н. 241
Маннергейм К. 252, 268
Мануильский Д. З. 36, 228, 290, 291
Маркова Р. И. 6, 49, 308
Мартенс Л. К. 264, 265, 272, 307
Марти А. 273, 308
Мартов Л. 108, 135, 137, 167, 210, 234
Мартынов А. 102, 167
Масарик Т. 238
Масков Я. 177
Матасов 119
Мгеладзе И. В. 148
Межлаук В. И. 16
Мендер Ф. 296
Менжинский В. Р. 86, 236, 304
Меницкий И. А. 202
Мерен Г. 34
Мерinг Ф. 39
Миллер Е. К. 247
Минин С. К. 167
Минц И. И. 40, 137, 308
Мирбах В. 59, 240
Митинчевский 141
Михеев 133
Мицкевич-Капсукас В. С. 60
Морозов 134

Моррис А. 253
Мосяков 201
Мотоно Т. 223
Мстиславский С. Д. 44, 57, 88
Муравьев М. А. 240
Муранов М. К. 91
Мушка И. 238, 239, 310
Мутт 288
Мюллер А. 269
Мюнних Ф. 269

Нансен Ф. 266, 267, 300
Наполеон I 110, 111, 305
Нарчук В. Н. 36
Наумов 155
Неелов М. М. 6, 309
Нербатов 140, 141
Никифоров 202
Новов М. С. 192
Новосельский А. А. 4
Ногин В. П. 94, 95
Нодо Л. 262
Нуланс Ж. 244, 261

Обухов Н. А. 44
О'Грэди Д. 9, 292, 294, 295, 297
Одинцов С. И. 44, 304
Озембловский И. 149
Ознобишин Д. В. 1, 264, 309
Олар А. 279
Олич Ф. В. 44
Ольминский М. 86
Орджоникидзе Г. К. 36, 37, 228
Орлов К. 86
Орландо В. 257, 266
Осинский Н. 69, 71
Оченашек Л. 269

Павлов 48
Павлов С. Д. 38
Павлович М. 49
Парфенов 149
Паскаль П. 269
Переверзев 127
Перекрестов С. Н. 39
Петров П. М. 216
Петровский Г. И. 157, 158, 163
Пийп А. 287, 288
Пилсудский Ю. 261
Пишон Ж. 224
Пишон С. 53, 254
Пластина Р. 195
Плужников А. 69
Погодин 141
Подвойский Н. И. 77, 86
Подцероб Б. Ф. 4
Пожаров Н. А. 125
Покровский М. Н. 29, 49, 86, 174, 309
Поллит Г. 51, 52
Половинкин 147, 148
Половинкин 153
Полтавский М. А. 274, 309
Полторацкий П. Г. 242
Попов А. П. 131
Поска Я. 289
Поспишил Й. 269
Потемкин В. П. 309
Потресов А. Н. 137, 138
Правдин А. Г. 86
Преображенский Е. А. 69, 71, 214
Пронин 153
Прошьян П. П. 60, 88, 112, 217
Пуль Д. 242, 244, 271
Пунтервальд М. 262
Пустин 134
Пухерт И. 9, 295
Пятаков Г. Л. 69, 112
Пятс К. 252

Работнов А. П. 129
Равич С. Н. 65, 69
Радек К. Б. 36, 37, 60, 68, 88, 104, 106, 112, 116, 155, 185, 217, 243, 304
Раковский Х. Г. 228
Рансом А. 252, 262
Рахметов В. 309
Редклиф П. 272
Рейхберг Г. Е. 224, 309
Ривкин Н. И. 210
Рицлер К. 236
Робинс Р. 49, 65, 92, 171, 208, 229, 230, 236, 304
Рогов 86
Розанова О. И. 129
Розенберг 74
Розмирович Е. Ф. 34
Рой Д. Ф. 175
Романов Г. К. 140
Рошаль М. Г. 154
Руббель 295
Русанов Н. С. 88
Рязанов Д. 101, 102, 104, 107, 154, 186

Савельев М. А. 69
Саголович М. Д. 34
Садуль Ж. 32, 49, 65, 269
Сазонов С. Д. 257
Самойло А. А. 49, 80, 309
Самохин М. И. 140
Самсонов 218
Самуэли Т. 269
Санакоев Ш. П. 4, 307
Сапронов Т. В. 65
Сахаров 38
Свердлов Я. М. 70, 81, 83, 92, 98, 105—108, 113, 157, 159, 174, 175, 177, 208, 209, 234
Севрюк А. 72
Селезнев Г. К. 5, 309
Селиванов 78
Семенов Г. М. 241
Семковский С. 168, 183
Сеньке 187
Серафимович А. С. 219
Сердич Д. 269
Сесиль Э. 42
Сиволобов М. А. 4
Синклер Э. 278
Скобелев М. И. 19, 28
Скоропадский П. П. 228
Скотак А. 269
Скрыпник Н. А. 213
Сломихин Н. А. 5, 172, 306
Слободкин 197
Слуцкий А. И. 89, 90
Смилга И. Т. 81
Смирнов В. М. 69
Смрчка В. 269
Соболева П. И. 5, 309
Советов А. 4, 309
Сокольников Г. 44, 70, 81, 86, 91, 92, 157, 163, 231, 243
Солодовников 147
Сонкин М. Е. 236, 309
Сотрихин Г. 48
Спиридонова М. А. 111, 184
Спундэ А. П. 71
Сталин И. В. 30, 81, 82, 86, 91, 98, 228, 231
Станг Э. 262
Станкевич В. Б. 34, 183
Стасова Е. Д. 70, 151, 173, 174
Сташков Р. И. 44
Стеклов Ю. 107, 108, 158
Степанов А. 307
Строев В. 138, 183, 216
Стуков И. Н. 65, 71
Ступоченко Л. 8, 78, 104—108, 309
Стучка П. И. 60
Суриц Я. З. 261
Суханов Н. 102, 103, 183, 189

Тагор Р. 278
Тайгро Ю. 286, 309
Тамбовцев 122
Тарасов В. В. 270, 310
Тельзнер 153
Темкин Я. Г. 310
Тер-Арутюнянц М. К. 38
Терещенко М. И. 12, 136
Тиличенко 147
Тимме Я. А. 131, 191, 192
Тимофеев Е. М. 88
Тихменев Н. С. 33
Токарев 133
Томашевский Д. Г. 310
Третьяков П. Н. 4
Троцкий Л. 32, 33, 60, 61, 65—69, 71—82, 92, 98, 111, 139, 157, 170, 171, 178, 208, 224, 237, 285, 286, 302—305, 311
Трояновский А. А. 182
Трутовский В. Е. 60
Труш М. И. 4, 34, 47, 49, 56, 59, 61, 65, 77, 79, 162, 237, 240, 251, 262, 283, 286, 296, 310
Трухановский В. Г. 4, 5, 310
Тыниссон Я. 288

Ульманис К. 252
Урицкий М. С. 68, 81, 86, 92, 93, 244
Усиевич Г. А. 174
Устименко 141
Уэллс Г. 278

Фельдман С. 93, 206, 310
Фенигштейн Я. Г. 65, 69, 71
Фишман Я. М. 115
Фокке Д. Г. 8, 45, 310
Фомичев А. 6
Фомичев 196, 310
Форд Г. 266
Фортунатов Б. К. 184
Фош Ф. 247, 290
Фрайман А. Л. 77, 101, 102, 310
Франс А. 278
Френкин М. С. 107, 310

Френсис Д. 42, 80, 171, 221, 222, 229, 235, 244, 270
Фрумкин А. 149
Фунтиков Ф. 242
Фураев В. К. 6, 310

Харламов М. А. 4
Харчевников А. 153
Хауз Э. 42, 43, 64, 264, 266, 271, 306
Хвостов В. М. 4, 310
Хеллат А. 282
Хильгер Г. 227, 310
Хичкок Г. 255, 289
Хромцев 218

Цвиллинг С. М. 200
Цеткин К. 39, 216
Цин 197
Циснерос Г. 131
Цюрупа А. Д. 86

Чайковский Н. В. 28, 42, 241
Чаплин Г. Е. 241
Частек С. 269
Ченченко 147
Череванин Н. 136, 137, 168
Черемисов В. А. 34
Черепанов Д. А. 94, 116, 174, 175
Чернин О. 41, 49, 72, 74, 310
Чернов В. М. 28, 33, 69
Чернов М. А. 183
Чернов 154
Черчилль У. 252
Чичерин Г. В. 3, 8, 9, 10, 61, 67, 77, 80, 86, 107, 157, 158, 163, 226, 231, 236, 237, 257, 258, 262, 267, 280, 283, 284, 286, 291, 295—300, 304, 305, 307, 310, 315
Чубарьян А. О. 6, 42, 53, 73, 92, 170, 180, 209, 306, 310
Чугаев Д. А. 2
Чудновский Г. И. 32

Шальнов 187
Шапик Б. С. 264, 307
Шаумян С. Г. 233, 242, 304
Шевердин С. 69
Шейдеман Ф. 209
Шелавин К. И. 177
Шипицын 180
Шкловский Г. Л. 280
Шлейфер И. И. 129
Шляпников А. Г. 86
Шоу Б. 278
Шрейдер А. А. 60, 86
Штейн Б. Е. 5, 310
Штейнберг И. З. 60, 78, 86, 106, 169, 184, 207, 209, 211, 217
Шур 200, 201

Щорс Н. А. 249

Элиава Ш. З. 203
Эрлих Г. М. 168

Югов А. 102, 167, 182
Юденич Н. Н. 247, 253, 267, 280, 281, 282, 285—288, 292
Юрьев А. М. 180, 224, 237, 304

Яковлев В. Н. 118
Яковлев Л. И. 310
Яковлева В. Н. 65, 69
Яремчук Я. С. *см.* Масков
Ярославский Е. 175

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

Австро-Венгрия 41, 43, 44, 50, 55, 70, 72, 74, 81, 197, 279
Азербайджан 233
Александровский пос. 175
Алексеевская вол. 187
Америка 276
Амритсар, г. 278
Англия 8, 27, 32, 42, 50, 52—54, 92, 129, 170, 171, 182, 221, 223, 237, 250, 251, 253, 257, 262, 268, 271, 276, 284, 285, 287, 288, 291—295, 298, 304
Аргентина 279
Ардаган, г. 162, 168
Арзамасская вол. 152
Аркадак, с. 140
Архангельск, г. 92, 131, 132, 191, 221, 223, 241, 245, 255, 271, 280, 310
Архангельская губ. 151
Астраханская губ. 152
Астрахань, г. 242
Аустерлиц, г. 111
Афганистан 162, 278
Ашхабад, г. 242

Баварская Советская Республика 75, 274, 309
Базарно-Дубровская вол. 140
Баку, г. 233, 242
Балашовский у. 133, 140
Балканы 289
Балтийское море 46
Батум, г. 162, 168, 252
Белебелковская вол. 165
Белоруссия 143, 201, 250, 280
Бельгия 292, 298
Бенгалия, провинция 278
Берлин, г. 8, 41, 42, 45, 70, 72—74, 82, 86—88, 110, 215, 236, 243, 275, 306, 310, 314
Бирюч, г. 140
Бобруйск, г. 38, 142
Богословский завод 121, 132
Болгария 44, 279
Больше-Андосовская вол. 152
Брест-Литовск, г. 1, 6—9, 35, 37, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 57, 59—61, 65, 66, 69, 71, 72, 75, 77—79, 83, 97, 98, 102, 109, 125, 148, 151, 157, 158, 161, 162, 169, 170, 181, 186, 197, 198, 276, 301, 302, 306, 308
Британские острова 276
Брянск, г. 132, 228
Будыгина Поляна, дер. 140
Бузулук, г. 187
Быхов, г. 38

Варшава, г. 261
Вашингтон, г. 12, 43, 54, 170, 221, 241, 242, 252, 253, 258, 311
Великие Луки, г. 188, 189
Вена, г. 70, 72, 82, 249, 306

* Принятые сокращения: вол.— волость; г.— город; губ.— губерния; дер.— деревня; обл.— область; пос.— поселок; р.— река; с.— село; у.— уезд.

Венгерская Советская Республика 274, 276, 279
Виленская губ. 151
Витебск, г. 100
Витебская губ. 202, 206
Владивосток, г. 128, 132, 221, 224—226, 230, 238, 239, 241
Владимир, г. 138
Владимирская губ. 132, 151, 195, 206
Вологда, г. 171, 222, 226, 229, 235
Вологодская губ. 121, 139, 151, 203, 206
Воронеж, г. 197, 228, 247, 292
Воронежская губ. 122, 140, 151, 198, 206
Воскресенская вол. 165
Восток 277, 278, 280, 285
Восточная Карелия 280
Вятка, г. 118, 132
Вятская губ. 117, 133, 139, 151, 152

Галле, г. 41
Гамбург, г. 41, 80
Гельсингфорс, г. 247
Германия 21, 36, 40—45, 47, 49—54, 55, 57, 59—62, 64—66, 70, 73—75, 79—81, 84—86, 91, 93—96, 98, 111, 117, 127, 126, 129, 131, 134, 137, 139, 148, 152, 155, 156, 161, 163, 169—172, 182, 185, 197—200, 203, 208, 215, 216, 221—223, 226, 227, 229—232, 234, 236—238, 243, 245—247, 251, 254, 255, 271, 274, 276, 279, 285, 289, 298, 305, 308
Глазов, г. 117
Голландия 30, 31, 279
Гомель, г. 38
Греция 279
Губинская вол. 165

Дальний Восток 52, 119, 219, 222—225, 230, 241, 309
Дания 9, 31, 259, 261, 279, 284, 289, 291, 411
Данковский у. 175
Двинск, г. 34, 87, 93, 168
Дмитровский у. 124
Должинская вол. 165
Донецкий бассейн 143, 144, 151, 173, 199, 200, 218, 219, 312
Донская обл. 151, 227, 247
Дрезден, г. 41, 204
Дубки, дер. 175
Дубовицкая вол. 165

Европа 46, 47, 69, 84, 111, 152, 153, 192, 198, 200, 259, 261, 265, 271, 274, 280, 291, 292, 297—299
Егорьевск, г. 128
Екатеринбург, г. 132, 171, 214
Екатеринослав, г. 213, 249
Екатеринославская губ. 132, 151
Елабуга, г. 219
Енакиевский район 200
Енисейская губ. 151, 201

Жгловская вол. 165
Жмеринка, г. 206

Забайкальская обл. 119, 151, 226
Закаспий 268, 272, 273
Залучская вол. 165
Змиевский у. 189

Иваново-Вознесенск, г. 121, 154, 183
Индия 278
Ино, форт 229, 230
Ирбитский завод 141
Иркутск, г. 225, 226
Иркутская губ. 151, 201
Испания 31
Италия 223, 251, 253, 257, 262, 268, 274, 275, 292, 293, 298

Кавказ 52, 227, 228, 240, 245, 247, 248, 252, 268, 272, 273, 280
Кадиевский завод 143
Кадниковский у. 121, 139
Кадыш, дер. 271
Казанская губ. 132, 151
Казань, г. 18, 132, 145, 244
Калужская губ. 122, 132, 145, 146, 151, 188
Каменский у. 189
Карачевский у. 122
Карс, г. 162, 168
Каспийское море 252
Кемь, станция 241

Киев, г. 38, 155, 229, 231, 236, 238, 247, 248, 249, 306, 307
Киль, г. 6, 306
Китай 277, 278
Козельск, г. 122
Козловка, с. 140
Колпенская вол. 141
Копенгаген, г. 251, 253, 261, 291—296
Корея 277, 278
Коростынская вол. 165
Кострома, г. 132
Костромская губ. 117, 148, 151, 206
Котлас, г. 245, 270, 271
Кошице, г. 274
Краснослободский у. 140
Красноярск, г. 118, 154, 313
Кременчуг, г. 249
Криворожский бассейн 144, 151, 312
Кронштадт, г. 132
Крым 227, 228, 230, 273, 292
Курляндская губ. 60, 97
Курск, г. 99, 146, 217, 228, 229, 247, 304
Курская губ. 132, 145, 146, 151
Курташки, дер. 140

Латвия 23, 60, 247, 250, 252, 283, 284, 287, 288, 296, 297
Лейпциг, г. 41
Ленинград, г. 7, 10, 41, 72, 76, 101, 137, 263, 273, 300, 306—311
Ленинградская обл. 311
Либава, г. 253
Лион, г. 276
Лисичанск, г. 201, 311
Литва 23, 60, 247, 250, 252, 283, 284, 287, 288
Лифляндская губ. 97
Лозовая, г. 144, 249
Лондон, г. 12, 43, 73, 80, 170, 223, 251, 252, 254, 257, 263, 272, 285, 287, 291, 294, 297, 310, 311, 314
Луганск, г. 144, 311
Лужский у. 190
Луцк, г. 93
Любинская вол. 132

Магдебург, г. 41
Мадрид, г. 31
Македония 289
Малоархангельский у. 123, 141
Мангейм, г. 41
Масальский у. 132
Матвеевка, дер. 140
Мексика 279
Мерв, г. 242
Мещовский у. 122
Милан, г. 275
Минск, г. 15, 16, 38, 93, 142, 311
Михайлов, г. 132
Могилев, г. 28, 37, 38, 39
Молотовка, пос. 187
Моонзундские острова 60, 74
Москва, г. 1, 4—9, 11, 23, 27—29, 32, 34, 36, 37, 40—43, 50, 52—54, 56, 64, 65, 68, 72, 73, 75, 76, 78, 80, 87, 90, 93, 94, 98, 99, 102, 103, 107, 113, 116, 137, 138, 143—155, 164, 170, 171—175, 177, 181—184, 191, 196, 197, 203—206, 209, 210, 215, 217, 221, 223, 224, 227, 230, 232, 234, 236, 237, 239, 240, 242, 244, 246—248, 254, 257, 263, 264, 269—271, 273, 274, 277, 283, 286, 295—297, 303—312, 314
Московская губ. 19, 146, 151, 304
Московская обл. 95, 116, 143, 144, 206, 210, 310, 312
Мотовилихинский завод 121
Мраморное море 257
Мурманск, г. 92, 170, 221, 223, 224, 255
Мурманская обл. 151, 174, 234, 242

Налючская вол. 165
Неаполь, г. 275
Нежин, г. 249
Нерехта, г. 117
Нидерланды *см.* Голландия
Нижегородская губ. 152, 187, 206
Нижний Новгород, г. 152, 187, 244
Николаев, г. 228
Никольск-Уссурийский у. 123
Новгородская губ. 151, 165, 203
Ново-Николаевск, г. 189, 201, 240

Новороссийск, г. 228, 247, 252
Новоселье, станция 158
Норвегия 31, 255
Нью-Йорк, г. 227, 272, 277, 310

Область Войска Донского *см.* Донская обл.
Оброчное, с. 140
Оброченская вол. 140
Одесса, г. 247, 248, 269, 270, 273, 291
Олонецкая губ. 151
Омск, г. 6, 244, 280, 309
Онега, г. 241
Орел, г. 200
Оренбургская губ. 151, 200
Оренбургский округ 123
Орловская губ. 121, 122, 124, 132—134, 141, 151, 206
Орша, г. 38
Острогожск, г. 132

Павлоград, г. 132, 249
Париж, г. 12, 19, 42, 43, 52, 73, 170, 237, 238, 241, 246, 252, 254, 257, 258, 263, 271, 276, 283, 285, 289, 311
Пекин, г. 224
Пенза, г. 132, 198, 239, 240
Пензенская губ. 140, 151
Первесия, с. 140
Пермская губ. 18, 24, 132, 141, 151, 199
Пермь, г. 16, 24, 132, 141, 179, 219, 254
Персия 23, 43, 61, 162, 278
Петроград, г. 17, 18, 20, 24, 26—28, 30, 32, 34, 37, 38, 41, 46, 47, 49, 51, 54, 56, 58, 59, 61, 69, 76, 78, 90, 97—99, 101—103, 110, 115, 116, 135, 138, 147, 149, 153—155, 161—164, 167, 170, 171, 173, 174, 176—181, 186, 187, 197, 217—222, 227, 229, 232, 247, 251, 253, 261, 267, 280, 281, 286, 287, 292, 295, 309—311, 313
Петроградская губ. 151, 180, 190
Петрозаводск, г. 149
Петряевская вол. 139
Поволжье 145, 184, 198, 199, 213, 239
Подгошская вол. 165
Полоцк, г. 38
Полтава, г. 249
Полтавская губ. 151
Польша 23, 60, 258, 264, 262
Порхов, г. 238
Прага, г. 238, 239, 310, 311, 314
Прибалтика 247, 252, 253, 284—286
Приморская обл. 123, 151
Принцевы острова 257, 259, 260, 262, 263
Прованс, провинция 275
Пруссия 110, 111
Псков, г. 6, 34, 142, 158, 162, 186, 215, 217, 282, 283, 310
Псковская губ. 24, 101, 308

Радутино, с. 134
Ратицкая вол. 165
Ревель, г. 247, 281, 283, 292, 296, 311, 314
Режица, г. 87, 93
Рига, г. 60, 74
Рижский залив 60, 74
Рим, г. 275
Рожок, дер. 134
Рапалло, дер. 6, 308
Россия 6, 9—13, 18, 19, 21—23, 25, 27, 28, 31, 32, 37—46, 49, 51, 52, 54, 55, 57, 58—65, 72—75, 79, 80, 83, 85, 87, 89, 91, 92, 98, 101, 103—105, 110, 111, 113, 119, 122—128, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 143, 145, 148—150, 153, 155, 158—163, 166, 170, 171, 175, 176, 178, 181—183, 185, 188, 189, 193, 194, 196, 199—202, 207—209, 212, 216, 217, 219, 221—223, 225—230, 232, 234—255, 257—266, 268—272, 274—283, 285—292, 295—301, 306—311
Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) *см.* Россия
Ростов-на-Дону, г. 228, 230
Рошфор, г. 276
Румыния 43, 246
Русские Броды, с. 123
Рязанская губ. 122, 128, 132, 151, 175, 206
Рязань, г. 132

Самара, г. 153, 172, 214, 244, 314
Самарская губ. 18, 151, 152, 187, 198
Сарапульский у. 151
Саратов, г. 132, 138, 155
Саратовская губ. 122, 134, 140, 151
Севастополь, г. 229, 247, 252, 273
Северная Двина, р. 245
Северная обл. 307
Сен-Мало, остров 290
Сергачевский у. 152
Сердобский у. 122
Серебрянка, станция 157, 158, 305
Сибирь 17, 20, 100, 201, 223—227, 239—241, 263, 268, 272, 277, 285, 292, 304, 307
Симбирск, г. 244
Сиэтл, г. 277
Скандинавия 280, 298
Словакия 274
Смоленск, г. 143
Соединенные Штаты Америки (США) 5, 6, 8, 32, 41—43, 52, 54, 207—210, 223, 229, 230, 236, 237, 241, 243, 248, 251, 253—255, 257, 260, 262, 263, 292, 293, 298, 304, 306, 309, 311
Соловецкие острова 241
Союз Советских Социалистических Республик (СССР) 4, 10, 17, 20, 25, 29, 31, 33—35, 37, 38, 44, 46, 48, 49, 53, 56, 57, 60, 98, 117, 120—122, 124, 128, 131, 132, 134, 140, 141, 144, 146, 147, 148, 152, 164, 170, 171, 201, 209, 212, 223—227, 230, 238, 247, 251, 259, 260, 262, 264—266, 268, 273, 277, 280, 282, 284, 285, 288—290, 292—294, 296—298, 306—309, 311, 315
Спасск, г. 132
Ставропольская губ. 151
Старая Русса, г. 203
Старинское, с. 152
Старобельск, г. 132
Стокгольм, г. 9, 12, 59, 251, 254, 257, 261, 314
Суджа, г. 132
Сумы, г. 155
Таврическая губ. 151
Таллин *см.* Ревель
Тамбовская губ. 151
Тарту *см.* Юрьев
Таруса, г. 132
Ташкент, г. 273, 313
Тверская губ. 24, 151
Тверь, г. 132
Тифлис, г. 252
Тихий океан 225
Тобольская губ. 151
Токио, г. 12
Томск, г. 146, 152
Торошино, станция 162, 215
Трубчевский у. 134
Тулон, г. 275
Тулуза, г. 276
Тульская губ. 151
Турин, г. 275
Туркестан 242
Турция 23, 44, 61, 236

Узбекистан 273, 306, 313
Украина 23, 52, 61, 72—74, 107, 139, 143, 178, 213, 215, 227—231, 236—238, 240, 246—250, 252, 258, 268, 269, 273, 274, 280
Урал 90, 99, 141, 150, 155, 171, 175, 177, 199, 214, 218, 239, 240
Усть-Катавский завод 179
Утешевская вол. 122
Уфа, г. 244
Уфимская губ. 151
Уцяны, д. 97

Финляндия 23, 97, 178, 230, 236, 252, 253, 258, 279—283, 285, 287
Франция 8, 32, 50, 52—54, 92, 110, 141, 170, 171, 182, 221, 223, 237, 247, 249—251, 253, 257, 261, 262, 268, 270, 271, 275, 276, 279, 284, 285, 289, 290—294, 298, 304

Харьков, г. 16, 61, 143, 189, 213, 247, 273
Харьковская губ. 151, 189
Херсон, г. 228, 273
Херсонская губ. 17, 151

Царицын, г. 132, 199, 240, 245
Царское Село, г. 86, 109, 305
Царскосельский у. 218

Чебоксары, г. 132
Челябинск, г. 240
Чернигов, г. 249
Черниговка, с. 123
Черное море 46, 227, 246, 252, 273, 275

Шадринск, г. 199, 200
Швейцария 31, 251
Швеция 31, 252, 254, 259—261
Шотовская вол. 165
Шуя, г. 132

Эрфурт 111
Эстляндская губ. 97
Эстония 7, 23, 250, 252, 280—289, 294—299, 310

Юрьев, г. 1, 7, 281, 287—289, 295—297, 301

Ямбург, г. 282
Япония 52, 223, 225, 226, 230, 251, 257, 262, 268, 277, 292, 293
Ярославская губ. 151, 206
Ярославль, г. 129

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая. **Борьба за всеобщий демократический мир** 11

Мир — воля Советов 11
Солдаты осуществляют перемирие 25
Установление общего перемирия 39
Начало переговоров о мире 48

Глава вторая. **Мир с Германией** 62

Ленинская программа 62
Срыв переговоров 71
Выход из войны 77

Глава третья. **Ратификация Брестского договора** . . . 110

Всенародный опрос 110
Подписание договора 156
Переломный момент 169
Советы — за мир 179

Глава четвертая. **Борьба за новую передышку** . . . 221

Антисоветская политика империалистов 221
Мирная политика Советского правительства . . . 249
Международная солидарность трудящихся . . . 268
Победа ленинской политики 279

Заключение 299

Список использованных источников 302
Именной указатель 315
Географический указатель 322

Ознобишин Дмитрий Владимирович

От Бреста до Юрьева

Утверждено к печати Издательством «Наука»

Редактор *Д. А. Коваленко*. Редактор издательства *И. И. Зелкин*
Художник *К. Н. Никахристо*
Технические редакторы *Г. В. Астафьева, Г. Н. Шевченко*

Сдано в набор 5/V 1966 г. Подписано к печати 5/VIII 1966 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10,25+5 вкл. Усл. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 18,1.
Тираж 5800. Изд. № 1267/66. Тип. зак. 767. Т-11913.

Цена 1 руб. 32 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

XIII
1А-8093
36626